ELITE SERIES

Д. БРАННЕР

ДЖОН

БРАННЕР

•ПЛАНЕТА В ПОДАРОК•

ДЖОН БРАННЕР

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ЭГОС
1993

ПЛАНЕТА В ПОДАРОК

ББК 84.7.США
Б 87

Составитель А. Лютиков

Браннер Дж.
Б 87 Планета в подарок: Романы./Сост. А. Лютиков.— СПб: АО «ЭГОС», 1993.— 640с.

Очередной выпуск серии «ЭЛИТА» представляет русскому читателю произведения известнейшего в мире фантастики Дж. Браннера, считающегося живым классиком жанра.

© Название серии, эмблема. АО «ЭГОС», 1992
© Состав. А. Лютиков, 1993
© Оформление. Н. Зубков, 1993
© Макет. Агентство «СФИНКС СПб», 1993
© АО «ЭГОС», 1993

ISBN 5-85476-011-8

Чужаки пришли — и Великий План требует подарить один из миров.

1

Ловким движением пальцев Коунс отправил окурок сигареты в воздух, и тот, пролетев по крутой дуге через борт лодки и зашипев напоследок, исчез в зеленой воде Тихого океана. Коунс сидел, прижавшись спиной к нагретой солнцем обшивке лодки и удобно пристроив ноги на борту.

Чайка элегантно спикировала с голубого неба и выловила из воды уже размокший окурок, но сердито закричав, тут же бросила свою добычу и улетела прочь.

Коунс провожал ее взглядом, пока она не исчезла из поля зрения, потом закрыл глаза и замер, не шевелясь, полностью, казалось, отрешенный от внешнего мира и внимательно вслушивающийся в себя. Просидев так пару минут, он неожиданным движением вытянул обе руки, включил мотор и взялся за руль. Лодка, описав гигантский полукруг, снова остановилась, слегка покачиваясь на волнах. Над двигателем вилась тонкая струйка дыма и медленно таяла в воздухе. Коунс осмотрел горизонт сквозь темные стекла очков.

Он не думал, что это направление как-то проявит себя, однако, и на то были вполне веские причины,

находился здесь — в нужном месте в нужное время — и напряженно вглядывался в туманный горизонт.

Далеко позади находились огромные сооружения, которые год от года тянулись все дальше на юг и процеживали через сложные фильтры все больше морской воды, чтобы извлечь растворенные в ней органические и неорганические соединения. Справа, чуть различимые на самом горизонте, виднелись плавучие фермы по разведению водорослей, слева, в белесой дымке, поднимались здания особого жилого района Зееланда, а впереди, насколько хватало глаз, сливаясь с голубым небом, простиралась ослепительная поверхность океана.

Внезапно в небе со стороны океана появилась светящаяся точка — такая яркая, что казалось, будто необычно высоко над горизонтом поднялась раньше времени взошедшая Венера. Пылающее солнце мешало наблюдению, однако Коунса выручили заранее надетые темные очки. Светящаяся точка, быстро увеличиваясь в размерах, приближалась с невероятной скоростью, которую Коунс оценил в 1200 километров в час.

Приближающийся объект постепенно приобретал форму. Сначала обрисовался корпус, потом раскаленные докрасна крылья и, наконец, тонкие рули для плавания по воде и под водой. Рули коснулись вспененной воды и быстро погасили скорость. Корабль был все еще примерно в двадцати километрах от Коунса, но его огромные размеры нельзя было недооценить. «Что же тут удивительного? — подумал Коунс.— Ведь корабль, экипаж которого состоит из двенадцати человек и который переносит людей и грузы на расстояние в несколько парсеков, не может быть слишком маленьким».

Летящие во все стороны водяные брызги шипели, превращаясь в пар, металл раскаленных от трения

крыльев издавал пронзительные звуки, соприкасаясь с прохладной океанской водой. Корабль некоторое время двигался по поверхности воды, потом, почти полностью погасив скорость, довольно близко подошел к Коунсу, покачиваясь на волнах. Коунс знал, что детекторы корабля ощупывают поверхность моря и ориентиром для ощупывающего луча служит одна из вершин подводной горной цепи.

Примерно в километре от Коунса корабль наконец остановился окончательно — и исчез.

Коунс, тяжело дыша, встал, снял темные очки и сунул их в карман плавок. Дно маленькой лодки уже начало нагреваться. Значит, экипаж ставшего невидимым корабля не хотел рисковать. Был ли Бассет каким-то образом предупрежден? Вряд ли, хотя не стоит исключать и такую возможность без дальнейшей тщательной проверки.

Он перекатился через борт и погрузился в воду — и вовремя, потому что в следующее мгновение ультразвуковой луч вошел в резонанс с лодкой, та мгновенно распалась на дымящиеся куски и затонула. Коунс, услышав металлический шорох, понял, что автоматически отключился реактор. Все лодочные моторы имели такую защиту, чтобы в случае аварии защитить морскую воду от сильного радиоактивного заражения.

Коунс почувствовал тепло, выделившееся при уничтожении лодки, но пока оставался на месте, глядя в том направлении, откуда, как он думал, ему грозила опасность. Оставаясь на месте, он преследовал еще одну цель: поскольку после уничтожения лодки вода в окресностях аварии все же была слегка заражена, ее излучение на некоторое время помешает детекторам корабля. Таким образом, у него достаточно времени для

того, чтобы, наполнив легкие кислородом, кое-что разведать.

Сделав глубокий вдох, Коунс поплыл туда, где внезапно исчез огромный корабль, хотя видеть его не позволяла лучевая защита. Неожиданно почувствовав, как в кончики пальцев ударили импульсы энергии, он отдернул руку и понял, что достиг барьера, делающего корабль невидимым, быстрее, чем думал. Сильный зуд в пальцах говорил о том, что источник энергии на корабле работает на полную мощность. Энергетический экран можно преодолеть только снизу. Это нелегко, но он же достаточно подготовился и хорошо знал, что надо делать. Конечно, корабль защищен и снизу, но при некотором умении можно легко преодолеть эту слабую защиту.

Коунс нырнул, оказавшись в гуще стайки рыб, метнувшихся от него во все стороны. Давление в ушах стало почти непереносимым, но надо погрузиться еще глубже.

Ровно через шесть минут он вынырнул внутри защитного барьера. Итак, ему удалось!

Корабль плавал на поверхности воды.

Около открытого люка стояли два человека и смотрели на него. Значит, Бассет мало полагался на технические средства защиты, будучи по-видимому, уже наслышан о Коунсе и его подготовке.

Плавая в воде, Коунс отметил каждую деталь и приготовился к почти неминуемой смерти.

Один из двух мужчин, вскарабкавшись на крыло корабля, задумчиво смотрел на Коунса сверху вниз, а другой направил на него дуло автоматического пистолета. Человек с пистолетом был, похоже, не новичком, потому что целился не прямо в Коунса, а тщательно учел угол преломления воды.

Через некоторое время мужчина, которого Коунс принял за Бассета, сделал знак остальным, Коунс вздохнул с облегчением, потому что ствол направленного на него оружия опустился. И действительно, ведь он не представлял для них никакой опасности, да и какую опасность мог представлять почти голый невооруженный человек, плавающий в воде?

— Стой! Выходи из воды! — грубо крикнул человек с автоматическим пистолетом и включил механизм до сих пор неподвижного трапа.

Коунс старался казаться более усталым, чем был на самом деле. Он слабо ухватился за ступеньку, которая погрузилась в воду прямо перед его лицом, медленно подтянулся вверх и остановился перед люком, встряхивая мокрой головой и незаметно осматриваясь.

Круглый изгиб позади палубнои надстройки подсказал ему, что на корабле установлен двигатель Мечникова. Такие двигатели запрещалось использовать на частных кораблях, и вообще они имели ограниченное применение, однако Бассет с его обширными связями, не привык отказывать себе в том, что ему хотелось иметь.

— Дай этому парню полотенце, Лекок! — крикнул мужчина с автоматическим пистолетом куда-то внутрь корабля. Мгновением позже через воздушный шлюз вылетело полотенце. Коунс ловко подхватил его, слишком ловко для казавшегося совершенно усталым человека, но мужчины, казалось, не обратили внимания на это несоответствие.

Коунс медленно вытирался, пока другим не надоело ждать, и тогда человек с оружием втащил его внутрь корабля. Ноги Коунса, все еще мокрые, оставляли хорошо заметные следы. Когда он проходил мимо человека, работающего с детекторами, тот бросил на него удивленный взгляд.

Узкий ход вел в огромное помещение в центре корабля. По-видимому, две каюты были объединены в одну, чтобы весь экипаж мог спать в общей спальне.

Знал ли экипаж, от чего зависела прочность всей этой конструкции? — спросил себя Коунс, но тотчас сообразил, что все в порядке, так как отсутствующая стена была заменена приваренными опорами.

Он опустился в указанное ему мягкое кресло и несколько мгновений с интересом рассматривал прозрачный стол, в крышку которого были вделаны трехмерные шахматы, умудрившись даже, несмотря на напряженную ситуацию, отметить положение нескольких фигур.

Потом, оторвавшись от шахмат, он посмотрел на Бассета — светловолосого худощавого мужчину, опустившегося в кресло напротив. Глубоко запавшие серые глаза и длинные руки выдавали неукротимую энергию и сильную волю. Возраст старика Бассета было трудно определить, потому что он мог позволить себе роскошь пройти курс лечения у геронтологов. Ему могло быть и сорок лет, и сто — внешность не позволяла судить об этом.

Коунс выжидательно откинулся на спинку кресла и молчал. Минуты шли. Бассет со странной проницательностью смотрел на него сверху вниз и, наконец, потерял терпение.

— Чего вы хотите? — резко спросил он.

Коунс нашел этот вопрос удивительным: любой другой наверняка сначала спросил бы его имя, но Бассет без обиняков предпочел сразу же перейти к сути дела.

Коунс ничем не выдал своих мыслей и ответил лишенным всякого выражения голосом:

— Вы знаете.

Бассет, сбитый с толку, уставился на него, потом покачал головой.

— Может быть, вы мне скажете еще что-нибудь?

Коунс кивнул.

— Я скажу, чего хотите вы.

— Да? — Бассета это явно развлекало, и он улыбнулся.— И чего же я хочу?

— Вы хотите завладеть Вселенной!

2

Вселенная! Понятие, которое большинство людей едва ли способно охватить. Вот собственный дом и сад — да, это реальность, которую каждый может оценить. И то, что Земля — только одна из планет Солнечной системы, тоже доходит до многих. Может быть, доходит даже, что сама Солнечная система — всего лишь крошечный кусочек Млечного пути. Но представить, что это чудовищное скопление солнц, планет и газовых туманностей — всего лишь часть огромной Вселенной,— такое не каждому по силам. Действительный смысл слова «Вселенная» понимают только очень немногие.

Коунс сознательно преувеличивал, потому что Бассет пытался наложить лапу только на тридцать одну населенную планету из тех, что уже были заселены людьми.

Миллионы бежали со ставшей тесной Земли и нашли себе другую родину. По мере создания новейших двигателей для космических кораблей новые планеты стали своеобразным предохранительным клапаном, и все недовольные, идеалисты и голодающие могли бежать в космос с перенаселенной Земли. Но количест-

во населения снова и снова возрастало, и далеких планет опять становилось недостаточно. Такова была ситуация, сложившаяся в двадцать шестом столетии.

Колонии в большей или меньшей степени обособлялись от Земли и в техническом и политическом отношении развивались каждая по-своему. Жители заселенных планет больше не чувствовали себя связанными с Землей. И в этом крылась одна из тайных причин пиратской высадки Бассета, так неожиданно для него встреченного Коунсом.

Бассет был сбит с толку. Ему требовалось время подготовить ответ на это важное заявление. Он нагнулся и поставил на стол маленький ящичек — напоминание о путешествии, из которого он только что вернулся.

Даже если бы Коунс не знал, где был Бассет, по этой вещице можно было бы догадаться: ящичек для сигар, несомненно, изготовлен на Бореасе, потому что больше ни одна из высокоразвитых планет не могла позволить себе расточать на подобные безделушки такой ценный металл, как серебро.

В ящичке лежали маленькие темные сигары, одну из которых Бассет предложил Коунсу. Коунс не заставил себя упрашивать.

— Спасибо, мистер Бассет. Мои сигареты, к сожалению, погибли вместе с лодкой, которую вы так ловко потопили.

Бассет, пропустив замечание мимо ушей, тоже взял сигару и, захлопнув ящичек, сказал с явно подчеркнутым превосходством:

— Вы обладаете необычными физическими способностями, молодой человек, если бы вы не отпускали все время неподходящие замечания, я бы признал, пожалуй, что у вас есть и особые духовные качества.

А теперь, пожалуйста, объясните, что вы сами об этом думаете.

— Начну с того, что вы только что вернулись с Бореаса,— ответил Коунс, весело наблюдая, как лоб Бассета перерезали морщины.

— Ну и что же? Мои торговые дела не обходятся без дальних путешествий. Я могу себе позволить иметь здесь такой корабль. Я был не только на Бореасе, но и на многих других планетах.

— Это, конечно, так, мистер Бассет, но не странно ли, что вы возобновили торговые отношения с Бореасом, хотя уже в течение целого года, терпя убытки, вкладывали в это дело свои деньги? Вы же никогда не вели торговлю себе в убыток.

Так как Бассет ничего не ответил, Коунс спокойно продолжил:

— Позвольте мне поставить точки над «и», мистер Бассет. Вы способный и умелый человек, всегда можете вникнуть в положение дел и держите в своих руках все нити. Я имею в виду — здесь, на Земле. Вы довольно молоды и можете наслаждаться властью еще несколько десятилетий. Но вы нетерпеливы и, кроме того, никогда ничем не бываете удовлетворены. С другой стороны, вы человек предусмотрительный. Вы знаете, как быстро ухудшается положение на Земле: прирост населения за последние сорок лет вызвал чудовищный социальный кризис, уровень жизни понизился, и люди ищут новое жизненное пространство. Но его нет — оно есть только для того, кто в свое время об этом позаботился.

В настоящее время тридцать одна из населенных планет имеют немногочисленное население, там достаточно свободных пространств. Конечно, жители этих планет отзываются о нас не особенно хорошо. Точнее, они нас ненавидят, ведь предки ныне живущих на

других планетах людей покинули Землю не только из жажды приключений. Кроме того, существует зависть.

Колонии надеялись на собственное благополучие, в то же время предрекая быстрый закат Земли. Но этого не произошло, и сегодня мы имеем сравнительно высокий жизненный уровень, тогда как поселенцы, высаживаясь на первой показавшейся им подходящей планете, не задумывались о достоинствах будущего дома. Планета Имир — яркий пример их необдуманных действий: колонисты не заметили, что на планете начинается ледниковый период и, радуясь, как дети, что наконец-то покинули Землю, не особенно заботились об остальном, а поплатиться за легкомыслие предков пришлось потомкам, причем они не скупятся на эмоции: имирцы завидуют нам и ненавидят нас.

Коунс сделал короткую паузу и стряхнул пепел с сигары.

— Таково нынешнее положение вещей,— заключил он.— Земля приближается к новому социальному кризису, и взрыв должен произойти очень скоро, а недовольных, желающих обрести новую родину, много. В наши дни космические перелеты не особенно сложны, потому что двигатель Мечникова позволяет доставить на другую планету все население такого города, как, например, Рио или Токио, с помощью одного корабля. Весь вопрос в том — на какую планету. В исследованной части Галактики нет больше ни одной пригодной для жизни ненаселенной планеты. Таким образом, можно рассчитывать лишь на какие-то из этих тридцать одной слабо населенных планет.

Итак, проблему можно разрешить только одним способом: открыть известные планеты для новой волны переселенцев. Именно это вы и пытаетесь сделать, мистер Бассет. Вы предлагаете отсталым планетам

материальную и техническую помощь, чтобы достичь своей цели.

Такие предложения в принципе не новы, их всегда хватало, но, в отличие от остальных, вы хорошо знаете связанные с этим трудности. Счетно-электронные машины давно уже предусмотрели возможные осложнения, не так ли? Произойдет неизбежное столкновение между старыми колонистами и новыми переселенцами, потому что новички будут, как всегда, охвачены духом пионеров и при их активности скоро выступят на первый план. Они, вероятно, победят...

— И что же?

— И будут благодарны и верны вам, мистер Бассет.

Коунс вытянул длинные ноги, исподтишка наблюдая за Бассетом. Как отреагирует на это Бассет?

Бассет думал недолго. Он согласился, что план именно таков. Вероятно, это было одним из секретов его невероятного успеха: он не терял времени даром, не делая даже попыток отрицать очевидное.

— В общих чертах вы правы,— подтвердил он,— хотя совершенно не представляю, откуда вам это известно. Но в одном вы, конечно, ошибаетесь — в том, что я хочу завладеть всей Вселенной. Это же невозможно.

— Позволю себе не согласиться с этим,— заметил Коунс.— Существуют разные формы господства.

Бассет кивнул и со все возрастающим интересом взглянул в глаза своему странному гостю.

— Я так и не узнал, зачем же вы пришли ко мне.

— Говорят, ваша миссия на Бореасе потерпела полную неудачу и оказалась бесполезной тратой времени, а выбрали вы эту планету потому, что ее жители настроены к нам не слишком враждебно. Впрочем, ваш электронный мозг пришел к тому же выводу. Если бы меня здесь не было, вы бы, конечно, предположили,

что исходные данные при программировании оказались неверны, и вы бы снова и снова проверяли полученные результаты. Тем, что вы предпринимаете, мистер Бассет, наступающий кризис не остановить.

Бассет недоверчиво покачал головой.

— Послушайте, молодой человек! Мы еще не обработали результаты наших исследований, и вам меня не обмануть. Ни вы, ни те, кто за вами стоит, не получат никакой информации. И скажу вам почему: я владею самым быстрым из гражданских кораблей, никто другой не сможет заполучить в свое распоряжение двигатель Мечникова.

— Верно,— согласился Коунс, не упоминая о том, что в его распоряжении имелся гораздо лучший и более быстрый способ передвижения, а потому он не нуждался ни в каком, даже в самом быстроходном корабле.

Бассет, не лишенный тщеславия, был начеку, ожидая, что гость отметит его способности комбинатора. И все же, несмотря ни на что, его снедало какое-то беспокойство, слова гостя напомнили ему о некоторых непонятных вещах.

— В последнее время, то и дело слыша странные вещи, я держу глаза открытыми. Признаться, я даже рассчитал ваше появление.

— А я, поверите ли, ждал вас, хотя ни один человек не мог знать о месте вашей посадки,— Коунс произнес это предложение медленно, с особой интонацией, чтобы ударить по самоуверенности Бассета.— Вы очень старались, мистер Бассет, но не смогли узнать, что это было.

— Так ли? Разве вам известно больше, чем мне? — ехидно спросил Бассет.

— Предположим, я и мои друзья изучили эту проблему гораздо полнее и основательнее,— парировал Коунс.— Во всяком случае, могу сказать, что решение

надо искать не на Бореасе, а на Имире. Если вы хотите, чтобы я разрешил эту проблему, можете дать мне знать очень простым способом: купите одну из рекламных передач Фальконетты для кабельного телевидения Индии. Так как вы никогда не используете этот канал для своей собственной рекламы, мы сразу же заметим это. Я знаю, вы не любите этот видеоканал, потому что Рам Сингх не допускает никаких передач, обладающих гипнотическим действием. Если же вы не согласны на мое предложение, забудьте обо мне. Существуют только эти две возможности.

Он встал и поднял руку, чтобы предупредить возражения Бассета.

— Нет никакой другой цели, мистер Бассет. Нет никакой третьей возможности. Сами вы никогда не одолеете эту проблему. Только нам по силам справиться с чудовищными трудностями, мы готовы к ним, и я специалист в этой области.

— Ну так и разрешайте на здоровье, желаю удачи,— насмешливо произнес Бассет.— Но у меня тоже есть кое-какой опыт, мой юный друг. Я понимаю, вы хорошо подготовились, иначе бы не отважились явиться сюда в одиночку. На самом деле все очень просто: то, что знаете вы, я не могу узнать немедленно. Но я терпелив и могу подождать. Существует много средств заставить вас говорить, вы ведь сами в этом разбираетесь.

Эта неприкрытая угроза поставила все точки над «и». Коунс, наклонившись над столом, жестко сказал:

— Нет никакого третьего пути, Бассет! Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Впрочем, ваш человек у детекторов должен быть более внимательным. Сейчас вокруг защитного экрана вашего корабля кружит маленькая субмарина с рыбной фермы «Дейтлайн», но

обычный рыбный пастух не способен обнаружить ваш корабль, это-то вы должны понимать! Даю вам хороший совет: позвольте мне немедленно вернуться на субмарину!

— Проверьте, так ли это! — скомандовал Бассет, который, очевидно, поддерживал связь со всеми членами экипажа.

— Да, так,— донеслось из динамика на потолке.— Но когда мы окружены экраном, никакая субмарина не может обнаружить нас.

Бассет был так потрясен появлением своего странного гостя, что даже внутри защитного экрана не чувствовал себя в полной безопасности.

— Эй, Лекок! — крикнул он.— Мы немедленно стартуем и ищем другое место для посадки.

Потом он насмешливо взглянул на Коунса.

— Вы были слишком легкомысленны.

Коунс вздохнул и сдавил пальцами сигару.

— Немедленно направь сюда двух человек! — приказал Бассет.

Секундой позже в каюту вошли два мускулистых человека и замерли в ожидании дальнейших распоряжений.

Бассет молча указал на Коунса, и оба человека мгновенно бесшумно оказались рядом. Первого Коунс ударил прямо в подбородок. Тот, согнувшись пополам и потеряв сознание, упал на пол. Второй последовал за первым немедленно.

Бассет отскочил в угол и громко позвал:

— Лекок!

— Вывожу корабль на орбиту,— прозвучал в динамике голос Лекока.— Мы не можем стрелять, потому что боимся задеть вас.

Бассет ошеломленно перевел взгляд с двоих вытянувшихся на полу мускулистых мужчин на Коунса, который ответил ему улыбкой.

— Я же сказал вам, что нет никакого третьего пути, Бассет!

Мгновение спустя он исчез.

Бассет широко открытыми глазами уставился на то место, где только что стоял этот непонятный человек...

3

В длинной яме их было человек пятнадцать, и все же Анти Дриана охватило чувство бесконечного одиночества. Пробиваясь сквозь яркий свет дуговых ламп с чужого неба четко и холодно смотрели чужие звезды. Изо рта находящихся в яме людей вырывались белые облачка пара. Было очень холодно.

Яма имела около тридцати метров в длину и примерно восемь в ширину. Группа мужчин и женщин с чувствительными измерительными инструментами в руках ползала по дну ямы, изредка выковыривая казавшиеся подозрительными куски почвы и осторожно растирая их в пальцах. Другие люди, дрожа от холода, топтались вокруг в ожидании результатов исследования. Анти стоял возле пульта, он обслуживал систему освещения.

Несведущий наблюдатель мог бы принять этих мужчин и женщин за экспедицию археологов, за поисковую группу, которая продвигалась вперед и тщательно, слой за слоем, соскребала почву. И это предположение было бы не так уж далеко от истины. Что же искали эти люди на Регисе — одиноком,

удаленном на огромное расстояние от родной планеты форпосте Земли?

Осторожность и основательность роднили этих поисковиков с настоящими археологами, но ими руководила не жажда чистого знания, а другие, более важные для них причины: они искали признаки определенной опасности — опасности, которая превосходила все, что до сих пор беспокоило человечество, и которая неотвратимо нависла над ним.

Пока ничего обнаружить не удалось. Анти почти хотелось, чтобы они хоть что-нибудь нашли: по крайней мере, тогда не будет изматывающей душу неизвестности.

Перед собой он увидел Ву, руководителя экспедиции, а справа от него, у стены ямы, как гротескная кукла, стояла Катя Иванова. Ву ощупывал почву детектором, мигающий огонек на конце которого свидетельствовал о наличии твердого вещества. Катя, найдя какую-то щель под ногами, стала копать.

Анти наклонился, снова и снова спрашивая себя, что они могут здесь найти, но тут же, услышав голос Лотуса, вспомнил о своих обязанностях и быстро подошел к пульту, чтобы получше осветить дальний конец ямы. Все работающие в яме люди обеспокоенно посмотрели на Лотуса.

Лотус, держа в руке блестящий предмет, сделал знак Ву, который тут же поспешил к нему, и они зашептались, сблизив головы, так что Анти видел только колеблющиеся капюшоны.

Ву, медленно подняв голову, некоторое время помолчал.

— Это пустая банка,— сказал он наконец,— но оставили ее не мы.

Анти вздрогнул от испуга. Итак, на Регисе побывали другие, а значит, они могут вернуться в любое мгновение.

Люди нервно задвигались, и кто-то, не выдержав нервного напряжения, запустил трансфэкс, осветивший местность светом, по яркости не уступающим дневному. Ву взял свой детектор и выбрался из ямы. Другие, не колеблясь, последовали за ним. Только Анти, словно окаменев, застыл на месте.

События тем временем продолжали развиваться. Здесь, в скованной холодом полярной области Региса, нашли, наконец, разрешение многие вопросы.

Вся эта история началась уже довольно давно на родине Ву, планете Кунг-фу-дзе. Один ученый, занятый измерениями резонансных частот атомов, установил, что резонансные характеристики периодически искажаются, причем источником помех являлась некая область пространства, с огромной скоростью перемещающаяся из глубин Вселенной. Впечатление было такое, будто на сверхсветовых скоростях мчались сквозь пространство тысячи кораблей, порождая определенные вибрации. Помехи исходили из области планеты Регис. Ученый, случайно оказавшийся другом Ву, знал многие секреты, недоступные широкой общественности, и волосы у него волосы встали дыбом, едва он осознал значение своего открытия.

В области Региса не могло возникать никаких вибраций, потому что земные корабли давно уже не приближались к этой планете. Ученый немедленно поставил в известность доктора Ву.

Уже давно люди верили, что в космосе живут и другие разумные существа, которые, вполне возможно, даже научились преодолевать пространство. Не так давно ученые пришли к заключению, что на нескольких планетах существует довольно высокоразвитая жизнь, и

люди держали их под постоянным наблюдением. Но чего стоят умозрительные построения по сравнению с фактом обнаружения чужого космического корабля! Итак, чужаки уже открыли Регис, хотя и покинули его. Вернутся ли они снова?

Анти охватила нервная дрожь, вызванная не столько холодом, сколько неприятными мыслями о неизвестных космических путешественниках. Услышав свое имя, он вернулся к действительности и, взглянув вверх, на трансфэкс, увидел, что стоящая на платформе Катя, делала ему какие-то знаки.

Анти медленно поднялся к ней наверх. Обычное освещение не работало, и мощный трансфэкс заливал все вокруг призрачным сиянием.

— Извини, Анти,— мягко сказала она, когда он подошел поближе,— но, к сожалению, не существует никакой другой возможности: ты должен остаться здесь и копать дальше. Может быть, удастся найти еще что-нибудь, а нам тем временем нужно успеть выработать новый план.

— И это, конечно, не требует моего участия,— с горечью произнес Анти.— Еще бы, зачем вам рыться в этих отходах? Разве недостаточно доказательств?

Катя положила руку ему на плечо и попыталась утешить:

— Не огорчайся, Анти,— ведь все должны выполнять определенные обязанности. Не думай, что мы хотим отстранить тебя от участия в работе, просто требуются еще доказательства — все, какие только можно откопать здесь. Потому что как же иначе можно разузнать что-нибудь об этой экспедиции? Так что твое задание не такое уж незначительное.

— Конечно, Катя. Иногда я воображаю себе смешные вещи — и все потому, что я совсем недавно присоединился к вам.

Катя хотела что-то сказать, но Анти опередил ее:

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Катя. У меня мало опыта, и поэтому вам ни к чему советоваться со мной, однако для грязной работы я гожусь. Прекрасно понимая все, я иногда чертовски не хочу мириться с этим.

Катя мягко улыбнулась:

— Ты сделал шаг вперед. Большинству требуется гораздо больше времени, прежде чем они начинают говорить так открыто. Если выдержишь испытание, мы признаем тебя полноправным партнером. Такова цена.

Анти молча кивнул.

— Но ты должен помочь себе, Анти,— укоризненно сказала Катя.— Нельзя жить, когда над тобой висит постоянная угроза. Не думай об этом, отвлекись от этого любым способом: ну, смейся или пой, например. Постарайся.

— Смеяться? — кисло спросил Анти.— Но над чем?

— Подумай сам, представь себе что-нибудь смешное. Подумай о лице Коунса, когда он узнает, что его великолепный план провалился.

— Тебе кажется это смешным? По-моему, совсем наоборот.

— Все зависит от точки зрения, Анти. Час назад мы еще точно не знали, действительно ли чужаки побывали здесь, а теперь это известно наверняка, и ты говоришь — катастрофа. Но разве было бы лучше, если бы мы не знали?

Анти задумался, потом наконец кивнул. Катя дружески похлопала его по плечу.

— Ну, ладно. Лотус тоже остается. К сожалению, больше людей мы оставить не можем, хотя необходимо узнать, что здесь еще захоронено. Итак, вам поручено ответственное задание.

Анти кивнул еще раз и улыбнулся. Пока они разговаривали, остальные куда-то разошлись, захватив с собой приборы и инструменты. Лотусу и Анти остались только пара лопат да большой прожектор. Катя протянула ему одну из лопат.

— Начинай немедленно: чем быстрее этот этап останется позади, тем быстрее мы сможем убраться отсюда,— напомнила она деловито.

Анти, взяв протянутую лопату, подошел к яме и спрыгнул вниз. Мерзлая почва поддавалась с трудом, но под яростным натиском лопаты комья так и летели во все стороны. Анти думал, что вообще мог остаться на Бореасе, и тогда ничего бы не знал ни о чужаках, ни о других тайнах. С другой стороны, он и теперь знал слишком мало, и ему было обидно.

Позже, оставшись вдвоем с Лотусом, они почувствовали, как удручающе действует на них пустынный и чуждый ландшафт. «Неужели на пришельцев этот ландшафт произвел благоприятное впечатление? Может ли быть, что им понравился суровый климат и они нашли гладкую, покрытую снегом и льдом равнину прекрасной и приветливой?» — думал Анти.

Обладая хорошо развитой фантазией, он попытался посмотреть на этот ландшафт другими глазами и великолепно представил себе все происшедшее. Неизвестные космические путешественники, облетев планету, прежде всего изучили ее климатические условия и, не обнаружив никаких опасностей, совершили посадку и осмотрели планету как следует. Затем, спрятав следы своего пребывания в землю, они стерилизовали все вокруг, чтобы предотвратить заражение местности инопланетными микроорганизмами и стартовали. И кто знает, может быть, в поисках подходящей планеты, они никогда больше сюда не вернутся. Может быть, они давно уже нашли пригодную для себя планету.

Лопата Анти ударилась о твердый предмет. Очистив его, он впервые увидел нечто, изготовленное чужими существами. Это была разбитая катодно-лучевая трубка, несколько необычная по конструкции, но без труда узнаваемая.

Дурное расположение духа Анти мгновенно улетучилось. А вдруг он найдет еще что-нибудь! Находка подстегнула его, теперь он жаждал деятельности, убежденный в том, что нашел ключ, позволяющий разобраться в технике неизвестных...

4

Напичканная до отказа всевозможными приборами, инструментами и оборудованием подводная лодка формально принадлежала рыбной ферме «Дейтлайн», на самом же деле не имела к ферме ни малейшего отношения.

Более половины свободного пространства занимала платформа трансфэкса, так что людям — седобородому Раму Сингху и юной Фальконетте — оставалось совсем мало места, поэтому Коунс, оказавшийся здесь весьма неожиданно, был вынужден остаться на платформе трансфэкса и теперь рассматривал отсюда тесное помещение. Слышалось тихое гудение насосов, струился воздух, нагнетаемый вентиляторами. Да, без вентиляторов здесь не выжить, потому что генератор поля трансфэкса создает невероятную жару.

В напряженной тишине Коунс расстегнул узкий пояс с вделанным в него крошечным видеозвуковым коммутатором, при помощи которого он информировал товарищей о своем последнем приключении. Выключатель выглядел забавной безделушкой на эластичном

поясе, а батарейка, как и большинство других приборчиков, была спрятана в маленькой пряжке. Именно поэтому Бассету, естественно, не пришло в голову обратить внимания на плавки своего гостя.

Коунс, задумчиво вертя пояс в руках, опустился на корточки и серьезно глядя на Рама Сингха, сказал:

— Надо срочно найти, чего не хватает нашему психопрофилю. У нас вообще не все ладится. Ты говорил, что мое появление так ошеломит Бассета, что он не станет задавать никаких вопросов.

Рам с достоинством наклонил голову и звучным голосом ответил:

— Всегда существуют непредусмотренные факторы. У каждого своя реакция. Надеюсь, ты не винишь меня в провале своего плана, Сайд? Мы должны удрать, прежде чем Бассет вернется. Теперь его корабль крутится вокруг Земли, и вот-вот снова зайдет на посадку.

Не ожидая ответа, старик повел субмарину прочь от опасной зоны. Коунс, повесив пояс на крючок, выжидающе прислонился к стене.

— Не очень-то вежливо с твоей стороны,— заявила Фальконетта, проводя рукой по длинным черным волосам. Ее сари, вышитое золотом и серебром, шелестело при каждом движении.

Коунс пожал плечами.

— Ты права, Фальконетта. Жаль, но я просто не в состоянии извиняться. А теперь положимся на Рама.

— Так и сделаем,— согласилась Фальконетта.— Сейчас не время спорить. Если кто-то и может разработать верный план, так это только Рам. А твой прокол доказывает, что мы недооценили Бассета, но Рам не виноват в этом,— она задумчиво взглянула на старика.— Он так хорошо разбирается в прикладной

психологии, что иногда я спрашиваю себя, почему он не стал абсолютным диктатором?

— Ты же сама отлично знаешь почему,— улыбаясь ответил Коунс.— Он безнадежно влюблен в тебя и не будет удовлетворен, даже став властелином всей Земли, если ты не будешь принадлежать ему. Впрочем, он не единственный. По-моему, девяносто процентов дееспособных мужчин влюблены в тебя.

— Очень может быть,— Фальконетта коротко вздохнула.— Я уже так привыкла к этому, что считала, будто и ты влюблен в меня, но, кажется, я тебе безразлична.

— Человеческие слабости? — с улыбкой спросил Коунс.

— Наверное. Может быть, в следующей жизни я буду ужасным существом, а жаль: я очень привыкла к нынешнему физическому совершенству, хотя эта привычка, конечно, большой недостаток, потому что я стала полагаться только на внешность, а не на свои достоинства.

— Ты и раньше была такой же прекрасной?

— Не такой, как теперь. Конечно, некоторые мужчина и тогда оборачивались мне вслед, но это не идет ни в какое сравнение с моей настоящей жизнью, и, должна признаться, мне это приятно, несмотря на пережитый шок.

Коунс понимающе кивнул.

— Это всегда шок, Фальконетта, хотя каждый раз все случается по-иному. К счастью, это, как правило, происходит очень быстро, несмотря на некоторые различия. Я бы провел аналогию с плаванием или ездой на велосипеде: если однажды научишься, больше никогда не забудешь.

Фальконетта кивнула.

— Как часто тебе приходилось умирать, Сайд? Я тебя никогда не спрашивала об этом.

— Пять раз,— тихо ответил Коунс.

Казалось, о совершенно ушел в себя, целиком погрузившись в прошлое, потом тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и добавил:

— В первый раз было хуже всего.

Фальконетта вздрогнула от неприятного ощущения.

— Ты когда-нибудь возвращался на место своей прежней жизни?

— Нет, никогда. А ты?

Фальконетта кивнула.

— Однажды я посетила Шиву и взглянула на собственную могилу. Не особенно приятное ощущение. Там захоронено мое прежнее тело, и на могильном камне написано мое прежнее имя. Конечно, больше я там никогда не была.

Рам установил курс и, включив автоматику, повернулся к ним.

Коунс тотчас же вернулся к наболевшей проблеме, и Раму снова пришлось защищаться.

— Что, собственно, мы сделали не так? — спросил он.— Мы, как положено, следили за вами по экрану и все слышали, а не принимали в этом участия потому, что не могли ощутить царящей там атмосферы.

Коунс беспомощно развел руками.

— Мы недооценили Бассета. Этот человек умен, может молниеносно приспосабливаться к новой ситуации и никогда ничего не упустит.

— Мне хотелось бы с ним откровенно поговорить,— вздохнула Фальконетта.— Он именно тот человек, который нам нужен.

— Не совсем так: он действительно, достаточно разумен, чтобы апеллировать к его разуму, но слишком горд и самонадеян, и это сильно усложняет нашу

проблему. И все равно мы нуждаемся в нем, потому что он многое может сделать для нас. Конечно, он тоже нуждается в нас, однако не сознает этого, а если ему сказать, он не примет наших доводов. Кроме того, мы не можем сказать ему всего. Так что ситуация довольно запутанная.

— Что ж, можно сформулировать и так,— соглашаясь, кивнул Рам.— Как и многие так называемые деловые люди, он использует свой разум только для себя, думает только о себе самом и очень редко о других. Если считать это свойством практичного ума, тогда мы трое оказываемся в более выгодном положении.

— Потому что мы постоянно заняты и беспокоимся о других,— добавила Фальконетта.

— Может быть, так оно и есть,— вздохнув, сказал Рам.— Только давайте вспомним о статистике. Дети, которые выделяются умом уже с малых лет, в большинстве своем становятся великими бизнесменами, политиками, но очень редко социальными реформаторами или людьми искусства. Разум — это нечто иное, чем просто здоровое состояние человеческого духа.

— Нет-нет, я другого мнения,— запротестовал Коунс.— Здоровое состояние человеческого духа должно было бы удержать Бассета от реализации его планов. Ведь что он хочет? Поскольку им руководит тщеславие, он видит самый большой успех в том, чтобы сделать другие планеты точной копией Земли. Опасная иллюзия! Потому что другие планеты никогда этого не допустят. Люди, которые там живут, хотя они такие же люди, как и все остальные, все же не жители Земли, а Бассет обращается с ними, как с землянами. Но невозможно всех подогнать под один образец. Жители других планет приспособились к местным условиям, и поэтому их реакция отличается от реакции

землян. Трудно себе представить, чтобы жители Имира, Борееаса, Астреи переняли обычаи и образ мыслей землян, однако Бассет добивается именно этого. Результат может оказаться ужасным.

По спине Фальконетты пробежали мурашки.

— И ведь он вовсе не злой человек.

— Нет, не злой. У него просто нет опыта. Ему недостает благоразумия.

Внезапно трансфэкс подал короткий предупредительный сигнал. Вспыхнуло яркое силовое поле, и на платформе появился маленький листок бумаги — записка с написанными от руки строчками. Подняв его, Коунс пробежал глазами строчки и, медленно скомкав записку, посмотрел на своих товарищей.

— Как по-вашему, что самого плохого может случиться с нами в настоящий момент? — спросил он.

— Бассет проигнорирует наше вмешательство в дела его конторы,— тотчас ответила Фальконетта.— Теперь он знает: существует человек, в распоряжении которого имеется телетранспортатор. Это самая большая ошибка, допущенная нами за все прошедшее время.

— Да, это плохо, но есть кое-что и похуже,— Коунс повернулся к Раму.— Как ты думаешь, что произошло?

— Чужаки обнаружили Имир.

Коунс кивнул.

— Именно так. Ву был на Регисе и оттуда послал нам сообщение: они нашли следы посещения Региса чужаками. У Ву есть доказательства.

— Какой ужас! — воскликнула Фальконетта.— Сначала неудача с Бассетом, а теперь...

— У тебя уже есть какие-то соображения, Сайд,— заключил Рам, внимательно посмотрев в глаза Коунсу.— Верно?

— Да. Надо как можно быстрее продолжать работу. Бассет в конце концов поймет, что одному ему никогда не разрешить проблему, и он не упустит возможности, если обнаружит здесь, на Земле, настоящего имирца.

— На Земле их сейчас довольно много,— вмешалась Фальконетта.— Здесь, в Рио, расположено их посольство, причем всего в паре кварталов от бюро Бассета.

— Но все посты в этом посольстве заняты абсолютно неподкупными и верными членами их партии. У Ярослава там давно уже нет ни одного самостоятельно мыслящего человека. Живущие на Земле имирцы всего лишь фанатичные тупицы, из них невозможно извлечь ничего. От них Бассет не получит никакой информации о делах Имира, и ему придется искать новые пути. Если же ему удастся заполучить в свои руки непредубежденного человека, он подвергнет его промывке мозгов и узнает все, что захочет. Но этой информации ему все равно не хватит, и тогда, поневоле, Бассет будет вынужден иметь дело с нами.

— Хорошая идея,— согласился Рам.— Но где взять подходящего человека? Если это кому-нибудь по зубам, так только ему. Он же сам сказал, что молодые люди на Имире не так уж привязаны к своей родине, а потому ищут новые пути.

— Так вот. Мы должны доставить на Землю одного из умных молодых людей оттуда. Конечно, привезти его надо на обычном космическом корабле, иначе, если мы доставим его сюда трансфэксом, он под гипнозом вспомнит об этом и все выболтает, и тогда Бассет догадается о ловушке и поймет, что мы замешаны в этой игре.

— Молодому человеку с Имира придется трудно,— вмешалась Фальконетта.

— Да, ему придется пережить неприятные вещи. Но Ярослав приложит все усилия, чтобы помочь: он первый и единственный человек с Имира, принятый в наши ряды, причем совсем недавно. Если он откажет нам, я ему кое-что напомню. Кандидаты будут, если привлекать в наши ряды молодых людей, обещая зачесть при приеме их тяжелый труд.

Коунс взглянул на Рама и, подумав немного, кивнул, соглашаясь.

— Ну, хорошо,— сказал он и встал.— Я поговорю с Ярославом. Трансфэкс достаточно мощен, чтобы забросить меня на Имир?

— Все дело в количестве энергии,— с сомнением ответил Рам.— Мы запорем реактор. Впрочем, любая поспешность сейчас оправдана. Все готово?

Рам Сингх встал и вежливо поклонился Коунсу. Фальконетта тоже подняла украшенную кольцами и браслетами руку в приветственном жесте.

Коунс улыбнулся, собираясь ответить тем же, но не успел, потому что уже стоял под другим солнцем...

5

Бассет, сидя за огромным письменным столом, критически рассматривал Лекока. Он не всегда был им доволен: этот человек, обладая завидной способностью к импровизации, был слишком темпераментным и очень легко возбуждался. Бассет уже давно подыскивал замену Лекоку, но никак не мог найти более подходящего человека, Лекок, когда хотел, умел стать совершенно необходимым.

— Закрой же, наконец, рот, возьми сигару и сядь! — приказал Бассет, одним движением руки обры-

вая поток слов Лекока и указывая на кресло,— Давай взглянем на это дело со стороны.

— Со стороны! — недовольно фыркнул Лекок.— В этой ситуации мы не можем себе позволить смотреть со стороны!

— Я сказал — закрой рот и слушай! — резко произнес Бассет, и Лекок неохотно повиновался.

Некоторое время Бассет молчал, задумавшись, глядя в гигантское окно, которое, впрочем, с другой стороны было совершенно непрозрачным, на крыши домов Рио. Из своего кабинета на одиннадцатом этаже он мог видеть большую часть города, широкую полосу пляжа и убегающую вдаль ленту могучей реки. Солнце уже стояло высоко, и город был залит теплым светом.

Телетранспортатор! Это слово не выходило у него из головы. Он, конечно, сразу осознал невероятные возможности нового транспортного средства. С одним таким передатчиком можно организовать сколь угодно обширную торговую сеть, попасть на самые отдаленные планеты.

Заметив беспокойство Лекока, Бассет оставил в покое мечты и вернулся к действительности. Откинувшись в кресле он взглянул поверх блестящей полированной поверхности стола прямо в лицо Лекоку.

— Ты нервничаешь, друг мой,— сказал он спокойно.— Действительно, есть из-за чего. Да, нашлись люди, обладающие транспортным средством, которое мы до сих пор считали невозможным. Мало того, они сообщили, что наши планы, которые мы до сих пор считали безупречными, являются ошибочными, и это не может не беспокоить.

— Вы это называете «беспокоить!» Мы поставлены в смешное положение! — Лекок просто трясся от злости.

— Чушь! Ты исходишь из неверных предпосылок. Я не знаю, что это за люди и где они действуют, но я знаю, что они не так всемогущи, как все вы считаете. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований бояться их. Наоборот, они боятся нас, иначе не скрывались бы. Для них игра в прятки — единственное разумное поведение. Пусть они и располагают обширными знаниями, но власти никакой не имеют. Кроме того, меня беспокоит, что этим людям не всегда удается отсиживаться в их укрытии. Уже давно ходят слухи, на которые я обратил внимание. Теперь нам известно довольно многое. Мне кажется, мы чем-то обеспокоили этих людей, и поэтому они хотят выйти на прямую связь с нами. Я намереваюсь как следует прощупать эту группу.

— Но как? — угрюмо спросил Лекок.— Мы ничего не знаем о них, не имеем представления, кто они и где находятся. Я поручил заняться этой проблемой самым лучшим нашим физикам, но никто не смог найти решения. Просто невозможно выследить телетранспортатор и определить его местонахождение. А иначе как выйти на этих людей?

— И все-таки...

— У вас есть какие-то соображения?

— Мы просто поймаем их на слове. Ты забыл? Ведь таинственные парни сделали мне предложение. Я его приму и, таким образом, нападу на их след.

— Вы серьезно? Я бы поступил иначе. Этот парень нес какую-то чепуху об Имире, и вполне вероятно, что именно там найдутся ответы на все наши вопросы.

— По-моему, ты ошибаешься. В конце концов, они предсказали нашу неудачу на Бореасе, не так ли? Ведь не думаешь же ты в самом деле, что компьютер выдал неверные расчеты. Значит, эти люди знают невероятно много. Им даже откуда-то известно, где и когда мы

должны были совершить посадку. Человек в лодке — лучшее тому доказательство.

Но Лекока было нелегко убедить.

— Это ничего не доказывает,— сердито возразил он.— Они нас просто выследили, совсем нетрудно засечь космический корабль и по курсу и скорости вычислить предполагаемое место посадки. Человека же они просто перенесли в нужное место с помощью телетранспорта.

— Мне совершенно безразлично, как он оказался в нужном месте,— ответил Бассет, поддавшись вперед и облокотясь на стол.— Важно то, что кто-то ждал моего прибытия. Это может означать только одно: эти люди информированы о моих планах. Даже мы сами не знали точно, когда вернемся на Землю, и уж подавно никто не знал, где мы приземлимся, тем более, что мы совершили посадку в отдаленном месте, а не в Южной Атлантике, рядом с Рио. И факт, что они вычислили место посадки, заставляет меня глубоко задуматься. Это раз.

Во-вторых, они знают, что мои планы на Бореасе потерпели крах. Никто посторонний вообще не знал, что существуют какие-то планы, а самим нам пришлось приложить немало усилий, чтобы получить хоть какие-то результаты.

Но и это еще не все. Эти люди утверждают, что знают решение нашей проблемы, подталкивая нас к Имиру. Почему они приложили столько усилий, чтобы захватить меня врасплох? Вполне может быть, что они блефуют и надеются узнать решение проблемы от меня. Они знают, где мы были, но сами бессильны что-либо сделать.

Бассет откинулся назад и долго смотрел на своего собеседника, а потом заявил тоном, исключающим всякие возражения:

— Мы приложим все силы, чтобы добраться до сути, действуя на этот раз еще тщательнее, и точно рассчитаем каждый свой шаг. Что ты, например, знаешь об Имире?

Лекок растерялся, но довольно быстро пришел в себя, так как, хорошо зная своего босса, понял, чего тот хочет.

— Я знаю обо всех колониях,— ответил он после небольшой заминки.— Планета Имир — самая холодная и самая негостеприимная из планет, на которые ступала нога человека. Ее экваториальная зона заселена, хотя и не густо, там живет от восьми до десяти миллионов человек. Они жестоко мерзнут и почти умирают от голода, но гордо утверждают, что им это нравится.

— Нет! Это не так! — горячо воскликнул Бассет.— Им это вовсе не нравится, они говорят так потому, что не видят выхода из положения. Я очень обстоятельно ознакомился с историей этой планеты, Лекок, и незадолго до того, как тебя вызвать, просмотрел один фильм. Посмотри и ты.

Он щелкнул несколькими переключателями, встроенными в стол, и задернул серыми шторами широкое окно. Лекок, развернувшись вместе со стулом, оказался лицом к гигантскому экрану, занимавшему всю стену. Зажужжал перематывающий пленку проектор, и глаза не успевали следить за сумасшедшим мельканием несвязных изображений.

— Хочу включить с самого начала,— объяснил Бассет.— Это официальный фильм, который предоставило в наше распоряжение их посольство.

— Кто бы мог подумать, что этот холодильник занимается еще и рекламой! — весело вставил Лекок.

— Не рекламой. У них весьма своеобразное чувство гордости: они считают себя такими сильными и

выносливыми, что по их мнению, во Вселенной нет лучших людей. Ты сейчас сам увидишь.

Бассет запустил проектор, и на экране появились первые кадры: вид города Фестербурга. Между серыми стенами льда вмерзли в почву безобразные колодообразные строения, над крышами которых клубились жирные черные хлопья дыма, усиливающее общее впечатление мрачности и одиночества. Жители Фестербурга топили печи углем и нефтью, потому что только эти горючие вещества могли извлечь из промерзлой почвы планеты при помощи тяжелого ручного труда.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Бассет.

— Это Фестербург, столица колонии.

— Верно. Название заимствовано из старого евангелистского церковного гимна. Я ожидал чего-нибудь получше.

Он обратил внимание Лекока на кадры, посвященные времени образования колонии, но не задержался на них, отметив лишь, что везде лица мужчин и женщин были угрюмыми и не выражали ничего кроме нетерпимости. Сцены, снятые вскоре после посадки, особенно поразили Лекока.

Мужчины, женщины и дети, утопая в снежных сугробах, молились тому, что осталось от космического корабля. Колонисты, преисполненные решимости сжечь за собой все мосты, предали корабль огню, не желая больше иметь никаких дел со светской, грешной, продажной, проклятой Землей.

— Это, конечно, было глупо,— сухо прокомментировал Бассет.— Люди предвидели многое, но действительность внесла свои коррективы. Высадившись на Имире, они обозвали нас греховными земными червями и отреклись от нас, отказавшись иметь с нами дела, чтобы жить абсолютно независимо. Но, к сожалению, выполнить это было не так-то просто. После гибели

нескольких тысяч человек они снова вспомнили о Земле и заказали там для себя особые сорта семян и некоторые виды животных, обладающих высокой выживаемостью. Так дело обстоит и сегодня. Они более или менее независимы и в то же время завидуют нашему благосостоянию. Хотя сотрудники посольства и утверждают, что каждый день на покинутой их предками Земле для них сплошная мука, это, конечно, совсем не так. На самом деле толпа кандидатов сражается за каждое вакантное место в посольстве. Пару лет назад среди них нашелся даже человек, который подружился с несколькими жителями Рио и не имел ничего против полной миски мяса, однако прежде, чем он успел заразить дурным примером своих коллег, его быстренько отправили назад, хотя в официальных сообщениях об этом, конечно, не упоминалось.

Бассет, развеселившись, улыбнулся и продолжил:

— Эти лицемеры имеют наглость утверждать, что с радостью отказываются от проживания в приятном климате, потому что такой вид удобства — тоже грех. На самом же деле молодежь там не такая, как старики. Старшее поколение, конечно, предпочтет порвать всякие отношения с Землей, чем пожертвовать представлениями о собственном превосходстве. Следование заветам предков — идеал. Хотеть-то они хотят, но не могут, потому что молодежь придерживается более умеренных взглядов, выступает за контакт с Землей. Молодежь, само собой разумеется, задает вопрос, были ли их предки действительно вдохновенными святыми или просто твердолобыми фанатиками, задавшимися целью отравить жизнь своим потомкам. Конечно, в открытую никто рта не смеет раскрыть, это чувство подспудное и поэтому опасное. Они говорят, что

презирают нас за наши удобства и греховность, но на самом деле это только ненависть, вызванная завистью.

Бассет помолчал, потом продолжал свои рассуждения вслух:

— Предложение отправить новых поселенцев на Имир просто абсурдно. Местные жители не потерпят никакого нового притока населения. И еще вопрос, найдутся ли люди, которые захотят переселиться на эту холодную планету... Почему все-таки этот таинственный человек дал такой странный совет? — закончил Бассет.

— Может быть, это только отвлекающий маневр? — задумчиво спросил Лекок.— Может быть, на Бореасе мы как раз делали все правильно, и им надо сбить нас с верного курса?

Бассет кивнул.

— Не исключаю такую возможность. Но вдруг на Имире удастся добиться большего, чем на Бореасе? Что если этот человек сказал правду? Может быть, на Имире действительно стоит попробовать. Если мы найдем там ключ к решению нашей проблемы, то основательно переделаем эту планету, если, конечно, получим ее. Это задание достанется тебе, Лекок. Немедленно отправляйся в путь.

6

Как и все люди на Имире, Энни Заток жила в городе. Городов было всего пять, и в них сконцентрировалось все население планеты, что диктовалось экономической целесообразностью, так легче было решить их главную проблему — обогрев. Система обще-

го отопления лучшим образом позволяла использовать имеющиеся у них уголь и нефть.

В этих пяти городах жило около десяти миллионов человек. Понадобились целых три столетия, чтобы численность населения достигла этого уровня. Много детей умирало еще в младенчестве, потому что только наиболее здоровые могли вынести суровый климат. Кроме того, социальные условия были настолько плохими, что большинство родителей не могли прокормить нескольких детей.

Энни Заток выросла в тяжелых условиях, но ей приходилось видеть странные греховные картинки, изображающие людей, которые, почти не одетые, находились под открытым небом, а небо было таким же голубым, как ее глаза, и таким же лучистым. Сравнивая внешность людей на картинках со своей собственной внешностью, она пришла к определенным выводам. В то время, как ей, чтобы не мерзнуть, приходилось носить много плотной одежды, те люди купались в пенящемся сверкающем море, которое вообще нельзя было сравнить с серым, всегда бурным морем Имира. Вообще трудно было поверить, что вода в обоих этих морях почти одинакова по составу.

Она жадно разглядывала картинки. Написанные разными художниками, они печатались в журналах Ярослава Дубина, и она старалась раздобыть их, где только могла.

Никогда прежде на Имире не было человека, пользующегося такой дурной славой, как Ярослав Дубин. Взрослые быстро сменяли тему разговора, если упоминалось его имя, рассказывали невоспитанным детям о злом человеке, который обменял свою душу на тарелку мяса с Земли. Но результаты были обратны тому, чего добивались взрослые: дети и подростки мгновенно сближали головы и начинали шептаться при

рассказах о Ярославе, как поступают дети, живущие в нормальных условиях, когда передают друг другу неприличные, анекдоты.

Однажды Энни Заток узнала от своего школьного товарища, что тот лично встречался с Ярославом. Энни, конечно, сразу напомнила об ужасных пороках великого грешника, но в ответ на это юноша показал ей журнал, одолженный ему Ярославом.

Там были изображения людей, которые жили в грешном, преступном, удобном мире: да, это была роскошь, которую Энни едва ли могла себе представить.

Юноша объяснил, что Ярослав выглядел таким же счастливым, как и люди на картинках. Для детей, выросших на Имире и постоянно видевших только хмурые, недовольные лица, живших в мире, где каждое проявление естественной радости жизни было греховным, это выглядело непредставимым чудом.

Картинки заставляли задумываться и расшатывали веру: как могут такие счастливые люди быть воплощением зла? Ведь зло мрачное и грязное. Но люди на картинках были чистыми и счастливыми, они, даже разговаривая, улыбались друг другу.

Юноша, поколебавшись, разрешил ей взять журнал, и Энни тайно унесла его с собой. Общественный порядок на Имире требовал от всех железной дисциплины, но молодежь еще не закостенела, не стала пока фанатичной, и юноша не смог противиться настойчивым просьбам девушки.

Но Энни возбужденная желанием как можно скорее просмотреть журнал, сделала непоправимую ошибку: слишком поторопилась пройти в свою комнату, чем вызвала подозрения у отца. Отец засек ее, обвинил в грехе и изорвал журнал в мелкие клочки, топча их ногами, как сумасшедший, и ругая свою дочь на чем

свет стоит. Потом он наказал ее: на всю ночь, весь день и всю следующую ночь запер ее, голую, в комнате. Голод и невыносимый холод должны были изгнать из нее дьявола и показать позор ее действий и поступков.

В эти страшные часы одиночества многое застыло в ней, и на лицо легла холодная маска послушания, но ничто не могло сломить ее волю. Ее решимость только окрепла, хотя она хорошо сознавала все предстоящие трудности.

Потом она никогда не будет вспоминать об этих бесконечных часах.

Отец, конечно, ничего никому не сказал, потому что этим доказал бы, что как отец и как воспитатель никуда не годится. Взрослой девушке даже в голову прийти не может совершить такое греховное деяние. С этого момента Энни навсегда станет образцовой девушкой и больше не будет позорить своих родителей. Но это будет только показная сторона, чтобы родители и другие окружающие ее люди не догадались о ее истинных намерениях.

Спустя год родители снова полностью доверяли ей. Энни только этого и ждала: теперь, когда за ней больше не наблюдали на каждом шагу, она могла, наконец, осуществить свой план. Ей пришлось сознательно лгать и обманывать родителей, потому что она была настроена решительно против общественного порядка на Имире.

Тем временем в школе не прекращались яростные споры и разговоры о Земле и особенно о Ярославе Дубине. Это были тайные разговоры, которые велись исключительно шепотом. Возникали группки, придерживающиеся противоположных мнений. Одни говорили, что Ярослав единственный разумный человек, а остальные — упрямые фанатики, и за Ярославом,

побывавшем на Земле, признавалось право объективно судить о ней. Другие были прямопротивоположного мнения. Ярослав, считали они, был не единственным, кто посетил Землю и другие планеты, но он единственный, выступил против старой веры, и это свидетельствовало против него.

Энни все еще молча прислушивалась к спорам, хотя у нее давно уже сложилось прочное мнение. Кожа ее чесалась под грузом трех платьев, двух пуловеров, толстых носков и тяжелого пальто, а сердце грызло нетерпение, но она терпеливо выжидала, когда ей представится благоприятная возможность для достижения цели.

Тем вечером она сказала, что хочет навестить подругу, а сама пошла к Ярославу Дубину и не особенно удивилась, встретив там нескольких своих школьных товарищей.

Фанатики-имирцы хотели бы видеть Дубина в тюрьме или, еще лучше, мертвым, надежно упрятанным в могилу, но не так-то просто отделаться от этого греховного, вероломного человека. Его обвиняли в ужасных пороках, однако Ярослава Дубина это не волновало, так как за время обратного полета с Земли он подружился с командиром корабля и нашел в его лице надежную поддержку.

Ответственные люди скоро поняли, что совершили огромную глупость, забрав Ярослава обратно, когда он подружился с землянами, однако в то время они еще не предвидели всех последствий этого факта. Сразу по прибытии корабля капитан заявил, что Ярослав Дубин — единственный разумный имирец из всех, кого он когда-либо встречал, и сделал Ярослава своим агентом, так как не хотел иметь дело с тупыми враждебными фанатиками.

Конечно, ответственные люди энергично воспротивились, но им, в конце концов, пришлось смириться, потому что иначе капитан корабля наотрез отказался выгружать груз. И все равно они не сразу подчинились требованию капитана, но тот оставался упорным и стартовал. Капитаны других космических кораблей поддержали это требование, и имирцам ничего больше не осталось, как признать Ярослава Дубина торговым агентом.

Вот почему ненавидимый всеми Ярослав Дубин вел великолепную жизнь. Его друзья обеспечивали его замечательными вещами, о которых обычный имирец не мог и мечтать. Из того же источника поступала и пресса — журналы и книги, которыми Ярослав щедро снабжал всех желающих. Враги ненавидели и презирали его, но, несмотря на дьявольские ухищрения, не могли запретить его деятельность, не навредив самим себе. Даже серьезно обсуждаемый в определенных кругах смертный приговор этому человеку они так никогда и не вынесли, потому что без торговли имирцы не могли наладить отношений с другими планетами, а торговля находилась в руках космических путешественников, на которых Ярослав опирался в своих делах. Таким образом, его исчезновение имело бы катастрофические последствия. Торговлей имирцы не могли пожертвовать, для них торговля означала жизнь.

Такова была ситуация в тот вечер, когда Энни выскользнула из дома, чтобы посетить отвергнутого, проклинаемого всеми грешника.

Она готовилась к этому посещению на протяжении целого года, но, когда пробиралась по темной улице, в голову ей приходили ужасные мысли. Ледяной ветер с ревом гнал вдоль улицы снег. Энни боялась встретить полицейских. Они, конечно, спросят о цели ее похода, потому что молоденькой девушке нечего делать в такое

время на пустынной улице. Родителей обмануть можно, но полицейские моментально ее разоблачат, потому что сейчас она находилась в другой части города.

Перед космопортом опасность еще усилилась: Ярослав жил в изгнании, и ни один порядочный человек не должен был приближаться к его дому ближе чем на километр. Кроме того, его дом, стоящий прямо на поле космопорта, хорошо просматривался со всех сторон, но, к счастью, тьма и метель скрыли Энни, когда она бегом пересекала открытое пространство.

Ярослав был толст, дружелюбен и в хорошем настроении — именно такой, каким его всегда описывали. Сидя в удобном кресле-качалке, он вел дискуссию с находящимися здесь молодыми людьми, хотя сам говорил немного, ограничиваясь тем, что время от времени подкидывал новые идеи, что заставляло его гостей спорить еще более рьяно.

В первый вечер Энни почти ничего не говорила, очень робея и немного чего-то опасаясь. Было жарко, она сняла парку и пуловеры и, в конце концов, осталась только в блузке и длинных брюках, мучительно смущаясь от такого своего вида: только родители видели ее так легко одетой.

При следующем визите она уже не испытывала подобных ощущений, постепенно становясь все увереннее, и стала принимать участие в разговорах. Здесь всегда околачивались два или три молодых человека, которым удавалось ловко ускользать из-под родительского контроля, иногда присутствовал кто-нибудь из космических офицеров, принося с собой дыхание чужих миров.

Когда она пришла в третий раз, Ярослав дал ей одежду, которую она всегда должна была надевать во время следующих посещений. Домой эту одежду,

конечно, нельзя было брать, потому что если родители обнаружат ее, Энни не сдобровать.

Спустя некоторое время ей даже стало хотеться побыть с Ярославом наедине, иногда так и случалось. Тогда Ярослав обращался с ней очень вежливо и ласково, но она всегда чувствовала, что ему не хватает собеседников. Вечер без шумных обсуждений был для Ярослава потерянным. Он, как дрожжи в тесте, должен был вкладывать новые мысли в головы молодых людей и радоваться скорому брожению умов.

«Зачем ему это? Какой смысл в его активности?» — снова и снова спрашивала себя Энни, но так и не находила ответа.

Тайный союз был чрезвычайно опасен, ведь при разоблачении молодые люди подверглись бы тяжелому наказанию. Энни знала, что Ярославу тоже приходят в голову такие мысли, хотя лично с ним ничего не могло произойти. Странно и ново — Ярослав заботился о других. Откуда это у него? Наверное, от жителей Земли.

Однажды она прямо спросила его об этом, но он ответил только пристальным взглядом.

7

Ярослав Дубин был единственным человеком на Имире, который жил в маленьком одноэтажном домике, построенном специально для него отцами города, чтобы изолировать этого опасного выскочку. Дом поставили прямо на космодроме, и Ярослав находил это очень удобным, так как всегда был поблизости от космических кораблей.

Отцы города, изредка — по необходимости — посещая его, не могли скрыть любопытства. Здесь постоянно можно было увидеть что-то новенькое: сначала ковер, потом картину, затем мебель и даже незнакомые деликатесы. Конечно, люди, олицетворяющие власть на Имире, протестовали против этих греховных вещей и совестили Ярослава, но большего сделать не могли.

Молодые люди, тайком проскальзывающие в дом Ярослава, завидовали ему. Энни тоже чувствовала все усиливающееся желание иметь такие же прекрасные вещи. Похоже, Ярослав намеренно провоцировал в них подобные эмоции, потому что прилагал большие усилия, чтобы приобрести как можно больше прекрасных редких вещей, бросающихся в глаза, пробуждающих в молодых людях определенные желания.

Но находились и посетители, не обращающие на предметы роскоши никакого внимания. Эти, конечно, никогда не приходили обычным путем, для них существовал тайный проход в стене. Там, за стеной, было скрыто помещение, в которое вел толстый кабель от вырабатывающего энергию реактора, спрятанного в подвале. Кабель подсоединялся к странному аппарату — трансфэксу, поглощающему уйму энергии, именно для этих целей и был необходим реактор.

Ярослав сидел один, когда в доме раздался предупреждающий сигнал. Не особенно встревоженный, Ярослав спокойно отложил книгу в сторону. Сигнал мог означать все что угодно: новые книги и журналы, одежду или продукты, а может быть, всего лишь новое сообщение. Таким путем поступало много вещей, делающих его жизнь приятной.

Он встал и, отодвинув деревянную маскирующую панель, вздрогнул — перед ним стоял человек. Но страх тут же уступил место радости.

— Сайд Коунс! — воскликнул он, отступая на шаг.— Что привело тебя сюда? Входи же!

Коунс кивнул и вошел в комнату. Он все еще был в купальном костюме, но не мерз, потому что в доме Ярослава было тепло, а толстый ковер защищал босые ноги от холодного пола.

Ярослав, вне себя от радости, засуетился доставая бокалы и бутылку вина. Коунс тем временем опустился в кресло и огляделся. Верхнюю часть стены занимало трехмерное изображение отрезка Млечного Пути с населенными планетами. Ниже висела полка, до отказа заполненная вещами, которые среднему имирцу показались бы очень опасными. На других стенах были развешены картины, что выдавало склонность Ярослава к произведениям изящных искусств.

Коунс потягивал вино, но есть ничего не хотел. Хозяин дома сидел в кресле напротив.

— Чем занимался в последнее время? — коротко спросил гость.

— Распространял истину. Как всегда, условия работы тяжелые, но я верю, что она окупится. Мне только хочется, чтобы здесь было больше агентов.

— Так-то оно так, Ярослав, но пока это невозможно. Тебя мы смогли внедрить под благовидным предлогом: без твоей работы имирцам не выжить. Но нельзя не учитывать, что помимо общественного давления есть определенные психологические факторы. Одного иноверца еще терпят, заклеймив его как сумасшедшего, но двое или трое будут уже рассматриваться как подпольная организация, и ей будет объявлена жестокая война. Ты, Ярослав, должен быть центром, быстро распространяющим вокруг себя инфекцию, но, кажется, ты не особенно заразен.

Ярослав широко улыбнулся, потому что в этом отношении совесть у него была чиста.

— Ошибаешься. Я проделал неплохую работу, Сайд: за пять лет деятельности распространил по округе тысячи будоражащих головы книг и журналов, меня регулярно посещают молодые люди, впитывающие новые мысли, словно губка, причем некоторые настолько осмелели, что улыбаются друг другу при встрече на улице.

— Не хвастай. Время поджимает. Вернее, его просто больше нет, и придется пойти на некоторый риск. Почему ты не предлагаешь нам новых агентов?

— Для этого есть основания. Мое воздействие распространяется преимущественно на молодых людей — юношей и девушек от пятнадцати до семнадцати лет. Школы здесь очень строги, и это, к сожалению, довольно труднопреодолимое препятствие. Кроме того, сильное влияние оказывают родители. С восемнадцати лет большинство молодых людей уже настолько коснеют, что перестают приходить сюда.

— Мне никогда не приходилось здесь работать,— задумчиво сказал Коунс,— хотя я посетил более двадцати планет, и накопил достаточный опыт. По-моему, ты стал жертвой раннего воспитания. Мы тебе все объяснили и освободили тем самым от религиозного фанатизма, но в тебе, несомненно, кое-что осталось. На Имире живет примерно десять миллионов человек. Разве нельзя было за пять лет найти человека, который при определенном внешнем влиянии освободился бы от оков догматизма и условностей? Став членом посольства на Земле, ты, несмотря на молодость, был непоколебимым приверженцем строгих принципов вашей религии, однако уже спустя год сильно изменился. Должен признать, ты тогда постоянно контактировал с людьми других мировоззрений. Конечно, здесь твое влияние на молодых людей не может быть таким сильным, потому что существует постоянное сопротив-

ление, но все же для выполнения задания по выявлению нужных людей у тебя было вполне достаточно времени. У тебя должен был бы быть огромный выбор.

Коунс пристально посмотрел на Ярослава Дубина и продолжил:

— Мне нужен один по-настоящему надежный агент. Именно сейчас! Ну?

Ярослав ответил испытующим взглядом.

— Это плохая новость,— тихо сказал он.— Неужели дела обстоят настолько скверно?

Коунс поставил бокал на стол и поднялся.

— Да, скверно, Ярослав. Чужаки побывали на Регисе! Они были там до нас! Может быть, это только разведчики, но вполне может оказаться, что они намерены основать там колонию. Мы не знаем. Ясно только, что надо спешить.

Коунс остановился перед звездной картой и указал на одну из планет.

— Это Регис,— он ткнул большим пальцем в точку, а указательным пальцем провел полукруг.— А вот здесь Имир. Имир — именно та планета, которую ищут чужаки, с атмосферой, богатой кислородом, с суровым и холодным климатом. Лучшего мира чужакам нечего и желать. Они уже близко, Ярослав! И представляют для нас огромную опасность, потому что вот-вот обнаружат планету.

До сих пор они обитали в другой части Млечного пути и никогда не оказывались поблизости от нас, но теперь все изменилось. Они в любое мгновение могут появиться снова.

Коунс отвернулся от карты и взглянул на Ярослава.

— Что ты скажешь теперь, мой друг?

Ярослав Дубин почесал в затылке. Известия действительно плохие.

— Работа здесь, на Имире, засасывает меня, как трясина, на каждом шагу — препятствие. Сколько раз я думал, что нашел, наконец, потенциальных агентов, но снова и снова ошибался. Выступать против постоянного влияния школы и родителей нелегко. Никто не хочет быть добровольно отверженным, тем более что это может доставить огромные неприятности и грозит опасностью. Молодых людей, на короткое время вдохновленных новыми идеями, снова начинают одолевать сомнения. Сегодня я для них лучший друг, а завтра уже агент дьявола, который хочет погубить их. Я неоднократно встречался с подобной метаморфозой, и потому стал относиться к людям скептически. И в такой ситуации ко мне приходят и требуют достойных доверия агентов.

Хмуро помолчав некоторое время, Ярослав добавил:

— С чистой совестью могу рекомендовать только одну молодую девушку. Ей лет семнадцать, но, по-моему, она еще не доросла, чтобы быть надежной.

— У нас нет другого выбора,— мрачно напомнил Коунс.— Кто она?

— Ее зовут Энни Заток. Ее отец занимает руководящую должность на силовой станции. Кажется, он даже инспектор. Однако человек этот чрезвычайно прямолинеен и принадлежит к фанатикам веры, и если дальше он останется таким же въедливым, его в ближайшие десять лет выберут в Совет Старейшин. Согласно их религии, человек вообще не должен иметь никаких собственных мыслей. Девушка пришла ко мне по своему желанию примерно год назад и зарекомендовал себя особенно прилежной ученицей, но...

— Никаких но! Она — наш единственный шанс! Ты должен как можно скорее отправить ее на Землю, но на обычном корабле. Это важно, Ярослав! Я позабочусь, чтобы Бассет узнал о ее прибытии и она попала в его

руки. Он проведет девушке промывку мозгов, чтобы узнать все.

На вопрошающий взгляд Ярослава Коунс дал подробный отчет о событиях, которые привели его к такому решению.

Ярослав Дубин тихо присвистнул.

— Сделать это очень сложно, шанс есть, но слишком слабый.

Коунс пожал плечами.

Во всяком случае, мы должны попытаться.

Ярослав откинулся назад и, закрыв глаза, сказал:

— Сначала я должен все обдумать.

Минуту спустя Ярослав вдруг вскочил, пересек комнату и стал рыться в куче бумаг, пока не нашел то, что искал.

— Через восемь дней она будет готова. Срок достаточный?

— Слишком поздно.

— Я имею в виду не отлет, а прибытие на Землю. Она совершит перелет на корабле «Амстердам», командиром которого является капитан Левенгук — тот самый, что доставил меня сюда с Земли. Он стал моим первым настоящим другом, ему я обязан всеми связями и независимым положением. И хотя сейчас его курс лежит не на Землю, но ради меня, конечно, он сделает крюк.

— Все в порядке,— неохотно признал Коунс.— Еще что-нибудь?

— Конечно, пока не забыл! Я заверю Энни, что не все люди на Земле ужасные и вульгарные, но вряд ли она добровольно покинет свою родину, тем более на нее сильное влияние оказывает семья, и обрыв всех связей будет для нее очень много значить: ведь она выросла здесь и привыкла к определенному образу действий. В глубине сознания она все еще считает, что

отцу нельзя прекословить, поэтому мне необходимо придумать мощное средство давления на нее.

— У тебя есть какая-нибудь идея?

— Девушка часто бывает здесь. Придется сказать ей, что родители, узнав об этом, обещали избить ее, потому что считают, будто я совратил ее. Вероятно, так они и сделают, если действительно узнают о тайне своей дочери. Однажды мне пришлось видеть, как человека гнали бичами по улице, причем бедный парень отвечал только молитвами. Я хотел вступиться за него, но сдержался, потому что не имел права рисковать своим положением. Здесь царят весьма своеобразные обычаи, Сайд.

— Знаю. Планета Имир просто непригодна для людей. Наши планы построены именно на этом,— Коунс на мгновение задумался, потом вернулся к прежней теме: — Можешь ли ты доставить ее на «Амстердам»? И успеет ли корабль стартовать, прежде чем кто-нибудь заметит?

— Конечно. Можете полностью на меня положиться. Энни уже так давно водит за нос своих родителей, что ей нетрудно в подходящий момент ускользнуть из дома. Когда родители хватятся и придут за ней с бичами, Энни уже давно не будет на корабле.

Коунс, взглянув на Ярослава, и покачал головой.

— Не нравятся мне твои намерения,— сказал он.— Ты должен освободиться от всех следов ярости. Поведение имирцев выглядит отталкивающим, но не забывай, что ты тоже один из них. Ты человек, и другие люди — тоже люди. Если не будешь смотреть на все именно так, значит, ты предатель. Это, конечно, не угроза, а просто напоминание о твоих обязанностях, Ярослав.

Ярослав Дубин устало улыбнулся.

— Не беспокойся, Сайд. Я не забыл, что принадлежу своему народу. Именно потому, что мне лучше знакомы условия жизни, я могу вернее судить об этих людях. Лучший метод убеждения состоит в том, чтобы помещать молодых в новые условия, но здесь негде взять новые условия. Энни по-настоящему повезло: ведь ты действительно ее устроишь, когда дело с Бассетом закончится и она убедится в правильности своих убеждений?

— Конечно, если она заслужит.

Ярослав кивнул.

— Ей придется пережить шок, но раньше или позже она поймет истинное положение дел и однажды, когда станет разумным человеком, покачает головой, вспомнив о своем детстве и юности.

— Почему же ты до сих пор не занялся осуществлением этой мысли? — спросил Коунс.— Это же сулит великолепные возможности! Начинай же скорее: направляй молодых людей на Землю группами, отсылай целыми классами, посылай их на Шиву, Цеус, Кунгфу-дзе. Или капитаны кораблей не станут помогать тебе?

— Наверное, нет. У меня есть пара друзей, готовых на многое ради меня, но не стоит требовать от них этого. Сначала надо полностью перетянуть на мою сторону еще нескольких капитанов. Можно проинформировать таких людей, как Левенгук, и привлечь их к сотрудничеству, что гарантирует нам большую безопасность.

— Да, стоит попробовать,— согласился Коунс.— А с Левенгуком можно поговорить прямо сейчас. Если он согласится с нашей идеей, можешь сделать ему такое предложение. Ему придется, конечно, оставить свой корабль. Отправь его к Ву, и тот все объяснит.— Ву уже согласился.

Коунс взял со стола бокал с вином и опустошил его.

— Пора отправляться в путь, Ярослав. Мне действительно жаль, что не могу погостить у тебя подольше, но необходимо как можно быстрее подготовить отъезд девушки. Надо позаботиться, чтобы девушку приняли как положено. Совсем не легко рассчитать все так, чтобы Бассет ничего не заметил. Это настоящая проблема, Ярослав. И если тебе станет тошно, подумай обо мне...

Оба мужчины обменялись понимающими улыбками, хорошо зная, что должны держаться друг за друга. Затем Коунс вернулся в потайную комнату и исчез так же, как появился.

8

Родители Энни редко заходили в тесную, по-спартански обставленную комнату, где жила их дочь. Мало кому бросилась бы в глаза крошечная записка, но Энни знала каждый квадратный сантиметр в своей комнате, так как, подобно большинству молодых имирцев, имела очень мало личных вещей, и каждое изменение тотчас же замечалось ею.

Вернувшись домой и подойдя к столу, чтобы привести в порядок учебники, она сразу заметила маленький белый листок бумаги и торопливо пробежала глазами несколько слов. Ей был известен почерк Ярослава, и она мгновенно поняла, что записка от него.

«Мы оба в большой опасности. Непременно приходи сегодня вечером. Ярослав».

Страх захлестнул сердце девушки. Много месяцев, днем и ночью, Энни опасалась разоблачения и неизбеж-

ных последствий, по ночам ее преследовали кошмары, поэтому она не удивилась появлению записки в комнате и ни на мгновение не усомнилась в ее правдивости, благодарная судьбе уже за то, что родители не успели обнаружить ее первыми. Она только ощутила прилив радости, что они ничем не выдали себя до сих пор, иначе давно бы уже пропала.

Мать еще не знала, что дочь вернулась домой. Энни слышала, как та возится на кухне, когда тихо проскользнула мимо. Отец был еще на работе, но скоро придет. Если немного повезет, у нее был шанс поговорить с Ярославом и незаметно вернуться домой, но, вообще-то, голова отказывалась мыслить ясно, настолько глубоко засел внутри страх.

Обычно Ярослав встречал ее у входа, у двери в маленькую прихожую, где она всегда раздевалась, прежде чем пройти в гостиную и принять участие в разговорах. Однако этим вечером он провел ее прямо в большую комнату.

Энни увидела там чужого мужчину, которого никогда не видела прежде, и почувствовала, как в ней нарастают беспокойство и возбуждение. Скорее бы узнать, какая опасность угрожает ей и Ярославу! Чужак, бородатый пожилой человек, задумчиво смотрел на нее сверху вниз. Молчание стало почти непереносимым.

Наконец Ярослав заговорил:

— Это капитан Левенгук, капитан корабля «Амстердам», один из моих лучших друзей. Он готов спасти нас от огромной опасности. Произошло следующее,— продолжил Ярослав.— Твои родители разузнали, что ты часто посещаешь меня. К сожалению, этим дело не кончилось, потому что они рассказали в Совете Старейшин, и Совет хочет допросить тебя сегодня

вечером, Энни. Всем известно, что это значит. Тебя будут бить, пока не сознаешься, что я совратил тебя.

В обычных обстоятельствах ни один человек на Имире не может отважиться открыто говорить о таких вещах. Кровь ударила Энни в голову, обдав ее невыносимым жаром.

— Но это же неправда! — воскликнула она.

Ярослав пожал плечами.

— Да, но это не имеет значения.

— Совет Старейшин не станет лгать, лишь бы только наказать нас!

Капитан Левенгук откашлялся.

— Боюсь показаться вам непочтительным, но Совет Старейшин Имира пользуется репутацией самого лицемерного и самого лживого Совета во всей Галактике. Спросите любого жителя других планет, который имел с ними торговые отношения. Все так твердо убеждены в лицемерии вашего Совета, что больше ни в чем не верят ему.

— Они увидели шанс отделаться от меня,— напомнил Ярослав,— а потому будут настаивать на самом худшем. Им плевать, совратил я тебя или нет, но они никогда не откажутся от этой мысли и никогда не позволят ни в чем убедить себя. Тебя станут бить, пока ты не признаешь их правоту, а ты пойдешь на это, потому что боль будет ужасной и тебе будет все равно, какой ценой прекратить эти мучения. Они преследуют определенную цель и используют все для ее достижения: им надо отделаться от меня, Энни, а что потом станет с тобой — им все равно.

Левенгук снова вмешался.

— Ярослав наш друг, и до сих пор мы заботились о том, чтобы с ним ничего не произошло, но если его обвинят, мы больше не сможем защитить его. По местным законам, если против него будет выдвинуто

тяжкое обвинение, он подлежит суду, и ничто ему тогда не поможет.

Энни совсем растерялась, не зная, что и сказать. Оба мужчины молчали, понимая, что творится в ее жизни.

— Что же нам делать? — спросила она наконец в полном отчаянии.

— Существует только один выход,— жестко сказал Ярослав.— Ты не должна попасть им в руки.

— Как же помешать этому, Ярослав? Куда мне бежать? На Имире не найдется ни одного человека, который поддержал бы меня. Я умру от голода или замерзну.

— Да, Энни, здесь тебе никто не сможет помочь. Но ты часто говорила, что охотно посмотрела бы на другие миры. Вот и считай, что тебе представляется такая возможность. «Амстердам» стартует через два часа, и ты должна быть на борту!

Энни в ужасе широко раскрыла глаза.

— Я не могу этого сделать... — прошептала она.

— Ты должна,— настаивал Ярослав.— Если откажешься, придут полицейские и забьют тебя палками. Но это будет только начало. Если ты сразу не признаешься в том, в чем они тебя обвиняют, в твои раны будут втирать соль, а потом подвесят тебя над бочкой и погрузят в ледяную воду. Ты же видела, как они обращаются с «изменниками». Они не знают пощады!

Энни была знакома с этим. В пятнадцать лет ей пришлось наблюдать такой процесс впервые: пока истощенные, почерневшие от пыток мужчина и женщина, обвиняемые в измене и грехах, сидели перед судом и, мучимые жестокими слугами-палачами, выкрикивали покаяния, дети должны были громко петь, чтобы заглушить их крики. Энни, вспомнив об этом,

содрогнулась и заставила свои мысли течь по другому руслу. Ведь в ней дремали желания и мечты. Как часто ей хотелось жить под теплым солнцем, видеть голубое сияющее небо и сбросить с себя раздражающие многочисленные одежды! Вспомнив об одеждах, она поняла, как они мешают ей сейчас, но если при Ярославе скинуть лишнее было делом привычным, то присутствие чужака это, конечно, полностью исключало. Строгое воспитание, полученное ею, преодолеть было нелегко.

Преодолевать, кроме того, пришлось и другие затруднения. Хотя страх был велик, ею двигали также и другие чувства. Может быть, она и в самом деле совершила большое преступление? Тогда избиение было справедливым наказанием. Ведь она солгала своим родителям и позволила Ярославу ввести себя в искушение. И теперь, когда он предоставлял ей последний шанс выйти сухой из воды, она колебалась: избиение и мучения казались ей малой ценой за исцеление души.

Энни попробовала взглянуть на себя со стороны строгими глазами судьи, и поняла: у этого человека не будет ни одного шанса, если она пройдет очищение судом.

Но разве капитан Левенгук не назвал честных, прямых людей — старейшин — самыми большими лицемерами и лгунами в Галактике? Она удивленно взглянула на капитана. Однако и этот человек казался ей вполне частным и порядочным, просто невозможно поверить, что он мог быть лжецом.

Ею овладела нерешительность. Мысли кидались из одной крайности в другую. У нее закружилась голова, и она сделала шаг вперед, пытаясь нащупать опору, но колени бессильно побогнулись, и девушка упала, вытянувшись во весь рост на ковре. До нее еще донеслись слова Ярослава:

— Она потеряла сознание.

Но прежде Энни успела удивиться довольному тону его голоса...

— Ну как? — услышала она озабоченный высокий женский голос.

Энни показалось, что голос доносится откуда-то издалека и в нем слышится странный акцент.

Вскоре мысли ее прояснились. Конечно! Так говорил посетитель Ярослава, но тогда она вообще ничего не осознавала. Открыла глаза, она увидела белый потолок комнаты, потом повернула голову набок: у ее постели сидела молодая женщина с каштановыми волосами.

— Вы миссис Левенгук? — слабым голосом спросила Энни.

— Нет, я корабельный врач,— улыбнулась женщина, одетая в белый китель, из карманов которого торчали блестящие инструменты.— Наконец-то вы пришли в себя. Это первый вопрос, который вы задали на борту корабля.

Энни лихорадочно соображала. Мягкая постель... Никогда прежде ей не приходилось лежать в такой мягкой удобной постели. Не было привычного ощущения холода. Она была накрыта только одним-единственным покрывалом, однако, несмотря на это, не мерзла и чувствовала себя странно свободной и вольной. И вдруг с ужасом поняла, что на ней нет никакой одежды.

Торопливо натянув покрывало на плечи, Энни густо покраснела, хотя рядом была только женщина.

— Вы знаете, где находитесь? — с дружеским участием спросила врач.

Энни кивнула.

— Что произошло? — тихо прошептала она.

— Вы потеряли сознание в доме Ярослава Дубина. Когда капитан Левенгук доставил вас на борт, чтобы оказать помощь, вы все еще были без сознания. Оно и понятно: жара в доме Ярослава и много одежды, а также пережитое волнение — одно наложилось на другое, спровоцировав лихорадку, и вы не приходили в себя несколько дней, но теперь, надеюсь, все позади.

Врач встала и ободряюще улыбнулась Энни.

— Не бойтесь некоторой слабости, скоро вы снова встанете на ноги и почувствуете себя здоровой.

Она собралась уже уйти, но вернулась к постели.

— Что вы чувствуете, Энни? Я имею в виду: как вы относитесь к тому, что произошло?

Энни беспомощно махнула рукой.

— Пока не знаю. Собственно говоря, я должна была бы бояться и испытывать глубокое раскаяние, но вместо этого чувствую большое облегчение.

Врач кивнула.

— Я дала вам успокаивающее. Действие его скоро ослабеет и пройдет совсем.

— И я стану думать по-другому? — в ужасе спросила Энни.

— Да, ты все станешь воспринимать иначе, Энни,— с внезапной доверительностью сказала врач.— Я должна тебе кое-что объяснить. В бреду ты говорила разные странные вещи, которые девушке из какого-нибудь другого мира и в голову не могли прийти. Сколько же тебе лет, Энни, пятнадцать?

— Мне почти восемнадцать,— обиженно ответила Энни.

Врач только улыбнулась.

— Еще хуже, девочка. Имир, должно быть, сущий ад, если молодые люди там верят в бессмысленные вещи. По-моему, такие идеи хуже возбудителей самой страшной болезни.

— Не понимаю...

Врач провела рукой по волосам девушки и рассмеялась.

— Успокойся, милая девочка. Скоро ты поймешь, что я имею в виду.

— Милая девочка! — Энни была обижена. Она не ребенок и, кроме того, для своих лет довольно рослая, но тут поняла, что врач была по крайней мере сантиметров на тридцать выше ее. Так же, как и космические путешественники, которых она видела у Ярослава, были выше среднего имирца, причем намного.

Врач, поняв ее недоумение, объяснила, что имирцы, в течение столетий жившие в холоде и неполноценно питаясь, постепенно измельчали. Энни удивилась и расстроилась, узнав, что строгие, считавшиеся единственными разумными людьми имирцы на самом деле были далеко не лучшими представителями человеческой расы.

9

Постепенно лекарство утрачивало свое действие, и в Энни проснулось странное, как чистый источник, чувство, до сих пор ей незнакомое,— ожидание неизвестного.

Ей принесли неизвестные кушанья, оказавшиеся очень вкусными, а также новую одежду, но к ней привыкнуть было не так просто, как к еде. Энни считала, что одежда, помимо защиты от холода, должна выполнять еще одну важную функцию — скрывать тело. Ей уже приходилось носить чужую одежду — в дом

Ярослава, но это было только игрой. Реальность оказалась куда более пугающей.

Короткую юбочку в складку она робко отклонила, не захотелось ей надевать и сари, в то время очень модное на Земле, не отважилась она взять и вуалеподобную накидку с Цеуса, а выбрала себе плотно застегивающийся, похожий на пижаму шелковый костюм с Кунг-фу-дзе.

Она оробела еще больше, когда врач вывела ее из госпитального отсека, но покорно следовала за женщиной, тем более что та пыталась приободрить девушку.

— Неуверенность скоро исчезнет, Энни.

— Куда же мы все-таки летим? — запинаясь, спросила Энни, торопливо следуя за широко шагающей женщиной-врачом.

— Куда? Мы уже на месте, девочка. Ты все четыре дня пролежала без сознания. Сейчас корабль вошел в атмосферу, и скоро наш полет закончится.

Новость ошеломила Энни. Страх снова захлестнул ее. Потеряно четыре дня жизни, четыре решающих дня! Как во сне, она шла за женщиной по длинному коридору, почти не замечая от волнения попадающихся им навстречу людей. Члены экипажа дружески кивали врачу и бросали на Энни любопытствующие взгляды.

— Мы изменили курс,— объяснила женщина-врач,— чтобы вырвать тебя из рук жаждущих крови преследователей. Ярослав — наш друг. Каждый космонавт знает и ценит его. Для кого-нибудь другого мы вряд ли пошли бы на риск похищения. Ярослав по-настоящему хороший человек, поэтому мы сделали крюк и направились с Земле.

Земля! Женщина объясняла какие-то технические подробности, но Энни пропустила все мимо ушей. В ее висках пульсировала кровь. Земля! Непостижимо!

Сколько раз она мечтала о Земле, где люди жили свободно и наслаждались своим существованием! Но тогда это были только иллюзии, а теперь, когда мечты стали действительностью, все выглядело совсем по-другому. Разве Земля не была источником всего плохого, самой греховной планетой Млечного Пути? Она, родившаяся и выросшая на Имире, не могла думать иначе, страх перед греховной планетой был у нее в крови, превратившись почти в инстинкт. Ее предки покинули ненавистную Землю и нашли себе новую родину, чтобы посвятить себя отречению и молитвам. На Имире это знает каждый ребенок, едва начав говорить и понимать.

Объятая ужасом, Энни механически следовала за женщиной-врачом, не обращая внимания на переплетение кабелей, не замечая ничего вокруг, думая только о своей ужасной судьбе, о переделке, в которую попала исключительно по собственному легкомыслию.

Капитан Левенгук стоял у пульта управления.

— Хэлло, Энни! — дружески воскликнул он, махнув девушке рукой.

Энни едва услышала его, потрясенная множеством впечатлений. И вдруг она увидела, что тяжелые прозрачные плиты иллюминаторов скользнули в сторону, и в централь ворвался мягкий, чудесный воздух. Послышался всплеск.

Корабль плавал на воде, и волны накатывались на его металлический корпус. На Имире вообще нечего было и думать о посадке на воду, потому что море суровой планеты вечно штормило. А здесь глубоко вдающаяся в сушу бухта Рио обеспечивала почти идеальные условия для посадки. Через иллюминатор на горизонте вырисовывался ослепительно-белый город. Маленькие буксиры подошли к кораблю и потащили его в огромный док.

Ничего подобного Энни еще никогда видеть не приходилось: ни сверкающего города на фоне зеленых гор, ни маленьких кораблей, так безбоязненно плавающих по спокойной воде океана. Но она только мельком взглянула на это, потому что небо, ослепительно-голубое, теплое небо с белыми грядами облаков, сливающееся на горизонте с волнующимися зелеными волнами океана, просто заворожило ее.

Глаза Энни сияли.

— Это правда! — выдохнула она.— Это действительно правда!

За ее спиной капитан Левенгук бросил врачу многозначительный взгляд, и женщина, улыбнувшись, кивнула.

Энни оставалась в централи, не в состоянии оторваться от великолепия нового мира, почти не в силах говорить, едва справляясь со все новыми и новыми впечатлениями. На нее также произвел неописуемое впечатление порт с его кранами, строениями и ангарами складов, с работающими людьми и снующими машинами. Везде шумела и бурлила жизнь.

Девушка медленно приходила в себя. Как непривычно все вокруг, как красиво и одновременно пугающе! Сможет ли она когда-нибудь привыкнуть к этому? Что ей делать в чужом и шумном мире? Как ее примут и будут с ней обращаться незнакомые люди? А люди были дружелюбными и открытыми; они смеялись и разговаривали друг с другом и, казалось, не рассматривали радость как грех.

Ярослав рассказывал ей о первой встрече с жителями этого города. Разве его не приняли здесь хорошо?

Подъехала машина. Выбравшийся из нее служащий в ослепительно-белой форме вызвал капитана Левенгука, и они, отойдя к мостику, занялись просмотром торговых документов. До слуха Энни донеслось что-то

о покупателях, которые придут через два часа, но она не поняла, о чем идет речь.

Через некоторое время капитан Левенгук, с удовлетворением кивнув служащему порта, вернулся на корабль.

— Мы можем использовать свободное время и сойти на берег. Энни посмотрит город и купит себе пару обновок. Как ты считаешь, Энни?

Энни смогла только молча кивнуть, все еще не веря, что находится на Земле...

Питер Томлин уже более десяти лет работал скупщиком Бассета. Его специальностью были редкие товары с чужих планет, которые после тщательно организованной и проведенной рекламной кампании можно было продать по весьма высокой цене.

Он внимательно просмотрел список грузов «Амстердама». С Имира, конечно, ничего подходящего ожидать не приходится, потому что эта холодная отсталая планета просто не могла быть торговым партнером. Но «Амстердам» побывал еще на двух планетах, и поэтому у него на борту стоило поискать что-нибудь интересное. Во всяком случае, Томлин был не из тех, кто любит упускать возможности, и всегда оказывался на месте, если подворачивалась какая-нибудь торговая сделка.

Суперкарго «Амстердама» не был ему знаком, но благодаря профессии у Томлина выработалась способность быстро приобретать себе друзей, и уже через полчаса оба мужчины болтали, как закадычные приятели. Других скупщиков не было видно. По-видимому, зная, что «Амстердам» прибыл с Имира, они даже не дали себе труда просмотреть списки его грузов. Томлин умело направил разговор в интересующее его русло.

— Почему вы так редко бываете в Рио? — непринужденно спросил он.— Вас не часто увидишь на Земле!

— К сожалению. Мы в основном курсируем между другими планетами, по большей части совершая посадки в скучных местах и перевозя скучные грузы: эмбрионы скота, государственные заказы, горючее для ядерных реакторов и другую чепуху. На этот раз мы вообще не попали бы сюда, если бы не из ряда вон выходящее событие: капитан изменил курс после последней посадки.

Томлин навострил уши.

— Что же случилось? — спросил он с кажущимся равнодушием и был вознагражден, когда суперкарго ответил:

— Одна девушка попала в затруднительное положение. У нее что-то было с нашим агентом, а тот лучший друг нашего Старика. Вот мы и забрали малышку, иначе сумасшедшие имирцы убили бы ее.

— И поэтому капитан пошел на дорогое удовольствие изменить курс?

— Не совсем. Мы ничего не теряем: Старик умеет считать. Конечно, многого мы предложить не можем...

Томлин слышал вполне достаточно. Теперь пора позаботиться о деле. Он выбрал кое-что из списка и упорно торговался, пока не добился скидки, но занимался этим почти механически, потому что его не оставляла мысль о девушке. Никогда еще до сих пор девушки с Имира не попадали на Землю, и он, как ни бился, не мог взять в толк, как это космический торговец пошел на немалые затраты из простой любезности.

На всякий случай Томлин рассказал об этой истории своему шефу, Лекоку, и удивился его неожиданной реакции.

— Девушка с Имира? — возбужденно спросил Лекок.— Здесь, в Рио? Как она выглядит? Сколько ей лет? Где она теперь находится?

Томлин, пораженный, ответил, что ему не пришло в голову разузнать подробности, и еще больше удивился, когда Лекок, ударив кулаком по письменному столу, рявкнул:

— Отправляйтесь сейчас же искать эту девушку, Томлин!

Лекок немедленно проинформировал обо всем Бассета.

Бассет, несколько дней внимательно изучающий ситуацию на Имире, не придумал ничего нового и затребовал всю информацию об этой негостеприимной планете. Чем дальше, тем больше он склонялся к мнению, что Лекок прав. Мысль доставить сюда изгнанника из другого мира была просто абсурдной. Жизненному уровню землян грозило неминуемое падение, и раньше или позже, людям придется искать спасения хотя бы даже на холодных, негостеприимных планетах. По-видимому, просочившиеся сведения преследовали какую-то определенную цель. Но Бассет, поразмыслив, отказался от этой версии, решив оставить проблему на рассмотрение социопсихологов. Он нанял лучших людей, но эксперты пришли к такому же мнению и считали эмиграцию с Имира абсолютно невозможной.

Однако Бассету не приходилось занимать упрямства. Считая, что эксперты располагают довольно скудными данными, а официальные сообщения использовать, конечно, не следует, он все же упорно хотел получить правдивые сведения о сложившейся на Имире ситуации, хотел знать, как имирцы думают и чувствуют. Только так можно было что-то понять. Без настоящей надежной информации он вечно будет блуждать в потемках.

Мысли Бассета постоянно возвращались к таинственному посетителю, который объяснил, как разрешить задачу. Все-таки блеф это или правда? Действительно ли у той, другой группы более достоверная информация? Если у тех людей имеется в распоряжении телетранспортатор, способный перемещать людей и предметы на межзвездные расстояния, то так оно и есть. В таком случае агенты группы могли перемещаться беспрепятственно, не вызывая подозрений, а любой другой агент, совершивший перелет обычным способом, конечно, сразу же бросается в глаза.

Итак, неудивительно, что Бассет затанцевал от радости, когда Лекок сообщил ему о прибытии Энни в Рио.

— Великолепно! — воскликнул он.— Это шанс, на который мы рассчитывали. Надо срочно обнаружить местопребывание девушки.

— Я тоже думал об этом,— согласился Лекок,— и послал Томлина искать ее.

— Молодец! Но следует быть осторожными. Дело требует особой деликатности. Девушка практически одинока и, если мои сведения верны, должна испытывать сильный страх перед нашим «ужасным и греховным» миром. Имирцы имеют весьма слабое представление о других мирах, особенно о Земле. Скажи, Лекок, как зовут того парня, которого они так быстро отправили отсюда, потому что он стал слишком сильно интересоваться нашим образом жизни?

— Ярослав Дубин.

— Спасибо, Лекок. План очень прост. Мы выдадим себя за друзей Дубина. Позаботься, чтобы одна из наших секретарш сошлась с девушкой. К сожалению, мужчина здесь ничего не сможет сделать, потому что девушка, вероятно, испытывает сильный страх перед мужчинами. Человек, выбранный для контакта, должен

вызвать у девушки доверие и привести ее к нам. Как только она окажется здесь, заботу о ней возьмут на себя наши психологи, а ты проследи, чтобы об этом не узнал никто из посторонних, потому что ее могут искать после исчезновения.

— Едва ли,— ответил Лекок.— Но, конечно, я буду очень осторожен.

— Договорились. Держи меня в курсе дела. И поторопись!

Бассет положил трубку и удовлетворенно откинулся назад. Вряд ли он был бы так доволен, если бы знал, что в другом месте Коунс потирал руки от удовольствия...

10

Для взрослого капитан Левенгук был слишком несерьезен, во всяком случае так думала Энни. Он находил чисто детское удовольствие в том, чтобы показывать ей всевозможные вещи. Энни это было приятно, потому что отвлекало от ее собственных проблем.

«Амстердам» мог находиться в порту всего несколько часов, так как плата за посадочное место была очень высокой, да и капитан Левенгук торопился наверстать потерянное время. Ничего, после старта корабля она полностью придет в себя, а сейчас хорошо бы как можно скорее найти друзей. Трудность заключалась в том, что Энни никогда еще не приходилось самостоятельно заниматься делами. Не считая того, что дома она посещала Дубина, ей никогда не приходилось проявлять инициативы, у нее никогда не было возможности жить по собственному желанию, потому что

малейшая самостоятельность и независимость на ее родной планете расценивалась как грех.

С каждым шагом все отчетливее давала себя знать ее неопытность, неумение жить свободно и независимо. Чем больше Энни видела, тем подавленнее и неувереннее она становилась. Она чувствовала себя одинокой и потерянной.

Спустя несколько часов капитан, взглянув на хронометр, сказал, что они задержались слишком долго. Он подозвал такси, и они с Энни вернулись в космопорт. Пока он разговаривал с начальством, Энни стояла одна, окруженная чужими вещами и людьми, и думала о своей судьбе, все больше и больше приходя к убеждению, что Ярослав действительно не сделал ей никакого одолжения.

Энни оглянулась по сторонам. После тесноты родного города окружающее ее открытое пространство возбуждало и тревожило. Один из огромных космических кораблей, оставляя за собой огненный хвост, устремился в небо. Сверкание красок, шум и активность людей — все это усугубляло в Энни неуверенность и одиночество.

Мимо, словно ища кого-то, прошла молодая, скромная, опрятно одетая женщина. Бросив взгляд на огромный корабль, она заметила Энни и медленно подошла к ней.

— Извините, пожалуйста,— сказала она, дружески улыбаясь.— Не знаете ли вы название этого корабля?

— «Амстердам»,— с запинкой ответила Энни, привлекая своим акцентом внимание собеседницы.

— Вы здесь чужая, верно? — спросила женщина.— Вы только что прибыли?

Энни кивнула.

— Я с Имира,— робко сказала она и удивилась реакции незнакомки на свои слова.

— Как интересно! — радостно воскликнула собеседница.— Значит, вы прибыли на «Амстердаме»?

Энни почувствовала себя лучше, услышав в голосе молодой женщины открытое, неподдельное участие, и отважилась на улыбку. Казалось, люди здесь быстро вступают в контакт друг с другом.

— Я узнала, что совершил посадку корабль с Имира и тотчас пришла сюда,— объяснила женщина.— Мне, собственно, всего лишь хотелось услышать о моем старом друге. Он имирец. Я познакомилась с ним несколько лет назад и очень часто думаю о нем. Может быть, вы его знаете. Его зовут Ярослав Дубин.

— Конечно, знаю! — радостно воскликнула Энни.— Какое замечательное стечение обстоятельств! Действительно замечательно, что я встретила человека, знакомого с Ярославом.

Увидев на нежном лице молодой женщины удивление, она поспешно рассказала, что ей пришлось вынести.

Женщина внимательно выслушала ее, потом покачала головой.

— Этого я от Ярослава не ожидала. Как он мог отправить вас сюда такой неподготовленной?! Понимаю, надо было спасать вашу жизнь, но он, по крайней мере, должен был позаботиться о вашем будущем. Впрочем, меня зовут Долорес Лоренцо, можете звать меня Долли. А где капитан? Мужчина не может позволить вам стоять здесь просто так. Мне хочется сказать ему несколько слов.

Потом все произошло очень быстро. Энни была так рада найти себе подругу, которая, по-видимому, желала ей добра, что без сопротивления позволила молодой женщине усадить себя в такси и смущенно опустилась на мягкое сиденье. Женщина, не умолкая, разговарива-

ла, решив позаботиться об Энни и облегчить ей первые дни жизни в новых условиях.

Энни не задала ни одного вопроса, боясь показаться глупой или неблагодарной, хотя, конечно, удивилась, когда автомобиль привез их в город и остановился перед огромным зданием. Здание было абсолютно не похоже на жилые дома, но она держала эти мысли при себе, потому что не имела достаточного опыта в таких делах и могла ошибаться.

Попадающие навстречу мужчины и женщины смотрели на нее удивленно, заставляя Энни мучиться в догадках, почему они интересуются ею. Потому что она чужая?

Энни чувствовала себя не в своей тарелке, но одни впечатления сменялись другими, снова и снова отвлекая ее, и она не успевала задать ни одного вопроса. Никогда прежде ей не приходилсь видеть такого высокого и такого нового здания. Всюду блеск стекла смешивался с блеском металла. Стены коридоров, обклеенные дорогими обоями, украшали картины. Проходящие мимо женщины в тонких одеждах, не скрывающих, а наоборот, подчеркивающих формы тела, источали пьянящий аромат. Все помещения были расточительно огромны, и использовалась только небольшая их часть. На родине Энни все было иначе: люди ютились в тесных помещениях, хотя их было всего только десять миллионов. Здесь же, в этом гигантском городе, жило гораздо более десяти миллионов человек, и у каждого было более чем достаточно места.

Но самым поразительным изобретением казались ей лифты. Когда Долорес впервые ввела Энни в тесную кабинку и пол внезапно стал давить ей на подошвы, она испугалась. В домах на ее родине не было лифтов,

даже маленькое удобство считалось греховным и дурным.

Лифт остановился, и Долорес повела ее по длинному коридору, потом они вошли в огромную, ярко освещенную комнату. За белым письменным столом сидел мужчина с густыми кустистыми бровями и колючими глазами. На нем, как и на женщине-враче с «Амстердама», был белый халат, из кармана которого торчали разные инструменты.

— Я нашла ее, доктор Голд,— сообщила Долорес.— Все оказалось очень просто. Надеюсь, и ваше задание будет таким же простым и легким.

Врач указал Энни на стул.

— Садись, девочка,— сказал он дружелюбно.

Энни не поняла, что это должно означать, и смущенно переводила взгляд с мужчины на женщину и обратно, потом спросила:

— Что такое? Что вы хотите со мной делать? Я думала...

Долорес Лоренцо пожала плечами. Теперь она выглядела не симпатичной и дружелюбной, а холодной и равнодушной.

— Я сделала то, чего от меня требовали,— объяснила она.

Энни почувствовала себя преданной и обманутой. По-видимому, чувства отразились на ее лице, потому что Долорес смягчилась и добавила:

— Я ничем не могу тебе помочь. Да не так уж все и плохо. Доктор сделает это как можно более безболезненно.

Энни, глубоко вздохнув, собрала всю свою энергию, чтобы голос ее обрел силу.

— Скажите же мне, наконец, что здесь происходит? — потребовала она.

— Вы будете делать то, что вам скажут,— ответил врач.— Но прежде хочу сообщить, что как человек вы не представляете для нас особой ценности.

Энни прикусила губу и упрямо замотала головой, почувствовав неизвестную угрозу, но по-прежнему не понимала, что все это значит.

— Как угодно,— сказал доктор Голд и нажал кнопку.

Стена скользнула в сторону, и к Энни подошли несколько мужчин, также одетых в белые халаты. Она с ужасом поняла, что страшные истории, которые рассказывал им школьный учитель о Земле и ее жителях, были только частью жуткой правды.

Ее загипнотизировали и напичками наркотиком правды, а потом проникли в сознание и вырвали все самые тайные мысли. Все ее слова, крики и рыдания — все было записано и расшифровано, пока не стало совершенно ясным и понятным. Не было больше никаких личных мыслей, никаких личных воспоминаний, все было систематически изъято из ее мозга...

Дом Фальконетты стоял на самом берегу Индийского океана. Во время прилива волны накатывались на стеклянный потолок ее огромного жилища. Был особенно высокий прилив, когда Фальконетта и Рам Сингх сидели в зеленоватых сумерках, нетерпеливо ожидая чего-то, изредка перебрасываясь словами и чувствуя, как нарастает в них нервное напряжение.

Хотя они и ждали этого, но все же вздрогнули, когда прозвучал звонок трансфэкса. Фальконетта тотчас встала и открыла невидимую для непосвященных дверь.

Коунс вошел в помещение, кивком головы предупреждая все вопросы.

— Он получил ее,— сообщил Коунс.— Вероятно, его люди начали работать с ней и уже выжали бедную

девушку, как лимон. Как долго она сможет выдерживать это?

— Долго ей не выдержать,— сказала Фальконетта.

— Но все же она протянет достаточно, чтобы привести Бассета туда, куда хотим мы,— добавил Рам Сингх.— Он должен иметь время убедиться, что у нее больше нет никаких тайн. Тогда можно считать, что наш план удался.

Коунс согласился.

— Двух недель должно хватить. Когда Бассет обнаружит, что выжал из нее всю необходимую для него информацию, он может использовать более сильные средства и тем повредит здоровью девушки. Этого допустить нельзя.

— И как же ты собираешься вырвать ее у него? — поинтересовалась Фальконетта.

— Мы просто используем трансфэкс.

— Тогда Бассет тотчас узнает, что это мы играем с ним,— возразил Рам.— Зная о существовании нашего аппарата, он легко вычислит все остальное.

— Ну и пусть,— убежденно сказал Коунс.— Он поймет, как мы сильны. Поймет, что мы предоставили ему источник информации, который, по его мнению, должен быть вполне достаточным. И поняв, что мы заранее знали о результатах, он подпрыгнет до потолка, но, подумав, быстро успокоится.

Рам размышлял некоторое время, прежде чем согласно кивнуть.

— Во всяком случае, звучит логично. Мы сделаем все, что в наших силах. К сожалению, в данный момент ничего другого мы придумать не можем.

— Я чувствовал бы себя значительно лучше, если бы не была затронута наша честь,— вздохнул Коунс, опускаясь в кресло и проводя рукой по глазам.— К сожалению, методы, которыми они пользуются, не

особенно приятные, но я действительно не вижу никакой другой возможности.

— Все это служит, в конечном итоге, благородной цели,— попытался успокоить его Рам Сингх.— Видел ли ты последнюю передачу с Фальконеттой, Сайд?

— Нет. Но, наверное, половина населения Земли видела. О чем она?

— Сериал о последствиях нетерпимости в ранние эпохи истории человечества. Расовые проблемы в Южной Африке противопоставлены по-настоящему человеческому сотрудничеству — очень интересная тема. Ей будет посвящена и следующая передача, которая уже готовится. Там речь идет о гипотетической встрече человека с чужими разумными существами.

— Недурно,— с уважением произнес Коунс.— К сожалению, зрители не знают, как актуален этот вопрос.

— Даже если бы и знали, они едва ли отреагировали бы по-другому,— вмешалась Фальконетта.

— Нашу программу по видео смотрит огромное количество зрителей, но нам дают лишь один час в неделю. Иногда я спрашиваю себя, действительно ли так уж ценно человечество. Как сделать, чтобы люди поняли необходимость признания других рас? Как можно ожидать, что они будут терпеть другие формы жизни, если они презирают своих ближних только за другой цвет кожи или за рождение на другой планете?

— Мы будем продолжать эту работу,— сказал Рам Сингх,— хотя дело, по-видимому, почти безнадежно: ведь даже если нам удастся убедить людей дружески сосуществовать с другими разумными расами и сотрудничать с ними, остается опасность, что чужаки не смогут привыкнуть к нам.

Эту проблему они обсуждали часто, и все трое давно уже нашли решение: при помощи трансфэкса можно

было отправить нужное количество атомных бомб на любую планету, но именно этого они и хотели всеми силами избежать.

В помещении снова прозвучал звонок. Коунс встал и, открыв потайную дверь, увидел на платформе трансфэкса записку. Коунс с отсутствующим выражением лица прочитал ее, а потом снова повернулся к Фальконетте и Раму Сингху.

— Помните, в подводной лодке я спрашивал вас: что в данный момент для нас хуже всего? Можете вы мне ответить на этот вопрос сейчас?

Рам Сингх крепко сжал руками подлокотники кресла, чтобы унять бившую его дрожь.

Коунс кивнул.

— Событие произошло. Вот что сообщает Ву: они обнаружили чужой корабль. Мало того, это случилось на Имире! Ярославу еще ничего не удалось узнать, но факт не оставляет сомнений. Чужие обнаружили нас первыми. Мы интенсивно готовимся, чтобы подготовить всех к этому известию, но, к сожалению, многого ждать не приходится.

Фальконетта и Рам Сингх озабоченно переглянулись. Записка от их товарищей несла приговор человечеству.

11

Корабль мчался сквозь космос, избегая даже обычных кратковременных посадок. Это могло значить только одно — экипаж хорошо знал свою цель. Обычно корабли летали от одной системы к другой, тщательно осматривая все казавшиеся хотя бы немного пригодными планеты, но на этот раз они пролетали мимо

любых планет, направляясь прямо к далекому солнцу, вокруг которого вращался Имир.

Из-за огромного расстояния заметить проявления интерференции можно было только спустя несколько дней. Когда наблюдатель на пустынной планете Регис обнаружил след чужого корабля, тот уже несколько дней находился поблизости от Имира. К несчастью, именно тогда рядом не оказалось ни одного земного корабля, который мог бы немедленно засечь присутствие чужаков. Может быть, чужаки решили, что обнаружили планету с угасающей цивилизацией, и им даже в голову не пришла мысль о пришедшей в упадок колонии человеческой расы, но при более близком знакомстве с планетой они, конечно, поймут истинную природу городов.

И хотя никто не мог знать наверняка, но все чувствовали: чужаки ищут планету для колонизации. Им необходимо жизненное пространство. И чтобы заполучить это пространство, они вынуждены либо поработить, либо истребить живые существа, обитающие на Имире.

След чужого корабля обнаружила Катя Иванова. Все участники экспедиции попеременно должны были сидеть у детекторов, которые регистрировали появление кораблей в радиусе действия прибора. Катя особенно хорошо разбиралась в едва заметных колебаниях стрелок и могла мгновенно прочитать их показания, никогда не ошибаясь, но, обнаружив след чужого корабля, она не поверила своим глазам и еще раз пересчитала результаты показаний. И как ни пыталась она найти ошибку, снова и снова получался тот же ужасный вывод.

Она записала полученные результаты на бумажку и вручила это сообщение Ву, руководителю экспедиции.

Ву долго сидел за письменным столом, устремив взгляд на эти непогрешимые вычисления, потом медленно поднялся и скомкал записку.

— Мы проиграли,— он горько усмехнулся.— И, тем не менее, надо как можно быстрее сообщить новость нашим людям. Пусть немедленно все бросят и соберутся здесь. Может быть, у кого-нибудь появится нужная идея.

— А если никому ничего не придет в голову?

— Боюсь, тогда нам придется применить более сильные средства,— подавленно ответил Ву.

Катя включила интерком:

— Бросайте работу и немедленно идите сюда!

Подавленная, безрадостная группа собралась на площадке — обычном месте встреч. Площадка, расположенная между хижинами и бараками в экваториальном опорном пункте на Регисе, служила опорой для большого трансфэкса, могущего переносить огромные тяжелые предметы. Это место было выбрано потому, что дожди здесь шли редко и почти всегда безоблачное небо давало возможность проводить оптические наблюдения. Были, конечно, в этом и свои минусы: нещадно палящее солнце сильно отравляло жизнь членам экспедиции.

Ву вскарабкался на платформу трансфэкса и взглянул на мокрых от пота людей, с волнением ожидающих, что же он скажет.

Анти Дриан вяло моргал. Теперь все потеряно для него смысл. Его приняли в группу, отныне он, как и все остальные, не мог вернуться домой, потому что у них больше не было дома. Таковы правила: каждый принятый в группу должен был отказаться от прошлого. Знание величайших тайн Вселенной и чрезвычайно возросшая ответственность делали это просто необходимым. Группа была и семьей, и родным домом.

Ву взял мегафон:

— Мы обнаружили след чужого корабля,— начал он без обиняков,— прилетевшего, как удалось установить, прямым курсом от своей планеты к планете Имир. Ненадолго приземлившись там, он теперь возвращается к себе на базу — в этом не осталось сомнений. Нам известно, какой климат и состав атмосферы предпочитают чужаки. Они, судя по всему, вернутся, чтобы заселить Имир. Какие последствия это может иметь для нас с вами, говорить не приходится.

Итак, вероятно, пока еще только экипаж корабля знает о существовании на выбранной ими планете других разумных существ. Для возвращения на базу кораблю понадобится около семи дней, из них один уже прошел. Примерно через два дня он пролетит мимо нас. При помощи трансфэкса можно конечно, доставить на корабль атомную бомбу и уничтожить его вместе со всем экипажем. Этим, однако, мы ничего не добьемся, если учесть, что чужой корабль с самого начала летел именно к Имиру. Ведь это значит, что чужаки заранее знали о существовании здесь планеты. Стоит только кораблю бесследно исчезнуть, как у них возникнут подозрения, и они направят сюда новый корабль, но если потеряют и его, то могут прибегнуть к самым крайним мерам. Вероятно, эти существа и мыслят, и реагируют так же, как и мы. Как видите, перед нами стоит самая трудная проблема из всех, какие нам приходилось решать. Кто-нибудь хочет что-нибудь предложить?

Ву, вглядываясь в лица людей и видя только подавленность и обеспокоенность, сочувствовал им, потому что и сам испытывал то же.

Анти больше всего подавляла бесполезность любого начинания, а поскольку он только недавно был включен в группе, у него еще не развилось в достаточной мере

чувство единства с остальными, и его грызла тоска. Он от всего отказался — от родины, от друзей — только потому, что служил общему делу. Работа группы состояла в том, чтобы наладить сотрудничество между людьми и любыми разумными существами из Космоса, если они встретятся. При неизбежной встрече двух разумных форм жизни должен восторжествовать разум, а не эгоизм. Но подготовка была еще не завершена, и преждевременная встреча должна была привести к катастрофе.

Ву после некоторого молчания продолжал:

— Чужие пришли слишком рано,— серьезно сказал он.— Успех был уже не за горами, но нам еще нужно много времени, чтобы быть по-настоящему уверенными в успехе. Сайд Коунс прикладывает огромные усилия, чтобы повлиять на Бассета, Ярослав Дубин лихорадочно пытается воплотить в жизнь наши планы на Имире. Если бы удалось отодвинуть эту встречу на несколько лет, опасность межзвездной войны существенно уменьшилась бы. Необходимо выиграть время. Если это не удастся, все надежды пойдут прахом.

К своему собственному удивлению, Анти Дриан обнаружил, что у него есть хорошая идея. Робко осмотревшись и видя только всеобщую подавленность, он ничего не сказал, боясь опозориться. Но так как никто ничего не предлагал и Ву, пожав плечами, уже собрался покинуть площадку, Анти остановил его словами:

— Минуточку, доктор Ву!

Ву удивленно взглянул на него.

— Что такое, Анти? — спросил он без всякой надежды в голосе.

— Нам вовсе не обязательно уничтожать корабль,— выкрикнул Анти неожиданно громко, так что все повернулись к нему, и ему не осталось ничего другого,

как продолжить: — Мы же можем заполучить корабль в свое распоряжение, верно? А после этого ничего не стоит сделать так, что его экипаж заболеет опасной болезнью. Неужели вы думаете, что чужаки пошлют сюда новую экспедицию? Они же не знают, что корабль не совершал посадки на планету.

Ву задумался.

— Может быть, этот план осуществим... — протянул он.— Сколько энергии нам понадобится? Можно сказать хотя бы приблизительно?

— Абсурд! — воскликнул один из слушателей.— Невозможно поймать летящий на полной скорости корабль и доставить его сюда с расстояния примерно в восемь парсеков.

— А почему, собственно, и нет? — возразил другой.— Вся загвоздка только в большом количестве энергии.

Закипели споры, посыпались всевозможные доводы. Анти плодотворно руководил дискуссией, в которой все приняли участие. Наконец приволокли счетную машинку, выводились и тут же заменялись формулы.

— Но все-таки как же поступить с кораблем? — спросил чей-то голос.

Все головы повернулись к Ву. Но проблема захвата чужого корабля по-прежнему была не решена.

— Ну, Анти? — Ву поощряюще посмотрел на молодого человека.— Что скажешь ты?

— Мне кажется, мы должны посадить корабль вблизи полюса — там, где он уже однажды садился, взять экипаж в плен и заменить его дубликатами, которых мы заразим опасными микроорганизмами.

— Это же займет много времени,— раздался голос.

Но биохимик группы уже стоял за идею Анти. Во всяком случае, надо сделать все, чтобы привести этот план в исполнение.

Однако скептики все еще не были убеждены.

— План действительно обещает успех,— заявил один из них,— но, к сожалению, у него есть недостаток. Мы должны доставить сюда корабль, а часом позже, заменив экипаж искусственно созданными мертвецами, вывести его на старый курс. Как вы это себе представляете?

У техников, которые должны были обеспечить необходимую энергию, тоже имелись свои соображения.

— Пожалуйста, тише! — крикнул в свой мегафон доктор Ву.— Мы должны обсудить все варианты. Разделимся на группы и возьмемся за решение этой проблемы. Когда чужой корабль достигнет нужной точки, мы должны поймать его трансфэксом. Ясно, что сделать это надо очень быстро. И очень быстро корабль должен быть возвращен на свой прежний курс, чтобы ни один наблюдатель не смог понять, что с ним произошло что-то необычное. На все у нас есть примерно час. Посовещайтесь и скажите, реально ли это.

Группа быстро разошлась, только Анти, сильно смущенный, остался стоять возле платформы трансфэкса.

— Спасибо, Анти,— тепло сказал Ву, опуская мегафон.— Я думаю, мы должны быть благодарны тебе.

Анти скромно потупил взгляд, хотя был невероятно горд собой.

— Ты, конечно, знаешь, что может означать успех твоего плана? — спросил Ву.

Анти кивнул.

— Выигрыш времени.

— Я имею в виду, что он может означать для тебя лично. Отныне мы будем больше обращать внимание на тебя, Анти, поскольку ты обладаешь способностями, весьма необходимыми группе: ты можешь решать сложные комплексные проблемы. Это совершенно осо-

бые способности, таких ни у кого из нас больше нет. Но есть и обратная сторона медали, которая доставит тебе массу хлопот: к тебе все время будут приходить люди и требовать ответов, которые сами они найти не смогут.

Доктор Ву спустился с огромной платформы и подошел к Анти.

— Я не завидую твоим способностям, мой друг. На тебя ложится огромная ответственность. За каждый успех. И за каждый промах.

Внезапно оказавшись в центре всеобщего интереса, Анти почувствовал себя неловко. До сих пор он занимал только подчиненное положение, и у него почти уже развился комплекс неполноценности.

— Еще не понятно, действительно ли этот план так хорош,— скромно сказал он.— Все заняты лихорадочными приготовлениями, а что же могу сделать я?

— Суй нос во все дела, Анти. Я говорю серьезно: вмешивайся во все. Ты должен обнаружить, почему некоторые считают, что из этого ничего не получится, а потом объяснить им, почему они ошиблись. Это твой план, Анти. Позаботься обо всем сам. У нас должно получиться!

12

Ву попрощался кивком головы и отвернулся. Анти, не зная, с чего начать, медленно направился к домику, в котором шла оживленная дискуссия.

— Да это же Анти! — приветствовал его один из людей, когда молодой вошел внутрь.

И прежде чем Анти успел опомниться, у него в руках уже был листок со сложными формулами.

— Как ты считаешь, хватит столько энергии? — услышал он вопрос другого из своих товарищей.

Анти взглянул на расчеты, но почти ничего не понял в них.

— Вы учли, что требуется дополнительная энергия, чтобы доставить сюда различные материалы и механизмы?

— Ну, это не проблема, Анти. Для этого мы используем энергию отправителя.

— Зато надо установить точные размеры и вес тел членов экипажа чужого корабля.

Один из его товарищей снова забрал у него листок и задумчиво уставился на формулы.

— Анти прав,— согласился он.— Ведь у нее нет даже оценочных величин: мы не имеем представления, как выглядят эти чужаки и какой массой хотя бы примерно обладают их тела.

— Давайте рассчитывать по меньшей мере на сто килограммов на каждого члена экипажа,— предложила одна из девушек, сейчас же передавая данные в компьютер.

— Но это еще не решает проблемы. К сожалению, мы не знаем, насколько силен экипаж, какова его численность. Остановимся на цифре двадцать. Если их меньше, проблема отпадает, но если больше, наши дела плохи.

— Почему же? — поинтересовался Анти.— Тогда некоторые из них умрут и будут похоронены на Имире.

— Да... Это, пожалуй, решение. Но нам неизвестен молекулярный вес протоплазмы существ.

— Может быть, биохимики что-нибудь подскажут,— вмешалась девушка.

— Я все равно иду к ним,— сказал Анти.— И если что-то я узнаю, сейчас же передам вам.

Войдя в домик биохимиков, Анти застал их с головой ушедшими в работу: они сидели за таблицами и книгами и уже планировали мутацию одного из безобидных микроорганизмов Имира, чтобы с помощью определенных изменений можно было создать убедительную картину болезни. Им только требовался материал.

— Как же получить культуру этих микроорганизмов? — спросил один из биохимиков.— Мы не сможем начать, не имея на руках базовых экземпляров.

— Ярослав, несомненно, несет на себе какие-то бактерии,— уверенно ответил Анти.— Нужно доставить его сюда. Это единственный имирец, пригодный для наших целей.

Биохимик кивнул.

— Вопрос лишь в том, насколько быстро они растут и насколько подвержены изменению. Ярослав нужен здесь срочно. Теоретические разработки великолепны, и теперь дело только за практическими результатами.

— Есть еще кое-что,— сказал Анти.— Известен ли молекулярный вес чужаков? Когда техники начнут создавать искусственные существа по образу и подобию чужаков, им это понадобится.

После некоторого молчания один из мужчин, пожав плечами, ответил:

— В лучшем случае можно предложить теоретические оценки. У нас вообще нет никакого подходящего отправного пункта.

В других группах Анти не удалось узнать ничего нового. Любые предположения базировались на чистых догадках, но для достижения успеха этого было мало. Однако Анти не покидало чувство, что его план все-таки хорош. Он знал, что группа специалистов приложила огромные усилия, чтобы решить проблему энергии.

Затем он посетил помещение, в котором были установлены детекторы. Катя сидела среди мерцающих экранов и наблюдала за показаниями многочисленных приборов. Когда Анти вошел, она, не поднимая глаз, махнула ему рукой.

Анти молча опустился на стул и огляделся. Катя, по-видимому, обнаружила что-то неприятное, потому что, торопливо выводя на бумажке столбики цифр, вполголоса что-то бормотала. Через некоторое время она вздохнула и выпрямилась.

— Будет очень трудно, но мы можем сделать это, Анти. Специалисты-энергетики получили благоприятные результаты. Мы должны захватить корабль в ближайшие двадцать девять часов и примерно через тридцать часов вернуть его на прежний курс, тогда он сможет достигнуть нормальной скорости, и не возникнет никаких подозрений. Это, конечно, только теория. Если что-то не получится даже в мелочах...

Она повернулась на вращающемся стуле и посмотрела в лицо Анти.

— Несмотря ни на что хочу вас поздравить.

Анти потупился.

— Ну, моя заслуга невелика,— смущенно пробормотал он, хотя слова Кати сделали его гордым и счастливым, но в то же время сильно смутили.

— Ты сам скоро увидишь, что предложил, Анти. Уже теперь все специалисты разрабатывают твою идею, так что можешь гордиться. Хотя в разработке принимали участие все, идея целиком и полностью принадлежит тебе.

Она посмотрела на часы и встала.

— Пора идти, Анти!

— Уже? — удивился молодой человек.— Подготовительные работы ведь еще не закончены.

Катя понимающе улыбнулась ему.

— Думаешь, доктор Ву оставит нас одних? В течение ближайшего получаса здесь соберутся самые разные люди. Вот увидишь.

Она провела его к окну и протянула темные очки.

— Надень эти очки, чтоб ничего не упустить!

Анти надел очки и, высунувшись в окно, стал разглядывать площадь. Зрелище было весьма впечатляющим. Сначала прибыли три сотрудника доктора Ву с Кунг-фу-дзе. Их доставила ракета, которая, выйдя из силового поля трансфэкса, кружила теперь над лагерем, отыскивая подходящее место для посадки.

Тем временем прибывали и другие люди.

— Верити! — крикнула Катя седовласой женщине, сидевшей в тягаче и вытаскивающей из силового поля длинную цепь прицепов, груженных электронными приборами.— Что ты такое привезла?

— Полный передатчик! — радостно крикнула женщина в ответ.— В крайнем случае, может быть, нам удастся использовать его в качестве источника энергии.

Она увидела Анти, махнула ему рукой и загромыхала на своем тягаче по площади.

Люди и материалы прибывали непрерывным потоком. Коунс тоже сошел с платформы — как всегда, налегке, имея при себе только свой опыт, но этот опыт был куда важнее любых материальных ценностей. Секретные агенты с планет Шива, Цеус, Нью-Перу и многих других прибыли со своими вспомогательными средствами.

Анти глядел на развертывающееся перед ним чудо, и постепенно его охватило чувство глубокого благоговения. Вот что, оказывается, представляла собой организация, к которой он принадлежал, которой посвятил жизнь, организация свободных людей, желающих мира и свободы для всех. По воле всех ее членов, эти люди не признавали ничьей власти, кроме моральной

ных законов. Ни один человек не имел права властвовать над другим. Организация заботилась об общем благе, даже если это было связано с огромной опасностью. Анти теперь хорошо знал, что интересы, объединяющие их всех, основаны на равноправии всех людей.

Это было похоже на выступление армии.

Со всех планет сюда собрались бойцы этого сообщества, чтобы всем вместе встретить опасность. Прибывающие с холодных планет люди, попав в непривычную жару, не позволяли себе понежиться, а, скинув лишнюю одежду, тотчас же принимались за работу. Зато люди с Земли нашли здесь идеальные условия для работы, и им не пришлось приспосабливаться к новым условиям.

На платформу тяжело шлепнулся другой трансфэкс, предназначенный для доставки сюда большого количества солнечного вещества, из которого предполагалось получить нужную энергию. Еще один трансфэкс установили в полярной области, чтобы выхватить чужой корабль из неизмеримой бездны пространства. Как только аппарат перенесет чужаков в предназначенное место, туда же опустится ракета, прибывшая с Кунг-фу-дзе, и, протащив огромные барабаны с кабелями, размотает нитки кабелей, а по ним в считанные секунды будет подана энергия от лагеря до полюса.

Несколько мужчин и женщин, одев космические скафандры и захватив трансфэкс и переносный передатчик, который привезла с собой Верити, вышли на орбиту вокруг планеты.

План был фантастически смелым. Предполагалось, что трансфэкс, выхватив значительное количество вещества из Солнца, передаст его сюда, и над планетой вспыхнет искусственное небольшое солнце, свободно истекающая энергия которого с помощью передатчика

будет передаваться вниз и при помощи кабелей подводиться к трансфэксу, установленному на полюсе.

Всюду кипела лихорадочная деятельность. Все знали, как много зависит от удачи их плана, и прилагали героические усилия. Ярослава сразу же по прибытии отвели к биологам, и те извлекли из его одежды несколько бактерий, характерных для Имира, и тотчас высеяли культуры, чтобы безвредные микроорганизмы при помощи мутации превратить в возбудителей болезни.

Солнце зашло, но работы не прекращались. Когда на следующее утро оно снова поднялось над горизонтом, кипучая деятельность была уже в разгаре. Каждый человек хорошо знал, что он должен делать. Все приготовления шли настолько успешно, что вскоре техники могли уже провести первое испытание. Все прошло гладко и вполне удовлетворительно.

С горящими глазами, как во сне, Анти Дриан метался по лагерю, едва в состоянии поверить, что его идея стала ощутимой реальностью. Когда на него снизошло вдохновение, он не думал, во что это выльется. Теперь же, представляя сумму затрат, он ужаснулся.

— Анти!

Услышал свое имя, он обернулся и увидел знакомое лицо: Коунс, направляясь к нему, махал рукой. Анти ответил на приветствие довольно робко: Коунс — известная личность, в то время как сам он всего лишь маленький винтик огромной машины.

— Великолепно! — сказал Коунс, широким жестом указывая на панораму кипучей деятельности множества людей. Больше он не произнес ни слова, но для Анти вполне хватило: он не смел и не мечтал о признании со стороны этого человека.

Из домика доктора Ву вышли несколько человек: сам Ву, Катя, седовласый пожилой мужчина и ослепительно красивая женщина. Катя сделала Анти знак подойти, и тот не заставил себя ждать.

— Значит, ты Анти Дриан,— сказала Фальконетта, с восхищением глядя на Анти лучистыми глазами, так что тот покраснел.— Твой план действительно хорош, однако есть маленькая деталь: что ты будешь делать с чужаками?

— Не вводи его в смущение,— рассмеялась Катя.— Мы уже позаботились обо всем,— она указала на седовласого мужчину.— Это Рам Сингх, лучший психолог, какого можно представить. Он взял на себя проблему воспитания людей.

— Что же мне еще остается? — улыбнулся Рам Сингх.— Я должен убедить чужих в том, что мы не хотим причинить им никакого вреда. Это нелегко сделать, не зная языка, придется пустить в ход знаки и символы. К счастью, у меня уже некоторый опыт, но сначала надо доставить их сюда, на Регис. Во всяком случае, это самое важное предварительное условие.

— Об этом мы позаботимся,— вмешался доктор Ву.— Можно начинать хоть сейчас.

Техник еще раз проверил приемник, который должен улавливать собранный в пучок луч энергии, и кивнул.

Доктор Ву дал знак и, когда все заняли свои места, взял мегафон и поднялся на платформу трансфэкса. Он видел обращенные к нему напряженные лица людей, ожидающих последнего приказа. Ву облизнул внезапно пересохшие губы и почувствовал, как судорожно сжался желудок.

Взглянув на часы, он поднял руку.

— Давай! — его голос взорвал нервную тишину, в которую погрузился лагерь.

Анти дрожал от возбуждения. Теперь станет ясно, действительно ли хорош его план...

Долгое время ничего не происходило, но вдруг Фальконетта схватила его за руку.

— Смотри! — крикнула она, глядя в небо.

Средь бела дня на голубом небе вспыхнула новая звезда, созданная людьми из раскаленного вещества Солнца. Только нужда заставила их заняться этим рискованным фантастическим предприятием.

13

Итак, гигантский труд, потребовавший огромных затрат времени и средств, был завершен в долю секунды.

Трансфэкс, с помощью которого был выхвачен огромный кусок вещества Солнца, мгновенно испарился, но прежде дал возможность вспыхнуть на дневном небе маленькой звезде. Исходящую от этой звезды чудовищную энергию передатчик направил на поверхность планеты. При прохождении через атмосферу энергия частично рассеялась, но все еще оставалась невероятно концентрированной, и приемник выдержал неимоверную температуру всего несколько секунд, после чего расплавился и испарился. Толстые кабели тоже раскалились и сгорели. Как огненные змеи, плясали они на неровной почве, а несколько минут спустя легкий ветер уже гнал прочь черные облачка дыма.

Но самое большое чудо произошло на северном полюсе Регриса: находящиеся там люди увидели, как из ничего внезапно возник корабль, который не мог быть построен людьми.

Никто не рассчитывал, что чужой корабль окажется таким огромным, и люди не смогли сдержать испуганных возгласов, когда платформа трансфэкса обрушилась под тяжестью гиганта. Это была трагедия, потому что не существовало другого способа отправить корабль обратно, однако в эти минуты никто не думал об этом. Дело было сделано, только это и имело значение. Грандиозный план был осуществлен.

В первый момент люди удивленно и молча уставились на гигантский корабль, но потом у всех одновременно вырвался вздох облегчения, многие улыбались, хлопали друг друга по плечам. Эйфория длилась до тех пор, пока кому-то в голову не пришла мысль сообщить обо всем в главный лагерь и уведомить доктора Ву о потере большого трансфэкса.

Доктор Ву, приняв сообщение, в задумчивости подошел к Анти.

— И что теперь? — спросил он.— Я тебя предупреждал. Вот и появились вопросы, на которые ты не можешь ответить.

— Почему ты так строг с ним? — удивилась Фальконетта и попросила доктора Ву объяснить, о чем он предупреждал Анти.— Сайд в таком же положении, но он совершенно не отчаивается. Тем более что Анти уже нашел выход,— она повернулась к молодому человеку, улыбаясь доверчиво и ослепительно.— Ну, Анти? Приемник вышел из строя. Как нам теперь попасть на полюс?

— Сейчас узнаю,— сказал Анти, полный служебного рвения, и побежал к техникам.

— Что ты делаешь? — укоризненно спросил Рам Сингх.— Ты совершенно запутала бедного юношу. Будь у него больше времени на раздумье, он, конечно, сообразил бы, что приемник больше не нужен. Наш

трансфэкс может доставить нас в любое место, хотя, к сожалению, это тоже требует энергии.

— Анти милый юноша. Ты завидуешь?

Ву пожал плечами.

— Я всего лишь человек и, может быть, немного ревную. У юноши есть способности, которых нет у меня. Я хотел объяснить, что ему предстоит и какие проблемы могут еще встать перед ним.

— Мне кажется, он и сам знает,— Фальконетта посмотрела вслед Анти, но тот уже исчез в одном из домиков.— Глядя на него, я вспомнила первое время моей работы в группе. Он ведь новичок, верно? Если не ошибаюсь, у него богатая внутренняя жизнь, и он сильная личность.

— Да, он всегда поступает так, как считает нужным.

Анти уже спешил обратно, крича на ходу:

— Все идет как надо! Наш трансфэкс без труда доставит нас на север. Одевайтесь потеплее.

Чуть позже они шагали по замерзшей почве и смотрели на чужой корабль, который, как выброшенный на берег кит, лежал в море света прожекторов. Они находились недалеко от места, где совсем недавно откопали доказательства существования чужаков.

Анти испытывал чувство какого-то опасения: что за существа скрываются за обшивкой корабля? О чем думают сейчас создания далекого мира? Имеют ли они вообще представление о том, где находятся? Сориентироваться по звездам можно только если они сами хоть раз побывали на Регисе или имели звездную карту этого района Галактики.

В лихорадочном возбуждении люди ждали, когда доктор Ву подойдет к кораблю и осмотрит его со всех

сторон. Большой прожектор высвечивал едва заметные контуры люка.

В общих чертах корабль этот не сильно отличался от кораблей землян, что совсем не удивительно, потому что любые разумные существа в конце концов подчинялись одним и тем же физическим законам, справедливым повсюду. Способ перемещения тоже, казалось, существенно не отличался от земного. И все же, несмотря на внешнее подобие, этот корабль казался чужим, угрюмым и угрожающим. У Анти возникло то же странное ощущение, что и в тот момент, когда он выкопал катодную трубку.

Конечно, в ожидании исторического события люди строили всевозможные предположения, и теперь, когда это, наконец, свершилось и предстояла встреча с чужим разумом, Анти был доволен, что и он внес свой вклад в общее дело: именно предложенный Анти способ встречи с чужими разумными существами позволял не опасаться чрезмерно этих существ, у которых, должно быть, все еще скованы страхом руки и ноги.

Ирония судьбы заключалась в том, что для установления дружеского сотрудничества людям пришлось прибегнуть к таким жестоким мерам, но все признавали необходимость этих мер, однако никто не знал, как чужаки будут вести себя.

Рам и Фальконетта горячо спорили о том, как объяснить чужакам мирные намерения людей. Анти охотно приблизился бы к этим двоим, потому что его живо интересовала тема, но, испытывая к этим двоим чувство благоговения, не осмеливался подойти.

Ву, закончив обход, присоединился в Раму и Фальконетте.

— Ну, что-нибудь придумали?

— Кажется, да,— Рам Сингх кивнул — Мы будем выжидать и предоставим инициативу чужакам, так

можно лучше понять их образ мышления. Конечно, некоторое время придется подождать. Существа там, внутри, должны привыкнуть к своему положению, а они, вероятно, до сих пор не понимают, что с ними произошло.

— Вам виднее,— сказал доктор Ву.— Во всяком случае, мне это подходит: буду по очереди отправлять людей в главный лагерь, чтобы они смогли отдохнуть после напряжения последних часов.

Потом, взглянув на Анти, добавил:

— А как быть с тобой? Ты же полностью выдохся.

— Я хочу остаться здесь и понаблюдать за дальнейшими событиями,— ответил Анти.

— Он заслужил это,— пришла ему на помощь Фальконетта, заметив колебания Ву.

Доктор Ву согласно кивнул и вернулся к своим делам.

Шли часы. Анти охотно вернулся бы в тепло главного лагеря и отдохнул, потому что больше ничего не происходило. Биохимики, которые уже вывели свои культуры, теперь опасались, что им не хватит времени, чтобы изготовить искусственные копии членов экипажа. У специалистов по обеспечению тоже хватало забот: кто знает, в чем нуждаются чужаки. Может быть, придется выгружать находящиеся на корабле припасы.

Катя рассчитала тот предел времени, в который они должны уложиться. Чтобы не возбуждать подозрений, захваченный корабль надо поместить в ту точку пространства, которой он достиг бы к этому моменту естественным путем. Чем больше проходило времени, тем дальше отодвигалась нужная точка. Скоро наступит критическая граница, потому что находящаяся в их распоряжении энергия не безгранична.

Шесть часов прошли в нетерпеливом ожидании.

Наконец Ву созвал людей на совещание, чтобы обсудить ситуацию. Они собрались под защитой одной из скал, где не так допекало солнце. Рам, Фальконетта и Коунс были основными докладчиками, остальные, затаив дыхание, слушали их.

Ву резюмировал мнения.

— Есть две возможности,— сказал он задумчиво.— Или экипаж настолько парализован шоком, что не способен действовать, или наше вмешательство причинило вред существам, потому что мы не смогли предусмотреть все. Вторая возможность кажется мне более вероятной. Ждать больше нельзя, пора что-то предпринять. Весь вопрос в том, что надо сделать.

— Мы должны посмотреть на чужаков,— предложил Анти, чувствующий себя теперь более решительно и свободно. С тех пор, как он предложил свою первую идею, его уверенность в себе возросла. Он больше не был новичком, на которого взваливали всю черную работу, теперь он стал самостоятельно действующим и всеми уважаемым членом могучей организации.

— Как ты это себе представляешь? — спросил Ву.

— Очень просто,— ответил Анти.— С помощью трансфэкса одного из нас надо отправить на корабль. Я готов предложить для этого самого себя.

Присутствующие, переглядываясь, обдумывали предложение. Коунс, задумавшись всего на мгновение, кивнул.

— Это, кажется, самый лучший выход,— сказал он.

При помощи ультразвука было обнаружено подходящее пустое помещение на корме чужого корабля — большой, наполовину пустой склад, как нельзя лучше подходящий для тайного вторжения.

Когда Анти открыл глаза, он висел в воздухе в тридцати сантиметрах над полом, и это было удачей, потому что при материализации очень важно было попасть в пустое пространство. Если бы в расчеты вкралась ошибка, он мог оказаться впечатанным в твердый материал, откуда не выбраться без посторонней помощи. Кроме того, существовала опасность взрыва.

Грохнувшись на пол, Анти подумал, что звук от его падения прокатился, наверное, по всей Вселенной. Он инстинктивно заполз в угол и замер там, прислушиваясь, не сомневаясь, что сейчас кто-нибудь явится на шум. Но ничего не произошло, и он решился включить свой карманный фонарик и взглянуть куда он попал.

Луч фонарика скользнул по полкам, заставленным бесчисленными плоскими сосудами, часть их которых попадали на пол при его «приземлении». Когда Анти отважился выбраться из своего угла, ему то и дело приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на свалившиеся посудины.

С дверным запором Анти справился легко, дверь бесшумно скользнула в сторону, открыв длинный коридор, освещенный красноватым светом, что не удивило Анти, так как чужаки предпочитали системы красных звезд.

Анти, крадучись, пробирался вперед, прислушиваясь и стараясь избегать всякого шума. Состав атмосферы внутри корабля не вызывал опасений: чужаки дышали почти таким же воздухом, как и земляне, хотя температура была значительно ниже. Анти замерз, но не знал, холод или страх заставлял дрожать его руки и ноги. Нос улавливал знакомый запах — аммиака и серы.

В четырех метрах впереди находился поперечный коридор. Анти уже собирался свернуть туда, как вдруг послышался шум. Он плотно прижался к стене и тут

увидел чужаков, спешащих к пересечению коридоров. Существа несли с собой предметы, назначения которых Анти не сумел понять. Вероятно, те так торопились, что не заметили вторгшегося к ним человека, хотя пробежали буквально в двух метрах от пытавшегося вдавиться в стенку Анти.

Итак, экипаж корабля не был ни парализован, ни психически подавлен. Но тогда почему они молчали? Почему не дали о себе знать сразу после посадки?

Внезапно в поперечном коридоре вспыхнул яркий желтый свет, и сразу же Анти ощутил дуновение холодного воздуха. По-видимому, чужаки открыли шлюзовый отсек.

Анти был немного разочарован. Выходит, он не первый человек, который столкнется с чужаками лицом к лицу, с глазу на глаз? Но делать нечего — остановился и стал ждать, что будет дальше.

Раздался треск, и сразу еще раз, и еще. Послышался странный крик, и мимо Анти, по поперечному коридору, пробежали несколько существ. Теперь он гораздо лучше разглядел то, что они несли: длинные трубки, окруженные маленькими, насаженными на них цилиндрами. Это, несомненно, было оружие.

Едва поняв это, Анти отчаянно вскрикнул и со всех ног помчался вперед. Достигнув перекрестка, он увидел, как чужаки через шлюзовой отсек выбегали наружу. Одно из существ, опустившись на колено, тщательно целилось во что-то, чего Анти не удалось разглядеть. Раздался звук выстрела и сразу вслед за ним ликующий крик радости.

Потом, заметив, видимо, движение Анти, существо это, одетое в бронированную одежду, повернулось и обнаружило позади себя незваного гостя. Прежде чем Анти успел что-нибудь предпринять, чужак вскинул оружие и выстрелил в юношу.

Анти почувствовал ужасную боль в груди, как будто она внезапно лопнула,и, теряя равновесие, упал, успев еще увидеть невыносимо яркий свет и услышав вой трех ракет с Кунг-фу-дзе, которые доктор Ву предусмотрительно поднял в воздух. Ракеты с воем приближались, но чем это кончилось — Анти так никогда и не узнал, потому что он умер...

14

— Никогда не думал, что когда-нибудь буду чувствовать себя так скверно,— сказал доктор Ву со свойственной ему откровенностью.

Коунс, кивнув, оглядел поле боя.

Оба они, покрытые грязью и мокрые от пота, стояли возле двух уцелевших прожекторов. Нападавшие уничтожили все остальные прожекторы, но и двух было достаточно, чтобы осветить местность.

— Довольно неудачное начало предполагаемого братства,— горько заметил Коунс.— Кто-нибудь знает, что случилось с Анти?

— Я послал группу обыскать корабль.

— Надеюсь ему не причинили вреда,— вздохнул Коунс вытирая со лба пот.

— Нападение произошло внезапно,— сказал доктор Ву.— У нас восемнадцать убитых и несколько тяжело раненых. Их сейчас осматривают врачи, они должны решить, кого еще стоит штопать, а кому лучше позволить умереть, чтобы он мог начать сначала. Положение пока весьма неопределенно. Я так и не знаю точно, что же все-таки произошло.

— Я все видел,— сказал Коунс.— Они открыли шлюзовой отсек и сейчас же напали. Пока один

стрелял, другие выпрыгивали из корабля. По-видимому, они считали, что все потеряно, и решили продать свои жизни как можно дороже.

— Если бы знать, почему они приняли нас за врагов,— задумчиво протянул Ву,— ведь они, кажется, ни на мгновение не усомнились в этом.

Посланная на корабль группа вышла наружу, осторожно опустив на землю тело Анти. Два человека тащили какой-то непонятный предмет. Они захватили также несколько приборов и кое-что из припасов и все это сложили рядом с кораблем.

— Бедный парень! — вздохнул Ву.— Как бы я хотел избежать бы этого, но, увы, мы должны были защищаться.

— Нельзя упрекать себя, Ву,— голос Коунса был тверд.— Мы же не могли позволить захватить себя, а нападающие были весьма агрессивны. Сколько их уцелело?

— Один-единственный. Молодой. Он внизу, в палатке, им занимаются врачи, но до сих пор с ним не удалось установить никакого контакта, хотя специалисты-электронщики даже приспособили для этой цели компьютер. Взаимопонимание возможно только в случае, если чужак не будет так упрям.

— А что мы сделаем с кораблем?

— При нынешних обстоятельствах ничего не сделать, просто ничего. Решено, что мы неузнаваемо обезобразим трупы болезнью и выведем корабль на старый курс. Кроме того, в машинное отделение поместим огромный камень. При помощи трансфэкса сделать это не составит никакого труда. Я думаю, это заставит чужаков воздержаться от посылки еще одной экспедиции и дальнейших боевых действий.

Из динамика донесся голос вызывающий доктора Ву, которому приходилось беспокоиться обо всем.

Коунс, оставшись один, угрюмо смотрел на залитое призрачным светом прожекторов поле боя. Встреча с чужой цивилизацией не особенно обнадеживала. Коунс, как и остальные люди, твердо рассчитывал, что им удастся установить мирные отношения, поэтому разочарование и было таким горьким. Столкновение недвусмысленно показало, что чужаки агрессивны по своей природе.

Коунс вздохнул. Теперь, несомненно, следует использовать все средства защиты. Большой трансфэкс постоянно должен поддерживаться в состоянии готовности, чтобы в любой момент поймать корабль чужаков в случае вторжения.

Пока Коунс обдумывал ситуацию, его товарищи занимались своей работой. Огромная каменная глыба, впечатанная в металл антигравитационного двигателя, вызвала ужасный взрыв, во время которого помещенные в корабль трупы были изувечены еще больше. При таких обстоятельствах можно было вообще отказаться от заражения бактериями. Никто не смог бы обнаружить, что экипаж уничтожен струей огня, все подумали бы, что он погиб при взрыве двигателей. Кроме того, часть внешней обшивки корабля была сорвана. Эта огромная дыра могла объяснить отсутствие одного из членов экипажа.

Ракеты снова проложили кабель, снова вспыхнула маленькая звезда. Тщательная проверка показала, что большой трансфэкс, сломавшийся при посадке космического корабля, сможет еще раз выполнить свое предназначение.

Прошло немного времени — и все было кончено: корабль снова оказался на своем старом курсе. Чужакам придется поломать голову над состоянием корабля и таинственной гибелью его экипажа.

Коунс пошатнулся. Он устал и чувствовал себя разбитым, но предстояло сделать еще многое, чего нельзя было поручить другим. Там, в палатке, находился один-единственный оставшийся в живых член экипажа, от которого, возможно, зависело, удастся ли когда-нибудь наладить сотрудничество с другой цивилизацией.

В красноватом свете, привычном для глаз чужаков, на носилках лежал единственный уцелевший в битве пленник. Коунс внимательно рассмотрел его фигуру и не нашел ее ни отвратительной, ни прекрасной. Перед ним лежало приземистое плотное тело с толстыми руками и ногами. Во всяком случае, ничего отталкивающего в нем не было.

— Кто его связал? — рявкнул Коунс, указывая на крепкие ремни, стягивающие раненого.

— Нам ничего не оставалось,— стал защищаться биолог,— мы должны были обработать его раны.

— Все равно так нельзя! — возмутился Коунс.— Или вы совсем потеряли разум? — он нагнулся над носилками и развязал ремни.— Теперь можете работать дальше.

Биолог неохотно повиновался и испуганно отскочил назад, когда пленник зашевелился.

— Работайте! — приказал Коунс.— Он должен понять, что мы хотим ему помочь.

Глядя на плоское лицо чужака, который устремил на него взгляд, Коунс спросил себя: «А что бы я подумал?». Но сравнение было неудачным, ведь молодой человек на носилках, возможно, был натравлен на землян и никому не доверял. Коунс видел цветные символы на коже пленников. Что это были за символы? Какое они имели значение? Но пока эти вопросы надо отложить, потому что сначала предстояло решить более насущные проблемы.

Освобождение от пут сотворило чудо. Пленник немного сместился, но только для того, чтобы облегчить работу врача. Коунс, довольный этим маленьким успехом, повернулся к лингвисту, который все еще работал с компьютером.

— Как там у вас?

Техником оказалась молодая женщина, с Земли. Она обернулась и покачала головой.

— Никак,— в голосе ее слышалось отчаяние.— Мы знаем, что они пользуются речью, они разговаривали во время боя, но пленник не издал ни одного звука, так что нам не за что зацепиться.

— И все же попытайтесь еще,— устало сказал Коунс.

Он еще раз взглянул на пленника и вышел, чувствуя себя слабым и утомленным. В таком состоянии можно только наделать уйму ошибок. Жаль, что он накричал на биолога. Конечно, тот допустил безобразную ошибку, но ни в коем случае нельзя было разговаривать с ним так грубо. Коунс решил сначала отдохнуть и собраться с силами.

Под защитой нескольких ящиков он соорудил из одолженной ему одежды нечто вроде ложа, опустился на него и мгновенно заснул.

Когда Коунс проснулся, было еще темно, над головой мерцали звезды. Значит, сейчас примерно середина ночи. Короткий, но глубокий сон освежил его. Он поднялся и осмотрелся.

Все вокруг совершенно изменилось, временные домики исчезли. По-видимому, люди вернулись в главный лагерь, чтобы отдохнуть, оставив на всякий случай маленький аварийный трансфэкс.

Коунс направился к аппарату, но вдруг остановился, ослепленный, заслонив ладонью глаза, чтобы понять, кто это выходит из силового поля, услышав знакомый голос:

— У тебя все в порядке, Сайд?

— Конечно, Фальконетта. Я отдыхал. Что в главном лагере?

— Мы здесь для того, чтобы возместить убытки. Рам Сингх должен вернуться на Землю, и мне бы тоже надо с ним, но я лучше останусь здесь, чтобы позаботиться о нашем пленнике.

— Ладно. Ну, теперь я полностью проснулся. Идем же туда!

Пленник все еще тихо лежал на носилках, широко открытыми глазами следя за окружающими. Врачи ушли, оставив его на попечение одной из молодых девушек. Лингвист и один из механиков все еще работали с компьютером. Три молодых человека принесли в палатку припасы, найденные на чужом корабле, а также миску с растаявшим льдом. На все вопросы они только качали головами.

— Он не реагирует ни на что,— объяснил один их трех.— Ничего не ест, не пьет, не издает ни звука.

— А как с компьютером?

— Специалисты сделали все возможное, но им нужен ключ, парень же не произнес ни слова.

Фальконетта внезапно хлопнула себя по лбу.

— Идиоты! — воскликнула она.— Может быть, бедный парень думает, что все эти люди стерегут его. Все должны выйти отсюда!

— Мы не можем оставить тебя здесь одну,— испуганно сказал молодой человек.— Кто знает, что в состоянии сделать чужак?

— Какой вред он может причинить мне? В худшем случае — убить меня,— возразила Фальконетта.— Те-

перь уходите, а мы с ним попытаемся продвинуться вперед!

Все глаза обратились к Коунсу, и тот, не долго думая, кивнул в знак согласия. Лингвист и техник были откровенно рады получить передышку и с готовностью покинули помещение.

Освеженные ночной прохладой, они скоро окончательно пришли в себя и стали задавать Коунсу вопросы.

— Правильно ли она поступает, хорошо ли все обдумала? — озабоченно спросил техник.

— Конечно, хорошо,— ответил Коунс.— На Фальконетту можно полностью положиться.

Однако, несмотря на свою уверенность, ему и самому казалось, что Фальконетта слишком уж долго задерживается с пленником.

Наконец, после длительного ожидания, показавшегося всем бесконечным, дверь открылась, и пленник с трудом, хромая, вышел наружу. Его массивная рука опиралась на плечо Фальконетты.

Девушка отклонила всякую помощь, потому что ее подзащитный ни в коем случае не должен был больше пугаться. Она осторожно усадила его на ящик, и он не высказал никакого сопротивления. Осмотревшись и обнаружив, что корабль исчез, а он остался один в окружении представителей чужой расы, пленник не смог скрыть отчаяния.

Однако Коунс был счастлив. Чужак принял помощь Фальконетты. Это была победа. Коунс бросил на Фальконетту взгляд, который выразил больше, чем тысяча сказанных слов.

Все еще молчали, когда силовое поле трансфэкса вдруг засветилось. Пленник удивленно отступил.

С платформы спустился незнакомый человек и медленно побежал к ним. Движения его были неуверен-

ны, словно он только что научился держаться на ногах. Через несколько шагов незнакомец остановился и уставился на собравшихся. Его беспокойство медленно сменилось неприкрытым удивлением.

Фальконетта подошла к нему и поздоровалась.

— Хэлло, Анти,— сказала она.— Смерть, конечно, была для тебя сильнейшим шоком.

15

После пребывания на полюсе главный лагерь показался Коунсу почти невыносимым пеклом.

— Собственно, мы должны быть довольны, ведь некоторый успех достигнут: пленник больше не замыкается в себе. Конечно, его имя выговорить невозможно, и пришлось дать ему новое, а поскольку он легко выговаривает слово «друг», мы решили так его и называть. Впрочем, это может иметь благоприятные последствия, если ему когда-нибудь удастся научиться понимать нашу речь.

Он взял еще один сандвич с тарелки, стоящей на письменном столе Ву, и жадно проглотил его.

— Все это замечательно. Но когда же мы начнем заниматься с ним? — спросила Катя.— Нельзя же держать его здесь, на Регисе, в изоляции, но нельзя и отправить его на Землю,— она откинулась назад, положив ногу на ногу, и вопросительно взглянула на присутствующих.

— Можно сделать из него своего рода посла,— предложил Ву.— Но прежде всего надо удержать его здесь. Позже, когда наступит подходящее время, мы отправим его домой, чтобы он мог рассказать своим о наших дружеских намерениях.

— Это все дела будущего,— вмешался Коунс.— К сожалению, в настоящее время перед нами стоят очень серьезные проблемы. Чужие, конечно, не останутся равнодушными, обнаружив, что один из их кораблей вернулся с мертвым экипажем и полностью разрушенным машинным отделением. Они отправят новую экспедицию, чтобы выяснить причины несчастья, и, конечно, снова полетят прямо на Имир. Им нужна эта планета, потому что она предоставляет идеальные условия для жизни.

— Но в следующий раз мы уже будем подготовлены, и нам не придется импровизировать. Наученные горьким опытом, мы не должны идти ни на какой риск, если не хотим загубить все дело. На этот раз все обошлось еще более или менее ничего, но в следующий...

— Анти Дриан, по-видимому, придерживается на этот счет другого мнения,— перебила Катя.— На его взгляд, все предприятие было сплошной ошибкой. Если чужие сочли, что они вынуждены защищать себя, значит, мы допустили где-то ошибку.

Коунс проглотил последний сандвич. Теперь он был сыт, а потому в хорошем настроении.

— Анти, конечно, представляет для нас проблему, но есть вещи и похуже.

Ву серьезно кивнул.

— Его теперешняя депрессия снова привела в шоку. Я, похоже, ошибся в предположениях, поскольку ожидал совсем другой реакции. Пройдет много времени, прежде чем он снова обретет прежнее самообладание. А жаль. У него светлая голова, и он мог бы быть полезен.

— Состояние Анти меня больше не беспокоит,— самоуверенно заявил Коунс.— Я уже знаю, как привести его в чувство: едва он начнет привыкать к своему

новому телу, мы поручим ему важное задание. Только так он обретет уверенность в себе.

Никто и представить себе не мог, что на уме у Коунса уже есть определенное задание для юноши. Даже Ву не стал больше говорить об этом и сменил тему.

— Нельзя же вечно уводить чужаков от Имира,— заметил он задумчиво,— хотя пока, конечно, мы вынуждены будем предотвращать каждую их попытку высадится и, если потребуется, даже с применением силы. Но следует как можно быстрее привести в исполнение наши планы. Мы должны переселить оттуда все население планеты.

Коунс, соглашаясь, кивнул.

— Мне бы хотелось еще раз в общих чертах обрисовать нашу задачу. Наибольшая сложность заключается в том, что планета Имир заселена людьми, которые не имеют ни малейшей склонности встречаться с представителями чужой расы, не говоря уж о том, чтобы принимать их у себя. С другой стороны, для чужаков Имир — это идеальные условия жизни, потому они и сконцентрировали на нем все свое внимание. Решение проблемы надо искать в том, что, хотя планета Имир и заселена, условия жизни на ней весьма неблагоприятны и она не годится для проживания людей.

Окинув присутствующих внимательным взглядом, Коунс продолжал:

— Что же теперь является нашей целью? Мы хотим сплотить всех людей в единое общество и преодолеть возникшую в последние столетия разобщенность. Это трудная задача, потому что разные планеты заселены разными человеческими обществами, которые в результате длительной изоляции выработали весьма своеобразные воззрения. Мы должны воспитывать в людях

известную терпимость, чтобы подготовить их, рано или поздно, к неизбежной встрече с другими разумными существами. Чем лучше будут подготовлены люди, тем легче им будет жить в новых условиях. Этой цели можно достигнуть сравнительно просто. Мы отдадим чужакам Имир, доказав тем самым наши добрые намерения. На самом деле это не такая уж крупная жертва, потому что Имир для людей, несомненно, слишком холодная планета. Расселение же десяти миллионов имирцев по другим населенным планетам окажет благоприятное воздействие на всех.

Коунс заметил скучающие взгляды слушателей, но твердо продолжал гнуть свое:

— Мы мощная организация, и в нашем распоряжении есть особые технические средства, но наших сил все-таки недостаточно, чтобы в одиночку решить эту грандиозную задачу. К счастью, Бассет располагает невероятными возможностями, вспомогательной техникой и достаточным количеством людей. Кроме того, он преследует ту же цель, хотя и по другим причинам. Итак, мы должны заставить его включить нас в свои планы. Но он согласится лишь в том случае, если почувствует наше духовное превосходство, а в сложившейся ситуации едва ли можно в этом усомниться.

— Мы все это отлично знаем,— недовольно вставил Ву.

Однако Коунс не замолчал.

— В течение ближайших месяцев предстоит решить одну дополнительную проблему: убедить правительства населенных планет в том, что им необходимо принять примерно по триста тысяч имирцев. Если заполучить на нашу сторону Бассета, с Землей у нас трудностей почти не будет. Другие же планеты пока под вопросом. Как, например, отреагирует правительство вашей родной планеты? — Коунс повернул лицо к Ву.

— Боюсь, что не могу отвечать за правительство Кунг-фу-дзе. У нас есть определенные традиции... у нас репутация особенно старательного народа, и мы не бессердечные люди. Если предложить правительству принять триста тысяч прилежных и трудолюбивых людей, оно, конечно, не будет колебаться слишком долго, потому что планета получит определенную выгоду. А Бассет не может гарантировать это в отношении Земли. Земляне избалованы, тогда как имирцы более чем скромны.

— Верно. Речь идет о том, чтобы определенную группу людей доставить на определенную планету, причем группы не должны сильно отличаться друг от друга, иначе может возникнуть напряженная обстановка. Скорее всего, Бассет не обратит внимания на этот важнейший пункт.

— Мне кажется, я вижу небольшой проблеск,— Катя с облегчением вздохнула.— Впервые с момента начала нашей работы, я поверила в возможность успеха. Наши планы настолько разумны, что просто не могут вызвать отказа.

Ву не был так оптимистичен.

— Дело постепенно приобретает прочную основу,— сказал он.— Вероятность успеха, конечно велика, но впереди еще масса препятствий. Нельзя забывать, что большинство людей не разделяют наших взглядов и целиком погружены в мир собственных узких интересов.

Выполнив задачу, члены организации покидали Регис, отправляясь на свои родные планеты. Большой трансфэкс работал беспрерывно. Люди, рискуя жизнью, откликнулись на зов, а теперь возвращались назад, к обычному образу жизни, к привычному одиночеству,

потому что они были посвящены в тайну, которой не могли поделиться ни с одним человеком.

Некоторые были молодыми, другие, например Рам Сингх и Верити,— пожилыми, убеленными сединами людьми, но всех их роднила вера в общие идеалы. Дома их ждала обычная работа — ученых, врачей, техников и администраторов, но они не имели права ничего рассказывать ни друзьям, ни родственникам о своем кратковременном путешествии на Регис.

Коунс терпеливо ждал своей очереди отправиться в путь. Иногда с ним здоровались, но он ограничивался только молчаливым жестом, погруженный в свои мысли. Многое приходило ему в голову: события, которые произошли давным-давно, задания, которые предстояло выполнить в будущем... Триста лет — огромный промежуток времени, думал он. Триста лет нужно было ждать результатов, а это действовало на нервы, к тому же поведение чужаков спутало все планы. Они дрались ожесточенно и даже не сделали попытки вступить в контакт. Едва ли можно было сомневаться, что те, которые прибудут вслед за ними, будут поступать иначе. Надежда на быстрое и дружеское взаимопонимание исчезла окончательно. Коунс сознавал опасность, грозящую человечеству, и надеялся, что несчастье еще можно предотвратить. Но так же легко могла вспыхнуть большая кровопролитная война. А пока конфликт только случайно ограничился всего лишь одним боевым действием.

Сначала нужно завоевать доверие. А люди до сих пор все еще не научились переносить даже друг друга, так разве можно ожидать, что они станут доверять чуждой им форме разумной жизни! Чужаки тоже не доверились людям, предпочитая пожертвовать собой. Вероятно, у них вызвал шок способ посадки корабля. Коунс задумался о своем собственном прошлом. Снача-

ла он не доверял ни одному человеку, но, скоро понял, что доверие совершенно необходимо, потому что без него невозможна никакая успешная совместная работа.

Когда Коунс поднялся на платформу трансфэкса и ступил в приемник, мысли его все витали в прошлом. Он вспомнил, как случайно сделал открытие, которое разрушило все преграды, связанные с огромными расстояниями, и даже обещало вечную жизнь. Перед его мысленным взором возник стол, а на нем исписанные математическими формулами листы бумаги.

К тому времени, когда он открыл закон гиперфотонной энергии, движение за переселение на другие планеты достигло на Земле кульминации. Все недовольные искали свободные миры и, объединяясь в группы, начинали создавать новые формы человеческих обществ.

Открытие потрясло Коунса, когда он постепенно осознал его невероятное значение и фантастические возможности. Но пока все оставалось на стадии идей. Технические трудности реализации были огромны, хотя и преодолимы. Открытие широко распахивало двери миров, давая возможность свободно переноситься куда угодно. Построив достаточно достаточно большие передатчик и приемник и обладая нужным количеством энергии, можно было передать любую материю в любую точку Вселенной, да и вся Вселенная сильно уменьшилась, так как расстояния теперь потеряли смысл.

Но открытие приносило и еще одно, гораздо более важное знание: все передаваемые предметы раскладываются на ряды электрических импульсов, а потом, по желанию, материализуются снова, а это уже не что иное как бессмертие!

В одну-единственную ночь Коунс осознал все невероятные возможности, а также все опасности своего открытия. Он давно был убежден, что во Вселенной существуют и другие разумные существа, и теперь

можно было с ними реально встретиться. Но встреча с чужим разумом неизбежно вела к непоправимой катастрофе: как могли люди, которые не доверяли даже самим себе, доверять другой форме жизни? Они испугаются и будут искать защиту против воображаемой опасности.

Выводы подействовали на Коунса крайне угнетающе. Но он не был убежден, что открытие неповторимо и его удастся вечно хранить в тайне. Кто-нибудь другой, так же как и Коунс, случайно откроет этот закон, не испытывая угрызений совести или просто не поняв его последствий.

В решающую ночь своей жизни Коунс дал себе клятву и с тех пор неукоснительно соблюдал ее: он хотел улучшить человечество и сделать счастливым его будущее.

С самого начала он принял за правило поступать со всеми остальными так же, как он сам поступил бы с собой. К примеру, ни один убитый член его организации не имел права снова получить свое прежнее тело. Только благодаря этому стало возможным обезопасить организацию от случайного раскрытия тайны. Никто не должен был сам искать себе новое тело, этим занимались другие, специально предназначенные люди.

Искра была зажжена. Коунс не удивился, обнаружив, что может доверять другим людям — людям, которые, как он знал, испытывают необходимость во многом, полны недостатков и нуждаются в помощи.

Тем временем вокруг него собрались тысячи его товарищей по устремлениям, и Коунс с возрастающей тщательностью подбирал новых членов в организацию, сознавая свою ответственность. Он знал тайну, которая могла подарить людям вечную жизнь, но поделился тайной только с немногими, особенно близкими ему людьми, целиком разделяющими его идеи. Он как бы

присвоил себе функции бога, но сделал это единственно потому, что человечество просто еще не созрело для решения таких вопросов. Только лучшие люди должны получить вечную жизнь, чтобы направить свои силы на воплощение идеи всеобщего братства.

Коунс думал о Ву, Кате, Раме, Фальконетте, Верити и Ярославе, но особенно об Анти Дриане, у которого обнаружились такие выдающиеся способности. Может быть, Анти — тот человек, который со временем переложит на себя всю ответственность, освободив его, Коунса. Он устал. Долгая жизнь имела свои теневые стороны, особенно если нести на себе бремя ответственности за человечество. Коунс тосковал по спокойствию, по Нирване...

16

Две недели спустя Энни Заток отказалась от всякого сопротивления. У нее больше не осталось собственных мыслей. Правда, в глазах еще светился намек на личность, но все в ней погасло, было вытравлено и вымыто. Она казалась роботом, реагирующим только на внешние раздражители.

Она пережила многое, чего так и не смогла понять. Ей не было причинено никакой боли, но стыд полной обнаженности души, насильственного выявления самых тайных мыслей был еще хуже.

Мучитель-психолог с равнодушной жестокостью вторгался в самые темные тайники ее подсознания, вытаскивая на поверхность каждый росток мысли, каждое когда-нибудь возникшее чувство. Они отняли у нее душу.

Помещение, в котором ей пришлось жить в течение нескольких недель, было не жилой комнатой, а лабораторией. Вдоль белых стен стояли компьютеры, электроэнцефалографы, множество других приборов, с помощью которых ее мучили день и ночь. Особый прибор испускал ритмично меняющиеся световые импульсы, доводившие ее почти до сумасшествия.

Энни сидела на своей постели и пустыми глазами смотрела на маленького человечка, которого называли Бассетом. Человечек приходил все чаще и становился все нетерпеливее. Энни, хотя и была полностью выжата, инстинктивно чувствовала, что за все происходящее с ней в ответе именно Бассет, поэтому в ее глазах внезапно вспыхнула ненависть — единственное чувство, на какое она еще оказалась способной.

— Больше из нее ничего не выжать,— сказал доктор Голд.— Мы знаем больше, чем она сама.

— Но этого мало,— буркнул Бассет.

— Во всяком случае, от нее мы больше ничего не добьемся,— настаивал Голд.— Вы сказали, что вам хотелось бы узнать, и я сконцентрировал на этом все усилия. Но против факта не попрешь: нельзя вытянуть из девушки больше, чем знает она.

Бассет, выругавшись, вскочил и заметался по комнате, временами бросая взгляд на Энни, которая в ответ только моргала.

— Но я должен знать! — в бешенстве повторял он.

Доктор Голд устало провел рукой по глазам.

— От девушки больше нечего узнавать. Нам уже известно все, что доступно среднему имирцу. И тут уж ничего не поделаешь при всем желании.

Бассет в ярости отвернулся.

— Существует еще один способ,— рявкнул он.

Он вернулся обратно в бюро и вызвал свою секретаршу. Бассет ненавидел сам себя: то, что его люди сделали с Энни, ни в коей мере не оставило его равнодушным.

— Вызовите рекламный отдел и узнайте, что в данный момент наиболее актуально. Потом свяжитесь с Видео Индии и закажите контракт на длинную передачу. И еще нам нужна пара минут в шоу Фальконетты.

Секретарша, достаточно долго служившая у Бассета и привыкшая к его желаниям, иногда довольно странным, не выказала никакого удивления, кивнула и вышла в приемную.

Полчаса спустя она уже стояла перед письменным столом Бассета и докладывала о выполнении задания, как вдруг по телекоммуникатору раздался возбужденный голос Голда:

— Энни исчезла! — сообщил он в полной прострации.— Она исчезла из запертой комнаты без окон! Не знаю, что и думать.

Бассет не ответил. Выключив связь, он уставился сквозь большое окно на крыши Рио, понимая что произошло: те, другие, оказались очень хитрыми. Бассет поневоле должен был согласиться, что попался на их трюк, но решил доказать этим другим, что кое-кто и похитрее...

В это утро Бассет очень рано приехал в свой огромный дом, воздвигнутый на самом дорогом участке земли в Рио. Когда слуги сообщили о прибытии посетителя, Бассет не удивился, узнав человека, который однажды поразил его.

— Добрый вечер,— сказал Коунс, улыбаясь.— Не хотите ли присесть?

Бассет остался стоять, рассматривая посетителя.

— Вы чувствуете себя на высоте, не так ли? — спросил он сердито.— К сожалению, мне приходится признать ваши способности. Я действительно клюнул на приманку.

Коунс дал своему собеседнику время подумать и, усмехнувшись, сказал:

— Хорошо, что вы все это понимаете, Бассет. Но не будем терять времени и, вместо того чтобы говорить о прошлом, обратимся к будущему.

Бассет, с трудом сохраняя самообладание, опустился в кресло и не особенно дружелюбно уставился на своего гостя.

— Ладно,— кивнул он.— Вы утверждаете, что решение нашей проблемы нужно искать на Имире. Так вот: или вы меня обманываете, или мои люди не способны ни на что. Что, по-вашему, правильно?

— Ни то, ни другое,— спокойно ответил Коунс.— Прошу простить, что не посвящаю вас в детали и не объясняю, почему придаю такое значение нашей совместной работе, но хочу сказать следующее. Мы преследуем примерно одинаковые цели и поэтому должны работать вместе. Мы нуждаемся в вашей помощи и поэтому указываем, что вы действуете неправильно. Вы предполагаете, что, неизвестно почему, ваши планы трудно осуществить, но не догадываетесь, что они просто ошибочны. Один из ответов я могу дать вам прямо сейчас. По сравнению с жителями колоний земляне прямо-таки ленивы. Кроме того, они думают непосредственно о целях, к которым стремятся, забывая о том, какую решающую роль играет прошлое.

Коунс, прищурившись, наблюдал за реакцией Бассета.

— Вы были на Бореасе и, согласен, достигли там частичного успеха, но настоящего перелома вам до сих пор добиться не удалось. Могу объяснить почему.

Людям на Бореасе нужна помощь. Но вы хотите оказать ее только в том случае, если они примут переселенцев с Земли. Ну, а земляне избалованы, и у них огромные запросы. Кроме того, они не очень-то хотят работать ради обеспечения своего благосостояния. Здесь, на Земле, они пользуются плодами трудов своих предков, в их распоряжении веками создававшаяся техника. Вне Земли все обстоит совершенно иначе, и не приходится надеяться, что колонисты встретят каждого землянина с распростертыми объятиями.

— А как насчет решения этой проблемы? — осведомился Бассет.

— Об этом я и хочу сказать. Если бы вы предложили свои услуги переселенцам с Имира, дело приняло бы совсем другой оборот. Эти люди, хотя и малокультурны, трудолюбивы и без особых запросов.

Бассет, достаточно умный, чтобы тотчас же ухватить суть этого предложения, невольно улыбнулся.

— Вы правы. Никому в голову не придет рассматривать имирцев как угрозу устоявшемуся порядку вещей. Такое переселение, хотя и вызовет множество изменений, только расширит духовный кругозор колонистов.

— Не питайте иллюзий, Бассет! — предупреждающе воскликнул Коунс.— Теперь вам известно, где зарыта собака, но один вы ничего не сможете сделать. Подумайте: разве можно принудить имирцев покинуть их планету? Одна только эта проблема доставит вам больше хлопот, чем любая другая до сих пор, а она всего лишь второстепенная.

Бассет испытующе взглянул на Коунса.

— Я постепенно привыкаю принимать ваши слова за чистую монету,— медленно сказал он.— Как вы себе представляете это дело?

— У нас на Имире есть агенты, которые проводят там наш план,— с готовностью ответил Коунс.— К сожалению, нам нужны вспомогательные средства, которые в изобилии есть у вас. Впоследствии, когда наши интересы перестанут совпадать, вам представится шанс перехитрить нас, но в настоящий момент совместная работа в наших общих интересах.

— И как вы представляете себе нашу совместную работу?

— Подробности мы с вами обсудим позже, но гарантирую, что требования не будут чрезмерными и вы сможете завершить свой собственный проект. Нам нужны деньги, техническая помощь, люди и, прежде всего, ваше влияние.

Отговорки Бассета были ему хорошо известны, но он считал, что тот должен согласиться на предложение, если не хочет потерпеть неудачу.

И Коунс победил.

Послав с помощью трансфэкса несколько сообщений, Коунс решил сам отправиться на Регис, потому что одновременно собирался заняться и другими делами. Но прежде всего он связался с Фальконеттой.

— Как у вас дела? — участливо спросил он. Ему не надо было объяснять, что он имеет в виду.

— Все еще очень плохо,— напрямик ответила Фальконетта.— Девушка представляет из себя практически пустую оболочку.

— Рам уже позаботился о ней?

— Нет. Он сейчас на спутнике связи, проверяет полученную от Бассета программу. Бассет может выкинуть какой-нибудь трюк, хотя хорошо знает, что мы не пользуемся никаким гипнотическим воздейст-

вием. Все задумано так чисто, что даже сам Рам испытывает затруднения, подгоняя его программу под наш план.

— В этом Бассет, пожалуй, не виноват. Все разработки принадлежат его специалистам.

— Он поддался? — спросила Фальконетта.

— Конечно. Теперь мне надо обсудить с Ву следующий шаг. Но прежде хочу тебя кое о чем попросить. Надеюсь, ты найдешь немного времени. Дело в следующем...

Новости распространяются очень быстро. Каждый, услышав об успехе, оставлял свою работу, чтобы выразить благодарность Коунсу. Все знали, чего стоило склонить Бассета на свою сторону.

Коунс ждал выражения признательности от вполне определенного лица, но не дождался.

— А где Анти? — спросил он через некоторое время и удивился внезапно наступившей тишине.

— Все прошло не так гладко,— нарушила Катя мучительное молчание.— Его здесь больше нет. Когда я видела его в последний раз, он сидел на скамейке, глядя в пустыню.

— Он снова на полюсе и любуется ледяными глыбами,— несколько цинично добавил Альтус.

— Пожалуйста, извините меня! — воскликнул Коунс и устремился к трансфэксу, чтобы отправиться на полюс Регриса.

Как и говорил Альтус, Анти сидел, устремив взгляд в бесконечную ледяную пустыню, едва ли что-нибудь видя. Пока Коунс наблюдал за ним, Анти вскочил и забегал взад-вперед по краю ямы, из которой так недавно были извлечены свидетельства пребывания

здесь чужаков, временами спотыкаясь о колья и смерзшиеся комья земли вокруг ямы. По-видимому, он привык к своему новому телу, потому что его движения были совершенно естественны, однако душевная перестройка ему не давалась. Факт смерти и возрождения в новом теле так подействовал на него, что он все еще не мог преодолеть шока. Вся его фигура выражала глубокую подавленность.

Коунсу тяжело было видеть своего друга в новом теле, несмотря на то что он много раз наблюдал подобные изменения. В случае с Анти изменения были минимальными и полностью его удовлетворяли, и все равно трудно привыкать к человеку заново, хотя дух, душу, изменить было нельзя. Люди сами должны были освоиться с новой ситуацией, и в большинстве случаев это происходило в короткие сроки.

— Анти! — тихо позвал Коунс.

Молодой человек продолжал бегать взад-вперед, ни одним движением не показав, что услышал оклик.

Коунс, пристроившись к Анти, побежал рядом с ним.

— Анти, у меня есть для тебя задание. Очень важное задание!

Но Анти, казалось, ничего не слышал. Его симпатичное лицо потемнело и несколько заострилось, густой черный вихор, вырвавшись из-под капюшона, придавал ему мрачное выражение.

— Найди себе кого-нибудь другого. Я больше ни на что не способен.

— Это старая песня, Анти! Сколько раз тебе повторять, что ты не несешь никакой ответственности за действия других! Ты не должен вечно упрекать себя, забывая о настоящем и будущем! Идем со мной, Анти. Тебя ждет важное задание, которое никому больше не по силам.

Анти остановился и удивленно взглянул на Коунса. Казалось, он пробудился от долгого сна и, плохо еще соображая, слабо кивнул.

Когда они, сойдя с платформы трансфэкса, очутились в ярком свете солнца экваториальной зоны Регриса, их ждала большая группа людей, среди которых находилась молодая голубоглазая девушка. Она стояла немного в стороне и казалась безучастной.

— Это Энни Заток,— мягко представил ее Коунс, обращаясь к Анти.— Ты знаешь, кто она и что с ней сделали? В настоящее время она совсем подавлена и едва реагирует на происходящее. Прежде чем попасть в лапы Бассета, она была единственной имиркой, которую Ярослав смог рекомендовать для нашей работы. Тебе поручается ответственнейшее задание: ты должен вырвать Энни из состояния безучастности и сделать ее полноценным членом нашего общества. Не говори, что отказываешься! Ты единственный можешь сделать это, и ты это сделаешь!

Анти сбросил толстую защитную одежду и, не произнеся ни слова, направился к Энни. Энни, испуганно взглянув на него, робко отступила назад.

Анти остановился и заглянул девушке в глаза. Спустя, казалось, бесконечно долгое время на его губах заиграла улыбка, а потом произошло чудо: Энни тоже сделала свой первый шаг из тумана безучастности, потому что ответила на улыбку.

Коунс, напряженно наблюдавший за ними, облегченно вздохнул...

17

— Понадобится около четырех месяцев, чтобы посетить все планеты, на которые мы собираемся отправить имирцев,— сказал Коунс после небольшого раздумья.

Бассет цинично усмехнулся. Он привык видеть в Коунсе потенциального противника, который только на короткое время по собственным мотивам связался с ним.

— С вашим трансфэксом это время сильно сократится.

Коунс весело улыбнулся и покачал головой.

— Прибор не стоит использовать так часто,— солгал он.— Кроме того, не сомневаюсь, вы ведь направите своих техников и инженеров, чтобы выведать тайну нашего открытия. У вас есть двигатель Мечникова, поэтому ваш личный корабль достаточно быстр.

Слава Бассета распространилась далеко, поэтому не удивительно, что Лама с Кунг-фу-дзе принял его очень уважительно и чествовал как верховного правителя.

— Имирцы, кажется, очень трудолюбивы и у них почти нет запросов,— сказал Лама,— что, вероятно, связано с неблагоприятными условиями.

Лама дал Бассету аудиенцию под открытым небом. Оба они сидели в великолепном саду в тени вывезенного с Земли Священного дерева. Двое слуг стояли возле них с пальмовыми опахалами.

— Но говорят также, что эти люди очень нетерпимы,— продолжал Лама,— и я опасаюсь, что они ассимилируются.

Но Бассет, продувной дипломат, ответил на опасения Ламы каскадом таких заманчивых предложений, что сам удивился, когда в заключение беседы Лама воспылал бескорыстным желанием помочь своим ближним.

Президенту правительства Бореаса, которому и раньше приходилось вести подобные переговоры, были известны хитроумные методы Бассета, но он, хотя и был гораздо осторожнее Ламы с Кунг-Фу-дзе, тоже пообещал благосклонно обдумать предложение. Бассет хорошо понимал, что его партнер скоро уступит, потому что люди на Бореасе не могли существовать без посторонней помощи. Места было достаточно. Кроме того, триста тысяч переселенцев не представляли из себя никакой опасности.

На Цеусе Бассету пришлось иметь дело с диктатором.

— Почему имирцы должны покинуть свою планету? — откровенно спросил диктатор.— Только, пожалуйста, не говорите мне, что люди пресытились жизнью среди айсбергов и снежных полей, где они жили как факиры! Триста тысяч — это очень много. Я хочу, чтобы политические условия на подвластной мне территории оставались стабильными, а кто знает, что за идеи принесут с собой эти люди? И трудно поверить, что имирцы вдруг стали такими разумными.

— Это результат долгого развития,— глубокомысленно заявил Бассет.

— Прекрасно. Но вы-то почему беспокоитесь? Что обещали вам за содействие?

Бассет мысленно усмехнулся.

— Если триста тысяч человек внезапно обнаруживают, что отказ от всего — не единственный идеал, они начинают испытывать непреодолимую тягу к удобствам жизни и наслаждениям. А вы можете благосклонно предоставить эти вещи в их распоряжение. Пошлина и другие доходы, поступающие в вашу казну, будут довольно высоки.

Диктатор кивнул. Этот язык был ему понятен. Он достал ручку и подписал приготовленный Бассетом договор.

Так было и везде. Спустя четыре месяца были заключены договоры о приеме почти всех имирцев. Оставалось распределить примерно полмиллиона человек.

— Может быть, Земля примет оставшихся людей? — спросил Коунс.

— Я уже позаботился об этом,— хмыкнул Бассет.— Дело прошло на редкость успешно. Знают ли имирцы о выпавшем на их долю счастье?

Коунс, усмехнувшись, взглянул на Бассета.

— Нет, еще не знают. Но всегда найдется некоторое количество людей, которые с удовольствием переселятся на более удобную планету.

Во время следующей посадки «Амстердама» на Имир Ярослава на планете не оказалось. Капитан Левенгук немедленно отправился в Совет Старейшин и потребовал объяснить его загадочное исчезновение.

— Никто не знает, где он,— пожимали плечами Старейшины, лихорадочно пытаясь найти какую-нибудь убедительную причину.

Левенгук презрительно смерил взглядом этих людей, что не составило труда, потому что все они были значительно ниже его ростом.

— Ну что ж,— заключи он.— Я вас предупреждал. Мы совершаем здесь посадку только из милосердия. Вы знали, что отношения будут разорваны, если с нашим агентом что-нибудь случится. Он был для вас соринкой в глазу. При моем последнем посещении вы хотели осудить его из-за какой-то молодой девушки, и, полагаю, так и сделали. Для прожженных лжецов и пройдох такой поступок в порядке вещей.

Имирцы отчаянно переглядывались. В грузовом трюме корабля находились вещи, совершенно для них необходимые, без которых они не могли собрать свой скудный урожай. Они протестовали, умоляли, убивались, снова и снова клялись в своей невиновности.

Все было напрасно. Левенгук покинул планету, не разгрузив корабль, в расчете на другие, более благоприятные рынки сбыта, в заключение поклявшись никогда более не возвращаться сюда.

Испуганные и потрясенные, имирцы принялись за поиски Ярослава Дубина, разыскивая ненавистного им человека со всей тщательностью, как иголку в стоге сена. Но, самое удивительное, они и в самом деле не знали, где тот находится. Они перевернули город с ног на голову и перерыли роскошный дом Ярослава от подвала до крыши, надеясь, по крайней мере, найти труп, чтобы доказать свою непричастность к его исчезновению.

Но Ярослава Дубина так и не нашли.

— Как сквозь землю провалился или спрятался где-то среди снега и льдов,— в отчаянии заключил один из группы поиска, даже не подозревая, как недалеко оказался от истины.

Ярослав покинул свой дом при помощи трансфэкса, забрав аппарат с собой. Когда имирцы обнаружили потайную комнату, она была пуста.

Капитан следующего корабля отреагировал так же, как Левенгук, и тоже поднял свой корабль с космодрома, пообещав никогда не возвращаться.

— Они не могут бросить нас на произвол судьбы,— говорили оптимисты.

Но капитаны кораблей именно так и поступали, и их ничто не могло переубедить. Спустя два месяца скудные припасы истощились, и на город обрушился голод.

Фанатики объясняли голод суровым наказанием за отклонения от заветов предков, но мало кто их поддерживал. Особенно восставали против них люди, постоянно слышавшие жалобы своих голодных детей.

В среде молодежи, раздраженной и недовольной, пророс зародыш, брошенный в их сердца Ярославом, и старики, ко всему прочему, получили еще и восстание. Их прежде послушные дети открыто заявляли, что симпатизируют идеям Ярослава и считают образ жизни своих родителей ненормальным, обвиняя старшее поколение ответственным за так внезапно постигшее их страшное бедствие.

С тех пор на космодроме Имира не совершил посадку ни один космический корабль. Имирцы поняли, что полностью отрезаны от внешнего мира. Они оказались совершенно беспомощны, поскольку у них не было ни кораблей, ни даже межзвездных средств связи. В их распоряжении был только свет. Но кто мог поймать посылаемый прожекторами сигнал бедствия, если ближний Космос был пуст?

Произошел коренной перелом. Даже Старейшины заявляли, что больше не придают никакого значения

воздержанию и готовы были совершить грех: отдать вечное блаженство за миску супа.

Голод еще усилился и превратил людей в диких зверей. Те, которые оставили небольшой запас на черный день, были преданы, избиты и ограблены. Банды голодных бродили по улицам и грабили последние склады продовольствия. Полицейских избивали. Однажды утром на улице нашли даже обглоданное тельце.

— Имирцы больше никогда не смогут утверждать, что они лучше всех других людей,— с каменным лицом сказал Коунс Бассету.— Думаю, вот теперь-то, наконец, можно начать.

Бассет был согласен. Он и Коунс находились в одном из кораблей огромного флота, курсирующего вокруг Имира. Корабли принадлежали Бассету, и это послужило одним из оснований, почему Коунс был заинтересован в совместной работе с Бассетом, у которого хватало и кораблей, и денег, и обслуживающего персонала.

По приказу Бассета корабли, прошив верхние слои атмосферы, теперь стремительно приближались к предназначенным местам посадки. Полетом руководили лучшие пилоты, потому что космодром города Фестербург мог принять лишь немногие из кораблей, остальные же должны были искать подходящие места, а учитывая погоду и промороженность почвы Имира, сделать это было совсем не просто.

Погибающие от голода имирцы восприняли появление космических кораблей как чудо. Внутренне уже смирившись с неизбежным концом, они молча собрались вокруг приземлившихся кораблей.

Коунс был в числе тех, кто совершил посадку на космодроме Фестербурга, и теперь недоверчиво смотрел на толпу. Он ждал штурма кораблей, но имирцы тихо

стояли на краю посадочного поля, все еще не в силах поверить, что к ним пришла помощь.

Коунс выбрался из корабля и подошел к Старейшинам, молча и смиренно стоявшим впереди толпы.

— Мы привезли вам продукты,— сказал он, используя мегафон, чтобы вся толпа слышала его слова. Слабое ликование быстро угасло.

— Этого, конечно, мало, но мы вернемся, несмотря на огромные трудности. Недостаточно просто накормить глупцов. Именно глупцов. Есть много планет с нормальными условиями жизни для людей, но ваши предки прокляли вас и обрекли на то, чтобы отклонять милосердие других. Неужели вы до сих пор не поняли, что ваша планета не пригодна для жизни людей?

Юноша лет восемнадцати, высунувшись из толпы, погрозил Старейшинам кулаком.

— Это правда! — крикнул он.

— Имирцы считали себя избранным народом,— Коунс обращал свои слова к Совету Старейшин,— но думаю, за последние месяцы все поняли, что вы всего лишь обыкновенные люди. Вы горды и фанатичны, но пустые желудки сильнее сумасшедших голов.

Никто не ответил, и Коунс продолжал:

— Мы готовы спасти вас. Все люди — братья и должны помогать друг другу. Среди людей не должно быть враждебности! И мы, не испугавшись никаких трудностей, пришли, чтобы доказать свои добрые намерения и обеспечить вам человеческое существование. У нас на борту двух-трехдневный запас продовольствия для вас, но мы можем предложить вам больше — новую родину. Другие планеты готовы принять вас! У вас есть выбор: или погибнуть от голода здесь, или начать новую жизнь в более подходящих условиях!

Коунс замолчал, выжидая реакции.

Пара фанатиков сочла за лучшее погибнуть от голода, о чем тут же и объявила, но большинство имирцев сочли это предложение вполне приемлемым. Чтобы ускорить принятие решения, экипажи кораблей быстро выгрузили продукты и распределили их среди голодающих. Фанатики, вопя и проклиная, пытались удержать голодных от соблазна, чтобы те не продавали свою душу за кусок хлеба, однако все было тщетно. Оказалось, что, несмотря на праведный образ жизни, многие из пожилых людей еще помнили древние ругательства и теперь обрушили их на фанатичные головы.

Вскоре начали поступать сообщения и с мест посадки других кораблей. Везде разыгрывались одинаковые сцены.

Бассет, не скрывая удивления, сказал Коунса:

— Ваши агенты действительно провели здесь великолепную подготовительную работу. Вот уж не думал, что имирцы будут реагировать таким образом.

— Это потому, что вы никогда по-настоящему не представляли себе здешних условий. Голод пробуждает определенные инстинкты, но вы не задумывались над этим, потому что на Земле пока нет голодающих.

Бассет молчал. Он думал о будущем, полный решимости привести в исполнение свои собственные планы, твердо решив присвоить себе славу человека, объединившего человечество. Однако он не подозревал, как далек от действительного положения вещей, потому что еще ничего не знал о существовании чужой разумной расы.

18

— Какая разница? — усмехнулся Лекок.— Что из того, что мне это неприятно? Факт есть факт: имирцы быстро и безболезненно были приняты другими. Они безропотно покорились судьбе и покорно позволили повести себя, как овец на закланье. И ведь, действительно, они от этого только выиграли.

— Все это так, но хотел бы я знать, куда исчез Коунс,— задумчиво протянул Бассет.

Был пасмурный день. Над Рио висели плотные дождевые облака, закрывающие солнце. И настроение Бассета было под стать погоде.

— Да, эти люди умеют выполнять обещания, все случилось именно так, как предсказывал Коунс. Имирцам долго еще придется ассимилироваться. Кое-где смеются над их своеобразными привычками. Привычки... но не в этом суть. Плотина действительно прорвана, Лекок. Если мы и дальше будем способствовать подобному развитию, мы скоро получим обратное движение. Длящаяся в течение столетий изоляция колоний начинает нарушаться.

Лекок тихо выругался.

— Не могу обнаружить ни малейших следов этого парня. Мы не спускали с него глаз во время операции, чтобы получить хоть какие-нибудь сведения о его организации. Невероятно, но в один прекрасный момент он бесследно исчез. Человек, которого я посадил ему на хвост, вообще не смог ничего объяснить. Я, конечно, тут же уволил его, но сам почти убежден, что он ни в чем не виноват.

— Я же не упрекаю тебя,— остановил его Бассет.— Итак, ситуация складывается следующим образом. Мы не можем позволить себе терпеть такую сверхмощную

тайную организацию. Кроме того, необходимо раздобыть тайну трансфэкса. Располагая ею, мы не позволим другим воспользоваться этим открытием.

— Не понимаю, чего хотят эти люди,— высказался Лекок.— У них есть все, о чем мы не могли и мечтать.

— Неужели нет никаких доказательств существования союзников этого парня? — задумчиво добавил Бассет.

Лекок раскрыл тетрадь с записями и, полистав, сообщил:

— Ярослав Дубин, несомненно, принадлежит к той же организации. Но он тоже исчез, никто не знает куда. Наши люди, конечно, держат глаза открытыми, но пока безрезультатно. Удалось только выяснить, что он исчез точно в нужное мгновение, и это настолько хорошо, что я не могу поверить в случайность. Ведь его исчезновение вызвало нужные последствия.

Бассет кивнул.

— Не забудь, существует возможность, что его просто похитили. Кто еще находится под вопросом?

— Несколько человек из управления Видео Индии, все без исключения участвуют в шоу Фальконетты. Временами они исчезают на какое-то время совершенно непонятным образом, а потом так же внезапно появляются. Фальконетта в том числе.

Бассет взглянул на него.

— Интересно! А что с техниками? Их человек отредактировал наше рекламное объявление так, что сделал его совершенно бесполезным.

— И среди них, конечно, тоже,— закивал Лекок.— Да и на других планетах есть люди, имеющие связь с этой группой. Они появились, когда прибыли имирцы, приняли участие в организации переселения, а потом, закончив свою работу, исчезли. Все они занимают

ответственные посты, но ни один не проявил признаков заботы о дальнейшей судьбе переселенцев.

— Интересно,— повторил Бассет, задумчиво откинувшись на спинку кресла.— Постепенно все обретает четкие очертания. По-видимому, мы имеем дело с организованным уже давно и строго секретным тайным движением. Все люди тщательно подбираются, все они идеалисты. Не думаю, что удастся подкупить кого-нибудь из них. Исчезновение девушки дало нам кое-какие доказательства. Похоже, члены организации находятся под тщательным наблюдением, следовательно, никто не имеет никакой возможности предать всю группу.

Помолчав, Бассет решительно добавил:

— Мы д о л ж н ы узнать тайну трансфэкса! Без него нельзя было бы создать такую организацию. Эта штука имеет огромную ценность. Что говорят наши физики? Им все еще не удалось повторить изобретение? Ведь должны же существовать и другие гениальные головы.

Лекок пожал плечами.

— Физики застряли. Кроме того, у «наших друзей» есть возможность, отправившись в любое опасное место, вернуться назад целыми и невредимыми.

Бассет нехотя кивнул, соглашаясь.

— Но невозможно хранить тайну долго. Ведь когда-нибудь она вылезет наружу. При всем моем уважении у этим людям, они же просто обыкновенные люди. Впрочем, кто кроме нас знает о существовании этой группы?

— О ней не знает больше ни один человек. Все считают эвакуацию имирцев вашей идеей, а я всеми силами поддерживаю эту точку зрения. В конце концов, зачем нашим людям знать, что мы действовали практически по чужой указке.

Бассет, вполне удовлетворенный разговором, перелистал журнал с записями, протянутый ему Лекоком через письменный стол.

— Все в наши руках, Лекок. Мы должны заполучить в свои руки члена этой группы и выжать из него все.

— Хорошо. Начну с Видео Индии.

Коунс вернулся на Регис, доверив последний транспорт с эвакуированными имирцами людям Бассета, так как ему предстояло еще много работы: надо было позаботиться об Энни Заток, Анти и особенно о пленнике. Кроме того, Коунс не сомневался, что Бассет ни в коем случае не отступится от своей цели и не перестанет претендовать на абсолютную власть. Он предпримет любые попытки смести помехи со своего пути и, ничего не боясь, начнет убирать конкурентов.

Анти действительно совершил невероятное. Энни снова была жизнерадостной, веселой девушкой, как будто и не было в ее жизни ужасных событий последнего времени. Коунс поблагодарил Анти за отличную работу, хотя хорошо знал, что быстрое выздоровление вызвано обычными человеческими чувствами. Стоя вместе с Анти у платформы трансфэкса, он смотрел на Энни, нежащуюся под лучами солнца, загорелую и хорошенькую. Она, преодолев привычную робость и преувеличенную стыдливость, вела себя как обычная девушка, выросшая в нормальных условиях.

— Странная вещь,— сказал Коунс.— Человек, строго подчиняющийся логическим правилам и следующий надуманным принципам, никогда не сможет вести нормальную жизнь и всегда неадекватно реагировать на разнообразные внешние условия. С чужаком происходит примерно то же.

Анти непонимающе взглянул на него.

— Не вижу здесь связи.

— Не видите? Они, выйдя из корабля, немедленно атаковали нас, потому что автоматически сочли за врагов. Это их логика. А какова наша? Мы, считая что война между ними и нами неизбежно должна привести к катастрофе, стремимся к дружескому сотрудничеству, величая себя идеалистами, но на самом деле всего лишь хотим спасти свою шкуру. Мы думаем не только о будущем, но и о нашей собственной безопасности.

— Это так по-человечески,— вздохнул Анти.

Коунс посмотрел на него взглядом постороннего. Анти действительно мог быть доволен своим телом. Кто знает, может быть, именно внешность Анти так существенно повлияла на выздоровление Энни.

— Она хорошо выглядит, верно?

— Кто? Энни? Да, она привлекательна,— смутился Анти, стараясь скрыть свои истинные чувства.

Коунс понимающе улыбнулся и, отвернувшись, зашагал прочь. Когда он проходил мимо домика Ву, дверь открылась, и Ву сделал ему знак войти.

— Бассет напал на наш след! Его агенты разузнали, где отдыхают Рам, Фальконетта и другие.

— Ты имеешь в виду всех, кто работает в Видео Индии?

— Кто нас выдал? Как теперь быть?

— Мы сами проинформировали об этом агентов Бассета.

— Ты сошел с ума, Сайд?

— Напротив. Бассет не глуп и работает очень быстро. Мы сказали ему очень немногое — только чтобы склонить к сотрудничеству. И мы, чтобы он поверил, представили ему доказательства, их-то он теперь и использует. К сожалению, изменить ничего нельзя, да и опасность не так уж велика. Мы отправили Бассету

телеинформацию, что до некоторой степени удовлетворило его и отвлекло от насущных проблем. А теперь Рам должен дать ему новую информацию, которая приведет его сюда.

— Но зачем?

— Я хочу, чтобы он был здесь, вне Земли, потому что здесь мы можем диктовать ему свои условия. И потом, меня этот человек очаровал. Мне самому хочется разобраться в нем. Я был приблизительно в его возрасте, когда сделал решающее открытие. Бассет — совершенно особая личность. Не хочу хвалиться, но вы должны признать, что я для своего возраста выгляжу неплохо. Кроме того, я думаю иначе, чем он, и хотя у нас почти одинаковые способности, но совершенно разные цели. Если у него, как у меня, будет возможность продлевать жизнь по желанию и строить далеко идущие планы, то, убежден, будет действовать по-другому. Человечество его не интересует; несмотря на весь свой ум, он ослеплен развернувшейся перспективой и мечтает только о власти и славе. Это делает его опасным, поэтому мне хотелось бы, чтобы он был здесь, на Регисе. Он прилетит сюда, не подозревая, что его ждет. Никто не знает этого — кроме меня.

Хотя Ву и не совсем понял, что имел в виду Коунс, однако все же согласно кивнул.

— А я тем временем позаботился о «Друге». Не могу отделаться от ощущения, что мы допустили ошибку.

Ву удивился:

— Что ты имеешь в виду?

— Если Фальконетта смогла завоевать его доверие, почему же нам не завоевать доверия всей их расы? Наши помыслы направлены на то, чтобы оттянуть контакт с чужаками, но, может быть, этого не

требуется. Имирцы полностью эвакуированы, и планета ждет новых поселенцев. Если разрешить чужакам посадку, они, конечно, расценят это как доказательство доброй воли, и тогда мы объединимся на полном доверии, пообещав искать для них новые планеты, если они оставят в покое другие наши колонии. Если идея сработает, опасность будет устранена.

— Звучит совсем неплохо,— присвистнул Ву.

19

Уцелевший член экипажа чужого корабля проявил инициативу и устроился по своему вкусу. Когда Коунс шагнул с трансфэкса в холодный воздух полярной области, он тотчас же уловил чужое влияние. Перед хижиной был разбит маленький садик, в котором, несмотря на холод, росли чужие растения. В захваченных с корабля продуктах, предназначенных для пленника, оказались и семена, которым «Друг» нашел полезное применение.

В хижину вел спиралеобразный вход, вполне подходящий для некрупного тела хозяина. Коунс постучал и получил разрешение Фальконетты войти.

Фальконетта представила его, а автопереводчик превратил ее слова в странно глубокие и хрюкающие звуки чужого языка, удивительные для Коунса, но, по-видимому, уже привычные для Фальконетты.

— Я вспоминаю тебя,— сказал «Друг» (переводчик был настроен так, что голос его звучал совсем по-человечески).— Ты снял с меня путы. У меня еще не было случая поблагодарить тебя, тогда я сильно боялся. Но теперь больше не боюсь.

Коунс довольно улыбался, хотя его мучили опасения, потому что неизвестно, как собеседник воспримет всю правду.

— Ты, конечно, еще не знаешь, что наш «Друг» — специалист по колониям,— сказала Фальконетта.

— Это так,— подтвердил «Друг».— Теперь я убежден, что обе наши расы смогут существовать по соседству и ужиться друг с другом.

— Я того же мнения,— ответил Коунс.— Поэтому мне хотелось бы кое-что тебе показать.

Не было никакой проблемы в том, чтобы «Друга» при помощи трансфэкса доставить на полностью свободного от поселенцев планету Имир. «Друг» давно сообразил, что люди располагают замечательным транспортным средством, иначе как бы они могли захватить летящий космический корабль и, несмотря на чудовищное расстояние, посадить на планету...

Имир представлял собой странное зрелище, в пустом городе свистел ветер.

Сберегая энергию, Коунс отправил платформу трансфэкса в наиболее интересную точку и установил ее там. С этого места открывались покрытые снегом горы, плоские равнины и кипящее, бушующее море.

Они друг за другом спустились с платформы: сначала Коунс, потом — немного опасливо — «Друг», а за ним Фальконетта. Оба человека дрожали, стоя на ледяном ветру, а «Друг», счастливый и радостный, сделал несколько шагов вперед.

Коунс и Фальконетта многозначительно переглянулись. Фальконетта, захватившая переносный автопереводчик, теперь включила его.

— Это планета, которую вы видели сверху,— объяснил Коунс.

«Друг» пораженно обернулся.

— Не может быть! Мы ведь установили, что она населена!

Коунс, вспомнив о событиях последнего времени, улыбнулся. Немного позже он все объяснит «Другу», но не сейчас.

— Нам не нужна эта планета,— сказал он.— Некоторые из нас жили здесь, но, обнаружив, что вы ищете именно такую планету, как эта, мы освободили ее для вас. Надеюсь, вам удастся использовать ее лучше, чем нам.

«Друг» поднял руку, так похожую на человеческую, и сделал широкий жест.

— Это самая великолепная местность, какую мне приходилось когда-либо видеть! — зачарованно воскликнул он.

Он выразил желание немедленно отправиться в путь, чтобы осмотреть ближайшие окрестности, и Коунсу с Фальконеттой волей-неволей пришлось следовать за ним, смирясь с чудовищным холодом. Только спустя два часа они вернулись к платформе, оба немилосердно промерзшие, зато «Друг» нашел здешние условия просто идеальными.

Едва они подошли к трансфэксу, как силовое поле засветилось и на платформе появился еще один человек. Это была Катя.

— Наконец-то! — воскликнула Катя.— Вы должны были сообщить, где находитесь! В поисках вас пришлось обшарить все населенные планеты.

— Мы немного развлеклись,— рассмеялся Коунс.— Что случилось?

— К планете приближается еще один чужой корабль! Мы все подготовили, чтобы повторить акцию, но, по мнению Ву, надо изменить планы. Решать

придется немедленно, потому что времени осталось в обрез.

— Позволь мне подумать,— задумчиво произнес Коунс, глядя на «Друга», который все еще зачарованно осматривался, впитывая все новые и новые впечатления.— Сколько времени у нас осталось?

— Они будут здесь через два дня, то есть остается всего восемь часов, чтобы заполучить корабль прежним способом, потом он окажется вне пределов нашей досягаемости.

— Два дня,— задумчиво повторил Коунс.— Хорошо, мы позволим им прилететь. Когда они совершат посадку, мы удивим их, выслав небольшой комитет по приему гостей,— и, прежде чем кто-нибудь успел раскрыть рот, Коунс оказался на платформе, а чуть позже снова в кабинете Ву, в главном лагере на планете Регис.

Все было тщательно подготовлено, но реакцию «гостей», конечно, нельзя было предсказать. О чем думал экипаж этого космического корабля, мчавшегося сквозь пространство? Коунс многое отдал бы за то, чтобы узнать это, но, как и все остальные, должен был довольствоваться предположениями.

Он и Фальконетта обрабатывали «Друга» целый час, объясняя, как много зависит от его поведения, и добились успеха, потому что «Друг» теперь был совершенно убежден в дружеских намерениях людей.

Теперь он в одиночестве стоял на поле космодрома возле Фестербурга. Он приготовил специальный передатчик, чтобы сразу же после посадки предостеречь своих товарищей от необдуманных действий.

Корабль приземлился. Первыми наружу вышли офицеры и, обнаружив «Друга», стоящего на почтитель-

ном расстоянии, были ошеломлены, узнав одного из членов экипажа погибшего корабля. Все они сжимали в руках оружие и оглядывались в поисках врагов.

«Друг», приблизившись, заговорил со своими товарищами, указывая на покинутый город и запущенные поля. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось убедить недоверчивую команду. Только тогда он сделал знак Коунсу и Фальконетте, оба они вышли из укрытия, медленно направляясь к группе чужаков.

Они остановились в паре метров от серых фигур с нарисованными на одежде цветными символами. Фальконетта включила автопереводчик и произнесла формулу приветствия, которую узнала от «Друга».

Чужие, поколебавшись, опустили оружие. Один из них, по-видимому командир корабля, приблизился, пристально разглядывая людей, затем указал на автопереводчик и начал говорить.

Было странно слышать другого чужака, говорящего тем же самым голосом, что и первый, но переводчик всегда «говорил» одинаковым голосом. Командир сейчас же понял, как функционирует этот маленький чудесный прибор.

Коунс и Фальконетта ответили на все его вопросы, и «Друг» всеми силами поддерживал их.

— Нам чрезвычайно жаль, что экипаж вашего первого корабля вступил с нами в бой,— сказал Коунс.— У нас не было никаких недобрых намерений, но они напали без предупреждения и убили восемнадцать наших товарищей,— он, конечно, не сообщил, что убитые давно уже получили новые тела и живут новой жизнью.— Такие недоразумения никогда больше не должны повториться. Теперь все зависит от вас. Если вы боитесь и не доверяете нам, улетайте отсюда. Но если вы верите, что мы сможем жить рядом друг с

другом в дружбе и согласии, мы отдаем вам эту планету.

Командир огромного корабля долго думал. Коунс, сознавая чудовищную важность этого мгновения, был потрясен и взволнован.

«Я обладаю почти неограниченной властью,— сказал он себе.— Я дарю одну из планет и этим открываю новую эпоху в истории человечества».

Чужие тихо переговаривались — так тихо, что переводчик не мог перевести их слова. Напряжение постепенно нарастало. И вот командир отделился от группы и подошел к Коунсу.

— Мы решили поверить вам,— сказал он торжественно.— И, чтобы доказать это, слагаем оружие.

Коунс пожал плечами.

— Это лишнее, потому что и с ним вы не сможете причинить нам никакого вреда.

Отовсюду, покинув многочисленные укрытия, спешили люди: Ву, Катя и все остальные. Чужие сбились в тесную группу, и не удивительно: ведь дружеские отношения были еще непривычны, тем более что они готовились к боевым действиям, и не так-то легко сразу приспособиться к новой обстановке.

Коунс облегченно вздохнул. Проблема, к всеобщему удовольствию, была решена. Но оставалась еще одна проблема.

Ву, приблизившись к нему, прошептал:

— Сайд, мы только что получили сообщение с Земли. Бассет, должно быть, что-то пронюхал и теперь на своем корабле летит сюда. Похоже, он совершит посадку на Регисе. Что делать?

— Это ты скоро узнаешь,— ответил Коунс, устало улыбаясь.— Будем надеяться, что все закончится как надо.

20

Успех предприятия отнял у Коунса все силы. Раньше его поддерживало напряжение и подгоняла необходимость, но теперь, когда работа осталась позади, он чувствовал себя усталым и истощенным. Сильную усталость породило не только физическое напряжение: Коунс был стар. После каждой смерти он получал молодое тело, что было возможно благодаря применению электронной записи, но его дух, его душа, его личность не изменялись и не обновлялись, множество воспоминаний долгих жизней угнетало его. И хотя он обладал неимоверными знаниями, этого было недостаточно, чтобы сделать его счастливым. Коунс давно понял, что вечная жизнь, хотя в принципе и возможная, не обязательно была счастьем.

Он находился на Регисе один, потому что все остальные были на Имире. Автоматы вели наблюдения и записывали все происходящее. Коунс знал, что автоматы наблюдали и за ним, но это ему не мешало, потому что машины не могли вмешаться в его планы и не задавали никаких вопросов. Он немного стыдился, того, что собирался сделать, потому что, собственно говоря, это смахивало на трусость, но не существовало лучшего пути, и только он один мог воплотить в жизнь этот план.

Система трансфэкса была его изобретением. Он знал возможности аппарата лучше, чем все остальные, и все же испытывал некоторую неуверенность, когда решился привести в исполнение задуманное. Надо было спешить, потому что он не хотел огорчать никого из своих друзей. И чтобы аппаратура не смогла автоматически восстановить то, что он хотел разрушить, Коунс

постарался перепутать все записи, уничтожить все следы.

Наконец подготовка была завершена. Он сам сомневался в успехе своего плана, уж слишком сложной была задача. В последний раз он огляделся вокруг, слабо улыбнулся и вступил в светящееся силовое поле на платформе трансфэкса.

В первое мгновение Коунс едва мог поверить, что его расчеты действительно были безошибочны. Он оказался на корабле, летящем в космосе со сверхсветовой скоростью, и ошибка в несколько сантиметров привела бы к гибели не только его самого, но и весь корабль.

Он растерянно стоял в огромной двойной каюте и глядел на шахматный столик с расставленными на нем фигурами. В каюте никого не было, но рано или поздно Бассет должен был прийти сюда, потому что на корабле не было других удобных для отдыха помещений. Коунс опустился в кресло Бассета и взял одну из его маленьких сигар.

Спустя несколько минут в каюту вошел Бассет, и только дойдя до середины комнаты, он заметил Коунса. Испуганный так, что не мог произнести ни слова, он оперся на стол и с белым, как мел, лицом уставился на Коунса, не в состоянии поверить, что здесь, в его кресле, сидит этот человек.

— Садитесь, Бассет,— спокойно сказал Коунс.— Я хочу поговорить с вами.

Бассет испуганно оглянулся: дверь за его спиной автоматически закрылась, отрезав ему путь к отступлению. Подслушивающее устройство не было включено, потому что в нем не было никакой надобности, так что и с этой стороны помощи ждать не приходилось. Бассет почти упал в другое кресло, ошеломленный безграничными возможностями противника.

Коунс, подождав, пока Бассет немного успокоится, стряхнул пепел с сигары и взглянул прямо в глаза Бассету.

— Ваши люди проделали неплохую работу,— с уважением произнес он.— Рам Сингх действительно наш человек. Но установление факта, что у нас есть опорный пункт, конечно, не ваша заслуга. Я поручил Раму дать соответствующие показания, чтобы вы лично захотели убедиться в его существовании и тотчас отправились в путь. Я хотел убедиться, что вы не поручите это важное задание никому другому.

— Чего вы хотите? — выдавил Бассет.

— Я хочу пресечь ваши планы, Бассет! — Коунс оперся локтями о стол, подавившись вперед.— Вы опасный человек. Нужно ли говорить, почему?

Бассет постепенно снова обрел самообладание и, прикидывая, как объявить тревогу среди своих людей, хотел выиграть время, поэтому молча кивнул.

— Вы умный человек, Бассет, но проморгали важные вещи. И это тем более опасно, что вы достаточно могущественны: ваши ошибки могли привести к чудовищной катастрофе. Вы всегда думаете только о себе и никогда о других, не говоря уж о человечестве в целом.

— Что вы хотите сказать? — обиженно фыркнул Бассет.

— Объясню. Уже во время нашей первой встречи, если помните, я сказал, что вы хотели бы владеть всем, причем ваше властолюбие не ограничивается Землей, а распространяется на все населенные планеты. Однако вы упустили из виду факт, что не годитесь на роль властелина. На эту роль, уж если на то пошло, гораздо лучше подходим мы, и уже доказали это.

— Не удивительно! Вы располагаете мощной организацией, и у вас есть известное влияние и замечательные средства. Но у вас нет власти!

— Нет власти? — Коунс поднял брови и с превосходством улыбнулся.— У нас есть власть подарить целую планету. Разве это не власть — определить судьбу двух разумных форм жизни? Разве это не власть — определить, что две совершенно чужие друг другу формы разумной жизни должны жить рядом друг с другом в мире и дружбе?

— Две различные формы разумной жизни? — с удивлением переспросил Бассет.

Коунс только кивнул.

— Это выше вашего понимания.

Бассет внезапно успокоился.

— Вы глупец! Вы только блефуете! Но если вы действительно сказали правду, я ничего не теряю!

— Верно, Бассет. Но, согласитесь, я не могу оставить в живых такого известного человека, как вы.

Бассет вскочил и громко возопил о помощи.

Коунс медленно поднялся и осмотрелся. Прямо над ним в обшивке корабля было слабое место, усиленное приваренной подпоркой. Он посмотрел на свои часы и удовлетворенно кивнул.

Члены экипажа во главе с Лекоком ворвались в каюту и непонимающе уставились на нового пассажира.

— Вам известно, какими возможностями я располагаю,— тихо сказал Коунс.— Тем же способом, каким явился сюда, я могу заставить исчезнуть подпорку вот здесь, наверху. Это займет не более нескольких секунд. Вы, наверное, представляете себе, что это значит! Никто не может ничего изменить, даже я сам.

Коунс был уверен, что его тщательная подготовка не была напрасной, надеясь только, что никто из его людей не вернется в ближайшие минуты на базу в главный лагерь и не изменит настройку автоматики.

— Он всех нас убьет! — завизжал Бассет.

На лицах людей застыл ужас, они не сводили глаз с потолка, откуда таинственным образом вдруг исчезла

подпорка. От чудовищного давления пластины обшивки скрипели и скрежетали, наружная оболочка могла лопнуть в любое мгновение.

Бассет уже примирился с судьбой, сознавая, что обрел, наконец, своего господина, но в его глазах сияла непритворная радость последнего триумфа: Коунс, не сделав никакой попытки покинуть корабль, тоже был обречен на смерть.

Секундой позже сварной шов не выдержал, корабль лопнул по всей длине... И Коунс, наконец, обрел забвение, по которому так давно тосковал. Бассет умер с сознанием, что противник разделил его участь.

Коунс чувствовал холод, а также боль. Что такое? Разве это и есть ожидаемое с таким нетерпением «ничто»? Но он ведь не должен был ни чувствовать, ни мыслить.

Может быть его товарищам снова удалось материализовать его? Нет, невозможно: он же стер все записи, или, по крайней мере необратимо изменил их. Кроме того, он великолепно помнил взрыв корабля и свою окончательную смерть.

Он не хотел больше жить. Разве не достаточно четко дал он понять, что хочет, наконец, покоя?

В нем поднялась внезапная ярость — бессмысленная, потому что он не мог шевелиться, и только спустя некоторое время обнаружил, что может открыть веки.

Сначала перед ним заклубился туман, потом замелькали тени, но вдруг поле зрения прояснилось, и он узнал белокурые волосы и голубые глаза, смотрящие на него сверху вниз.

— Энни Заток? — он даже мог снова говорить, хотя и с трудом, но все же достаточно понятно.

— Получилось! — радостно воскликнула Энни, глаза ее наполнились слезами.— Анти, он вспомнил мое имя!

Светлое лицо Энни исчезло из поля зрения, его сменило загорелое лицо мужчины.

— Разве это не настоящее чудо? — послышался чей-то голос.

Коунс постарался не потерять сознания и сформулировать вопрос:

— Что со мной сделали?

— Ах, Сайд! Мы искали тебя в течение ста лет. И вот корабль новых имирцев отыскал тебя и доставил сюда. Ты снова на Регисе! При взрыве ты мгновенно превратился в глыбу льда, но мы, конечно, не знали этого, зато у нас было достаточно времени, чтобы проанализировать все возможности. И мы нашли верный ответ. Курс корабля был установлен, а остальное далось легче. Ты в течение ста лет мчался в пространстве тем же курсом.

Коунс еще с трудом открыл глаза и посмотрел на обоих молодых людей.

— Вы за эти сто лет не особенно изменились.

— Ты тоже не изменился,— ответил счастливый Анти.— Все давно хотели попытаться материализовать тебя снова, но я до сих пор препятствовал этому: твое поведение ясно указывало, что ты хочешь покоя.

— Но ведь меня снова оживили. Почему?

— Ты отдохнул и теперь должен увидеть, как изменился мир за это время. Может быть, в этот раз тебе понравится.

— Расскажи мне все! — потребовал Коунс.— Может быть, и в самом деле стоит еще немного пожить! Кто теперь стоит у руля?

— Анти,— гордо ответила Энни.

Коунс закрыл глаза. Работа была завершена, и ему хотелось это увидеть. Он попытался представить себе изменения, происшедшие в мире с момента его ухода. Он отдыхал целых сто лет — срок достаточно большой.

— Ну, хорошо! Я хочу попытаться еще раз! — сказал он с новыми силами.

РОЖДЕННЫЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСА

1

Мне хочется рассказать о том, что со мной произошло. Я не помню, где это случилось, но могу назвать час и даже минуту, когда это началось.

Голая комната, освещенная пожелтевшим от старости флюоресцентным светильником, висящим высоко под потолком. Несколько стульев. Один из них был грубо высечен из каменной глыбы и весил, вероятно, около четверти тонны. Они привязали меня к нему, потому что даже в условиях марсианской гравитации никто бы не смог поднять такой груз. Для меня, марсианина, этот вес был весом самой смерти. Тодер не раз говорил со мной о смерти, и я помню, как испугали меня его слова: «Во всем есть спасение, Рэй, даже в смерти».

Но такого спасения я не хотел. Имелась причина: я не знал, почему этот человек пытал меня, почему они вообще схватили меня, и я хотел проверить учение Тодера на практике.

Пребывая в неведении, я вспомнил одно из ранних изречений Тодера: «Утешение является защитой». Я имел такое утешение. Я знал: чего бы ни хотели получить от меня мои мучители, они не получат этого. Но подобное утешение было хрупкой защитой против

нервно-парализующего хлыста. Не очень большая заслуга сохранить информацию, которой не обладаешь.

Я считал, что представляю для них какую-то ценность. Четверо допрашивавших меня были в масках, а их голоса звучали неестественно, будто их нарочно старались исказить. И если я хотел произвести идентификацию — а я хотел этого, то не должен был пропустить ни одной мельчайшей подробности, несмотря на то что голова моя горела как в огне.

В минуту расслабления я вспомнил об одном опыте Тодера. Он с помощью своих четок показывал, как заставить время идти медленнее или быстрее для собственного сознания. Тогда, именно тогда, я понял его. Мое время натянулось, бусинка замедлила свое движение и, кажется, будто остановилась. Но тем не менее мой мозг пылал, и я горел под своей кожей. Если я выживу, то найду Тодера и попрошу у него прощения.

Нет, я не смог вызвать умственные резервы для замедления времени, поэтому я должен был использовать только интервалы между взрывами агонии, чтобы смотреть, слушать, воспринимать запахи, осязать и стараться запомнить этих людей.

Вначале я подумал: «Работорговцы!». Вопреки всем официальным опровержениям периодически появлялись слухи о похищениях людей для продажи в рабство. Как правило, такие обвинения выдвигались против центавриан. Официально Земля считалась нейтральной планетой, хотя большинство землян симпатизировало медведианам, на что, конечно, повлияли воззрения некоторых личностей.

Ирония судьбы! Я, Рэй Мэлин, занял типичную позицию землян.

Мои мысли были беспорядочными. Я терял драгоценные секунды. А ведь после последнего шока прошло

уже много времени, и я уже был в состоянии снова сконцентрировать свое внимание на происходящем.

Произношение? Они разговаривали на беглом английском, но я был хорошо знаком с обоими наречиями и Центаврианского и Медвединского секторов, имел отличное произношение и обладал большим словарным запасом. Следовательно, эти люди могли быть...

Бессмысленно. Прислушиваясь к разговору, я пытался оценить его так, как это сделал бы Тодер.

Мужчина, сидящий на среднем из трех стоящих передо мной стульев, крикнул:

— Еще раз, я сказал!

Человек, который стоял в стороне, поднял свой нервно-парализующий хлыст. Я напрягся, но руководитель остановил его руку.

— Попробуй без хлыста,— приказал он.— Может быть, физическая боль не дает ему говорить.

Я постарался не показать своего облегчения, когда главный, повернув ко мне лицо, вкрадчиво сказал:

— Рэй Мэлин! Вспомните свое последнее путешествие! Расскажите нам, как оно началось!

Рассказать им об этом еще раз детально, растягивая время! Я не поддался искушению. Я почти убедил этих людей, что говорю правду; я уже приблизился к победе, спасению и мести. Незачем терять полученные преимущества. Во всяком случае, что даст тщательная разработка модели? Сущность по-прежнему останется неизменной.

Мое предпоследнее путешествие привело меня на Дарис. Я никогда раньше так долго не находился в сфере влияния центавриан, но я уже не раз бывал в самых интересных мирах медведиан и окончательно запутался в противоречиях между официальной земной

пропагандой и тем, что лежало в основе благосклонного отношения землян к медведианам. Я боялся занять позицию, которая заставила бы людей думать, что я, как это доказывали мои документы, являюсь гражданином Земли.

Я познал суровый путь, наглотавшись этой пропаганды, несмотря на свой гнев. Третий раз я был дерзок со старшим офицером старой калоши, который претендовал на родство с семьей Тирана. И меня высадили на Дарисе. Если бы нечто подобное совершил центаврианский член экипажа, то его, вероятно, выгрузили бы на первой попавшейся планете без дальнейших комментариев. Единственный раз в жизни, насколько я помню, я был благодарен своему официальному гражданству. В чьей бы сфере влияния земляне ни находились, они всегда могли рассчитывать на поддержку другой стороны. Так что я мог благодарить земных политиков за эту привилегию, если это не было результатом стратегического размещения Старой Системы между двумя гигантскими блоками.

Тем не менее центраврианский офицер указал мне на шлюз на обитаемой планете. Я оказался на Дарисе с половинным жалованьем и без всяких видов на будущее.

Вначале я не был особенно встревожен. Я отправился в Торговую контору главного порта Дариса и истратил часть наличных на установление знакомств с портовыми чиновниками. Подобная тактика имела эффект на Голдстаре — я тогда неофициально получил должность механика на зафрахтованном судне. Однако подкуп чиновников мог иметь и негативные последствия: если бы мне пришлось показать свой нос на Голдстаре, то местные безработные немедленно вышвырнули бы меня вон. Но меня такие мелочи мало заботили. Во всяком случае, все это сейчас не относится к делу.

Три недели я провел на Дарисе и так и не нашел никакой работы. Оставалось последняя возможность добраться до дома: я должен был отказаться от всех своих принципов и обратиться к местному Земному консулу с просьбой доставить меня домой как БЗП (безработного Земного подданного). И тогда мне предстояло целый год работать задаром, чтобы оплатить свое возвращение! Это обстоятельство меня не воодушевляло.

Я тратил свои последние деньги в баре порта, когда появился Лугас.

Лугас был типичным центаврианским офицером, но он командовал кораблем, не входящим в Центаврианский сектор. Вопреки его утверждениям я отнесся с сомнением к его Центаврианскому гражданству, поскольку он мне показался весьма неуравновешенным человеком, а эта черта считалась у центавриан большим недостатком. Кроме того, он обращался ко мне, как к равному, и сразу же перешел к делу.

— Мне сказали, что вы умеете обращаться с космическими двигателями четвертого поколения.

Я показал свое удостоверение — все, что я имел. Оно пестрело медведианскими штампами, которые до сих пор были хорошими рекомендациями, но в секторе Центавра...

Я ждал, что Лугас, увидев такое количество медведианских штампов, подожмет губы и уйдет, но он продолжал:

— Как я вижу, вы главным образом служили в секторе Большой Медведицы.

Я пожал плечами и кивнул. Как сказал бы Тодер — не в этом дело.

— Что привело вас в эти края?

— Межпространственная мороженица,— огрызнулся я и тут же пожалел об этом. Такие же ответы я

неоднократно давал старшему офицеру той самой «мороженицы». Если я не буду следить за своим языком, то потеряю работу раньше, чем она будет мне предложена.

Лугас раздраженно нахмурился:

— Как это случилось?

— Рефрижератор класса «Спик», сэр,— неохотно ответил я.— Он выбросил меня потому, что я был слишком разговорчив с капитаном. Но я могу работать с любыми типами двигателей, сэр.

Лугас колебался, но не по той причине, которую я предполагал. Наконец он сказал:

— В таком случае вы, вероятно, не скоро вернетесь в Старую Систему.

Я рванулся вперед. Это было удивительно! Я так хотел выбраться из Центаврианского сектора и совсем не собирался сюда возвращаться.

— Земля? — спросил я.— Или Марс?

Он очень странно посмотрел на меня, и во взгляде его было что-то, что я только много позже определил как тревогу. Он сказал:

— Марс, естественно!

Конечно же, «естественно». Земляне были крайне осторожны, давая разрешение на посадку чужеземных кораблей. Я испугался: моя ошибка могла положить конец нашему разговору,— но он дал мне работу.

Его корабль казался таким же необычным, как и сам хозяин. Это был наполовину грузовик, наполовину лайнер с корпусом от прогулочной яхты класса «Денеб», но двигатели были крейсерского типа, запросто вбивающие корабль в свободное пространство. При корпусе такой малой массы двигатели могли развивать скорость роскошного лайнера. Предупреждая любопытство с моей стороны, Лугас на ходу сочинил, что корабль собран

из купленных по дешевке деталей аварийных кораблей. Это звучало неубедительно, но я боялся потерять только что приобретенную работу и решил ни о чем не расспрашивать его.

Большую часть полета двигатели угрожали оставить корпус позади. Я весь полет провел около них, отрываясь только на сон. Сигнальное устройство, встроенное в мой гамак, будило меня, если что-нибудь случалось. А случалось довольно часто, и я начал думать, не пострадал ли квалифицированный инженер Лугаса от чрезмерного напряжения. Но я не спросил его об этом ни тогда, ни позднее. Мы достигли Марса без аварий, и Лугас выплатил мне премию, чего я никак не ожидал от центаврианина.

За исключением ненормального поведения двигателей и сердечности Лугаса, словно он был не центаврианином, а медведианином или, возможно, землянином, в путешествии ничего примечательного не было.

После моих слов наступила тишина. Я ждал. Наконец главный из четырех жестом дал знак владельцу хлыста. Так как регулятор оружия был поставлен на максимум, я решил воспользоваться методикой Тодера и заставить время ускориться, то есть заставить мое личное «сейчас» опередить начало агонии.

Однако боль все-таки захлестнула меня. Она была так сильна, что я потерял сознание. Моей последней мыслью было воспоминание о мягком тодеровском «так-так», предназначенном для не оправдавшего ожидания ученика.

2

Удушье...

Я боролся с рефлекторным страхом; возвращаясь назад к моменту пробуждения, я пытался объяснить себе, что же испугало меня. Вероятно, мне стало страшно от переживаемой во сне мысли, что я тону, захлебываясь в воде.

Но чтобы я, марсианин, когда-либо плавал в воде?!

Тогда, может быть, это была пыль, не дающая мне дышать; мой рот и горло были неприятно сухими и болезненно раздраженными, словно после песчаного удушья. Нет, и это не так. Я понял. То тяжелое и угнетающее, что лежало на мне, не давая дышать, был густой влажный воздух. Я совсем опьянел от кислорода. Чтобы прекратить головокружение, необходимо было задержать дыхание на некоторое время. Почему же я дышал так глубоко? Мускулы горла полностью онемели. Вероятно, я кричал, даже визжал, когда на меня накатывала волна страха.

Тодер говорил: «Человек связал время на протяжении миллионов лет, чем ты напуган — Тамерланом, Гитлером или Товаренко?»

Задержав дыхание, я исследовал окружающее пространство, анализировал.

Сначала воздух. Большое содержание кислорода. Я всегда чувствовал себя дискомфортно в такой атмосфере. Давление на Марсе измерялось в единицах, пропорциональных шкале измерения давления на Земле по высоте (от уровня моря) от одного до тысячи футов. Подобно всем марсианам, я дышал воздухом под давлением в десять единиц. Здесь же из-за значительной влажности трудно было правильно определить давление, но все же я оценил его в две или, самое

большее, три единицы. Неудивительно, что я очнулся от удушья и почувствовал тошноту от избытка кислорода, почти такую же, как и от действия нервно-парализующего хлыста.

Далее. На чем я лежал? Кровать? Я пошевелился и сразу же понял, что подо мной была кровать с основанием, создающим нулевую гравитацию; я видел однажды такую кровать в дорогом публичном доме на Хариголе. Я лежал на спине, обнаженный. Одна рука на груди, другая откинута в сторону. Она даже не достигала края широкой кровати, а я, подобно всем марсианам, был тощ и высок.

Я сделал вдох, прочищая легкие, и открыл глаза. Я находился в комнате с зеленовато-голубой и золотой отделкой; в единственное окно проникали лучи утреннего или, возможно, вечернего солнца — следовательно, окно выходило либо на восток, либо на запад. Мое настроение поднялось. Комната была украшена большими вазами, наполненными золотисто-желтыми цветами. Крайние цветы в букетах слегка покачивались от движения завесы сухого воздуха, защищающего их от воздействия влажного земного воздуха. Стены были украшены циновками из песчаного камыша ручной выделки, покрытыми слегка блестящим защитным слоем пластика.

Около меня стояли два человека. Я уже много о них знал, если, конечно, эта комната была их собственным жилищем. Не могло быть никакой ошибки, что они не марсиане. Они ничего не скрывали: ни своего местонахождения, ни своих лиц.

Я решил, что они доброжелательно расположены ко мне. А может быть, они спасители?

Один из них, стоящий у моего изголовья, оказался девушкой. Как и большинство землян, она была ростом невелика по сравнению со мной, но отнюдь не

приземистой, какими обычно они все казались, а просто миниатюрной. Грациозная, с золотистым округлым лицом, темными волосами, скрепленными на затылке, она внимательно смотрела на меня своими блестящими агатовыми глазами. Девушка была одета во что-то шелковистое, цвета мерцающей бронзы. Платье мягко зашелестело, когда она наклонилась вперед. Рядом стоял мужчина, высоковатый для землянина и слегка обрюзгший. Светлые волосы локонами обрамляли бледное квадратное лицо. Он был одет в темно-голубой с черным костюмом земного покроя. Его кисть с толстыми пальцами, будто тиски механической лопаты, сжимала мягкую руку.

— Он очнулся, Питер, — сказала девушка голосом, похожим на звук скрипки. Было странно и приятно слышать эти низкие и трепетные звуки в плотной атмосфере комнаты. Но я никогда не поддавался соблазнам. Один неверный шаг — и легко можно заблудиться в изощренной женской лжи. Но, наверное, не все женщины одинаковые, хоть и очень похожи.

Мужчина наклонился ко мне и спросил:

— Вы можете говорить?

Я кивнул.

— Вы помните, что с вами случилось?

Я помнил только день своей смерти. Но Тодер советовал: «Вопросы подразумевают ответы. Спрашивающий выдает столько, сколько знает». Я снова кивнул.

— Вы находитесь в апартаментах Большого Канала,— сообщил мне Питер.— Вы находитесь здесь большую часть дня. Мы нашли вас около Старого Храма, почти утонувшего в пыли. Вы были парализованы.

Откуда он знает? Были ли эти двое моими палачами? Но судя по голосам тех четверых, среди них не было женщины, хотя могли быть использованы и

фильтры, и звукоуловители... Я вспомнил, как Тодер учил определять ложь по движению лицевых мускулов. Но я просто спросил, откуда они это знают.

— Сначала мы подумали, что вы пьяны,— сказала девушка.— Потом нам пришло в голову, что у вас болезнь Лахмава, но у вас не было жара.

— Трезвый, без сознания, с нормальной температурой,— продолжил Питер,— без явных повреждений, но вы с трудом выносили малейшие прикосновения. Вы были парализованы, все верно.

— А почему утонувший? — спросил я.

По быстрому ответу Питера я понял, что, несмотря на свое земное происхождение, он хорошо понимал жестокость жизни на моей планете.

Он сказал:

— Не без маски. Но пыль проникла за клапан, в дыхательную трубку. Мы слышали ваши хрипы.

— И что вы решили?

Они обменялись взглядами. Мне показалось, что они были раздражены моей назойливостью. Им хотелось самим услышать мои объяснения. Эти люди не понимали моего состояния, да и не могли понять. Единственное, что марсиан еще связывало с Землей,— это потребность в необходимом количестве кислорода для развития зародыша во чреве матери; в связи с этим беременность должна была протекать в среде с давлением, приближающимся к нулевой отметке, или даже ниже. Это заставляло большую часть марсианских женщин проводить три седьмых года в условиях Земли, задыхаясь от повышенного давления.

Мужчина сказал:

— Это Лилит Чой, а я Питер Найзем. С Земли, конечно.

— Конечно,— в моем ответе прозвучало больше иронии, чем следовало.— И вы знаете, кто я?

Еще один обмен взглядами, и последовал ответ Питера:

— По документам, которые были у вас, вы Рэй Мэлин, инженер по межзвездным двигателям. И нам кажется, у вас есть враги.

— Значит, вас совсем не удивило то, что я был брошен умирать у Старого Храма?

Они стояли в растерянности. По-видимому, они никак не ожидали от человека, еще не оправившегося от глубокого паралича таких острых атакующих вопросов.

Лилит попыталась ответить:

— Ну... мы чужеземцы на Марсе...

— Вы сообщили в полицию?

Она отступила назад. Питер резко спросил:

— Вы боитесь, что мы это сделали? Вы преступник?

— Нет. И мои бумаги не лгут. Но я марсианин, а у марсиан свои методы улаживания дел.

Странно, что допрашивающие меня оставили мои документы. Я, конечно, мог приобрести другие, но в последнее время возникли трудности с получением медведианских виз.

— Да,— кивнула Лилит.— Мы слышали об этом. Поэтому и не обратились в полицию.

— Никто, кроме нас,— добавил Питер,— не знает, что вы здесь.

— Я признаю обязательство,— с трудом выдавил я.

Это был древний обычай. Они спасли мне жизнь, а нравится ли это мне или нет — уже не имело значения. Я надеялся, что они не будут ничего от меня требовать. Я перенес свое тело через край кровати и встал на пол. С высоты своего марсианского роста я посмотрел на этих маленьких людей — земляне плохо растут из-за сильной гравитации на их планете, близко расположенной к Солнцу,— и спокойно спросил:

— Могу я получить свою одежду и вещи?

Девушка удивленно разглядывала меня с ног до головы, как будто не могла увязать длину моего тела, лежащего на кровати, с его размером по высоте; ее глаза немного расширились. Затем Лилит сказала:

— Да, конечно. Я принесу их.

Она грациозно прошла мимо меня и скрылась в соседней комнате. Питер нерешительно предложил:

— Может быть, вы отдохнете у нас немного, пообедаете? Действие парализатора, наверное, еще не прошло.

— Спасибо, но я должен заняться делом,— ответил я.

— Теми, кто так плохо обошелся с вами?

— На Марсе не задают подобных вопросов,— упрекнул я его.

Он слегка покраснел.

— Да, извините. Мне говорили об этом, но я забыл. Традиция, начатая первыми поселенцами, не так ли! Тогда человек имел право держать в секрете свое дело.

— Кто-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь имел большие права? — спросил я.

Вернулась девушка с моей одеждой. Сквозь тяжелый сырой воздух до меня дошел запах свежевыстиранного белья. Разговаривая со своими новыми знакомыми, я набрал гораздо больше воздуха, чем мне было необходимо, и поэтому начал энергично одеваться, чтобы израсходовать излишки кислорода.

Лилит тоже предложила мне пообедать с ними. Я вежливо отказался, проверил свои документы и осмотрел маску. Они уже подготовили ее для меня: счетчик на резервуаре стоял за отметкой «полный». Я еще чувствовал некоторые последствия нервного шока, но надеялся через день-два полностью прийти в себя.

— Вы собираетесь уходить? — спросил Питер.

— Да,— я пристегнул маску, чтобы надеть ее при выходе из герметизированного объема.

— Подождите,— он казался несколько смущенным.— О, вы сказали, что обязаны нам?

Они знают о нашем обычае. В моем затылке заломило. Лилит попыталась остановить Питера, тронув его за локоть, но он, не обращая внимания на девушку, продолжал:

— Поверьте, мне бы не хотелось пользоваться своим преимуществом, но обстоятельства так сложились, что вы можете помочь нам, не подвергая себя никакому риску. Ведь в этом заключается марсианская традиция?

Он был прав. Может быть, дело, которое они хотят поручить мне, не имеет отношения к случившемуся со мной, может быть, это обычное дело, связанное с контрабандой какой-нибудь косметики, которая на Марсе гораздо дешевле, чем где-либо... Да, но эта пара, живущая в особняке Большого Канала, где давление соответствует земному на высоте две тысячи футов, могла оплатить пошлину на все, что угодно.

— Что вы хотите? — спросил я.

— Ну... вы космонавт, и поэтому, вероятно,— он сделал какой-то неясный жест,— вы бываете в порту и болтаете с друзьями...

Я начал беспокоиться.

— Около трех дней назад с Дариса прибыл центаврианский корабль, который называется «Хипподамиа». Он выглядит как прогулочная яхта. Наверное, корабль и сейчас находится в порту, во всяком случае, он стоял еще там сегодня утром. Мы вознаградим человека, который сможет рассказать что-нибудь о нем. Все что угодно, даже сплетни об этом корабле и его экипаже.

3

Следующие пять секунд я боролся с собой, пытаясь сохранить веру в себя как марсианина.

Я не был завсегдатаем портовых заведений, я был космическим инженером, и к тому же я вообще не появлялся в порту с тех пор, как прибыл домой. Для девяноста девяти процентов человечества Марс означал межзвездную посадочную площадку Старой Системы, а не планету со своим населением, культурой, традициями и обычаями, имеющими силу закона. Поэтому я не вспоминал о корабле Лугаса с тех пор, как покинул его, благополучно избежав центаврианского правосудия.

Но Питер и Лилит видели мои документы и могли обратить внимание на штампы центавриан, завершающие длинный ряд медведианских печатей, на дату моего прибытия на Марс и увязать все это с заинтересовавшим их кораблем, даже если они не сумели разобрать нечеткую подпись Лугаса поперек штампа об увольнении.

Я посмотрел на них, пытаясь по тодеровской методике угадать их мысли. Казалось, девушка думала: «Питер, мы же знаем, что он был на том корабле! Почему ты не сказал ему об этом прямо?» А мысль ее приятеля могла быть следующей: «Я слышал о кодексе чести марсиан. Для них понятие чести, как они утверждают, имеет большее значение, чем для центавриан, медведиан или землян. Я постараюсь сыграть на этом».

Наконец я спросил:

— Скажите мне одну вещь, прежде чем я отвечу вам. Случайно ли вы обнаружили меня у Старого Храма?

Вид их был нерешительным. Лилит достала из кармана сигарету и сунула ее в свои прекрасные губки. Я чуть было не возмутился такой нерациональной тратой кислорода, но вовремя вспомнил, что здесь его достаточно даже для поддержания костра, если кто-нибудь захотел бы разжечь его. Теперь я знал, что она курила, и поэтому она потеряла для меня большую часть первоначальной привлекательности. Курение — безответственная привычка даже для имеющих такую атмосферу.

— Отчасти это было случайно,— начал Питер, осторожно подбирая слова.— Нам сказали, что на корабле, который нас интересует, был марсианин. А Старый Храм — сердце города. Мы...

В разговор вступила девушка — ее голос показался более уверенным:

— Мы искали вас, но мы не знали, что вы были тем, кого мы ищем.

— О, она имеет в виду то,— добавил Питер,— что мы...

— Она имеет в виду то, что сказала,— резко прервал его я, вспомнив приемы Тодера, которые он применял, желая одернуть возомнившего о себе ученика.

Как они были нерешительны, эти двое! Наблюдать за ними было труднее, чем за кем-либо из центавриан или медведиан, с которыми мне приходилось иметь дело. Несколько минут назад я считал, что девушка менее сообразительна, чем ее приятель, теперь же, казалось, Питер уступал ей в смекалке.

Я решил не заниматься сравнительным анализом их умственных способностей и жестом предложил им задавать свои вопросы.

Тем не менее Питер вел себя сообразно собственным представлениям о марсианской честности — он продол-

жал колебаться. Я признаюсь, это раздражало меня. Я мог легко прикрыться казуистикой земного образца, рассказав полуправду о моей последней работе. События прошлой ночи и нынешние, по-видимому, имели отношение к каким-то важным делам, лежащим вне сферы моей профессиональной деятельности.

Я должен быть внимательным и недоверчивым. То, что они обнаружили меня достаточно быстро, спасло мне жизнь, но одновременно наводило на мысль о возможной связи их с людьми из ночного кошмара. С одной стороны, это обстоятельство может помочь установить правду, а с другой — еще больше запутать поиски. Я должен или вести поиск вместе с ними, или, наоборот, выступить против них. В любом случае мне следовало быть очень осторожным.

Итак, сначала я должен выяснить, что же они знают о моем последнем полете. А вдруг они знают то, чего я не заметил, занятый бесновавшимися двигателями? Затем я должен буду принять решение о дальнейших действиях.

— Может быть, вы сядете? — спокойно предложила Лилит.— Если разговаривать в открытую, то это займет некоторое время.

— Нет никакой необходимости рассказывать все от начала до конца,— воспротивился Питер.— Я просто хочу воспользоваться, честно это или нет, своим правом.

— Он хочет знать, почему мы интересуемся именно этим кораблем.

— И я не хочу ему ничего объяснять,— Питер пригладил свои густые волосы толстыми пальцами.— Здесь нет установившейся шкалы обязательств, насколько я знаю, и спасший жизнь человека может выбирать. Я прав? — он вперил в меня свой взгляд.

— У вас, землян, другая шкала ценностей,— ответил я.— Вы цените вещи, которые невозможно съесть, вдохнуть или износить.

— Это верно,— отступил он.— На Земле жизнь человека может быть оценена во что-нибудь необыденное, например в золотой самородок. Здесь же вы, вероятно, способны убить из-за баллона с кислородом или фляги с водой.

— Причем тут убийство? — спросила Лилит, напуганная прямолинейностью разговора.

Еще раз они поменялись ролями. Я не удивлюсь, если окажется, что эта процедура была запланирована заранее, чтобы сбить меня с толку. Наверное, они надеялись задурить мне голову своей софистикой.

Если все так, то у них ничего не выйдет.

— Может быть, мы перейдем к делу? — предложил Питер.— Мы спасли вам жизнь, и вы подтвердили свое обязательство. Мы не знали, что вы тот самый марсианин, с корабля, которого мы разыскивали, пока не нашли ваши документы и не увидели последний регистрационный штамп. Теперь мы будем спрашивать прямо, надеясь, что вы выполните требования вашего национального обычая.

— Я расскажу вам все, что смогу,— ответил я.

Когда я закончил, наступила долгая пауза.

— Кое-что есть в том, что он говорил об этой обработке нервно-парализующим хлыстом,— наконец прервала молчание Лилит.

— Мы не знаем наверняка, связано ли это с тем, что нас интересует,— возразил Питер и повернулся ко мне.— Связано?

— Вы спрашивали о последнем полете,— твердо ответил я.

Лилит щелкнула своими крошечными пальчиками, и этот звук громко прозвучал в тяжелом воздухе.

— Есть еще один важный вопрос: что случилось с человеком, которого он заменил? — она внезапно с волнением напряглась.

Наверное, Питер считал, что я причастен к этому. Он подвинулся вперед на своем стуле.

— Вы знаете, что с ним произошло? — спросил он.

— Я уже говорил, он заболел,— сказал я. Я чувствовал усталость и голод, голова плохо соображала. Разговор становился не менее трудным, чем прошлой ночью, даже при отсутствии нервно-парализующего хлыста.

— Удивительное совпадение,— сказала Лилит, вставая.— Питер, я думаю, ты опирался на проверенные данные о теоретической марсианской честности.

— Это оказалось до некоторой степени кстати, согласен.— Его глаза смотрели на меня с тревогой, они были бледно-голубыми, чего я раньше не заметил.

— В таком случае... — Лилит достала новую сигарету и нервно затянулась.

— В таком случае, кто же пытал его? — закончил Питер.

— Есть две возможности, не так ли? — осторожно проговорила она.

Я слегка напрягся. Они достаточно искусно защищались от моего зондирования, но и сейчас они старались казаться невозмутимыми: наверное, боялись выдать причину своей заинтересованности в любой информации о последнем полете корабля Лугаса. Никто из них не спешил расшифровать эти «две возможности», и после некоторого ожидания я громко сказал:

— Я полагаю, что сделал то, о чем вы просили, и обязательство мое выполнено.

— Не так быстро,— ответил Питер, вставая с надменным видом. Стоявшая девушка была только на голову выше меня, сидевшего на стуле, но он был образцом рослого землянина и сейчас хмуро глядел на меня сверху вниз.— По-моему, у нас возникли противоречия с установленными обычаями, не так ли? Абсолютная честность, абсолютная честь... А вместе с тем имеются и пути преодоления этого. Я, конечно же, не владею тем, чему вас учат с детства, и поэтому могу только раздражать вас, испытывая ваше терпение. Вы признаете, что были на корабле капитана Лугаса. После вашего возвращения домой какие-то люди похитили вас и подвергли обработке нейрохлыстом, затем бросили умирать на улице. Обычные последствия обычного путешествия? Я думаю, нет. Вы обязательно должны знать, что было необычного на корабле: экипаж, груз или пассажиры. На всем пути от Дариса до Земли вы могли заметить это. Но вы утверждаете, будто не видели ничего особенного, за исключением чересчур мощных двигателей, при которых вы были преданной сиделкой. Извините за мою земную грубость, но я нахожу это слишком несерьезным. Вы неглупый человек, если верить вашему профессиональному удостоверению. К тому же меня поражает, как легко Лугас нашел на Дарисе квалифицированную замену заболевшему инженеру, причем не центавриянина, что было бы гораздо легче предположить, а землянина.

— Марсианина! — воскликнул я.

— Да, простите,— его глаза немного сузились.

Я понял, что он пробил брешь в моей защите и проклял эту марсианскую обидчивость.

— Но что мы можем еще сделать, если он лжет? — спросила Лилит.

— Нет, конечно же, ничего,— заметил Питер.— Мы не будем унижать самих себя, рискуя оскорбить

подлинно честного человека или, возможно, укрепить позиции противника. Следовательно, мы благодарим его за содействие и прощаемся с ним.

— Что? — не понял я.

— Вы сказали, что считаете свои обязательства выполненными. Поправка. Я просил вас лишь сообщить нам некоторые портовые сплетни. Могли быть другие члены экипажа, кроме вас, более наблюдательные и болтливые. Что еще вы можете сказать о своих впечатлениях о корабле, кроме того, о чем я уже спрашивал?

«Земная казуистика»,— подумал я, признав правдивость его слов.

Улыбаясь, он сказал:

— Есть один недостаток у вашего абсолютного кодекса, его рычаги действуют и на тех, кто не присоединяется к нему. Я принимаю это во внимание. Мы увидимся с вами снова и еще раз поговорим об этом.

Я поднялся и хмуро наблюдал за ним, удивляясь, почему же я в полете не обратил внимания на какие-нибудь странные факты, которые мог бы предоставить им или тем замаскированным мучителям, пытавшим меня прошлой ночью. Он вынул из кармана свою визитную карточку и передал ее мне. А я, напрягая память, пытался зацепиться за что-нибудь интересное.

Я неожиданно вспомнил испуганное лицо Лугаса, когда спросил его, куда он направляется, на Землю или Марс, хотя я отлично знал, что не существует корабля Центаврианского сектора, которому было бы позволено проколоть защищающую Землю атмосферу. Кораблям земного сектора это, конечно, разрешалось.

Тогда лицо Лугаса передернула судорога, которую я теперь принял бы за тревогу! Да, он вел себя не так,

как другие знакомые мне центаврианские офицеры. (Хотя, я согласен, мой опыт был ограничен всего лишь одним путешествием.)

Лугас испугался, что я могу догадаться, кем он был на самом деле: землянином, замаскированным под центаврианина, командующего кораблем, который имел большие возможности, чем простая яхта класса «Денеб», даже имеющая крейсерские двигатели.

4

Но не эта мысль была главной в моей голове, когда я покидал апартаменты Большого Канала. Прилаживая свою маску, защищавшую от разреженного естественного воздуха и сухого резкого вечернего ветра, я испытывал некоторую досаду при мысли об устаревшей марсианской привычке. Идея калибровки давления кислорода в условиях чужеродной атмосферы других планет родилась несколько веков назад (геральдисты заявляют, что могут проследить более двенадцати рожденных на Марсе поколений внутри отдельных семейств). Эта идея уже давно отжила. Мы могли бы приравнять давление к определенному числу: двум, пяти, десяти единицам, но никак не решаемся поколебать старое правило — на любой планете давление измеряется: «тысяча футов над уровнем моря». А где оно, это мифическое море?

Пока я приспосабливался к условиям, более подходящим для моего метаболизма, я освободился от этого раздражающего наваждения. Ко мне вернулась способность думать. Я начал сожалеть, что отказался от предложения Питера и Лилит отдохнуть и пообедать. Я был еще очень слаб, даже спустя день после

пытки нейрохлыстом. Мои легкие интенсивно работали: они отдавали назад поглощенный воздух квартиры, которую я только что покинул, надували щеки и наполняли клапанный мешок моей маски. Во время этих дыхательных процедур я окидывал взглядом местный пейзаж.

Не сравнивая, я назвал бы свою планету прекрасной. Пустынные, красно-коричневые равнины, песчаные дюны и небольшие холмы. Темнеющее небо, слабо мерцающий душный воздух, цветы, больше чем красивые — сказочные, редкие, но резкие ветры, вздымающие вихри песков... Большинство людей не любит или даже ненавидит такой ландшафт.

И все же я никогда бы не назвал эту планету безобразной, окоченевшей, плоской. Кто может назвать узловатые руки, покрытые рубцами, некрасивыми? Я смотрел на этот родной мир, и мне вдруг пришла в голову мысль, что Тодер любил Марс. Я подумал: «Старый мудрец»,— и почувствовал поддержку в этих словах.

Я пошел в город. Мысли мои беспорядочно метались в голове, словно отражались в противостоящих зеркалах. Внезапно новая мысль обожгла меня, именно здесь и сейчас я могу проверить одно из утверждений Питера и Лилит: что они доставили меня сюда совершенно незаметно. Проверить? А почему бы и нет? От их особняка отходила прямая дорога. На ней были видны две колеи, ведущие к городу, по которым я шел сейчас, и они были достаточно хороши для передвижения транспорта. Основные здания города, конечно, были погружены в трещины, долины, названные «каналами» задолго до того, как нога человека ступила на эту планету, и до сих пор носящие это «мокрое» имя. Не было рядом подходящей точки наблюдения, с которой я смог бы сверху бросить взгляд на жилые кварталы

города и увидеть след, ведущий к главному входу дома землян. Мысленно же я не мог проследить весь свой путь, карабкаясь по песку.

Полагаю, что они все-таки говорили искренне. В закрытой машине земляне могли скрытно доставить меня в свой особняк. Проверим. Да, линия следов всего на десять градусов отклонялась от направления к Старому Храму, где, по их словам, они нашли меня.

По ту сторону Старого Храма находились мой дом, мое убежище и, может быть, мой учитель.

Питер и Лилит могли навести справки в космопорте о том, где я живу и когда возвращаюсь домой. А тот факт, что в экипаже корабля Лугаса был марсианин, они могли выловить в моем квартале города. Их маршрут домой — да, он тянулся от Старого Храма. Допустим и проверим.

Я чувствовал себя немного лучше, несмотря на то что Тодер советовал не доверять подобным доказательствам. Я почти слышал его старый квакающий голос: «Есть две причины, по которым рассказ может быть совместим с наблюдениями и фактами. Он может быть продиктован ими или он может быть продиктован по ним».

Каким ценным вещам он учил меня. А я, скучая, отвлекался на, как мне казалось, более занимательные вещи, мечтая о блестящем превосходстве над землянами, центаврианами и медведианами! Почему только эта ночная экзекуция смогла продемонстрировать мне всю ценность его учения?

Потому что я был глуп.

Питер говорил: «Вы неглупый человек, если верить вашему профессиональному удостоверению». Но это удостоверение не определяло умственные способности человека, а только оценивало приобретенные им мастерство, умение, знания.

Я подошел к откосу. Дорога, накатанная транспортными машинами, извиваясь серпантином, спускалась вниз к ложу канала. Идти по ней было бесполезной тратой сил. Я решил сократить путь и пошел прямо вниз, по крутому спуску, с детства привычным шагом — чем-то средним между бегом и прыжками, естественными при нашей низкой гравитации.

Скоро мы сможем создать дешевое оборудование, управляющее силой тяжести, для установки его в жилых помещениях наподобие регуляторов давления. В той комнате, которую я оставил, уже была кровать с нуль-гравитационной установкой, хотя, конечно, зона воздействия на поле тяготения была сравнительно мала, и распространение его на все здание вылилось бы в фантастическую сумму. Но рано или поздно это должно случиться.

И от этого поползет по швам сложившееся равновесие. Некоторые миры будут просто брошены на произвол судьбы... Я могу провести несколько недель на планете, подобной Дарису, Голдстару или Хариголу, с гравитацией, близкой к земной, и воздухом, как на Марсе, но там я двигался медленнее, чтобы сохранить энергию, ел больше, чем обычно. И каждую ночь мой собственный вес припечатывал меня к кровати. Только когда я возвращался домой, я действительно мог отдохнуть. На Марсе мои семь футов и четыре дюйма вытягивались во весь рост, подобно песчаному камышу. Мои ноги работали быстро, как сейчас, спускаясь по круче, мои маленькие руки со слабыми пальцами могли собрать дюжину песчаных цветов, прежде чем они рассыпятся, войдя в контакт со слишком большой влажностью кожи. Вынужденный жить постоянно в земных условиях, я бы умер от изнеможения, не дожив до среднего возраста.

И были другие, подобные мне, думающие так же, как и я, в большей или меньшей степени. Более миллиона людей на всей планете, живущих в почти двадцати городах и поселках. Из них ни один не мог быть назван целиком марсианским. Позади меня остался кусок Земли, называемый Большим Каналом и представляющий часть чужеродного мира. При отсутствии земной гравитации жизнь в такой среде не была убийственной для меня, но делала меня подобным песчаным цветам в незащищенной вазе.

Был ли я глуп, выбрав звездную профессию?

Возможно, в какой-то мере. Но на мой выбор повлияли некоторые обстоятельства. В космических экипажах был довольно большой процент марсиан. Это было делом чести в некоторых мирах Медведианского сектора, не включая Голдстар, конечно. Они признавали марсиан как нацию, что благоприятствовало единению космических экипажей и других рабочих групп. И меня соблазнили все эти высокие идеи. Да, сильна еще древняя человеческая привычка лелеять все то, что прежде считалось прогрессивным, либеральным, даже радикальным. Это было неискреннее выражение чувств, запечатленное в металле. И нужно было изучить тот период, когда медведиане и центавриане, провозглашая свою независимость, повторили деколонизационный процесс, хорошо известный из истории Земли.

Но я в то время был искренне увлечен идеей, что на этом славном пути марсианин способен сделать что-нибудь выдающееся. Именно в космосе хотелось доказать, какими безграничными возможностями обладает марсианин.

Я прошел остаток пути до русла канала, оставив свои размышления. Идти было тяжело, каждый шаг

требовал внимания. Ноги глубоко погружались в мелкий песок. Ступив наконец на твердый грунт, я оглянулся. Солнце, конечно, давно уже ушло, и на улицах было включено вечернее освещение. Впереди, там, где канал изгибался, скрываясь из виду, слепил огромный светящийся символ центаврианского Посольства — еще один признак иноземного вторжения. В той же стороне показалась пара грузовых платформ, за которыми все еще тянулся след пыли, собранной в пустыне по дороге на Маринер. (Как много нелепых морских названий! «Маринер» на планете, не имеющей морей! Говорят, эти названия возникли еще в дозвездной истории, но...)

Я собирался войти в один из пешеходных туннелей, тот, большой прямоугольный, в котором виднелся свет. Там был свободный воздух. Я проверил давление на счетчике, расположенном рядом с входным шлюзом: шкала высвечивала обычную десятку.

Но я колебался, оглядывая купол туннеля. Верхняя часть его, что выше моей талии, была из стекла, подразумевалось, она должна быть прозрачной. Но песок, время и солнечная радиация превратили прозрачный купол в бесцветную матовую поверхность.

Хватит! Это ведь Марс, в конце концов!

Ветхие, старые, второсортные вещи. Таков был статус моего собственного мира. И рано или поздно... полная искусственная гравитация, хотим ли мы, марсиане, этого или нет.

С другой стороны полупрозрачной стены я увидел приближающуюся фигуру, человека в маске. Я не мог уверенно сказать, был ли это центавриан, медведианин или землянин, мужчина или женщина. Его или ее тело было плотно закутано в теплую одежду. Но совершенно очевидно -- это инопланетянин, чуже-

земец, который не мог даже дышать при давлении десять единиц. Я повернулся спиной к люку и широким шагом пошел вдоль дороги, держась подальше от колеи транспортных машин и следя, чтобы мой силуэт не был виден из освещенного туннеля.

Этот угол — единственное место, где меня могли оставить умирать! Я нагнулся, разглядывая песчаные кучи, покрывавшие стены Старого Храма. Могли ли мелкие зубцы их верхней части помешать выпихнуть мое тело, или это только глупая идея? Здесь не было ничего, что могло бы подтвердить эту версию. Выпрямившись, я посмотрел на Храм, и меня охватило то самое трепетное чувство, знакомое с детства.

«Храм»! Еще один земной термин, еще одно навязанное мнение. Тем не менее это сооружение было величавым, вызывавшим благоговейный трепет даже у марсиан, эмоционально более сдержанных, чем экскурсанты с Земли. Он был простым, но огромным, как марсианская песчаная насыпь; высота его достигала почти ста футов, это только до верхней кромки,— время не пощадило его стен, и теперь уже невозможно оценить первоначальную высоту Храма. Когда его обнаружили, он был похож на коробку без крышки, полную песка.

Здание расчистили. При раскопках были обнаружены пятнадцать предметов неясного происхождения, которые и выставили здесь же для обозрения. Посетители могли попасть в Храм с ближайшего тротуара через пешеходный туннель. И всякое новое лицо, оказавшееся в нем, разочарованно восклицало: «Да ведь он почти пуст! И экспонаты ничем не интересные!»

Однако и Храм, и все, что в нем находится, может быть делом рук совсем не марсиан, а каких-нибудь звездных пришельцев, посетивших Марс задолго до пещерных времен на Земле. И даже полуразрушенный, обезглавленный, он, казалось, говорил: «Смотрите на меня, вы, могущественные и отчаявшиеся!»

Я собирался войти внутрь. В это вечернее время в Храме, вероятно, ничего уже не было. К своему стыду, я не заходил сюда уже несколько лет, точнее, с тех пор, как я впервые покинул планету. Наш Храм — самый яркий образец уникальности Марса, и я пренебрегал им.

А еще больше мне хотелось увидеть человека, которого я совсем забыл. И поэтому я решил вернуться к Старому Храму завтра или перед своим следующим полетом.

Решение это явилось результатом сложных мозговых процессов, проходящих в моей голове. Я до конца даже не сознавал, как напряженно работали мысли в тот долгий день. Мысленно я вернулся назад. Потребность в осмыслении своего существования появилась, когда я вспомнил учение Тодера под нейрохлыстом. С тех пор я начал яснее понимать самого себя, трезвее оценивать свои поступки.

Глядя на внушительные стены Старого Храма, я думал о том, что предал наследие предков. Я отбросил слова Тодера, как не нужный в быту хлам. Я предпочел межпространственный анализ и теорию управления.

Я предпочел иметь дело с машинами, а Тодер имел дело с людьми. Теперь я должен объединить оба учения, чтобы проникнуть в тайну, окутавшую мое последнее путешествие.

Мне не нужно было искать пути к Тодеру. Он остался в моем детстве... а может быть, нет?

5

Раньше, каждый раз, когда я возвращался на Марс после долгого космического путешествия, я сразу направлялся в этот квартал города, где прошла моя юность и где я приобрел те знания, которые и хотел приобрести. В последнее время посещение мест юности перестало быть моей привычкой. Сейчас я размышлял о том, что потерял уверенность в себе, наверное, из-за ухудшающегося состояния дел на Марсе.

Даже через год, проходя по этой дороге, я наверняка увижу еще более покосившееся двери домов, новый слой тускло-коричневой краски, уже не скрывающей трещины в бетонных стенах, потускневшие от песка стеклянные панели пешеходных туннелей...

Но все же было одно утешение: люди здесь — марсиане. Я посмотрел вслед прошедшей мимо высокой девушки, ростом, наверное, около шести футов и девяти дюймов, но она была моего племени, такой же, как и я, в отличие от прелестной и миниатюрной Лилит.

Люди сейчас сидели по домам: было время ужина. Мне пришла в голову мысль, что и мне бы не мешало перекусить, ведь я не знал теперешнего материального положения Тодера. Вряд ли он поделится последним куском хлеба со своим экс-учеником, да еще пришедшим без предупреждения.

Где-то здесь поблизости был небольшой ресторанчик... Я подошел к шлюзу пешеходного туннеля. Счетчик давления был освещен, но из-за трещин на стекле невозможно было разобрать цифры на циферблате. Усомнившись в его исправности, я осторожно приподнял свою маску. Воздух был сух, а давление нормальным. Я подошел к ближайшему перекрестку и повернул налево.

В том направлении город уходил в узкий каньон, тянувшийся к главному каналу. Два пешеходных тротуара слились в один под общим куполом. Когда мне было пять-шесть лет, я играл здесь в медведиан и центавриан, лазая вверх и вниз по ржавым стальным пилонам, поддерживавшим этот купол. А сейчас я удивился, увидев, насколько прогнулись они. Если это из-за большого количества песка, нанесенного на купол, то днем здесь, должно быть, довольно мрачно!

Трое детей, два мальчика и девочка, уже выше пяти футов ростом, играли в туннеле в какую-то глупую игру, а сверху на них сыпалась тонкая струйка песка. Это еще раз неприятно удивило меня. Если песочный поток преодолевал давление воздуха внутри, то дыра должна быть очень большой, и купол требовал немедленного ремонта.

Увидев меня и почувствовав себя несколько виноватыми, что забыли о своих обязанностях, они быстро совками и метелками расчистили слой песка, достигший уже двух футов.

Наверное, еще никто не сообщил о течи, надо сделать это!

Но я был слишком голоден, чтобы сразу предпринять какие-нибудь действия. И если не ошибаюсь, то ресторанчик должен быть за следующим поворотом.

Ресторанчик был на месте, его фасад по-прежнему украшался надписью, нанесенной обычной краской (флюоресцентная слишком дорогая), но название вроде бы изменилось. Теперь он называется... позвольте посмотреть... «Роскошный пир»... Кажется, припоминаю, так он назывался очень давно, в пору освоения Марса — кто-то невесело пошутил над теми голодными временами, когда ресторан не мог предложить свои

фирменные блюда. Но эти дни прошли, и до сих пор каждый здесь мог поесть так же хорошо, как и в любом другом месте. Поэтому я был очень изумлен, увидев это название.

Еще хуже было увидеть четырех центаврианских космонавтов единственными посетителями ресторана. Они шумно выражали на собственном диалекте недовольство предложенным ассортиментом.

Я несколько секунд стоял в дверях, раздумывая, не пойти ли мне в другое место, но в это время мужчина, по-видимому владелец, заметил меня и подошел с таким умоляющим видом, что я принял его предложение и сел за столик. Хозяин был негром, иммигрантом с Земли, дюймов на восемнадцать ниже меня, все еще отягощенным земными мускулами и большой грудной клеткой, до сих пор плохо приспособившейся к давлению в десять единиц.

Его единственный официант терпеливо стоял перед центаврианами, пока они со всеми возможными вариациями заказывали себе ужин.

— Что они здесь делают? — спросил я у негра.

— Джентльмены с центаврианского корабля? — сглотнул он, и его адамово яблоко подпрыгнуло.— В эти дни мы их видим здесь всюду.

— Неужели? — я разглядывал меню. Я отсутствовал дома слишком долго, дольше, чем намеревался. Я хотел оказаться в своей к маленькой квартирке на другом конце города, недалеко от космопорта, но в действительности я хотел убежать от щемящего чувства вины, терзавшего меня за предательство идеалов моих предков.

В чем причина этого всеобщего запустения, что значат эти занесенные песком крыши, разбитые счетчики давления, новое название ресторана?..

— Вы случайно не знаете человека по имени Тодер? — спросил я.— Учителя, который живет недалеко отсюда?

— Боюсь, что нет,— ответил негр.— Я здесь только второй год, и... люди пока еще не расположены посвящать меня в свои дела.

Для начала я выбрал замороженную мякоть авокадо, марсианского цыпленка с Солнечной подливкой и салат «Фобос». Цыпленок был сдобрен специями и полит африканским соусом вместо обещанной подливки. Но центавриане так долго перечисляли свои жалобы, что мне не хватило мужества высказать еще и свои претензии. Кроме того, цыпленок оказался неплохо приготовленным.

Я старался быстрее разделаться с ужином, так как начал чувствовать сильное утомление, вероятно, нейрохлыст напоминал еще о себе. Я никогда раньше не испытывал его действия, за исключением легких ударов, полученных от полицейских при мелких стычках в различных барах. Сейчас я чувствовал, что через два-три часа усталость, подобно песчаному шторму, свалит меня с ног. К этому времени я должен быть дома, в кровати. Поэтому, здраво рассуждая, после ужина мне следовало пойти сразу домой. Но я не был благоразумным.

Так получилось, что, несмотря на мою поспешность, центавриане закончили с ужином раньше меня и, расплатившись, с шумом стали собираться, громко комментируя марсианскую кухню. Я боялся, что не выдержу и вступлю с ними в спор, и поэтому решил подождать, пока они не выйдут. В это время в ресторан вошли двое медведиан и потребовали пива и развлечений. Негр имел, конечно, и то и другое. Однако я

заметил его растерянный вид, когда он возился за стойкой.

Я щелкнул пальцами, чтобы привлечь его внимание. Он покосился на медведиан и, решив, что небольшая задержка никому не повредит, подошел ко мне.

— Игральные кости,— сказал я.

— Что?

— Они просили развлечения... и... Видимо, вы не часто обслуживаете медведиан, не так часто, как центавриан?

— Почему же, но...

— Медведиане азартные игроки. Они играют в кости по-своему — по кругу и с картами.

— О, спасибо за информацию,— он устало улыбнулся.— У меня достаточно жалоб в этот вечер.

— Вы сочувствуете медведианам?

— Ну! — негр опасливо оглянулся, но центавриане уже покинули ресторан.— Если быть откровенным, я нахожу их менее привередливыми посетителями.

— Я тоже,— признался я.

Пока он обслуживал медведиан, я размышлял над тем, что до моего недавнего опыта работы в Центаврианском секторе я считал, будто марсиане нейтрально относятся и к центаврианам, и к медведианам, в отличие от предвзятого отношения к ним землян. Сам же я предпочитал Медведианский сектор, мне нравилась их величайшая готовность набирать экипажи из космонавтов Старой Системы. Конечно, все они люди, но как они по-разному ведут себя! Беспечные медведиане — это в основном индивидуалисты, большие импровизаторы и азартные игроки. Центавриане же были формалистами, дисциплинированными, хорошими организаторами; даже свой досуг они использовали для самосовершенствования: занимались исследованиями или играли в занимательные аналитические игры, предназ-

наченные для развития интеллекта. Поэтому не случайно говорили, что центаврианские девушки в кровати очень похожи друг на друга. На Дарисе у меня были время и средства, чтобы убедиться в этом.

Когда я вышел на улицу, центавриан нигде не было видно. Облегченно вздохнув, я отправился разыскивать Тодера. Все вокруг напоминало о моей юности: я узнавал каждый дом, каждый переулок, мимо которых проходил. В четверти мили от своей цели, погруженный в воспоминания, я был неожиданно остановлен окриком:

— Эй, вы, там!

Я увидел четверых центавриан, тех самых, из ресторана. По знакам различия на их форме я определил, что среди них были младший казначей, два младших офицера и воздушный техник — низшие ранги в структуре центаврианского флота. Могло быть хуже. Я знал, что офицеры нетерпимы к нам, но некоторые члены экипажей более низкого ранга относятся к выходцам из Старой Системы как к равным.

Младший казначей держал в руках карточку, вероятно, с адресом, который они пытались найти. Моя догадка подтвердилась, когда он обратился ко мне:

— Вы знаете этот район? Мы не можем найти нужное нам место.

— Я вырос здесь,— коротко ответил я, подходя.

Воздушный техник, низкорослый даже по земным стандартам, испуганно взглянул на меня, проявив несвойственную центаврианам трусость перед моими семью футами. Глупец! Со своими тренированными мускулами он мог бы сломать мне руку, словно крылышко цыпленка.

— Разрешите взглянуть,— сказал я и взял карточку. Прочитав написанную второпях надпись, я испытал новое потрясение — не много ли для одного вечера!

Я знал этот адрес лучше, чем собственный. Но что нужно четырем центаврианским космонавтам низшего ранга в доме марсианского учителя, покинутого даже некоторыми из его старых учеников?

Я попытался не показать своего удивления и, кивнув головой, вернул карточку назад:

— Я как раз иду в этом направлении.

Я не сделал им предложения проводить их, а они не поблагодарили за шефство. Молчаливо мы отшагали последние пятьсот ярдов, а мысли мои кружились в голове, как колесо рулетки.

Возможные объяснения, приходившие на ум, могли быть неверными. Но, когда я наконец увидел этот дом, меня охватило чувство раздражения.

Тодер не мог представлять ничего иного, чем он был на самом деле. А на фасаде старого дома, который я знал, выделялись замысловатые вывески: на прозрачные пластины в форме гербовых щитов очень искусно были нанесены изображения. Я никогда не занимался геральдикой специально, но перед тем, как отправиться в Центаврианский сектор космоса, мне пришлось познакомиться с ее основами, так как центавриане очень серьезны. Поэтому среди различных изображений я сразу же различил герб Тирана Центавра. Он был разделен на две части: в первой части на черном фоне искрились золотые звезды и серебряные кометы, во второй — скалилась зеленая тигриная голова. Другой герб был маловыразительным, и я не знал его; вероятно, современная выдумка: чередующиеся четверти лазоревого и серебристого.

Мои попутчики начали оживленно разговаривать. Центаврианам очень не нравится быть в замешательстве — у них сразу же обостряется чувство собственной неполноценности. Сейчас же к ним вернулась их обычная высокомерность.

Они уверенным шагом направились к двери, рядом с которой красовались гербы, а я неохотно последовал за ними. Подойдя ближе, я прочел вывеску, расположенную между двумя сияющими фонарями: «Марсианский институт геральдики. Зонд, король геральдической палаты...». Неужели за этой дверью находится Тодер? Неужели, покинутый своими учениками, он занялся этой неинтересной и бесполезной наукой?

Я не мог поверить!

Дверь открылась, и на пороге появился незнакомый человек. Мне показалось, что он был ростом шесть-семь футов. Однако, увидев гостей, незнакомец тотчас же сложился пополам, пытаясь в унизительном, заискивающем поклоне скрыть свой благородный марсианский рост. Видеть это было ужасно стыдно. В полном смятении я стоял перед дверью, которая только что захлопнулась за вошедшими внутрь центаврианами.

6

— Тодер? — резко переспросил мужчина, внимательно рассматривая меня.— Нет, он не живет здесь уже давно. Кто вы, во всяком случае?

Он уже распрямился, и я увидел, что ростом он выше меня.

Мы стояли в вестибюле, я быстро огляделся. Я хорошо помнил жилище старого учителя и теперь не узнавал его: интерьер стал совсем другим. Стены были обвешаны подделками под древние гербы землян, по углам валялись кучи журналов по генеалогии, безвкусно оформленных цветастыми эмблемами и наверняка набитых псевдонаучными статьями.

Из соседней комнаты послышались голоса центавриан. Как обычно: они были здесь не более трех минут, но уже выражали недовольство, что им приходится ждать.

Наконец я сказал:

— Я был его воспитанником. Я... э... Я хотел бы увидеться с ним, вот и все. Он еще жив?

Мне ни разу не приходила в голову мысль, что он мог умереть за мое столь долгое отсутствие, но сейчас, когда все так изменилось, эта мысль стала реальной и очень угнетала меня.

— Что там, Юма?

Из боковой комнаты вышла женщина — марсианка необыкновенной красоты, но одетая весьма странно. Ее длинное платье свободного покроя было украшено полосками геральдических цветов, вырез и манжеты отделаны горностаевым мехом.

— Спрашивают Тодера,— ответил мужчина,— бывший его ученик.

Ученик? Необычное слово. Тодер никогда не называл своих студентов иначе как «воспитанник». Но у меня не было времени подумать об этом. Женщина смотрела мне прямо в лицо.

— Я, вероятно, смогу сказать вам, где его можно найти,— ответила она после тщательного изучения моего внешнего вида, которое, казалось, удовлетворило ее.— Вы давно не приходили сюда?

— Случилось что-нибудь серьезное? — нетерпеливо спросил я.

— Нет, просто он удалился от активной работы, и я слышала, он...

— Болен?

— Не думаю. Просто занялся другими делами. Как ваше имя?

Я колебался, но подумал, что нет никаких причин скрывать свое имя.

— Рэй Мэлин,— ответил я.

Женщина взглянула на Юма — тот стоял с закрытыми глазами, казалось, что-то вспоминая. Наконец сказал:

— Это настоящая марсианская фамилия! О, четыре, пять, шесть поколений марсиан. Последней земной ветвью была прапрабабушка по отцовской линии. Хм... Интересно!

Он посмотрел на меня с явным любопытством, которое, конечно же, нельзя было сравнить с моим изумлением. Я всегда относился с недоверием к геральдике, но сейчас был потрясен, узнав от незнакомого человека подробности своего происхождения. Я спросил:

— Как вы узнали это? Я никогда не прослеживал свою генеалогию!

— Юма обладает эйдетизмом,— сказала женщина.— Неоценимое качество в нашей профессии. Вероятно, ваш двоюродный брат или какой-нибудь другой родственник консультировался у нас.— Она вопросительно взглянула на Юму.

— Странно,— произнес тот, нахмурив брови,— я не думал об этом раньше, но... — он прикусил губу.— Обычно я долго не держу в памяти данные о непрямых родственниках, следовательно... О, конечно! — Выражение его лица смягчилось.— Это было всего пару дней назад, один человек интересовался родом Мэлинов.

Мой мозг мгновенно выдал сигнал тревоги. Я спросил, следя за интонацией своего голоса:

— Неужели? Вероятно, кто-нибудь из двоюродных братьев или других родственников?

— Совершенно верно, центаврианский офицер, некий майор Хоуск, с Леованды.— Юма несколько раз

кивнул, довольный своей памятью.— Мы дали ему очень подробный список параллелей. Несомненно, он прибыл сюда, чтобы встретиться с вами, и очень хотел найти какой-нибудь след Мэлинов.

Несмотря на смертельную усталось — ведь еще утром я находился в тяжелом нервном шоке,— я все-таки попытался логически увязать этот факт с происшедшими событиями. Этот центаврианин, майор, по-видимому, уже встречался со мной. Прошлой ночью.

— Замечательно! — воскликнул я со всей горячностью, которую мог изобразить.— Я начинаю понимать, почему люди восторженно относятся к геральдике в наши дни — их привлекает идея укрепления семейственности, сближения представителей одного и того же рода. Вы не знаете случайно, как мне разыскать майора Хоуска?

— Кажется, он ничего не говорил об этом,— пожал плечами Юма.

Очень плохо, но я уже знал его имя, и это могло стать ключом к разгадке моей тайны.

Центавриане в другой комнате начали шуметь. Юма, поймав вопросительный взгляд женщины, резко кивнул в сторону места скандала. Она вздохнула и решила закончить нашу беседу:

— Тодер живет по адресу... Юма даст вам его. Извините меня, я должна заняться клиентами.

— Вы Зонд, король геральдической палаты? — спросил я.

— Вас это смущает? Вы бы предложили мне называться королевой? — Она усмехнулась.— «Король» — только геральдический термин, мой друг! Подобно «профессору». Король геральдической палаты есть король, невзирая на пол.

Подобная казуистика была темой многих интересных высказываний Тодера: он считал, что термин не раскрывает сущности вещи. И я отправился продолжать свои поиски.

Новый адрес Тодера смутил меня. Я плохо знал этот район, до которого отсюда было больше мили и который я всегда предпочитал избегать. Здесь жили привилегированные посетители из отдаленных миров, и, следовательно, давление в переходах и туннелях было пять или шесть единиц... Такое попустительство со стороны марсианских властей всегда раздражало меня. Я негодовал, почему они прилагали все усилия для поддержания дыхания людей с других планет, имеющих склонность смотреть на меня как на урода-верзилу.

А у землян наше давление десять единиц вообще не должно вызывать недовольство. Примитивные горные растения на их планете существуют при двенадцати (а некоторые и двадцати пяти) единицах без искусственной поддержки, и целые общины жили на высоте при давлении двенадцать единиц, в том числе и мои предки в Андах.

Я представил себе план города. Время бежало слишком быстро, и имело смысл взять такси: усталость росла, а мне нужна была ясная голова для разговора с Тодером.

Я остановился у автоматического компрессора, установленного при входе в шлюз переходного туннеля, и принялся искать монеты, чтобы оплатить заправку баллона для маски. Я не снимал маску с тех пор, как вышел из апартаментов Большого Канала, опрометчиво решив остаться на открытой улице вместо того, чтобы воспользоваться пешеходным туннелем. Но Питер и Лилит были великодушны — они отпустили меня с

полным баллоном. Поэтому, как оказалось, я израсходовал только четверть резервуара и подумал, что успею заправить его позднее.

Я потратил много времени, разыскивая такси, наконец я поймал его и назвал водителю адрес Тодера.

Развалившись на мягком сиденьи, я мысленно вернулся к своему таинственному центаврианскому «сородичу». Вероятно, Юму и его работодателя не удивило, что этот незнакомец спрашивал о родственниках, предки которых расстались с его предками, возможно, пять поколений назад. Почему бы и нет? Центавриане отличались приверженностью к семье. Я вспомнил старшего офицера, выкинувшего меня на Дарис, который кичился своими семейными связями, ведущими к самому Тирану. Я не знал, каким близким было это родство, но только не прямым, поскольку тогда бы он ходил в чине капитана, а не старшего офицера.

Хоуск. Значило ли для меня что-нибудь это имя? Конечно, нет. Я не знаю своей родословной, я даже не смогу назвать девичью фамилию своей матери. Она не имела возможности сказать мне об этом лично.

Моя мать умерла при родах. Такое до сих пор еще случалось. А мой отец, утомленный старый человек, жил сейчас в каком-нибудь отдаленном поселке вроде Вояджера или снова летел неизвестно куда.

Я не любил думать о своей семье. Что толку?

Тодер был для меня и отцом, и учителем, а мой настоящий отец был рад препоручить меня его заботам.

Обычно я думал о своей обособленности как о форме самостоятельности, независимости, настоящем образце марсианского поведения. Юридически подданные Земли, мы были в известном смысле отвергнуты все до единого. Не это ли обстоятельство и вызывало чувство одиночества?

Сейчас я начал понимать, что это не так.

Продолжая свои размышления, я подумал, что фамилия Хоуск могла быть вымышленной. Если же она была подлинной, то я, вероятно, смогу узнать что-нибудь неожиданное о своих родственниках.

Однако я не допускал мысли, что майор Хоуск мог быть моим родственником. Я склонен думать, что родня моего предка скорее выбрала бы созвездие Большой Медведицы, нежели Центавра.

Делая такие предположения, я, конечно же, не основывался на том, что было сейчас. Медведианская и центаврианская нации развивались на протяжении нескольких поколений, и сейчас они сильно отличаются друг от друга. Говорят, центавриане суровы и властолюбивы, а медведиане непосредственны и азартны.

Мне кажется, что причина столь резкого различия характеров двух родственных народов скрыта не в простом стремлении в первые дни межзвездной колонизации одних людей к созвездию Большой Медведицы, других — к мирам Центавра. Целый ряд тяжелых экономических бедствий обрушился на центавриан, что заставило их воскресить древнюю организационную структуру «Тиран» и поддерживать ее до тех пор, пока не минует кризис. Временный диктатор организовал их жизнь с учетом постоянно надвигающейся катастрофы. Это обстоятельство, естественно, сильно повлияло на формирование национального характера центавриан. Отсутствие какой-либо системы у медведиан также отразилось на их образе жизни и, следовательно, мышлении.

Я внезапно вспомнил о девушке с Харигола. Мне казалось, что я любил ее. Это был единственный раз, когда я подумывал о женитьбе и воспитании детей вне Марса. Хотел бы я знать, почему мой дальний предок не направился к мирам Большой Медведицы.

Мне бы хотелось родиться несколькими поколениями раньше, во времена, как говорил Юма, последней немарсианской ветви моей родословной. Тогда не возникал вопрос о независимости колонизированных миров, вышедших из Старой Системы. Колонии были квазифедеральными, зависимыми государствами, первые зерна марсианской гордости, марсианских традиций только начинали пускать ростки, тогда же появились первые изменения в телосложении людей, родившихся на Марсе. В мое время, в эту угнетающую эпоху, мне казалось, что Старая система была покрыта куполом, через дыры в котором сыпались звезды, словно песок.

Голова кружилась, силы иссякали, веки слипались, будто под действием земной гравитации, было невыносимо тяжело. Но я собрал свои последние силы — мне необходимо снова увидеть Тодера. Я должен рассказать ему об этих запутанных событиях, мучивших меня, попросить у него совета и указаний.

Я был уже почти у цели. Такси осторожно подкатило к шлюзу пешеходного туннеля, вероятно ближайшему от дома Тодера.

Я натянул маску, оплатил стоимость проезда, засунув монеты в щель, и наконец выпрямился во весь рост. Еще один повод для раздражения! Почему все вещи на Марсе изготовляются для людей ростом не больше шести футов или около этого? Почему здесь используют такси, предназначенные для высокогравитационных миров, подобных Земле. Черт побери их всех!

Я взглянул на нужное мне здание. Я был рад видеть, что Тодер покинул обычное марсианское окружение и поднялся на несколько ступенек по лестнице благополучия.

Этот дом содержался в хорошем состоянии, он был недавно превосходно отремонтирован и со вкусом

покрашен. Я надеялся, что, оказывая хорошо оплачиваемые услуги, он не изменил своим марсианским принципам. Ведь многое, слишком многое изменилось!

7

А Тодер не изменился. О, внешне да: тощее тело еще больше ссутулилось, седые волосы поредели, глаза глубоко спрятались в мелкой сети морщин. В душе, я решил, он нисколько не изменился.

Я собирался долго извиняться, но это оказалось излишним. Он узнал меня и приветствовал так, словно я покинул его всего несколько дней назад. Тодер провел меня в большую неприбранную комнату, похожую на его прежнюю. Диаграммы, чертежи, полки с катушками микрокниг покрывали стены. Всюду — на каждой полке, на каждой плоской поверхности — лежали предметы, подаренные ему или собранные им самим, которые он использовал, обучая меня и моих товарищей основам различных наук. Знакомые бусинки, нанизанные на шнурок, затронули чувственную струну, но были и новые предметы, причем со смыслом: тибетские молитвенные колеса, статуэтки с миров Большой Медведицы, представляющие Восприятие, Надежду и Уверенность, игровая доска с Центавра вроде тех, которые я видел на Дарисе, но на которых так и не научился играть.

Как и все марсианские дети, я обучался в школе, иначе не смог бы получить квалификацию межзвездного инженера. Но Тодер, конечно, был не обычным школьным учителем. В детстве я слышал, как взрослые называли его «гуру». Я был самоуверенным парнем и считал для себя унизительным просить его объяснить значение этого слова. Однажды я наткнулся на него в

одном из словарей: г у р у — духовный наставник, проводник мистических учений Древней Индии.

Я никогда не слышал о космических кораблях, приводимых в движение молитвенными колесами, и поэтому эта информация только усилила мое намерение расстаться с Тодером и пробраться на корабль, отправляющийся к звездам.

Однако это не было побегом. Я любил Тодера, он был мне ближе, чем родной отец. Просто масштаб его мыслей ограничивался окоченевшим марсианским ландшафтом и формированием поистине марсианской личности. Я уважал его наставления, но считал, что они не имеют силы в наше время. Он говорил об отношениях индивидуумов, я же интересовался новостями в великих державах, включающих более двадцати планетных систем, в каждой из которых проживают миллиарды людей. Он говорил о моем становлении как марсианина — я думал о юридических тонкостях, закрепляющих мое официальное существование как гражданина Земли. Я бы скорее умер, чем согласился провести всю свою жизнь в так называемом «домашнем мире». И я стремился покинуть его.

Он принес маленькие ореховые бисквиты и две чашечки местного кофе и осторожно сел в широкое кресло, стоявшее напротив меня.

— Ты выглядишь очень утомленным,— сказал учитель.

— Ну... — я подыскивал слова, чтобы поделикатнее перейти к причине моего визита.

Но проницательный Тодер давно уже все понял и решил вывести меня из замешательства:

— Рэй! Я знаю, только экстраординарное событие могло привести тебя ко мне! Я предполагаю, с тобой что-то произошло, хотя я и старался снабдить твою бронированную голову мыслями и знаниями, которые

помогли бы тебе решить любую проблему. Если это так, я не нуждаюсь в твоих извинениях или оправданиях. Я снабдил тебя семенами знаний, и сейчас они прорастают. Какое большее вознаграждение может желать человек?

— Извините,— пробормотал я,— было бы оскорблением думать иначе.— Я отхлебнул кофе.— Я кратко изложу то, что случилось...

Я рассказал ему о четырех мужчинах в масках, похитивших меня прошлой ночью, когда я в раздумьях бродил по городу, о пытке нейрохлыстом и моей неспособности ответить на все их вопросы. Я рассказал о двух землянах, спасших меня от смерти в песчаной пыли. И, наконец, я поведал, как поиски моего старого учителя привели меня к женщине, называвшей себя королем геральдической палаты, и как ее ассистент Юма, возможно, навел меня на след моих похитителей, рассказав о некоем центаврианском майоре Хоуске, интересовавшемся моей родословной.

Тодер слушал меня в полном молчании, не двигаясь, только грудная клетка поднималась и опускалась в такт медленного марсианского дыхания.

Когда я закончил, он молчал еще три вздоха, я считал их, а затем вернулся в настоящее время и обратился ко мне:

— Расскажи поподробнее о полете. Название корабля?

— «Хипподамия».

Он потер свой подбородок:

— Ты знаешь, что это означает?

— Нет. Это важно?

— Это?! Рэй, я считал, что ты больше уделял внимания моим урокам. По крайней мере, ты не должен был забыть этимологию слова ц е н т а в р.

Я нахмурился. Утомление достигло и моего сознания, стирая память подобно песчаной волне, гонимой ветром. Но я попытался ответить:

— В древней мифологии — получеловек-полулошадь. Предполагается, что термин возник в среде примитивных племен как следствие их первых контактов с всадниками.

— Упрощенный ответ, но верный. Хипподамия — это дрессировка лошадей, или дрессировка центавров. Многое можно узнать о ходе развития человеческого интеллекта, изучая учения предков, Рэй. Люди сохраняли в памяти заслуживающий внимания опыт и знания задолго до появления психологического и научного самоанализа.

Он пристально посмотрел на меня и продолжил:

— Ты, наверное, предпочел бы, чтобы я отложил эту попытку рассортировать твою беспорядочную информацию? Ты знаешь гораздо больше, чем тебе кажется, и, возможно, только твоя усталость не позволяет тебе правильно понять ситуацию. Завтра ты сможешь сам найти верные ответы.

— Нет, пожалуйста,— я с трудом удерживал слипавшиеся веки.— Мне необходима ваша помощь, и немедленно.

— Ха! Как много ты сможешь понять в таком состоянии? Я говорю загадками, ты ведь однажды обвинил меня в этом... Однако не будем возвращаться к прошлому. Я уйду в сжатое время.

Его глаза изменили направление — они бессмысленно уставились в стену за моей спиной.

— Ты утверждаешь, что весь полет занимался сверхмощными двигателями, которые без постоянного контроля наверняка отделились бы от корпуса. Но ты же должен был познакомиться со своими коллегами.

— Половину из них я не знаю даже по имени. Я ел и спал в машинном отделении.

— Какова была цель полета?

— Цель? Да ведь он перевозил груз и, кроме того, дюжину пассажиров, но я никого из них не видел. Я ничем не интересовался. Я был озлоблен после предыдущего полета под командованием центавриан, которые высадили меня на Дарисе. И находясь снова в полете, я радовался, что летел домой и что имел дело с капитаном Лугасом, с которым работать было легче, чем с любым другим центавриянином, встретившимся на моем пути.

— Похоже, ты позволил отключиться своим чувствам при неприятных переживаниях, вместо того чтобы воспользоваться ими.

— Очень хорошо сидеть здесь, на Марсе, и проповедовать! — огрызнулся я.— Вы не сидели на планете с высокой гравитацией в течение многих недель и не тряслись от страха, что не сможете вернуться назад в Старую Систему и потратите много лет своей жизни на обслуживание чужого правительства!

— Это не могло быть до такой степени невыносимым,— прошептал Тодер.— Разве ты сейчас не находишься в том же положении, перед неопределенным будущим.

Я не хотел грубить. Я промямлил извинения, на которые он никак не отреагировал.

— Некоторые считают медведиан «неспособными». Ты знаешь, что медведи, как и ближайшие родственники людей — обезьяны, являются существами с хорошо развитым чувством юмора, позволяющим им шутить друг над другом? И знаешь ли ты, что самыми дисциплинированными людьми во всей нашей истории были всадники Монгольского Хана, который когда-то говорил: «Наш дом — спина лошади»,— и жил в седле

всю жизнь, не спускаясь даже ответить на призыв. Природа?

Я не мог понять, для чего Тодер это говорил. Он подождал, пока я ломал голову над его словами, и затем рассмеялся:

— Я снова говорю загадками? Хорошо, вернемся к нашему разговору. Что, по-твоему, было необыкновенного в капитане Лугасе?

Я напрягся. Это был тот Тодер, которого я знал! Я ничего не мог добавить, кроме того, что вспомнил, уходя от Питера и Лилит, реакцию Лугаса, когда я неосторожно спросил, не на Землю ли он собирается лететь. Наверное, он испугался, что его приняли не за центаврианина, а за землянина. Я высказал все свои соображения, и Тодер кивнул.

— Ты видишь теперь, что действительно имеешь гораздо больше данных, чем смог вложить в свою первоначальную модель? Способность проникать в суть событий, подобно этому примеру, ведет все к большему и большему их пониманию.

Я понимал, что он говорит банальности. Я задержал дыхание и попробовал выполнить еще одно действие, которому он давным-давно учил меня: исследовать предметы, на которых концентрировался взгляд человека, чтобы определить направление его мыслей.

Не изменял ли он направления взгляда на несколько мгновений минуту или две назад? Я осмотрелся вокруг, чтобы выяснить, на что он мог глядеть; за моей спиной висели лишь стенные часы. Наверняка, взгляд Тодера уклонился в их сторону случайно. Хотя... О!.. Допустим, он ожидает посетителя. Но ведь ему достаточно сказать мне: «Рэй, ты пришел без предупреждения, а у меня назначено свидание. Прости, но не зайдешь ли ты завтра?».

Я прервал свои раздумья:

— Тодер, я всегда предпочитал прямой путь окольному. Я имел время исследовать своих мучителей прошлой ночью. Несмотря на маски и измененные голоса, я запомнил много деталей, которые должны помочь мне найти их. Вы когда-то учили, что страдание является сильным мобилизующим фактором для всех чувствующих существ. Мне пришлось много страдать в течение нескольких часов. Я хотел бы, чтобы вы помогли мне дать объяснение всему тому, что я видел, слышал и чувствовал во время допроса.

Тодер в течение двух вздохов обдумывал ответ. Наконец он пожал плечами:

— Рэй, в своем теперешнем состоянии ты теряешь даже то, что узнал. Иди домой, отдохни. Вернешься ко мне, когда придешь в себя, и мы рассмотрим твое предложение!

— Нет! — Я оказался на ногах, даже не осознав этого.— Завтра или даже сейчас они могут быть на центаврианском корабле и скоро окажутся навсегда вне пределов досягаемости!

— Если бы я сказал тебе сейчас, что они находятся на пути к порту, собираясь бежать с Марса, ты все равно не смог бы помешать этому. Будь разумным, мальчик! — Он тоже поднялся со своего кресла.— Делай, что я советую! Иди домой и отдохни.

— Вы пытаетесь избавиться от меня,— не унимался я.— Почему?

— Ко мне должен прийти человек с минуты на минуту,— ответил старик.

— Но он еще не здесь. Я пришел к вам без предупреждения, допустим. Однако я помню, как вы в то время, когда я был вашим воспитанником, всегда отказывались просто ждать, говоря, что это глупая трата драгоценного времени.

У меня уже почти не осталось никаких сил, и только мысль, что учитель не был сейчас откровенен со мной, не позволяла мне удалиться. Я безнадежно пытался докопаться до причины его неискренности.

Прежде чем он смог убедительно ответить, в окне, выходящем на пешеходный туннель, промелькнула фигура человека. Я тряхнул головой, в ту же секунду узнав его, я отказывался принять возникшее в сознании имя, пока звук дверного звонка не подтвердил мою сумасшедшую мысль: «Его посетитель — Лугас! Из миллиардов людей в Галактике — Лугас!»

Это было уже слишком. Я представил жуткую картину заговора против меня, загнанного в клетку, в ловушку. Потрясение забрало мои последние силы, и я провалился в темноту, которая вот уже три часа угрожала поглотить меня.

Тодер...

Лугас...

Чувство юмора... самая дисциплинированная группа людей...

Ничего...

Темнота.

8

Прежде чем открыть глаза, я с треском потянулся, расправляя все свои суставы, ощущая, как замечательно лежать в собственной кровати, приспособленной к длине моего тела. На скольких мирах и на скольких кораблях между этими мирами я имел дело с гамаком, который носил в своем мешке, потому что не было такой кровати, на которой я мог бы провести ночь не просыпаясь от судорог и онемения!

А комфорт нулевой гравитации...

Эта мысль поразила меня. Я раскрыл глаза, думая, что не увижу того, что предполагал,— спальню в своей квартире около космопорта.

Однако комната была мне хорошо знакома. Но в таком случае откуда это ясное ощущение нульгравитационной кровати? Если бы я мог позволить наслаждаться ее покоем своим семи футам и четырем дюймам, то последним местом, где я хотел бы это делать, должна быть моя родная планета. Марсианская гравитация невысокая и прекрасно подходит мне. А если бы я оказался на Земле, то...

Мысли сделали резкий скачок.

Отправиться на Землю! Отправиться на Землю? Я никогда в жизни не собирался туда! Я хорошо представлял себя среди толпы землян, сгорбленного, нервозного, неловкого великана — забавную фигуру для развлечения детей и зевак. В земноподобных мирах других систем я сталкивался с таким отношением к себе. Суровое центаврианское воспитание и дисциплинированная вежливость не позволяли проявиться открытой насмешливости даже у детей. А дружелюбные медведиане, как правило, беззлобно улыбались, разглядывая марсианскую каланчу.

Возможно, сон был причиной этого странного желания. Я нахмурился, обеспокоенный мыслью, что сон был вызван реальными событиями моей жизни. И неудивительно, что мое подсознание могло интерпретировать мое вынужденное пребывание на Дарисе, утомляющее действие гравитации и неспособность избавиться от него как разновидность психологической аналогии моего негодования по поводу легального земного гражданства. И все-таки я лежал на нульгравитационной кровати: превосходные вещи были на

этой упадочно-расточительной планете, на которую я не хотел бы вернуться.

Но было ли это на Хариголе?

Да, там была медведианская девушка, высокая для своей нации, именно по этой причине я и выбрал ее.

— Конечно же, она была высокой! — сказал я вслух, внезапно испуганный тем, что в моей памяти она возникла совсем крошечной.

Наверное, мое сознание сохранило неточный образ:

Ведь он сложился из воспоминаний о запрокинутом ко мне лице, о необходимости склоняться к ней, о всегда присутствующем рывке гравитации, не ощущаемой ею...

Нет, конечно же, она была высокой, та девушка, с которой я делил нуль-гравитационную кровать. Решив убедиться в этом, я потянулся к выдвижному ящику, где хранил своеобразные сувениры — память о тех, с кем я уже не предполагал увидеться снова. На глаза мне попались часы, стоявшие на прикроватной тумбочке, они показывали без пяти минут полдень.

Если я спал так долго, то неудивительно, что моя голова была тяжелой. Дома, на Марсе, я всегда поднимался с рассветом, и только усталость, вызванная высокой гравитацией, могла заставить меня спать утром так же хорошо, как и ночью.

Я проверил показания других приборов, стоявших рядом с часами: счетчик давления — на десяти, счетчик влажности — на «малая», температура — около 21 градуса на теплой стороне.

Я вспотел во сне. Только сейчас я обратил на эту деталь внимание. Простыня, которой я укрывался, была холодной и влажной. При высокой температуре и влажности моя потливость не была бы странной, однако к ней добавлялся еще и беспорядок в мыслях... Лихорадка?

Разумнее всего было немедленно проверить себя и убедиться, что не подцепил какой-нибудь вирус. Но меня совсем извели ощущения, связанные с нуль-гравитационной кроватью, которые я никак не мог объяснить. В большой груде разных памятных вещиц я принялся искать стереокуб, чтобы проверить свое предположение о той девушке с Харигола. Она была высокой — не для марсианки, естественно (что-то около шести с половиной футов), но исключительно высокой для своей нации, с золотистой кожей, черными волосами, миндалевидными глазами. Очень привлекательная. Я сделал этот снимок после полудня в карнавальный день у входа в сад того дома, где сдавались в аренду номера с нуль-гравитационными кроватями.

Верхняя солнечная сторона стереокуба блеснула среди разнообразного хлама. Я взял его и мгновенно почувствовал полное разочарование.

Девушка была высокой, все правильно. Мы стояли рядом, и моя рука обнимала ее за плечи. Но она не была черноволосой, золотокожей, с миндалевидными глазами. Она была смуглой блондинкой, с карими глазами — скандинавкой с примесью ватусси, ответственной за ее высокий рост и светло-коричневую кожу.

Несколько секунд я изумленно таращился на куб, не веря стереоизображению; затем швырнул его назад в ящик, встал с кровати и направился в ванную. Ванна — еще один заимствованный у Земли термин. Марсиане придумали лучший способ использования воды, нежели в громадном количестве нагревать ее, сидеть в ней, развалившись, и затем куда-то выливать. Водяная пыль из воздушных распылителей более эффективно очищает кожу и удаляет запах. При этом не надо суетиться с полотенцем или осушающим устройством.

В ванной я держал хороший набор медицинских аппаратов и препаратов. Космонавты, путешествующие по разным мирам, находятся в зависимости от медицинского удостоверения, поэтому они постоянно следят за своим иммунитетом. Я исследовал себя более тщательно, чем всегда. Когда из аппарата выскользнула диагностическая карта, я положил ее на светящийся экран.

Симптомы: ночная испарина, долгий сон, нерациональное восприятие, путаница в памяти. Я прибавил к этому перечню растущее напряжение, хотя и не знал, было ли оно естественной реакцией на мое теперешнее состояние или частью синдрома.

Возможные диагнозы: болезнь Лакхмана; лихорадка 3-й группы, сопровождающаяся психическим расстройством (не для самолечения, подумал я); лихорадка 2-й группы, у некоторых сопровождается шоковой реакцией (а это уже обнадеживает). Успокаивающе краткий текст. Диагностические карты были обычного больничного образца, разработанного для дистанционной компьютерной диагностики.

Возможность болезни Лакхмана обеспокоила меня. Если коротко, то это означало карантин с длительным лечением — не менее трех месяцев. Я смочил слюной специальную регенерирующую облатку и полминуты почти со страхом ждал реакции, то есть ее позеленения. Она осталась белой.

Лихорадка? Нервное возбуждение? Во всяком случае, совсем не то, что я проверял. Температура тела отличалась на пятнадцать сотых градуса от обычного утреннего уровня, но день уже далеко продвинулся вперед, и я, вероятно, был в начале амплитуды моего вечернего подъема.

У некоторых шоковая реакция... Я внимательно просмотрел контрольный лист и нашел себя во второй субсекции.

Какого рода шок я мог получить, чтобы так нарушился ход моих мыслей? Я мучительно пытался вспомнить события вчерашнего вечера. Я выходил в город, обедал в маленьком ресторане, где было несколько центавриан или, возможно, медведиан.

Такого еще со мной никогда не случалось! Я не смог бы перепутать центавриянина и медведианина даже на темной стороне Плутона! Тем не менее я не мог вспомнить, кто из них был в ресторане.

Оба? Мысль казалась вполне приемлемой, тем более я не знал другого ответа и решил вспоминать дальше. Из-за встречи с таким количеством инопланетян в марсианском районе я решил сделать то, что как марсианин должен был делать часто, но не делал уже несколько лет. Я пошел к Старому Храму.

Затем был разговор о так называемой «науке» геральдике и о моей родословной. Я, кажется, испытал чувство гордости за свое марсианское происхождение, что согласовывалось с моим обычным образом мыслей, и, кроме того, существовало не так уж много семейств, бывших уроженцами Марса шесть поколений подряд. Какой-то ученый говорил о двенадцати поколениях, но я всегда думал, что геральдика просеивает звездную пыль...

Я прижал руки к вискам. Куда все это меня заведет? К психиатру для срочного лечения? Во мне боролись противоположные чувства: с одной стороны, я весьма скептически относился к генеалогии, а с другой стороны, я страшно гордился своим происхождением.

Я постепенно привел свои мысли в равновесие. Начнем сначала. Я был в городе, и я шел к Старому Храму. Я...

Бесполезно. Я шлепнул руками по бедрам и пошел одеваться. Затем я заказал завтрак. Был только один вывод из всех этих фактов: что-то ускользнуло от меня. Почему — я не мог предположить. Одежда... Я убедился, что все мои вещи на месте, включая ценности и документы, которыми могли заинтересоваться грабители.

Забавно. Непонятно еще было, как я попал домой, хотя то, что я спал так долго, наводило меня на определенную мысль. Но наркотик еще должен был остаться в организме. Я помочился перед тем, как подумал, что не худо бы проверить наличие наркотика в моче. А то, что я смог выжать после завтрака, дало нейтральный результат.

Однако эти проблемы не слишком беспокоили меня. Все было так, словно я принимал транквилизатор. И постепенно тревога, с которой я проснулся, рассеялась. Я удовлетворился мыслью, что кто-то, по-видимому, дал мне наркотик, и сейчас я испытывал последствия от его действия. Сегодня... Сегодня, подумал я, может быть, снова пойти к Старому Храму, осмотреть окрестности, взглянуть на пятнадцать знаменитых экспонатов. Освежить свою память о них. В конце концов, они были самыми уникальными предметами на Марсе.

Я спустился на нижний уровень жилого блока и прошел в фойе проверить почтовый ящик. Я нашел конверт, адресованный мне,— письмо от моего бродяги отца, содержащее полусердечное приглашение приехать на встречу с ним в ближайшее время. Я остановился. Он сейчас был в Пегасе, а не в Вояджере, но он не объяснял, почему перебрался туда. Он всегда перемещался, словно шагал сквозь призрачные образы моих собственных скитаний.

Может быть, это был страх, так как годы шли, а мы оба преуспевали все меньше и меньше. Хорошо.

Наверное, отец ревновал к моим успехам и квалификации. Он был, как говорили марсиане, наемным рабочим, обычным техником по обслуживанию, время от времени работающим как простой рабочий.

Конечно, мы могли бы больше и лучше работать в техническом обслуживании. Были дыры в куполе, которые я видел...

Где? Я вздрогнул. Где я был, что видел дыру в крыше, через которую сыпался песок?

Забытое детское воспоминание, решил я, вытянутое на поверхность необычно ярким сном последней ночи,— вернее, этого утра, потому что я вспомнил трех детей, игравших под дождем из мелкого песка.

— Рэй!

Нет, это нельзя назвать верным объяснением. Я...

— Рэй!

Тяжело дыша, ко мне приблизился сгорбленный старый Гэс Квизон, заведующий этим блоком. Он был земным иммигрантом, но любезным малым, прожившим здесь двадцать пять лет.

Я оставил свои тревожные размышления и приветствовал его.

— Тут кое-кто спрашивал тебя сегодня утром,— сказал он,— центаврианский офицер, майор Хоуск.

— Центаврианин? — спросил я с сожалением.— Гэс, мое последнее путешествие было на Центавр. Я не заходил раньше так далеко, да еще на центаврианском корабле. И после этого, скажу, я не собирался встречаться с кем-нибудь из центавриан так скоро.

— Думаю, тебя придется сделать это снова,— хихикнул Гэс.— Я слышал, ты позволил им раз или два пригладить свои волосы, или нет? Мне казалось, ты всегда нейтрально относился и к ним, и к медведианам. Во всяком случае, я сказал, что тебя нет дома, и он ушел, оставив адрес для встречи. Нужен?

— Он сказал зачем? — Я был озадачен.

— Нет.— Острые глаза Гэса всматривались в мое лицо.— Ты не знаешь его?

— Хоуск? Думаю, нет. И если он майор, я сомневаюсь, что захочу познакомиться с ним.

Гэс усмехнулся и собрался уходить. Я остановил его вопросом.

— Скажи одну вещь, Гэс! Как я попал домой прошлой ночью?

— Ты не помнишь? Что ты делал, напился?

Я стоял молча, понурив голову. Он пожал плечами:

— Откуда я знаю? Я что, был здесь? Я сдал дежурство вечером, а ты еще не вернулся к тому времени. Я думал, ты подцепил девочку и остался у нее снова.

9

Смысл этого последнего маленького «снова» дошел до меня только тогда, когда несколькими минутами позднее и несколькими сотнями футов дальше от места, где оно было произнесено, я взглянул на циферблат часов с датой.

Я с иронией подумал о старом глупом анекдоте о велоуэрах, барахтавшихся в грязи на Голдстар, жирных, почти полностью покрытых жидкой грязью, смываемой только раз в год в сезон спаривания.

— Какой сегодня день? — спросил один велоуэр другого.

Прошло несколько часов.

— Вторник.

Прошло немного меньше.

— Смешно! Я придерживаюсь мысли, что сегодня среда...

И Гэс сказал: «Остался у нее снова».

Где угодно, исключая Дарис, я мог позволить себе двухдневный кутеж, но не на Марсе. Вне дома, в местах повышенной гравитации я тратил половину времени на сон. Я был предусмотрительным: никогда не носил с собой денег больше, чем мог позволить украсть, если придется быть мертвецки пьяным. Да и в большинстве кварталов удовольствий в мирах медведианского сектора время дня едва ли имело значение вообще.

Но на Марсе такого себе не позволишь. Здесь нет средств содержать подобные заведения — источники недомоганий посещавших их космонавтов.

На Марсе я как марсианин никогда не делал этого. Я чувствовал, что это было неприлично, хотя, будучи местным, я мог, вероятно, организовать дело получше, чем иностранец. Я любил быть дома, где мог не думать о деньгах. Марсианин никогда не ограбит бесчувственного человека; по крайней мере, я не хотел иметь доказательства, что это прекрасное утверждение не правильно, или убедиться в том, что такое могло случиться благодаря какому-нибудь грязному иммигранту или туристу, не знакомому с правилами Марсианской Чести.

Тогда... где же я был, что делал после того, как ушел в город предпоследней ночью?

Не прошлой, а предпоследней ночью.

Я остановился, повернул к ближайшему бару, который заметил, и сел за столик. Я вспотел и, конечно, по более серьезной причине, чем слишком высокие температура и влажность в моей квартире. Кто-то усыпил меня, но это было неполным объяснением, особенно учитывая то, что все вещи, которые

мог взять грабитель, сохранились. Я коснулся кончиками пальцев бумаг во внутреннем кармане, чтобы убедиться, что ничего не потерял.

Я нашел стилограф и составил список фактов, сохранившихся в моей памяти. В результате я совсем перестал что-либо понимать. Что общего имеют Старый Храм, девушка с миндалевидными глазами и золотистой кожей и кровать с нулевой гравитацией? Какая связь между медведианами, центаврианами и мной? Где я видел песчаные струйки, что текли из прохудившейся крыши?

Я колебался, записывая последний вопрос. Наверняка, троих игравших детей я увидел во сне, и они появились из воспоминаний детства.

Я имел возможность положить конец этой путанице. Гэс сказал, что центаврианин майор Хоуск искал меня, и он оставил адрес, по которому я мог найти его. Я глупец! Надо пойти назад и забрать адрес!

Это казалось стоящей идеей. Было странно слышать, что один из центавриан, отличающихся неимоверным самодовольством, захотел встретиться со мной; я мог объяснить этот факт только тем, что старший офицер, который хвастался своими родственными связями с Тираном и с которым я был груб, отправил кого-нибудь для полного урегулирования конфликта.

Все остальное было скрыто в тумане. Я не верил собственным умозаключениям, но при этом я не имел ничего лучшего.

Несколькими минутами позднее Гэс в замешательстве глядел на меня. Он сказал:

— Рэй, ты говорил, что не хочешь иметь никакого дела с этим парнем! Поэтому я отправил карточку в утилизатор!

— Ах так! — Я удержался от ругательства; он был совершенно прав, я действительно утверждал, что не хочу встречаться с каким-то центаврианским майором.— Можешь вспомнить, что там было написано?

— Что стряслось с тобой? — спросил Гэс.— Только что ты жаждал послать всех центавриан в ад, а теперь ты...

— Гэс!— взорвался я.

Он вздрогнул и хмуро произнес:

— Там был номер сети связи, попытаюсь вспомнить его. О! Он имел двойную пятерку.

— Это все?

— Рэй, я едва взглянул на него! Только взял бумажку и сунул в карман. Я не думал, что ты заинтересуешься.

— Все хорошо, забудь,— ответил я и повернулся, чтобы уйти.

— Рэй! Если тебе это так важно, попробуй обратиться в центаврианское посольство. Они, вероятно, знают, где останавливаются их офицеры. Ты знаешь, на какой оно улице?

— Да,— согласился я мрачно.— Спасибо за совет. Я, возможно, именно так и сделаю.

И когда после часа размышлений не появилось лучшего решения, я так и сделал.

Я был окончательно подавлен, когда садился в такси, чтобы ехать в центаврианское посольство. Раньше я думал, что моя память такая же хорошая и спокойно действующая, как и у большинства людей, а зрение еще и лучше. К тому же я имел некоторые преимущества: я был знаком с учением Тодера, даже если и не считался его первым учеником... то есть воспитанником. Мне казалось, что я достаточно взял у учителя, чтобы иметь преимущество перед менее счастливыми людьми.

Здесь, сейчас ситуация подвергла проверке мои знания и умение. И я запутался и растерялся, как какой-нибудь центавриании, заблудившийся в незнакомом городе. Я решил, что не буду вести себя по-центаврианski, если хочу распутать этот клубок мыслей. Центавриании может выйти из затруднительного положения, только если «унизится» и попросит помощи у местного населения. Я сделаю личное обещание и буду придерживаться его: я разыщу Тодера и попытаюсь вспомнить психологические приемы, которыми я пренебрегал слишком долго, и потому был в серьезной опасности.

Ждать.

В моей памяти продолжали появляться отдельные кадры, никак не связанные ни с прошлым, ни с будущим временем. Я вспомнил четырех растерявшихся центавриан, которые не могли найти нужную им дорогу. Наверное, эта картина выплыла из глубин моей памяти, когда я сравнивал себя, запутавшегося в собственных мыслях, с заблудившимися в незнакомом городе центаврианином. Однако я помнил все подробности этой сцены. Неужели она опять из того сна, которому я легко приписывал все другие невероятности?

А может быть, это настоящее воспоминание, прорвавшееся через забвение?

Я посмотрел в переднее стекло, определяя, далеко ли еще до центаврианского посольства. Прямо передо мной изгибался канал. Почему нет светящихся знаков?

А почему они должны быть в середине дня? С чего мне пришло в голову, что они должны быть?

Подобно ветру, несущему поднятую пыль, скрывая ландшафт марсианской пустыни и иногда открывая его для обозрения, мое забвение время от времени рассеивалось, показывая образы, которые, может быть,

лежали в основе разгадки. По некоторым, пока неопределенным причинам, я понимал, что было бы ошибочно, даже опасно идти в посольство. Я остановил такси, расплатился и направился к ближайшему шлюзу пешеходного туннеля.

Прежде чем войти в него, я остановился и некоторое время смотрел на посольство. В последний раз я видел его украшенным большими безвкусными светящимися знаками и, что интересно, кажется, с этого же угла. Когда я приходил сюда?

Что-то опять ускользнуло от меня. Я открыл шлюз, но снова задержался. Я не воспользовался тогда пешеходным туннелем, а шел по улице, поскольку была ночь. Уличный транспорт на Марсе ходил редко по сравнению с другими мирами, но днем все же его было достаточно, чтобы пешеходная прогулка по улицам города показалась опасным развлечением.

Отсюда, вероятно, я шел к Старому Храму. Мой ночной поход к символу Марса был для меня очевидным.

В Старом Храме отсутствовали любого рода окна и двери.

Археологи проникли в него сверху, применив приставную лестницу. Песчаные бури, конечно быстро засыпали расчищенную поверхность пола. Когда строили город Зонд, под улицей прорыли туннель с выходом в центре таинственного здания. Я пользовался раньше туннелем, большим, светлым, украшенным красивыми картинами и фресками марсианских художников, написанными яркой минеральной глазурью по необожженной глине.

Сейчас я обнаружил под ногами песок в дюйм толщиной, половина флюоресцентных светильников не

работали, кое-где отвалились изразцы — не видно было даже следов попыток восстановить их, только серели пустые квадраты из шершавого цемента, на котором раньше держались плитки. Волнение охватило меня. Что стало с моим родным миром, пока я слонялся среди звезд? В конце туннеля я поднялся по ступенькам наверх. Там я увидел гида, пожилую женщину, равнодушно читавшую лекцию об открытии Храма группе молодых землян от семи до восьми лет — тринадцать — четырнадцать по земному стилю. Судя по замечаниям, услышанным мной, дети были больше обеспокоены тем фактом, что их экскурсию проводит человек, а не запрограммированный автоматический гид, транслирующий объяснения через наушники, как в земных музеях. Похоже, их совсем не интересовал рассказ о главной достопримечательности Марса.

Правда, среди экскурсантов не оказалось марсиан, даже гидом была землянка. В числе посетителей я разглядел пару медведиан, как будто учителей, прилетевших в воскресный отпуск. Приходил ли теперь кто-нибудь из марсиан в эту громадную гробницу?

Широкими шагами я прошел в дальний конец зала и занялся изучением пятнадцати экспонатов, помещенных в наполненных аргоном витринах. Время до неузнаваемости изменило эти предметы. Трудно было предположить, что в прошлом их назначение было понятным для разумных существ. Когда-то я с благоговением смотрел на их фотографии, продававшиеся в автоматах. Тогда я был ребенком и не мог себе позволить купить дорогую стереокопию.

Сейчас экспонаты походили на бесформенные спекшиеся комки из алюминия, стали, сложных пластмасс, стекла, потемневшего или от радиации, или от времени. Я взглянул на пояснительный текст: «Обнаружен первым. Размеры 34×107 мм, синевато-серый, непра-

вильной формы, главным образом сталь. Имеет пять стержней из стекла, диаметры на правом конце 2; 4,1; 1,6; 1,9; 2,8 мм. Масса...»

Вот и все, что мы знали о них. Эти находки не могли быть естественными образованиями, поскольку были слишком правильными и имели определенный химический состав.

— Извините! — промычала экскурсовод где-то около моего левого локтя, давая понять, чтобы я отошел от витрины — ей нужно скорее закончить рассказ о выставке и избавиться от скучных детей.

Я ушел. По пути к туннелю я почувствовал себя разбитым.

Бесцельно бредя по туннелю, я рассматривал керамические панно и удивлялся, почему эти отвалившиеся плитки были убраны или выброшены, а не установлены на место. Кончиками пальцев я ощупал каждую кромку выемки, оставшейся от выпавшей плитки.

Кто-то должен был заниматься этим, как и прохудившимся куполом, который я видел... или который приснился мне... Опять!.. Прикосновение к плитке вызвало новые ассоциации!

Плитка под пальцами шевельнулась, я остановился, ожидая, что она упадет. Но нет, изразец не упал. И все же я был уверен, что почувствовал движение,— было ли оно от этой плитки или от предыдущей?

Предыдущей! Но она оставалась на месте. И вдруг целая секция плиток начала медленно выдвигаться ко мне. Она оказалась дверью, за которой скрывалась маленькая комната, голая, освещенная одной флюоресцентной лампочкой. В ней стояли несколько простых стульев из пластика и один специальный со спинкой, доходящей мне до плеча, вырезанный из глыбы марсианского камня.

Мгновенно, как стартовавшая ракета, память вернулась назад, и я, пораженный, остановился на пороге, пытаясь собрать воедино все возникшие внезапно факты. Не помню, как долго я оставался прикованным к месту.

В комнате был человек. Центавриании со знаками отличия майора. При моем неожиданном вторжении он повернул свое лицо, и пока я был в оцепенении, он схватил оружие, лежавшее на каменном стуле. Нервно-парализующий хлыст.

— Войдите, инженер Мэлин,— проскрежетал он.— Закройте дверь за собой!

Я продолжал стоять неподвижно. Майор крикнул:

— Шевелитесь, вы, дурак! Вы лучше всех знаете, как я могу использовать эту штуку!

И, когда я по-прежнему не шелохнулся, он включил хлыст.

10

Дверь была полуоткрыта. В любой момент кто-нибудь мог пройти по туннелю, например кто-нибудь из детей, которым надоело осматривать Старый Храм, и они воспользовались удобным случаем, чтобы удрать пораньше. Наверное, благодаря этому обстоятельству майор поставил регулятор хлыста в среднее положение, а не на максимум, при котором можно свалить с ног быка, не говоря уже о человеке. В среднем положении боль была достаточной, чтобы заставить меня подчиниться и закрыть дверь; к тому же времени такая процедура заняла бы меньше, чем если бы он сразу вывел меня из сознания: я свалился бы по ту сторону

порога, и ему пришлось бы затаскивать меня в комнату, прежде чем закрыть дверь.

Я мог читать мысли майора так же легко, как напечатанную страницу. По его открытому от неожиданности рту, изумленному выражению лица, сменившемуся нерешительностью, я ясно представлял, что творилось в его голове. Направив на меня хлыст, он ждал, что я сложусь вдвое, подобно человеку, получившему жестокий удар в солнечное сплетение.

Вместо этого он сам получил удар в шею, не очень сильный удар, но этим ударом и карлик мог лишить великана возможности двигаться — как раз по адамову яблоку. Малорослый центавриан, привыкший иметь дело с такими же «карликами» (ростом шесть футов или около того), недооценил длину рук марсианина. Подобно всем людям, осмотрительным при низкой гравитации, он к тому же старался не делать быстрых движений из страха взлететь.

Удар был только частью моего рывка — я еще ухитрился отобрать у майора хлыст.

Когда я открыл дверь и узнал комнату, ко мне вихрем вернулась память.

Я вспомнил прошедшие события, которые Тодер старался скрыть от меня. Я понял, что потерял вчерашний день благодаря стараниям Тодера — именно он передал меня в руки человека, устроившего невыносимые пытки.

Барьеры забвения, обусловленные простым прохождением времени, разлетелись на осколки, так же как и искусственно созданные за прошедший день. Все части учения Тодера, для которых я никогда не находил применения, внезапно составили единое целое и помогли мне найти выход из этой случайной ловушки. Раньше я постигал учение Тодера через детские упражнения, теперь же я приобрел взрослый

опыт его применения. Казалось, я слышал голос учителя, говоривший, что боль и страдания являются сильным подкрепляющим и стимулирующим фактором.

Поэтому я застраховался болью.

Представьте маленькую бусинку на шнурке. Глянув на нее, можно подумать, что между отверстиями, высверленными в верхней и нижней частях, существует прямая линия. В действительности же канал изгибался дугой. Ослабишь шнурок, бусинка быстро скользнет вниз, натянешь — и бусинка остановится.

Сначала я остановил ее, дав себе время проанализировать новую информацию. Я услышал низкий растягивающий слова голос:

— И... инн... жее... нн... ее... ерр... Ммээ... элл... лл... иинн...

Инженер Мэлин... Звуки растягивались, словно эластичная резина.

Это, вероятно, был майор Хоуск, который разыскивал меня. Его присутствие здесь подразумевало, что он находился среди моих мучителей в предпоследнюю ночь. Неужели он был тем, кто так жестоко применял нейрохлыст? Мне следовало бить противника его же оружием. Путь определился сам.

Боль была стимулом. Я собрал всю свою энергию, чтобы воспользоваться имевшимся у меня преимуществом — я знал, как надо действовать в этом растянутом мире настоящего времени. Я был уверен, что не промахнусь, и точно нашел чувствительную зону на его шее. Я приготовился ослабить шнурок, и мгновенно появившаяся боль сообщила мне, что я сумел переключить действие и мое «сейчас» было прыжком вперед на дюжину частиц нормального времени. Я притуплял боль до подсознательного уровня, пока хлыст не оказался у меня.

Конечно, я вернулся к нормальному состоянию восприятия раньше, чем он смог прийти в себя. В противном случае я стал бы для него легкой добычей. Возвратившись назад, мне пришлось испытать последствия от действия хлыста. Я задыхался, перед глазами все плыло, но Хоуск был в гораздо худшем состоянии. Я смог подойти к двери и закрыть ее, что оказалось как раз вовремя. Туннель уже наполнился шумом громких шагов и высокими голосами детей, возвращавшихся с экскурсии.

Я сел в огромное каменное кресло. Мы поменялись местами — теперь допрашиваю я.

— Встать,— приказал я Хоуску, толкнув его носком сапога.

Он захрипел. Я поставил хлыст на минимум — уровень, который большинство людей воспринимало как ожог от кипящей воды,— и дал майору попробовать лечение по его же рецепту. Он поднялся на ноги.

— Все-таки ваше центаврианское высокомерие,— сказал я резко,— всего лишь маска, скрывающая ненадежность. Никто не может чувствовать себя в безопасности в вашем помешанном обществе, где провозглашен механический труд. Ваше имя Хоуск?

Он угрюмо кивнул. Майор был коренастый мужчина, ростом около шести футов и двух дюймов, с медными волосами, бледным лицом и серыми глазами.

— Зачем вы искали меня сегодня утром?

Молчание. Я дал ему еще один короткий разряд и, когда этого оказалось недостаточно, еще несколько в чувствительное место в паху. Мне не приходилось раньше делать ничего подобного, но я хорошо помнил, как он действовал, когда допрашивал меня. Я был старательным учеником.

Майор с трудом вытолкнул из себя слова:

— Мы... мы хотели завладеть вами снова!

— Вы уже владели мной в течение нескольких часов. Полностью!

Пот струями бежал по его лицу.

— Мы не думали, что кто-нибудь сможет продержаться так долго. Мы решили, что вы сказали все!

— Почему вы изменили мнение? — я покачал хлыстом, и он тотчас же заговорил.

— Пришли распоряжения... — Майор сделал глоток и сжал руками свой живот.

— Какие распоряжения? От кого?

— Из дома... — он закрыл глаза и покачнулся: очевидно, даже это немногословие дорого ему обходилось.— Они сказали, что вы обязательно должны владеть важной информацией. Мы же узнали, что вы были у Найзема и что вы, оказывается, ученик Тодера...

Снова этот странный термин «ученик», Тодер называл нас только «воспитанниками». Но я не собирался заниматься академическими исследованиями различий в этих терминах.

— Вы тайно следили за мной?

— О, некоторое время! — Несколько быстрых глотков воздуха.— Мы не знали, что вас подобрал Найзем, пока вы не были замечены по дороге к геральдистам.

— Которые также замешаны в этой истории? Я знаю, когда вы начали искать меня, вы представились им как мой дальний родственник и добились, чтобы они дали вам мою родословную. Мы родственники?

— Братья, в пятом колене,— выдавил он.

— Кажется жестоким приветствовать своего родственника этим хлыстом,— рассердился я.— И все-таки, что вам от меня надо было?

Майор сжал челюсти. Очевидно, дальше он уже не смел изменять центаврианскому делу. Но я решил узнать секрет, которым он владел, и я его узнаю.

Ладно, будем брать его не спеша.

— По некоторым причинам, связанным с моим пребыванием на борту «Хипподамии», вы захотели найти меня. Геральдисты помогли вам найти Рэя Мэлина, межзвездного инженера, представив информацию о моей личной жизни и семейных связях. Затем вы пытали меня — вам нужны были сведения о «Хипподамии». Решив, что я ничего не знаю, вы позволили мне уйти, но пожалели об этом когда получили дополнительные инструкции из дома. Далее вы обнаружили... Что? Возможно, те четверо центаврианских космонавтов, которых я проводил к геральдистам, дали вам понять, что последнюю ночь я не спал, как должен был после обработки нейрохлыстом, а занимался своими делами. Прослеживая мой путь, вы обнаружили, что меня вытащили из песчаной пыли, в которую вы же и бросили меня. Питер Найзем, хм! — я нахмурился.— Вы, следовательно, наблюдали за ними. Он уверял меня, будто никто не знает, что я нахожусь в его доме.— Уголком глаза я следил за мимикой Хоуска, пытаясь определить точность своих выводов, но лицо его было слишком напряженным от боли.— Скажите, зачем вы допрашивали меня?

Ответа нет. Я повернул регулятор к середине и нацелил хлыст на его ноги. Майор пошатнулся, лицо его побледнело, но он продолжал молчать.

Я поступил так же, как и он позавчера,— я поразил его половые органы. Произошел взрыв откровений, подобных взрыву космического корабля, слова выкрикивались с пронзительным визгом.

— Я не знаю! Черт вас побери, я не знаю! Все, что мне сказано сделать, это найти вас, допросить о вашем последнем путешествии, доложить домой — это все, я клянусь, это все!

Я был разочарован. Его признание показалось мне правдивым. Центавриане прослыли очень послушными исполнителями. Кроме того, по крайней мере три группы, не считая меня самого, проявляли интерес к моему последнему полету: Хоуск и его компания; Питер, Лилит и те, кого они представляли; и, очевидно, Тодер, хотя я не мог предположить почему. Наверное, тайна «Хипподамии» была такой важной, что центавриане не хотели открывать ее всякой мелюзге, подобной Хоуску.

Этот вид допроса мне был не по душе. Хотя тошнота, появившаяся после краткого удара хлыстом, который я получил на пороге этой комнаты, исчезла, но ныло все тело. Тем не менее, прежде чем прекратить допрашивать, мне нужно было задать еще один вопрос:

— Что вы хотели узнать от меня теперь? Они должны были сказать вам об этом! Отвечайте или отправитесь в ад!

Он тряхнул головой, снова плотно сжав челюсти.

Я поднял хлыст.

— Пропади ты пропадом! — раздался пронзительный крик.— Не спрашивай меня ни о чем! Ты и так много знаешь! Если они обнаружат, что я рассказал тебе лишнее, то убьют меня!

— А они не убьют тебя за то, что ты уже здесь наговорил?

Майор снова покачал головой и опустил глаза:

— Я буду разжалован в рядовые, но... Но тот хлыст, который ты держишь, центаврианский...

— Другими словами, кто знает лучше центавриянина, как жестоко они поступают? — Я хмуро посмотрел на грязное маленькое оружие.— Ты ставишь на этом точку. Хорошо, по рукам.

Майор в эту минуту был похож на одну из маленьких медведианских статуэток, называнную «Дурное предчувствие»,— он ждал от меня обмана.

— Можешь сообщить начальникам о своей исполнительности. Я ничего не знал, ничего не знаю, и если тот, кого я еще встречу, будет таким же бессловесным, как и ты, то я, вероятно, черт возьми, никогда не узнаю, что вы хотели узнать от меня? А теперь...

Я передвинул регулятор хлыста на максимум и ударил его. Как я знал из недавнего собственного опыта, это было менее жестоко, чем применение слабого удара. Оно несло спасительный сон.

Затем я обыскал потайную комнату, но вряд ли мог похвастаться смекалкой. Когда я вторгся, Хоуск рассматривал щель шириной в два пальца, проходящую между двумя грубо обтесанными каменными блоками стены. Все, что я обнаружил в ней, было пустым треугольным клочком бумаги, оторванным от угла большого листа. Наверное, они использовали эту дыру как почтовый ящик для передачи раппортов или распоряжений центаврианским агентам, такой способ сообщения практиковался в дни международного шпионажа. Лучшего объяснения я не смог придумать.

Мне стало ясно, что здесь уже нечего делать, и я подумал о своих дальнейших шагах. Прежде всего следовало больше узнать о Питере Найземе и Лилит Чой. Хоть это было и не по правилам Тодера, но поговорка гласила: «Враг моих врагов — мой друг». А имя «Найзем Хоуск» произносил не как имя своего союзника.

Как и Тодер... Когда я в следующий раз встречусь с ним, а я собирался это сделать, я не буду вести себя как блудный сын, вернувшийся в отчий дом. Нет, на миллион светолет!

11

Я подошел к наземному входу в особняк Питера и Лилит. Во всяком случае, я оставался их должником: я все еще был связан обязательством передавать им все сведения о «Хипподамии». Теперь, после встречи с Хоуском, мне казалось, что я должен их навестить.

Сначала я думал рассчитаться с теми, кто похитил меня и жестко пытал нейрохлыстом. Но эта мысль развеялась, как пыль на ветру. Если Хоуск действовал по приказам «из дома», то значит, в это дело вовлечено центаврианское правительство. Было глупым добровольно подставлять свою голову и пробиваться дальше по первоначально выбранному пути. Я хотел знать точно, в чем я заблуждался.

Я в нерешительности остановился перед дверью особняка: наверное, следовало бы предварительно связаться с ними. Их могло не быть дома, и я бы зря потратил время. Но марсиане всегда считали, что связь существует только для крайних случаев. На Марсе не много было личных аппаратов связи. Тодер получил номер незадолго до моего первого путешествия. До этого он прекрасно обходился без него. Я никогда не имел собственного кода и пользовался кодом блока, в котором жил. И незачем было тратиться — ведь я редко бывал дома.

И все-таки я уже здесь и мог с таким же успехом размышлять об упущенных возможностях, стуча в дверь. Как много вещей, обычно заурядных в других мирах, недоставало на Марсе! Где еще, кроме Марса, люди должны стучаться в дверь, вместо того чтобы возвещать о своем приходе дверным сканнером?

Последнее время я неустанно критиковал марсианскую привычку держаться особняком, жаловался на

нехватку каналов связи, отсутствие дверных сканнеров, запущенность стеклянных покрытий пешеходных туннелей и куполов, возмущался равнодушием марсиан к реликвиями Старого Храма...

Дверь была открыта, об этом говорило то, что наружная непрозрачная панель шлюза была подвижной, она сдвинулась со скрипом из-за попавшего в желоб песка. За внутренней прозрачной панелью я увидел Лилит. Ее лицо выражало напряженное нетерпение. Но только несколько секунд. Как только она узнала меня, на ее лице появилась тревога.

Я услышал возглас Питера:

— Он действительно пришел раньше!

— Это не он,— ответила Лилит.— Это Рэй Мэлин.

Я упустил следующее замечание Питера из-за плотного влажного воздуха, хлынувшего в шлюз. Он закупорил мои уши, как ватными тампонами. Мне пришлось сделать несколько глотков, чтобы прочистить трубы. Стрелка счетчика давления подошла к цифре три, и я ждал, что внутренняя дверь скользнет в сторону. Но этого не произошло. Стрелка подошла к двум, к единице и закончила свой путь на нуле — на уровне земного моря, и только после этого передо мной открылась дверь.

В такой атмосфере я чувствовал себя, как в густом тумане. Я был сбит с толку. Мне казалось, что в мое предыдущее пребывание давление здесь достигало трех единиц. Питер и Лилит были молодыми и здоровыми, зачем им нужно создавать давление в помещении на уровне моря и расходовать для этого столько воздуха? Его стоимость поднималась пропорционально квадрату отклонения стрелки счетчика от марсианской нормы в десять единиц. Теперь каждый их вдох стоил в сотню раз дороже, чем мой в моей квартире.

Но у меня не было больше возможности думать об этом странном обстоятельстве. Из боковой комнаты неожиданно появился Питер. Потому, как он резко захлопнул за собой дверь, стало ясно, что он сильно возбужден. Он приветствовал меня с фальшивой сердечностью:

— Рад снова видеть вас! Вы полностью пришли в себя?

— Да, спасибо,— ответил я мрачно, и не думая продолжать.

— О, что привело вас к нам снова? — спросил он, когда пауза стала невыносимой.

— Вы забыли? Вы дали мне поручение. Я принял на себя обязательство, и вы держите меня этим.

— О! Это очень мило с вашей стороны,— сказала Лилит. Она тоже чем-то была встревожена, ее крошечные руки были стиснуты, чтобы скрыть их дрожание.— В этом больше нет необходимости!

— Это так,— подтвердил Питер.— Мы получили то, что хотели, из другого источника. Так что, пожалуйста, считайте себя свободным от обязательств!

Его взгляд был направлен на дверь, черт побери, словно он надеялся что-то увидеть через нее.

Нетрудно было понять, что они попали в такое же затруднительное положение, что и Тодер вчера. Земляне кого-то ждали, чье присутствие предпочитали не рекламировать. Стараясь не нарушить правил гостеприимства, они пытались как можно скорее выпроводить меня, пока не пришел важный посетитель. То есть вежливыми словами они посылали меня к черту.

Посетителем Тодера был Лугас, последнее лицо во Вселенной, какое я ожидал встретить у учителя. Теперь я не удивлюсь, если гостем Питера и Лилит будет кто-нибудь вроде Хоуска. Я решил прикинуться дурач-

ком и затянуть свой визит, пока они сами не выкинут меня вон.

— Многое случилось с тех пор, как мы расстались,— начал я.— Я поймал человека, который пытал меня нервно-парализующим хлыстом.

Некоторое время земляне стояли в неподвижности. Мое сообщение не могло не заинтересовать их. Они не могут оставить без внимания действия людей, выполняющих такие же поручения. Но результат был не тот, на который я рассчитывал. Может быть, они уже все знали о своих конкурентах.

Вероятно, они все знали уже вчера, поскольку проявили незначительный интерес к моему рассказу о том, как я оказался в куче песчаной пыли.

Во всяком случае, хозяева решили избавиться от меня. Но пока они подыскивали предлог, послышались звуки, которые познакомили меня с особенностями распространения звука в помещении с давлением на уровне моря.

Из комнаты слева, где был Питер, когда я вошел, доносился тонкий плач грудного ребенка.

Они обменялись испуганными взглядами. Питер, нервничая, пригладил свои короткие вьющиеся волосы и пожал плечами.

— Извините, мы не очень гостеприимны,— сказал он,— но мы заботимся о ребенке наших друзей, а несчастный малыш, кажется, немного нездоров. Мы сейчас ждем доктора. Он должен уже был прийти.

— Надеюсь, вы понимаете,— добавила Лилит, довольная смекалкой своего партнера.

Я был уверен, что земляне лгали. Но почему они скрывают здесь ребенка?

— Очень большая ответственность — приглядывать за чьим-нибудь ребенком,— продолжал играть Питер.— Мы страшно беспокоимся, и...

Раздался стук в дверь. Они оба насторожились, забормотали извинения и пошли вместе открывать ее.

— Хорошо, что вы пришли, доктор! — радостно воскликнул Питер, интонационно выделив последнее слово.

Новый гость, конечно же, не был доктором. Они надеялись, что он догадается об их уловке и подыграет им.

— С бедным малюткой не все хорошо, и мы считаем, что доктор должен осмотреть его прямо сейчас! — Лилит, безусловно, «отстукивала» сообщение — это уже слишком.

— Не беспокойтесь,— «доктор» отодвинул внутреннюю панель шлюза.— Я уверен, что ничего серьезного нет!

В комнату вошел грузный мужчина в простой одежде коричневого цвета. Под маской оказалось квадратное смуглое лицо с покрасневшей полоской кожи на лбу.

Полоска! Значит, он не был постоянным жителем нашей планеты или не появлялся здесь очень долго. Холодный сухой марсианский ветер раздражающе действует на кожу новичков. Необходимы по крайней мере несколько месяцев «обветривания» на Марсе, чтобы кожа закалилась. Я подумал о произношении — пожалуй, он не был ни местным, ни даже землянином.

Я обратился к нему на трудно произносимом медведианском диалекте:

— Добрый день, доктор!

Он держался слишком хорошо для медведианина, но не осмелился пойти так далеко, чтобы ответить мне на скрытый вопрос о его национальности. Он проворчал что-то и спросил у Лилит, где ребенок, тщетно стараясь скрыть свое произношение.

Я решил не продолжать разговора и отошел в сторону, а Лилит повела «доктора» в комнату с ребенком. Теперь ребенок кричал, явно капризничая,

и я был готов держать пари, что ему не больше двух недель.

Такой маленький? Достаточно большой, чтобы нуждаться в докторе, но все же оставленный родителями на попечение друзей? Даже если я до сих пор ничего бы не подозревал, доверяя Питеру и Лилит, и проглотил подобную выдумку, то все равно встревожился бы.

Да, поговорка о враге моего врага, как и многие другие, не всегда истина. Я рассчитывал на открытый разговор с ними, в ходе которого смог бы обменять свою информацию на объяснение всеобщего интереса к «Хипподамии». Это был удар. Я отдавал землянам должное и действительно уважал их: они обошлись со мной лучше, чем даже Тодер, который, как мне казалось, не способен на такие жестокие шутки, какие он позволил себе прошлой ночью.

Однако в головоломке появился еще один элемент — ребенок. И хотя это обстоятельство усложняло задачу, но зато позволяло сделать два вывода: во-первых, земляне что-то скрывали от меня, а во-вторых, к тайне о «Хипподамии» причастны и медведиане.

Центавриане, земляне, марсиане (принимая во внимание, что Лугас встречался с Тодером), теперь медведиане! Выход в космос начал пугать меня.

Не существовало человека, который не способен испытать страх. Мне захотелось бросить все и надеяться, что со мной ничего больше не случится.

Питер продолжал стоять передо мной в сильной тревоге. Хотел ли он что-нибудь еще сказать мне? Хотел — и через несколько секунд, набравшись смелости, произнес:

— Весьма любезно с вашей стороны, что вы пришли к нам и предложили новую информацию, даже если она не оказалась очень важной. Я поражен образцом

марсианской чести и хочу извиниться за наше вчерашнее недоверие к вам.

Но это было лишь красивым вступлением. Он сделал небольшую паузу.

— В известном смысле вы все же не выполнили обязательство,— продолжал Питер,— может быть, вы позволите мне просить вас... э... воздержаться от упоминания факта, что...

Внезапно я пришел в ярость. Я шагнул к нему, возвышаясь над его приземистой фигурой.

— Вы что, обращаетесь с марсианской честью, как с разновидностью денег? Во сколько вы оцениваете ее, что до сих пор считаете меня своим должником?!

— Нет, я не хочу сказать...

— Тогда что, во имя космоса, вы хотите сказать?

Я ясно видел его намерения, вызывавшие во мне ярость. Невольно мне пришла в голову мысль, что лучше разрешить ему думать, будто он оскорбил меня и прогнал прочь, чем показать себя очень умным, способным разгадать его хитрости. Он наверняка даже и не предположил, что я могу сделать определенные выводы относительно появления медведианина, существование которого нужно держать в секрете. Я продолжал кричать:

— Это похоже на грязную коммерческую сделку. Мы, марсиане, всегда ждали подобного от землян! Если бы вы подольше пожили на моей планете, то навсегда излечились бы от этих низких второсортных мыслей!

На минуту наступила тишина.

— Извините,— сказал Питер наконец таким несчастным голосом, что я едва не раскаялся.— Пожалуйста, отнеситесь к моим словам снисходительно: я не знаю ваших традиций.

— Я тоже не знал ваших,— выпалил я.— Но сейчас узнал больше, чем того хотел бы. До свидания!

На улице, в разреженной естественной атмосфере, чувствуя легкий озноб от прикосновения к телу липкой влажной одежды, я рассмотрел свое затруднительное положение. Мой план обратиться за помощью к Питеру и Лилит не удался. Я почти ничего не узнал от Хоуска. Теперь я должен пойти и смело выступить против Тодера — другого выбора не было. И я пошел, пытаясь подытожить своим знания о нем. Кем бы он ни стал, но он уже не был мудрым, многоуважаемым учителем из моего детства.

12

И тем не менее я колебался. Тодер был одной из нитей паутины, сотканной вокруг меня, и я ему не доверял, даже боялся. Но мне казалось странным, что он мог так сильно измениться. Разговаривая с ним вчера, я не почувствовал никакого отчуждения. Он позволил себе несколько уклончивых ответов, чтобы не допустить моей встречи с Лугасом, а в целом старик оставался прежним Тодером.

Однако, если не он, кто же вмешался в мою память, после того как я, измученный пыткой нейрохлыстом и потрясенный появлением у учителя Лугаса, потерял сознание?

Может быть, действия Тодера имеют благородные мотивы?

Он говорил, что я владею большим количеством данных, чем сознаю это. Предположим, Тодер был осведомлен о смысле событий, и боялся, что я могу случайно найти ключ к разгадке, что насторожит другую заинтересованную сторону, скажем, медведиан-

скую фракцию, которая не замедлит организовать еще одну ночь пыток.

Мне пришлось составить невероятно тонкую цепь рассуждений.

И тем не менее моя память восстановилась легко и быстро, а это было не похоже на Тодера. Возможно, провалы моей памяти не должны были длиться долго — на это намекали и некоторые факты. К тому же оставался один пробел, не замаскированный фальшивыми воспоминаниями. Даже если бы я не объединил все фрагменты прошлого и ошибочно считал их элементами яркого сна, я достаточно скоро встревожился бы, увидев дату.

И еще одно, с возвращением памяти я приобрел очень ценное воспоминание. Попросту говоря, когда я оказался лицом к лицу с Хоуском и был так потрясен, что не мог сдвинуться с места, я выполнил — быстро и верно — умственную гимнастику, ту, которую уже не пробовал четыре года и никогда раньше не делал полностью, даже под терпеливым руководством Тодера.

Как будто Тодер хотел заплатить таким образом за свое вторжение в мой мозг.

В таком случае была ли его цель такой же честной, как желание непременно удержать меня от мести? Я хорошо понимаю, что не смог бы жить спокойно до тех пор, пока не сведу счеты с палачами в масках. Зная больше, чем я, он мог действовать по двум причинам: отчасти — чтобы защитить меня, отчасти — чтобы задержать мое вмешательство.

Но Тодер должен был действовать открыто, а не идти окольным путем, с обидой подумал я и сразу же понял свою глупость. Если быть откровенным, очень глупо говорить, что «он должен был». Я без сознания рухнул на пол, и, должно быть, несколько часов мой мозг был недоступен для него. Старик наверняка спорил

с Лугасом, пытался убедить его долгими запутанными объяснениями в мою пользу. И, кроме того, мы не встречались уже много лет, почему он должен был сразу же доверить важные секреты, а в этом я был уверен, бывшему воспитаннику?

Тем не менее его связь с Лугасом меня настораживала. Почему землянин выдавал себя за центавриани на? Причем, надо отметить, он с успехом выдержал экзамен у самих центавриан и лишь вследствие небольшой оплошности позволил мне распознать себя! Все мыслимые объяснения были далеки от тех, к которым мог иметь отношение скромный марсианский учитель.

Я пришел к заключению, что Тодер уже тогда, когда я учился у него, не был просто учителем.

Итак, ему не избежать встречи со мной. Я чувствовал себя отступающим на новые позиции для последующего наступления. Годы, в течение которых я не видел Тодера и даже почти не думал о нем, стали предметом моих раздумий. Я должен ответить на вопрос: когда и при каких обстоятельствах он оставил дом в старом квартале, где я воспитывался, и переехал в хорошо ухоженный дом в районе, часто посещаемом иностранцами? Я должен построить мост через все прошедшие без него годы.

Следовательно, прежде чем встретиться с ним снова, мне необходимо вернуться в этот маленький район города, где песок, засыпавший крыши, заставлял напрягаться пилоны.

В самом деле, я мог снова обратиться к Юме, польстить комплиментами его памяти и поблагодарить за содействие во встрече с моим пятиюродным братом майором Хоуском. Надо полагать, его феноменальная память поможет установить круг людей, которые общались с Тодером в прежние годы.

Красный фон, золотистый атом гелия, серебристый квадрат с тремя ромбами. Я не имел представления, чей это герб, но элементарные познания в геральдике давали возможность понять его смысл. Стилизованное изображение атома — два пересекающихся под прямым углом эллипса вокруг ядра — несомненно, символизируют физику, серебристый квадрат — это условное обозначение старшего сына, три ромба, скорее всего, отличительный знак какой-нибудь знаменитой фамилии.

Хм... В какой-то мере язык символов может быть очень информативен. Неудивительно, что центавриане, гордящиеся своими родственными связями с именитыми людьми, сделавшие родственный протекционизм нормой жизни, очень серьезно относились к геральдике. И, конечно же, неудивительно, что медведиане не видели в ней никакого смысла. По этой причине, я уверен, половина детей моих медведианских друзей не были законнорожденными, и это никого не удивляло. Самое главное — родился ребенок, отцовство уже имело мало значения.

В своем восхищении медведианскими обычаями я зашел слишком далеко, чем мог себе позволить как марсианин. Но я не способен отречься от того, чему всегда симпатизировал.

Изображение сменилось. Золотисто-зеленый с золотом гербовый щит с зубчатым верхом, соболь, двухголовый грифон: одну голову грифа украшала корона, шею другой — ошейник. Я в недоумении разглядывал это чудище и думал, что даже геральдическая символика может иногда быть чертовски мрачной.

Дверь была закрыта, но, конечно же, не на замок. Марсиане не запирали двери. Я еле удержался, чтобы по привычке не ударить по ней,— теперь двери откатывали в сторону. Я вошел внутрь.

Здесь было темно, темнее, чем в туннеле. В этом районе мало занимались очисткой зданий от песка. Большая часть прозрачных потолочных панелей была засыпана. Через какое-то время мои глаза привыкли, и я смог различить окружающие предметы.

Послышались голоса Юмы и короля геральдической палаты. Я быстро подкрался к двери комнаты, в которой они разговаривали.

— Мы просто должны привлечь свежие ветви для этой личности! — говорила женщина.— Тридцать два деления, пять из них разделены на четверти и один разделен еще на четыре. Геенна огненная, это похуже, чем португальское королевское семейство!

— У нас не получится,— ответил Юма.— Он ничего не сделал, что может привлечь ветви.

— Это очень все хорошо для тебя с твоей феноменальной памятью,— последовал быстрый ответ.— Я не только украшаю геральдическими знаками эту чертову вещь, но и снабжаю ее бумагой. Без ветвей придется использовать микроскоп, чтобы что-нибудь разобрать.

— Ну, в известном смысле, это тоже своего рода микроскоп, не так ли? — проворчал Юма.

Женщина резко рассмеялась. Смысл шутки полностью ускользнул от меня.

Затем она вздохнула:

— Ты прав, конечно. Однако со всем этим талантом, объясняемым происхождением, думаешь, он превратит свою жизнь в нечто лучшее, чем обычное прозябание?

— Он занимается выращиванием детей,— сказал Юма и добавил с едва скрытой злостью: — Вероятно, чтобы вы смогли насладиться созерцанием гербов его потомков! Их герб «Байдни де Гаваннез» с двумя разделенными на четверти четвертями от его собственного.

— Ох, замолчи,— послышался шелест бумаги.— Геенна огненная! Пойди и найди мне пару квадратных дюймов «сила против силы». Понял? Мы немного имели в запасе.

Я бесшумно отступил назад к входной двери, открыл ее и захлопнул снова, словно только что вошел. В вестибюле появился Юма. Он узнал меня, слабо улыбнулся и спросил:

— О, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Кто там? — крикнула женщина.

— Рэй Мэлин, который был здесь вчера!

— У-у. Там много этого материала? Мне нужно для двух ветвей в правую четверть.

Юма вздохнул. Я решил начать издалека:

— По правде сказать, у меня нет никакого дела, не позволите ли мне помочь вам?

— Спасибо,— он пересек вестибюль, подошел к шкафу у оклеенной обоями стены.

В те времена, когда я был воспитанником Тодера, в этом шкафу находились различные предметы, учебные пособия, которые учитель использовал на своих уроках с малышами. Сейчас шкаф был доверху набит крошечными банками с краской, рулонами золотой и серебряной бумаги, пачками геральдических эмблем, образцами гербов различных размеров.

Юма приступил к разбору пакетов, а я продолжал говорить:

— Я действительно пришел поблагодарить вас и сообщить, что встретился со своим центаврианским родственником.

— Майором Хоуском? — спросил Юма.— Покончим с этим,— пробормотал он сам себе, вытащив дюймовой толщины папку с эмблемами геральдических цветов и поставив ее обратно.

— У вас уникальная память,— сказал я сердечно.

— Я эйдетист,— пожал Юма плечами.— У некоторых людей есть это, у некоторых нет.

Он нашел, что искал: кусок материи с рисунком, похожим на ряд рукописных букв «Г», который можно обрезать по размеру и наклеить в нужное место герба.

Стало ясно, что лесть тут не поможет. Я решил подойти к нему с другой стороны.

— Ваши предки наверняка были замечательными людьми, раз снабдили вас таким талантом! Вы должны иметь прекрасное генеалогическое дерево.

По-видимому, я действовал неуклюже, слишком неуклюже.

— Я считаю его достаточно интересным.

— Ваша семья проделала долгий путь на Марс?

Три четверти часа я слушал рассказ обо всех разветвлениях его рода. Рассказ был занимательным, и мне почти не приходилось прилагать усилия, чтобы скрыть свое нетерпение. Юма был влюблен в свою работу, а мне всегда нравилось слушать восторженные излияния увлеченного человека. Кроме того, его род оказался действительно интересным: он имел своих представителей на шести континентах Земли и почти во всех населенных пунктах Марса.

Однако мне не терпелось переключить разговор на Тодера. Я прямо спросил, каким образом «король геральдической палаты» стала владелицей старого дома Тодера.

— Тодера? — Юма взглянул на меня.— Теперь он человек с происхождением! Я из любопытства работал над его генеалогическим деревом, и оно не показывает каких-либо наклонностей, в которых вы надеетесь его уличить...

Я мягко вернул его к своему вопросу.

— Потому что дом своевременно перешел в распоряжение колледжа. Тодеру была предложена работа в колледже «Серендипити».

— Что?

— О, вы думаете о том, что услышали от босса: будто он уединился. В буквальном смысле он профессор в отставке и занимается только чтением лекционного курса...

— В колледже «Серендипити?»

— Да,— Юма был озадачен моей реакцией.— Это учреждение расположено на поверхности, около пяти миль...

— Я знаю где, спасибо,— сказал я мрачно.

Я также знал, что это за учреждение.

Если на Марсе и было что-то, обращенное к медведианам, так это колледж «Серендипити», весьма причудливая организация. Подобно всем азартным игрокам, медведиане пытались выразить понятия с ч а с т ь е, у д а ч а в чем-то вещественном. Они были суеверны, носили амулеты, совершали многочисленные ритуальные акты. Более громким термином, символизирующим удачливость, было с е р е н д и п и т и — способность угадывать фортуну. Колледж «Серендипити» заявлял, что может научить, как быть удачливым! Нет, Тодер не мог опуститься до такого уровня, я не хотел поверить в это!

13

Я хотел продолжить расспросы, но босс вызвала Юму к себе.

Я побродил какое-то время по кварталу в поисках кого-нибудь, кто бы знал Тодера и смог мне рассказать

о его переезде. Но я встретил только несколько случайных знакомых, которые почти не знали учителя.

Наконец я упрекнул себя за бесполезную трату времени. Я откладывал встречу с Тодером, занимаясь расследованием его ближайшего прошлого.

Так же, как и вчера, я окликнул такси.

Проезжая мимо тех же самых мест и в той же самой последовательности, что и накануне, я испытывал мрачное тягостное чувство, будто был пойман в ловушку из временной петли или катился по следующему витку спирали вокруг одного и того же центра. Зато отчетливее вырисовывался мой путь: от Старого Храма к апартаментам Большого Канала, к геральдистам, к Тодеру...

Так же, как и вчера, день спустя, а дальше?

Чувство замкнутости временного кольца увеличивалось еще больше, когда я снова стоял лицом к лицу с Тодером. У него был точно такой же вид, что и у Лилит, когда я внезапно появился вместо ожидаемого в это время другого человека. И он был так же изумлен, как и она, узнав меня. Но он сохранил контроль над своими эмоциями.

Однако в отличие от Питера и Лилит, пытавшихся укрыться за пустой ложью, учитель вздохнул и смирился со случившимся. Он жестом пригласил меня войти. Я осторожно переступил порог, надеясь, что не окажусь в западне.

— Итак, это не сработало,— сказал старик, когда закрыл дверь.

— Нет, не сработало. Итак, я вернулся и снова нежеланный, как и вчера.

Мы вошли в комнату, где беседовали вчера. Он очень неуверенно начал:

— Да... Редко случалось, чтобы я поддвался панике, но и очень редко случалось, чтобы я вмешивался в события, способные повлиять на человеческую историю в масштабах Вселенной. Ты использовал учение? Я полагался на то, что ты рассказал мне вчера.— Он с осторожностью старого человека опустился в свое кресло.— Я не знаю, может, ты теперь злишься на меня... Или все-таки сумел правильно оценить ситуацию и понять мои мотивы?

Я ответил, взвешивая каждое слово:

— Если вы собирались заблокировать мою память надолго, то могли бы сделать это более квалифицированно и не оставлять мне мешанины образов, исчезнувшей при первом же толчке извне. Кроме того, такой поступок никак не согласуется с моими представлениями о вас. Наверное, это не очень убедительный аргумент,— я заколебался.— Хотя я и учился у вас тому, что должно было сделать меня думающим, но я решил, что у вас просто изменился характер.

— У меня? — он хихикнул.— Как это?

— Вы действительно читаете лекции в колледже «Серендипити?»

— Да, почему бы нет? Я профессор по общественному регулированию.

Тон ответа был весьма воинственным, однако я заметил тень сомнения, промелькнувшую на его лице, но это могло только показаться.

— Почему бы нет? — повторил я.— Ну... не обращайте внимания. Важнее то, что прошлой ночью вы вторглись в мою память, вычеркнув большую часть тридцатишестичасовых воспоминаний. Зачем, во имя Зодиака, вы сделали это?

— Мне казалось, что лучше тебе продолжать свою обычную жизнь путешественника, чем быть растертым,

подобно зерну пшеницы, жерновами гигантских противостоящих сил.

— Может, вам следовало быть откровеннее со мной?

— Я думал над таким решением проблемы,— он не отвел глаз,— но Лугас был против. Он считал, что ты уж слишком вовремя оказался на Дарисе. Однако не это побудило меня вмешаться. Я не сумел ввести твое сознание даже в легкий транс, пока ты не проспал три или четыре часа. Ты был так обессилен поле пытки нейрохлыстом, как я не мог себе даже представить. К тому же, как ты сам заметил, цитируя меня, боль является стимулом. Ты достаточно страдал, чтобы отключить свой верхний уровень управления и настроить себя на генерирование мысли об отмщении.

— Вы гладко говорите,— сказал я.— Так это все сделано для моей же услады? И у меня не было права прийти назад, чтобы выразить свое недовольство, так, что ли? — я наклонился вперед.— Почему вы не говорите правды? Ведь вы боитесь моего вмешательства в это большое и запутанное дело!

Он ответил не сразу. Сначала поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел в сторону пешеходного туннеля, затем повернулся и направил на меня свой пристальный взгляд, который я встретил твердо.

— Хорошо,— сказал учитель.— Ты не считался моим уж очень преуспевающим воспитанником и был долгое время весьма глуп, но факт, что ты пришел сюда вот в таком состоянии поговорить со мной, а не обвинять меня в подлости и предательстве, показывает сносную степень твоей разумности. Ведь мы оба нуждаемся в каждой унции помощи, которую можем оказать друг другу...— Он пригладил свои седые волосы тонкими искривленными пальцами.— Что ты еще узнал об этом деле, что не отступил до сих пор?

— Чертовски мало. Что-то о последнем путешествии «Хипподамии» узнали центавриане. Факт, что Лугас является землянином, выдающим себя за центаврианина, связан с этим обстоятельством, но не объяснен. «Хипподамией» заинтересовались и земляне, и медведиане, и марсиане, в вашем лице. Вероятно, вершится дело огромной важности. Вы сказали, что оно может повлиять на всю историю. Каким образом?

Он снова сел, кивнул головой:

— Так много стало ясно! Я старею, Рэй, мне трудно определить, с чего начать.

— Начать лучше всего с начала.

— Этот путь может занять недели... Рэй, как чувствует себя молодой марсианин в эти дни?

— Довольно угнетенным,— ответил я и привел причины: хозяйственная запущенность, пренебрежение к нашей нации, второсортность всего, что я видел вокруг себя, отсутствие былого национального марсианского единства.

— Существует гораздо большее, чем ты смог увидеть. Ты очень замкнут и совсем запутался,— Тодер откинулся назад и сложил кончики пальцев вместе; эту позу я хорошо запомнил, он всегда принимал ее, когда пускался в свои поучения.— Но если я покажу тебе это большее и расскажу, что оно влечет за собой, мы будем иметь очень сложную картину. Назови мне наиболее важное научное открытие прошедшего столетия.

Я в нерешительности молчал, и он опередил мой ответ:

— Извини. Я все еще не могу избавиться от профессиональной привычки заставлять других людей думать, чтобы сказанное ясно уложилось в их умах. Я избавлю тебя от забот. Не было никаких важных научных открытий с начала двадцать второго столетия, когда изготовление приводов для межзвездных кораблей

поставили на поток и превратили авантюрные межзвездные путешествия в рутинное дело.

— Но ведь...

— Я не спорю, Рэй. Я рассказываю тебе. Верным тезисом является то, что последней новой концепцией реального мира было эйнштейновское понимание материи и энергии. Затем шаг назад, как я, помнится, говорил тебе, когда ты был ребенком.

— Нужно отойти назад, чтобы лучше прыгнуть,— напомнил я.

— Помолчи. Конечно, я говорю уже по-старчески бессвязно, но это не дает тебе права перебивать меня. Есть много выдающихся изобретений человека, позволяющих проследить его умственную эволюцию, которую можно назвать целым романом. Назови какие-нибудь!

— Э... нож, лук, добыча огня, колесо...

— Ткачество, письменность, алфавит, счет, изобретение денег, овладение тепловой энергией, вычислительная техника. Есть и другие, но этих достаточно, чтобы построить кривую, которую я тебе сейчас покажу.

Я искоса взглянул на нечто, представляющее собой график со временем по оси X и техническим прогрессом по оси Y в логарифмических координатах.

— Если я верно понял,— отважился я,— мы имеем, множество новых концепций после Индустриальной Революции на Земле.

Тодер был в восторге:

— Да! Да! Рэй, ты должен был завершить свое образование с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Я надеялся, что буду руководить тобой на этой медленной и мучительной стадии!

— Подождите минутку! — остановил его я.— Их же было множество. Атомная энергия была, по крайней мере, таким же мощным орудием, как и тепловая при

возвратно-поступательном движении. В самом деле, оба изобретения взаимозависимы, потому что и то и другое появилось в результате развития химии и физики...

— Последнее столетие? Последние два столетия?

Я молчал. Все примеры, какие я мог вспомнить, не отражали появления новых концепций, а были лишь детальной разработкой старых (за исключением, конечно, получения возможности двигаться быстрее скорости света).

— Хорошо, посмотрим на проблему с другой стороны. Ты полагаешь, можно цель человеческого развития поставить в полную зависимость от субъективных условий?

— Вы обычно говорили нам, что каждое новое поколение, опираясь на свои знания, формирует собственную цель, и последующее поколение или изменяет, или даже отвергает эту цель, и что любой другой взгляд на человеческую судьбу будет произвольным. У меня никогда не было причин не соглашаться с тем, чему вы нас учили.

— Прекрасно! — воскликнул Тодер, но немного смутившись, добавил:— Надеюсь, ради тебя самого, что все, чему я учил, нашло развитие в твоей голове. Если это не так, тогда я опередил себя самого. Цель является неотъемлемой частью человеческого существования. Разумные существа накапливают определенную сумму знаний и становятся способными к самоанализу, чтобы начать исследование побудительных мотивов на основе понятий, скорее свойственных человеку, чем искусственной технологии, и установить, что мы сознательно придумываем эту серию податливых целей. Мы столкнулись с одним таким понятием и назвали его п р о г р е с с о м.

— Описав его гиперболической серией случайно нанесенных на график точек, где одна ось обозначает

количество звездных кораблей, а другая — количество людей, подвергшихся психотерапии.

— Разве я говорил это? — спросил Тодер, и когда я кивнул, он, удовлетворенный, усмехнулся.— Удивительное выражение. Я должен воскресить его! Но я не могу только проклинать ошибки наших предшественников; это пустая игра, хотя ею легко увлечься. Рэй, что является нашей самой основной и абсолютно необходимой возможностью?

Я сделал несколько медленных марсианских вдохов и задумался. Теперь я был спокоен. Старик не собирался оскорбить меня, когда «запутывал» мою память, он извинился и объяснил, что заставило его это сделать. Я хотел проследить его мысли, чтобы правильно понять его выводы и, возможно, помочь ему — он сам на это намекал.

— Назовите это сами,— сказал я наконец.

Он хлопнул в ладоши:

— Наш генетический вклад, уточним это. Сейчас разреши мне задать тебе еще один или два вопроса, на которые, я думаю, ты сможешь очень хорошо ответить, покопавшись в себе. Первый: каков главный фактор, усложняющий существование марсиан?

— Недостаток кислорода для развития зародыша,— быстро ответил я.— Если бы он обходился тем, что есть, на этой планете могла бы развиться марсианская раса. А так мы являемся разновидностью амфибий, возвращающихся в океан для размножения.

— Следовательно, нас очень мало,— кивнул Тодер.— Второй вопрос: какое основное различие между медведианами и центаврианами?

Я недоуменно посмотрел на него:

— Вы знаете это так же хорошо, как и я! Различие не в психологии или генетике, а исключительно в способе организации общества. Мед-

ведиане азартны и непостоянны, центавриане негибки и дисциплинированны.

— Совершенно верно. Характеры этих людей формировались на основе их бытия. Здесь необходимо учитывать и особенности семейной жизни, и способ воспитания детей, и методы хозяйственного планирования.— Тодер подался вперед.— Рэй, ты считаешь это просто случайностью?

Я долго не мог найти слов. В ушах стоял пронзительный звон. Губы пересохли. Наконец я тихо спросил:

— Как вы думаете, Тодер, кто мы есть? Неандертальцы двадцать четвертого века, вынужденные выбросить плоды эволюции на мусорную свалку и оставить их там гнить?

14

— Ты говоришь о том, что чувствуешь,— тон Тодера был язвительным.— Очевидно, ты не принял во внимание моих слов о человеческой судьбе. Кроме всего прочего, я марсианин, вспомни об этом. Наша сила и наша гордость в умении подчинять себе любые обстоятельства. Победили ли они нас?

— Это вопрос о победе или поражении? Не было ли решение вырвано из наших рук?

— Нет, это не решение. Это просто принятие неизбежности, необходимость быть тем, кто мы есть. Надеюсь ты понимаешь эту ситуацию, как я, как марсианин...

— Неудачный эксперимент,— я вытер пот с лица.— Мы затмили бы и медведиан, и центавриан.

— Фактически да. Но я должен сжато изложить все остальное. Согласись, Рэй, мы как вид обладаем огромным талантом. Мы можем безнаказанно нарушать большинство фундаментальных законов Вселенной и нести огонь разума к звездам. Но что мы делаем, когда достигаем их? То же самое, что делали тысячелетиями на своей планете. Как будто мы перевалили через вершину развития и начали разлагаться.

Это началось уже в двадцать первом столетии. Большинство дальновидных проектировщиков обратились к ранее пройденным процессам. Земное общество начало гомогенизироваться. Все больше и больше народов, говоривших на разных языках и придерживавшихся разных культурных традиций, заимствовали универсальную цель достижения материального благополучия и связанные с ней понятия. Мы имеем больше данных, чем может осмыслить человек за всю свою жизнь, но до сих пор мы были неспособны сделать выводы из этой сумбурной информации. Почему? Были предложены две гипотезы, и так случилось, что они прекрасно стыковались с великим планом будущего человеческого развития.

Сначала утверждали, что социальная однородность человечества приведет к упадку. Примитивное стремление соответствовать стандарту вытеснит побуждения к исследованиям, к открытию новых земель, желание поразить мир новыми изобретениями. Последняя эффективная волна технического прогресса принесла людям возможность межпространственного перемещения.

Также было доказано, что наше превозносимое умение изменять окружающую обстановку, вместо того чтобы существовать в первоначальной, обусловленной эволюцией, подобно неразумным существам, превзошло нашу способность здраво рассуждать о том, что мы делаем. Другими словами, мы стали нуждаться в новом

таланте сверхпсихологической силы, если тебе нравится. Талант существовал в эмбриональном состоянии, это не слишком редкая способность воспринимать новые умственные концепции, как, например, четырехмерное пространство, которые нигде не соприкасались с той картиной окружающего мира, которую мы получаем с помощью обычных органов чувств.

Перед появлением межзвездных двигателей люди думали, что они ограничены пределами Старой Системы. Марс был единственной, кроме Земли, планетой, где человек мог создать собственное общество и культуру, отличавшиеся всеми теми факторами, которые воздействовали на тебя и на меня. Но, как ты подметил, марсиане подобны амфибиям, они должны возвращаться в высококислородную среду для рождения детей или рожать их слабоумными... Да?

Я думал о том, что он говорил, и множество до сих пор несвязанных отрывочных сведений соединились в одно целое, оставляющее неприятное впечатление. Я сказал:

— Если я правильно вас понял, то различия между медведианами и центаврианами были заранее кем-то запланированы.

Я вспомнил слова короля геральдической палаты о человеке, который со своими талантами должен был делать в жизни что-нибудь большее, чем просто воспитывать детей... А Юма говорил, что геральдика является разновидностью микроскопа, средством для изучения вклада!

— Правильно. Нет смысла рассказывать, как мы пробовали манипулировать своим наследием, чтобы получить талант, который необходим для поддержания прогресса. Весь расчет был на случайный выигрыш.— Тодер изобразил подбрасывание монеты.— Были придуманы два разных общества: медведиан — беспечных,

непостоянных, принимающих жизнь такой, какая она есть, и центавриан — трезво мыслящих, серьезно относящихся к своим потомкам.

— Тогда как марсиане остались в стороне,— выдавил я с горечью. Я не ведал, откуда Тодер получил эту информацию, но он говорил со знанием дела.

— Не совсем так. В действительности мы пытались развить свои традиции. За ними был бесплодный план, но, в отличие от земных обычаев, они все же имеют будущее.

— Утешающе,— кисло произнес я.— Ну и когда будет виден результат? Я понял так, что мы многого не знаем о плане нашего развития и что особенности, присущие медведианам... э... несут факел в будущее.

Учитель твердо взглянул на меня:

— Нет, Рэй. Совсем наоборот. Мы оказались достаточно знающими и сберегли свой генетический фонд. Талант, который когда-то только планировали, внезапно появился на шесть поколений раньше, чем предполагалось по наиболее оптимальной оценке.

— Что? Среди центавриан? — Я подумал об упрямых, ограниченных сторонниках авторитарной власти, которых я знал очень хорошо, и мне стало страшно от мысли, что человечество пойдет по этому пути.

Тодер потянулся к маленькому шкафчику, расположенному сзади него на расстоянии его по-марсиански длинной руки. Он набрал шифр, извлек из шкафчика свиток и развернул.

Это был гербовый щит, разделенный на четверти. Первая и четвертая заключали символы власти центаврианского Тирана: серебряные звезды и кометы на черном фоне, тигриную голову. Что обозначали изображения на двух других четвертях, я не знал.

— Вы хотите сказать,— произнес я с изумлением,— что Тиран имеет талант?

— Незначительный. Я уверен, ты знаешь недавнюю историю. В своей прямодушной решимости создать планируемое общество центавриане перехитрили сами себя и сделали неправильные оценки, приведшие к экономическому кризису — почти бедствию. И давление обстоятельств возвысило первого Тирана, Бориса бен Соломона. Он отверг все предсказания о крахе центаврианского общества. Нация уже было нацелилась идти по медведианскому пути развития общества, но Тиран Борис вернул ее на старый путь... Но, конечно, этот не рожден от нынешнего Тирана Базиля.

— От кого же тогда? Не от одного ли из его сыновей? Они будут носить отцовский герб с отличием до тех пор, пока он не умрет или не сложит свои полномочия.

— Совершенно верно. Я не знал, что ты изучал геральдику,— Тодер свернул герб.— Короче говоря, если этот герб будет когда-нибудь официально представлен, чего, я искренне надеюсь, не случится, он будет принадлежать сыну довольно знаменитой куртизанки, которая в возрасте семнадцати лет... э... умудрилась вступить в морганатический брак с Тираном. Предположительно, с самым старшим сыном Базиля — Барнаби.

— Вы сказали,— размышлял я вслух,— что надеетесь, что этот герб никогда не будет официально представлен. Так вы не хотите, чтобы Тиран Базиль признал внука как законного, или?.. — я остановился, онемев.

— Да? — мягко подтолкнул Тодер.

— Вы хотите сказать, что этот ребенок был на борту «Хипподамии». Приручил лошадь — следовательно, приручил центавра. Он был похищен у родителей и доставлен на Марс?

— Не так жестоко, как ты думаешь,— возразил Тодер.— Родились близнецы, мальчик и девочка, но

мать и отец не знают об этом. Роды были с применением кесарева сечения и под наркозом. К тому же девочка имеет достаточно дарований, чтобы стать исключительным ребенком. Хотя именно мальчик обладает необходимым т а л а н т о м.

— Но вы не сумеете сохранить это дело в секрете! Они могут узнать! Зачем было приказано центаврианам найти меня и допросить под пыткой о «Хипподамии?»

Последовала долгая пауза. Наконец Тодер сказал:

— Мы были уверены, что они не знают всего, но... Хорошо! Инженер Лугаса, которого ты заменил, заболел болезнью Лакхмана. Как ты, вероятно, знаешь, она сопровождается лихорадкой и многословным бредом. Лугас не рискнул забрать его с Дариса. Он понадеялся, что больной не знает всего секрета, нанял тебя и бежал оттуда. Но в госпитале на Дарисе инженер, вероятно, в бреду сделал достаточное количество намеков, чтобы заинтересовать центаврианские власти. К тому же, конечно, медведиане, центавриане и земляне имеют секретных агентов на всех территориях.

— Подобных Лугасу?

— Его статус не относится к делу! — сказал Тодер резко, затем смягчился: — О да, я предполагал, что ты сделаешь именно такой вывод. Но Лугаса нельзя назвать шпионом. Мы занимаемся планированием человеческого будущего. Я отвечаю за то, чтобы генетические исследования не являлись монополией центавриан. Медведиане всегда удивлялись одаренности потомства Бориса и...

Вот он!

Тодер вскочил с кресла с несвойственной для степенного пожилого человека живостью и мигом оказался у двери, прежде чем гость постучал. Это, конечно, был Лугас.

Он с тревогой посмотрел на меня, и Тодер бросился объяснять, почему ему пришлось рассказать мне о тайне «Хипподамии». Так, говорил учитель, она лучше будет сохранена. Лугас несколько минут молчал и наконец прервал старика:

— Черт с ним! Ребенок исчез — или центавриане заполучили его назад, или... или вмешался еще кто-то. Как, Галактика побери, мы найдем его, не потревожив центавриан, медведиан и еще кого-нибудь там... из созвездия Стрельца.

Тодер взглянул на меня.

— Ты не одобряешь наших действий, Рэй? Наверное, ты рад слышать, что мы потеряли след ребенка? Я согласен, в некотором смысле, наш поступок можно назвать бесчеловечным, но прими во внимание: когда он вырастет, его коэффициент интеллекта превысит 2000 единиц по шкале Вейганда, он будет обладать всеми наследуемыми талантами — от музыки до математики,— и все это будет передаваться по наследству его потомкам! Ты хочешь, чтобы «выращивание» талантов стало монополией жестоких, напыщеных, ограниченных центавриан?

Как мне отнестись ко всему этому?! Я вспомнил рассказы о похищении детей для продажи, и вот теперь я сам свидетель подобного преступления. И его подготовил мягкий, мудрый старый Тодер, знакомый мне с детства! Я почувствовал отвращение.

— Каковы ваши дальнейшие планы? — шепотом спросил я.

— Воспитать его на Марсе. Потом, когда он вырастет, приступить к смешению генетических линий медведианской нации для распространения разновидности фермента на половину человечества.

Было ли это прекрасным планом ускорения человеческой эволюции или безумным кровосмешением, боль-

ше подходящим для домашних животных? Я пока не знал ответа. Мне следовало задать еще один вопрос... Но Лугас опередил меня, он заговорил очень сердитым голосом:

— Почему мы стоим здесь, болтая с Мэлином? Вы не слышали меня? Центавриане, возможно, попытаются увезти ребенка с Марса, и наша многолетняя работа пойдет насмарку. Хоуск очень близко подошел к правде, допрашивая Мэлина; это чудо, что он не похитил кого-нибудь из моих более информированных офицеров. Я приказал им быть внимательными, и до сих пор... Во всяком случае, как я уже говорил вам прошлой ночью, я не доверяю Мэлину! Он слишком кстати появился на Дарисе. Мы могли долго держать все в тайне от центавриан, но земляне слишком открыто симпатизируют медведианам, а Земля — планета, где ничего не скроешь от...

— Кто такие Питер Найзем и Лилит Чой?

Лугас остановился, потеряв нить рассуждений. Тодер быстро ответил:

— Два видных молодых члена промедведианской фракции на Земле, выступающей за разрыв между Старой Системой и центаврианским секретом и заключение постоянного союза с медведианами.

— Что они могут сделать с ребенком, если он попадет к ним?

Лугас и Тодер обменялись озадаченными взглядами. Тодер сказал:

— Передадут его медведианам, естественно. А это так же ужасно, как если бы он остался у центавриан, где его ум заключили бы в «смирительную рубашку» жизни. Даже если они не разгласят о своей одаренности, в чем я сомневаюсь, они все равно не удержатся от войны. Если мальчик вырастет не прочеловеком, а промедведианином или процентаврианином, это будет

гибелью плана великого развития человечества, подготовленный многими поколениями самоотверженных проектировщиков.

— Хорошо,— кивнул я,— а что же после всего этого будет с нами?

Снова пауза. Наконец Тодер пожал плечами:

— Поскольку ты уже многое знаешь, я могу назвать тебе остальные две четверти герба, который я только что показывал. Те, которые не относятся к Тирану Базилю,— это эмблемы моего рода. Мать мальчика — очень замечательная личность, моя внучка Силена.

15

Тем не менее я продолжал колебаться. Я хотел занять такую позицию, которая удовлетворяла бы всех, хотя подобный подход нельзя назвать благоразумным.

Некоторые элементы новой реальности не нашли отзыва в моей памяти. Я думал о Тодере, которого знал как учителя, отца, вспомнил, как сильно он любил детей. Мне казалось, они были частью его жизни. Никогда я даже не подозревал, что он мог быть отцом. И сейчас эта мысль оставалась отдаленной, обособленной от меня.

С другой стороны... Я не имел возможности обдумать то, что он сообщил мне о центаврианах и медведианах; я должен был оттянуть время, чтобы получить такую возможность. Но на первый взгляд его информация казалась верной. Я и сам интуитивно чувствовал, что стремление в начале межзвездной колонизации прототипа медведианина на «север» от Старой Системы, а прототипа центаврианина на «юг» едва ли было случайным.

Тем не менее три пути, три судьбы открыты перед ребенком с таким превосходным генетическим вкладом (если он не погибнет или не заболеет в результате этой нелепой ссоры из-за него).

Могу ли я автоматически принять план Тодера? Согласен ли я, что будет лучше для всех, если ребенок пойдет по тому жизненному путь, который проделал я? Мне не хотелось, чтобы мальчик воспитывался у Тодера, даже если я и сам после всех скитаний обратился опять к нему. Не он ли говорил мне, что марсианский путь, лишенный жизненной силы, был узким переулком, направленным в будущее, но ведущим в никуда. Этот путь стал таким же архаизмом, как и космические планы межзвездных ковчегов после испытаний межпространственных двигателей.

Я сразу же согласился, что оставить ребенка на попечении центавриан — это значит надеть «смирительную рубашку» на его ум. Однако мысль разрешить медведианам воспитывать его не вызывала у меня такой тревоги. Опасность возникновения войны из-за хвастовства медведиан о своей талантливости была сильно преувеличена. Как раз этого-то и нельзя предположить. Трата средств на подготовку к войне приведела бы к развалу того мира, который попытается сделать это, о чем обожаемые центаврианами компьютеры говорили недвусмысленно.

Даже если я неправ, даже если какие-нибудь новые удивительные достижения докажут, что такая война возможна, медведиане сумеют оценить центаврианскую слабость к порядку; медведиане, уступчивые, свободные и непредсказуемые, подберут обломки и склеят их. Старая Система, вероятно, будет растерта в порошок, по сравнению Тодера, подобно зерну пшеницы, попавшему под гигантские жернова. Да и зачем ее сохранять? Земля отказалась от власти ради чудовищных

лабораторных экспериментов, а Марс был всего лишь аппендиксом, не служащим никакой цели.

Питер и Лилит были добры ко мне: они не только спасли мою жизнь, но и обращались со мной как с личностью, отдавая должное моей марсианской чести. Я не совсем понял причины их интереса к этому делу, но, по крайней мере, они признавали ее существование. Хоуск и его компаньоны обращались со мной как с вещью, мучали меня нейрохлыстом до тех пор, пока не закапал сок моих знаний. В секторе Центавра я был выброшен, как негодная деталь. В секторе Большой Медведицы я работал с людьми, которых называл своими друзьями, любил девушек, которые думали обо мне как о мужчине, а не как о нескладном гиганте... Черт возьми, я собирался жениться на одной из них.

Итак, мне следовало бы принять медведианскую сторону. Но я не сделал этого. Во мне заговорил эгоизм.

Меня тяготила мысль, что все, что я высоко ценил, все, что я любил, будет сдано в утиль, что само понятие «марсианин» будет пустым звуком, словом, ничего не значащим. И если уже невозможно создать марсианскую основу великого будущего человечества, то хотелось хотя бы оставить в памяти ребенка, которому суждено властвовать над звездами, когда он достигнет зрелости, бесценные марсианские понятия. Одних только генов недостаточно. Поместив мальчика и девочку в новый мир, благоприятный для выживания, но не похожий на человеческий, можно ли надеяться, что они вырастут людьми? Что делать! Гены ведь не частички в клейкой жидкости, кишащей хвостатыми одноклеточными организмами. Их нельзя отфильтровать, высушить, смешать с другими многогенными соединениями и положить под микроскоп.

И все же это не было бесконтрольным, и большая часть всего этого была доступна большинству людей обычных способностей: талант, связующий время через миллионы лет. Ты ведь можешь планировать его развитие. Ты можешь предпочесть один талант другому, как дающему больше шансов для выживания. Ты можешь наблюдать за этим долго и спокойно и наконец произнести: «Поскольку я сейчас здесь и признаю неведение, то могу сказать: это плохо и это хорошо».

И я решился:

— У них в апартаментах Большого Канала несколько часов назад находился ребенок.

Через секунду я сообразил, что земляне прятали не того ребенка. Полет «Хопподамии» с Дариса на Марс, даже с невероятно сильными двигателями, длился почти два месяца, а ребенок «приятелей» Питера и Лилит плакал, как двухнедельный младенец.

Я совершенно растерялся. Тодер и Лугас принялись расспрашивать меня, откуда мне все известно. Наконец я решился исправить свою ошибку:

— Вернее... ребенок был там: я слышал его плач. Но он, пожалуй, слишком мал.

— Слишком мал? — спросил Лугас.— Вы видели его? Нет. Тогда...

— Достаточно слышать,— сказал ему резко Тодер.— Но подождите. Лугас, как перевозили ребенка? На корабле, подобном вашему, с небольшим количеством пассажирских помещений, кто-нибудь мог услышать его крик.

— Конечно, нет! Мы позаботились об этом. Путешествие для него продолжалось только час или два.

— Я не совсем понимаю,— произнес Тодер.

Вмешался я:

— Тогда это мог быть тот самый ребенок, которого я слышал у Питера и Лилит! — и обращаясь к Тодеру, я сказал: — Капитан Лугас имеет в виду, что ребенок на «Хипподамии» находился не в четырехмерном пространстве, как все остальные, а в континууме, очень близком к нормальному пространству, неподвластном релятивистскому временному сжатию... Космос!

— Неудивительно, что я имел так много хлопот с этими проклятыми двигателями. Это все равно, что лететь на скоростном каре с якорями, цепляющимися за скалы!

— Если вы будете нуждаться в моих рекомендациях,— сказал Лугас спокойно,— вы получите их. Мой заболевший инженер не смог бы обеспечить такой быстрый полет к Старой Системе, а он знал о специальном отсеке с измененным четырехмерным пространством.

— Если бы вы сразу сказали мне об этом,— заметил я,— мы бы прибыли сюда неделей раньше!

— Прекратите спор,— вздохнул Тодер.— Допустим, ребенок, который был в апартаментах Большого Канала, тот самый. Расскажи нам все и опиши медведианина, пришедшего забрать его.

Я выполнил эту просьбу. Тодер щелкнул пальцами.

— Ты знаешь его? — требовательно спросил Лугас.

— Он напоминает человека по имени Дживес, который записан на двухсеместровый курс в колледже. Позвольте мне подумать. Да, восемь или девять дней назад. Он пришел в колледж сразу же, как прибыл на нашу планету. Он утверждал, что владеет маленькой фабрикой на Голдстар, но этот «фабрикант» показал очень высокие результаты в обычных тестах, и я был убежден, что он лжет. Степень его личной силы и общественного соответствия была классифицирована как

«коалсач» с некоторыми деталями! Я могу поклясться, что он медведианский секретный агент.

— Посланный отыскать ребенка?

— Думаю, нет, если, конечно, их шпионская сеть не достигла таких невероятно больших размеров. Нет, скорее, ему было приказано зарегистрироваться в колледже и оценить его влияние на медведианских студентов, составляющих девяносто два процента от всех учащихся. Медведиане восприимчивы к внешнему воздействию. Они не хотят, чтобы господствующим в их жизни стал какой-нибудь один фактор, и некоторые из наших бывших выпускников прекрасно говорят с тех пор, как стали жить на Марсе.

— Аппарат связи! — сказал Лугас и вскочил на ноги.— Мы могли ясно слышать его голос через тонкую стену соседней комнаты, но то, что он говорил, было, очевидно, ассоциативным кодом. Только взволнованный тон его голоса мог подсказать постороннему слушателю, что этот разговор о степени устойчивости ядерного топлива содержит что-нибудь гораздо более глубокое и более опасное.

— Вы уверены относительно этого Дживеса? — спросил я Тодера.

Он печально улыбнулся:

— Ты до сих пор думаешь, что должность профессора колледжа Серендипити недостойна честного человека? Уверяю тебя — нет. Я обучаю своих студентов приемам искусства, которое невежественные люди называют ф о р т у н о й. Большая часть этих приемов являются техническими — ты их знаешь по своим детским играм. Я использовал их для твоего обучения. Растягивание времени, например, дает дополнительные возможности для анализа кризисных ситуаций. Я продолжаю обучать всему этому в ходе игры, но только теперь я использую любимые медведианские азартные

игры,— он наклонился вперед.— Должно быть, с тобой сегодня еще что-нибудь случилось, кроме того, что ты услышал плач ребенка в апартаментах Большого Канала. Расскажи мне!

Лугас теперь переключился на другой код и говорил о запутанных пари на медведианском атлетическом чемпионате.

Я кратко изложил события, которые привели меня сюда.

— Замечательная идея использовать феноменальную память Юмы для сокращения пути своего расследования,— прокомментировал Тодер.— Но я боюсь, ты чисто случайно узнал то немногое, что получил от него. Я намеренно скрывал свою связь с колледжем от геральдистов. Представь себе, что если кто-нибудь сообразительный заинтересуется, почему геральдика и учение о фортуне имеют большое влияние на великие группировки, он может натолкнуться и на то, чему я учил тебя... Это ты обнаружил Хоуска в его комнате под Храмом?

— Вы знаете об этом?

— О да. На самом деле, я подозревал, где могли тебя допрашивать. Я узнал это место по описанию каменного кресла. На Марсе всего несколько таких кресел. Значит, эти люди тоже причастны к этому делу, но они подождут.

— Кто они?

— Главным образом настроенные против Земли марсиане. Обычное явление в эти дни — ты сам тому пример, прости меня за эти слова. Довольно мрачный поворот, если центавриане уже осведомлены об этой секретной комнате. Я предполагал, что о ней знали только несколько коренных марсиан.

Мне следовало бы задать немного уточняющих вопросов об этой комнате, но были более серьезные проблемы, беспокоившие меня, и я спросил:

— Чего я не могу понять, так это как, о Галактика, вы упустили этого ребенка?

— Не правда ли, парадоксально? Мы провели удачную операцию на расстоянии нескольких светолет, организовали самый безупречный во всей истории контрабандный перелет и растерялись перед тем, что ты назвал основным препятствием к существованию марсиан.

Наши условия могут негативно сказаться на развитии его уникального ума. Правда, недостаток кислорода не действует на ребенка так же, как на зародыш, но мы и так подвергли его риску при похищении и транспортировке. В то же время мы были обязаны быстро легализовать его существование в марсианском обществе, чтобы у любопытных не появились сомнения в его происхождении.

Поэтому мы спрятали ребенка в родильной клинике, обеспечили идентификационными документами младенца, умершего при рождении два месяца назад. Мы думали, что предусмотрели все возможности. И все же мы потерпели неудачу!

Теперь, принимая во внимание твой рассказ, держу пари, что я знаю причину провала нашего прекрасного плана. В родильных клиниках поддерживается земное давление, поэтому персонал набирают в основном из иммигрантов с Земли, а не марсиан.

Допустим, кто-то из медперсонала, настроенный промедведиански, рассказал своим друзьям медведианам, например самому Дживесу, о подозрительном ребенке. Он появился в клинике в день прилета «Хипподамии». Питер и Лилит получили информацию, что центавриане заинтересовались последним полетом

этого корабля. Не нужно иметь большого ума, чтобы установить связь и сделать вывод. Как я сказал, интерес центавриан к генетике не ограничен любовью к геральдике. До сих пор они могли только подозревать, но если ребенок будет в их руках, они могут узнать всю правду!

16

Я все же хотел знать, как ребенок исчез из клиники, но не было повода спросить Тодера, если он, конечно, сам знал. К тому же вернулся Лугас, вытиравший пот с лица.

— Я приказал задержать Дживеса,— сказал он,— и следить за каждым медведианским кораблем, находящимся на планете. Ни один из них не получит разрешения на взлет до завтрашнего полудня, какая удача! Если мальчик у них, они попытаются немедленно вывезти его из Старой Системы.

Лугас пнул ногой стул и посмотрел на меня сердито.

— Я поставил корабли на прикол, и, полагаю, моя работа на этом закончилась!

— В чем заключалась ваша работа? — спросил я.

Он взглянул на Тодера, который развел руками.

— Давай! Марсианская верность меньше всего может служить предметом сделки.

— Хорошо... Есть небольшое количество кораблей, всего около пятнадцати, работающих на трассах Старой Системы, которые поддерживают информационную сеть. Сомнительный человек, подозрительное животное или необычные технические конструкции, перевозимые на

этих кораблях, могут дать очень много информации, если только внимательно присмотреться к ним. В равной мере и медведиане, и центавриане шпионят друг за другом, но я полагаю, нам сильно повезло и мы были вне подозрений. Однажды я перевозил двух медведианских агентов с Марса,— подумать только, они отправлялись на Дарис! — и я знал, кто они есть на самом деле, но не думаю, чтобы они в чем-либо заподозрили нас. Поскольку я сообщил о них центаврианским властям и дважды затем выполнял небольшую секретную работу для них, это доказывает мою лояльность... — он улыбнулся без малейших признаков иронии.— Тодер, в самом худшем случае сможем мы открыто обвинить Дживеса в похищении ребенка?

— Местные власти не смогут разгадать тайну марсианского ребенка, защищенного идентификационными документами,— ответил Тодер.— Они не будут внимательно рассматривать это дело, поскольку, как доказал Рэй, марсиане чертовски переживают из-за своего нынешнего положения.

— Мы должны думать не об отступлении, а об успехе! — Лугас, казалось, забыл о моем присутствии.— Вы влезете в шкуру Канаикена?

Мгновенно я увидел прежнего азартного Тодера, говорящего нам, своим воспитанникам: «Наденьте их башмаки так и вот так»,— предлагая нам поставить себя на место какого-либо человека. Я не знал, кем был этот Канаикен, но предполагал, что, возможно, он местный шеф секретной медведианской службы, начальник Дживеса.

— Канаикен! — сказал Лугас.— Что вы знаете о ребенке?

Тодер задумчиво потер свой подбородок:

— Ну... э... В течение нескольких прошедших лет, возможно даже нескольких поколений, медведиане

внимательно следили за развитием потомков Тирана Бориса, поскольку знали, что центавриане получили необычные генетические линии. Это целая история, которую, по-видимому, я должен вам рассказать...

— Какая история?

— Очень кратко. Я знаю, что центавриане проявляют интерес к одному из их собственных кораблей под названием «Хипподамиа». Наверное, на этот корабль их навел инженер, который заболел на Дарисе и был заменен марсианином. Я не знаю, что именно наговорил в бреду больной человек, может быть, намекнул на какой-нибудь груз либо на необычного пассажира, находившихся на борту корабля. Я не отваживаюсь заняться экипажем: он полностью центаврианский, за исключением марсианского инженера. Марсианин, работающий на центаврианском корабле, должно быть, питает меньше симпатий к медведианам, чем большинство людей в Старой Системе. Поэтому я не вступаю с ним в непосредственный контакт, а прибегаю к помощи двух землян, симпатизирующих медведианам, Питера Найзема и Лилит Чой.

— Они знают что-нибудь?

— Очень мало. Они сообщили мне, что кто-то, возможно центаврианские агенты, постоянно живущие здесь, весьма умело пытали марсианского инженера. Я понял, что недооценивал важность этого дела. Центавриан, конечно, нетрудно напугать, но сейчас их охватила настоящая паника.

— Ваши предположения, что они ищут?

— Человеку свойственно стремление. На этой стадии я стремлюсь узнать ценную информацию о предмете их поиска.

— Вы узнаете ее?

— Достаточно скоро. Сочувствующие медведианам служащие родильной клиники сообщили о подозритель-

ном ребенке, явно не марсианского происхождения. Раппорт доставил мне либо Дживес, либо Питер Найзем с Лилит Чой, либо какой-нибудь другой агент.

— Что привело этих двоих на Марс?

— Поговорим о промедведианской деятельности на Земле. Только важные данные, полученные центаврианскими агентами, могли встревожить землян. Возможно, эти факты касаются развития генетических дарований, которые, по некоторым причинам, не дублируются. Гипотеза: незаконнорожденный отпрыск одной из выдающихся личностей. Я имею результаты контрольных тестов, проведенных в клинике: несколько очень важных параметров отсутствует, генотип исследован не полностью. Все эти факты позволяют сделать определенный вывод. Хм! Итак, я похитил ребенка не потому, что просто подозревал, а потому, что обязан выполнить собственные генетические исследования.

— Таким образом,— сказал Лугас,— если Канаикен не имеет своего генетического оборудования, он пока еще не уверен в том, что получил. Где лучший генетический центр на Марсе?

— В Пегасе.

— Предположим, медведианин уже послал туда материалы о мальчике. Но не получит никакого ответа до завтрашнего полудня. До этого ему придется только гадать.

— Он слишком сильно рисковал. Из его логического объяснения я понял, что им руководило желание оставить центавриан с носом, а не получить определенный выигрыш для себя. Вы сможете влезть в шкуру Гранджера? Нет, подождите, сначала вы должны узнать, что Рэй сделал сегодня с Хоуском.

Тодер кратко изложил всю историю; Лугас внимательно слушал его, кивая головой. Наконец он вошел в роль, и Тодер начал допрос:

— Что вы знаете наверняка?

— Инженер с центаврианского корабля «Хипподамиа» на Дарисе заболел болезнью Лакхмана... В бреду он высказывал свои опасения относительно полета этого корабля, имеющего специальный отсек, который позволяет поддерживать различные варианты четырехмерного континуума. Власти были весьма бдительны и привлекли к работе эксперта, сделавшего вывод, что в отсеке мог находиться кто-то очень маленький и живой, например ребенок. Заболевший инженер ничего не знает о ребенке, но нужно немного воображения, чтобы подумать о богатом генетическом даровании.

— Вы получили все эти данные сразу?

— Нет. Сначала мне сказали, что на корабле было что-то необычное и члены экипажа должны быть установлены и допрошены, начиная с марсианского инженера, так как капитан и его офицеры предварительно считались лояльными и надежными. Затем мне сообщили о специальном отсеке и его возможном хозяине. Видно, была получена дополнительная информация, изменившая некоторые первоначальные предположения. Так, мы уже сомневались в осведомленности марсианина.

— Дальше?!

— Охота за членами экипажа, включая капитана.— Лугас на несколько секунд вышел из образа.— Кстати, я слышал, что группа из отдела корабельной регистрации центаврианского посольства сегодня побывала на «Хипподамии» и, кажется, обыскала корабль. Я боюсь, что они приняли нас за медведианских агентов. Мне придется просить убежища на Земле. Но потеря

одного корабля — маленькая цена за удачный ход в нашей игре.

— Если мы выполним его,— сказал угрюмо Тодер.— Итак, ситуация проясняется. Канаикен знает, что в его руках находится ребенок, в поисках которого чрезвычайно заинтересованы центавриане. Он догадывается о необычных генах младенца, но ему необходимо исследовать генотип. Если медведианин убедится в своей правоте, он постарается уничтожить за собой все следы. Пегас, расположенный далеко отсюда, поможет ему в этом.

— Кроме того,— вставил Лугас,— там так же много сочувствующих медведианам, как и в Зонде. Верно?

— Совершенно верно. Когда Канаикен получит сообщение, он сумеет вывезти ребенка с Марса прежде, чем сплетни из Пегаса привлекут к нему внимание. Если медведианин лишится ребенка и получит ложное сообщение, что центавриане паниковали без особых на то причин, он может оставить малыша в покое.

— Слабое утешение, но будем надеяться. Мы должны подсунуть ему идентификационные данные центаврианского мальчика с хорошей родословной, но без особых талантов.

— Я могу договориться о подготовке документов на такой генотип. У меня даже есть идея, как мы сможем произвести подмену. Что с Гранджером, все-таки? Поскольку члены вашего экипажа ничего не знают о происхождении ребенка, их можно быстро убедить, что он центавриан. Мы введем их в заблуждение, представив малыша больным, в конце концов.

Лугас кивнул головой.

— Я подумаю над этим,— пробормотал он.— А сейчас мне надо связаться с генетическими центрами, где у меня есть люди.

Тодер долго сидел молча.

— Какая неприятность,— наконец сказал он.— Чтобы этот ход был удачным, нужно решить некоторые проблемы. Мы можем легко ввести в заблуждение Канаикена, представив ему данные центаврианского ребенка с хорошей родословной, но средними способностями, однако прежде необходимо узнать, куда они послали материалы для исследования генотипа.

— Это трудно? — спросил я.

— Космос! Ты думаешь, что люди, знакомые с планом, будут работать просто как персонал генетических центров?

— Нет, конечно,— пробормотал я.— Кто такой, кстати, Канаикен?

— Местный глава медведианской разведки. А Гранджер — его центаврианский коллега, который, вероятно, думает, что имеет дело с удачным ходом медведиан, а не марсиан. Корабль Лугаса всегда был заботливо окружен вводящими в заблуждение намеками, отвлекающими внимание от истины. Поэтому мы должны убедить Канаикена в том, что центавриане паникуют из-за пустяков, а Гранджера — в том, что медведианский ход не был удачным. Он должен предположить...

В комнату быстро вошел Лугас:

— Попал с первой попытки! Я разговаривал с Иетой Драйфус из Пегаса; она сразу догадалась, о чем я собираюсь ее спрашивать. Дживес разговаривал с ней под своим именем около двух часов назад — он интересовался, как долго будут продолжаться исследования. Иета ответила ему, что время в Пегасе не совпадает с временем в Зонде и что если она получит материалы ближайшим рейсом, то вернет их завтра в полдень, как я и думал.

— Это наша первая удача сегодня, не считая внезапного появления Рэя,— оживился Тодер.— Я рад, что меня сейчас не слышат мои воспитанники из колледжа Серендипити. Она спросила о наших дальнейших шагах?

— Я сказал, что лучше ей оставаться в неведении, и она согласилась,— ответил Лугас.— Иета получит наши материалы и исследует их.

— Рэй,— проворчал Тодер,— твой отец сейчас в Пегасе? Я слышал о нем недавно. Он жалуется, что ты давно его не навещал.

17

Один из моих инструкторов по теории межзвездного привода много раз говаривал мне, что полет от Зонда к Пегасу более трудный, чем с Земли на Марс. Это было верно, и марсианские космонавты всегда недоумевали, летя на другую сторону планеты. В нашем разреженном воздухе невозможно летать на крыльях. Грузовой транспорт представлял собой главным образом перевозочные платформы на воздушных подушках, которые можно было ежедневно видеть на улицах Зонда. Однако организовать быстрые перевозки пассажиров было очень трудно. Марсиане испробовали все известные способы. О баллистических средствах передвижения или кораблях с прямоточными воздушно-реактивными двигателями не могло быть и речи. Из-за недостатка кислорода на Марсе любое использование воздуха в транспортных средствах приводило к необходимости возить с собой собственный дорогостоящий запас кислорода. То же относилось и к ракетным двигателям, использующим окислитель. Попытки упот-

ребить энергию свободных радикалов, образующихся в верхнем озоновом слое под действием солнечного света, оказались бесплодными. Проблема «полуразрешилась» созданием транспортных средств, осуществляющих серию прыжков на суборбитальную высоту с дальнейшим планированием в плотных слоях атмосферы на видоизменяющихся крыльях. Они были некомфортабельны, а следовательно, непопулярны, и мне никогда не приходилось видеть их полностью загруженными пассажирами.

Но не на этот раз. Как только я положил личные вещи в багажную сетку над своим сидением, то обнаружил, что этот специфический корабль был переполнен.

В салоне, к моему удивлению, находился мистер Хоуск.

Что, ради всей Галактики, он здесь делает? Я был готов тотчас же выскользнуть из корабля и лететь следующим рейсом, даже если это значило, что Дживес не получит ожидаемого сообщения из Пегаса в обещанное время. Хоуск не должен знать, что я вовлечен в это дело так глубоко...

Слишком поздно. Он заметил меня и приблизился решительными шагами. Его лицо было красным, а зрачки глаз расширившимися. Это обстоятельство усилило мою тревогу, так как означало, что Хоуск принял один из центаврианских стимуляторов, что-нибудь из высших производных амфетамина. Я решил атаковать первым.

— Вас еще не понизили в звании? — спросил я довольно оскорбительным тоном.

Насмешка попала в цель, но он постарался скрыть свое раздражение.

— Направляетесь в Пегас! — Он показал на этикетки моего багажа.

— Если бы мой отец не ждал меня этим рейсом,— не унимался я,— я бы вызвал полицию и рассказал им о том, что вы сделали со мной позапрошлой ночью.

Хоуск резко засмеялся:

— Что я сделал с тобой? Ты что, дурак? Никто серьезно не отнесется к твоим показаниям. К тому же вы, марсиане, не любите полицию, поскольку она является земной, а не марсианской организацией!

Он сказал правду. Питер и Лилит говорили то же самое. Но я чувствовал, что должен продолжать дразнить его, это было безопаснее, поскольку вся энергия этого явно раздраженного человека уходила на то, чтобы ответить мне.

— Я надеялся, что кто-нибудь найдет тебя под Старым Храмом, привлеченный запахом твоего гниющего тела.

— Меня спас человек, который никогда не сделает мне зла,— огрызнулся он.— Так что твои надежды увидеть меня пониженным в ранге не оправдались! Я думаю выйти из этой игры с поощрением или даже двумя.

Мой список различий между медведианами и центаврианами пополнился еще одним пунктом. Центавриане не знали слова с т ы д и почти не заботились о моральной стороне дела, лишь бы не ухудшилось их общественное положение, в то время как у медведиан был культ чувства вины, чувства нравственной ответственности за свои поступки.

Хоуск сейчас торжествует, и я должен заставить его хвастаться дальше, чтобы узнать, каким образом он вывернулся.

Я собрался продолжать атаку, но тут прозвучал приказ занять свои места. Хоуск нахмурился, но, как всякий дисциплинированный центаврианин, молча пошел к своему креслу.

Что могло сделать его таким самоуверенным? Я бился над этой проблемой весь путь до Пегаса. В конце концов я решил выследить, куда он направится после посадки.

Однако Хоуск был слишком осторожен, чтобы позволить мне это, и нетерпеливо слонялся вокруг, пока мне не пришлось все-таки заметить очередное такси. Я вздохнул, остановил машину и, помня о своем заявлении, что меня ждет отец, назвал соответствующий маршрут.

Бросив последний взгляд на Хоуска, я решил, что он направляется к общественным кабинам связи, скорее всего, чтобы убедиться, действительно ли здесь живет мой отец.

Я не собирался сразу же ехать к отцу. В моем внутреннем кармане лежал небольшой образец живой ткани: не искусственной, крайне дорогой и, вероятно, имеющей недостатки, а настоящей, точно соответствующей замыслу Тодера. Донор был высокого центавриан-ского происхождения, но не имел действительно замечательной комбинации генов.

Этот образец я должен как можно быстрее доставить Иете Драйфус. Она работала в родильной клинике Пегаса; на Марсе центры генетических исследований и родильные клиники были объединены. Хотя только центавриане серьезно занимаются планированием своего потомства, но будущее детей интересует всех родителей.

Я назвал новый адрес.

Я зашел в ее кабинет со стеклянным потолком. Такой чистой, светлой и просторной комнаты мне давно уже не приходилось видеть на Марсе. Я остановился, онемев. Девушка была редкостно красива. Я давно

убедил себя, что таких женщин не существует, и мои юношеские мечты так и не сбылись.

Много поколений ее предков были марсианами, и она была прекрасна.

Девушка встала, приветствуя меня, ее рост был около семи футов. Черные волосы спадали на ее плечи, обрамляя удивительное овальное лицо с широким лбом, высокими скулами, изящными тонкими губами. Ее кожа была теплого медно-коричневого цвета. На ней был свободный рабочий комбинезон из белой синтетической ткани, скрывающий все изгибы ее тела, однако я не сомневался в безупречности ее фигуры. Подобно мне, все марсиане были худыми, а некоторые выглядели долговязыми, но она казалась очень *стройной* — немногие женщины заслуживали такого эпитета.

— Мисс Драйфус? — спросил я, сделав почти незаметное ударение на первом слове.

Она улыбнулась, показав великолепные белые зубы:

— Вы прилетели очень быстро! Мой дядя предупредил меня, что ваша посылка может оказаться не готовой к столь раннему рейсу.

— Ваш дядя?

— Ну да, я имею в виду вашего бывшего учителя.

Я покачал головой в изумлении:

— Я думал, вы знакомая капитана Лугаса. Я не знал, что вы родственница Тодера.

— Капитан может не знать этого тоже. Мой дядя никому не рассказывает о своих родственниках, потому что не все из нас ведут такой скромный образ жизни, как он.

Я подумал, что семья Тодера, должно быть, играет значительную роль в марсианских делах. А почему бы и нет? Марсианское население немногочисленно, и одна выдающаяся наследственная линия выделяется ярче, чем на переполненной планете земного типа,— точно

так же, как когда-то мы называли горой возвышенность в несколько сот футов высотой, какую редко встретишь на Марсе.

Возможно, семейство Тодера в миниатюре отражало то, что они собирались сделать с центавро-марсианской линией, представленной их правнуком.

— Что я должна сделать с образцом, который прислал Дживес? — Она открыла выдвижной ящик стола.

— Уничтожьте его,— сказал я быстро,— и исследуйте вот этот.— Я протянул ей ложный образец, который тотчас же исчез в соседнем выдвижном ящике.

— Хорошо.— Она отряхнула руки.— Теперь это не будет полным обманом. Дживес получит сообщение в срок, обещанный мной. Благодарю вас. Не знаю, что все это значит, но очень уважая дядю, я уверена, вы оказали важную услугу.

И это было все? Она вернулась к своему столу и спросила:

— Вы сможете сами найти выход?

Слишком многое было поставлено на карту, чтобы тратить время на пустую болтовню. И все же я почувствовал острую боль разочарования. Встретив прекрасную женщину, я, по крайней мере, хотел полюбоваться ею!

Иета поняла мое состояние, ибо она мгновенно улыбнулась и сказала с приводящей в замешательство откровенностью:

— Вы извините меня за то, что я скажу? Мне очень лестно, что марсианин, вошедший в эту комнату в первый раз, уходит с большой неохотой. Но у нас могут появиться осложнения, если мы не передадим сообщение Дживесу вовремя.

Я смущенно улыбнулся и вышел.

Коридор и вестибюль были пустынны. Марсиан здесь работало, конечно, мало. Большая часть персонала, должно быть, находилась в родильном отделении, за воздушным шлюзом, в густой влажной земной атмосфере. Проклятая необходимость, которая все еще связывала нас с Землей, словно пуповина!

На пути к выходу я не увидел никого, даже молодого человека, проводившего меня до кабинета Иеты Драйфус.

На дорожке, связывающей здание клиники с пешеходным туннелем города, я встретил мужчину с песчаными цветами и кульком с яблоками, по всей видимости, он шел навестить свою жену, затем мимо меня прошли два носильщика из земных эмигрантов, сгорбившихся под ящиками с медицинским оборудованием и явно встревоженных их легкостью при низкой марсианской гравитации. Я растерянно плелся по дорожке, мои мысли были заняты Иетой Драйфус. Однако мне следовало решить, куда же идти дальше.

Мой Зонд разошелся по дну трещины, которая своим естественным рельефом и придавала ему форму, Пегас же был городом в кратере овальной формы; главные улицы расположились в строгом порядке. Я точно высчитал, что если я пешком направлюсь к дому моего отца, то приду как раз к обеду. В это время я увидел такси, медленно двигавшееся по запыленной улице.

Его пассажиром был человек, которого я узнал бы где угодно. И было одно, только одно место, куда он мог ехать в том направлении.

Я повернулся и помчался за машиной со всей скоростью, которую мог дать мой марсианский прыгающий бег.

Конечно, такси уже высадило его и исчезло, когда я снова оказался у входа в генетический центр. Я ворвался в вестибюль, чуть не сбив с ног пожилую

женщину, переносившую подставку с макетом гена, и ринулся к кабинету, который покинул несколько минут назад.

Я тихо открыл дверь, благословляя врожденную марсианскую честность, которая сделала замки бесполезной вещью; само собой разумеется, Хоуск, если бы мог, запер бы за собой дверь. Он стоял, нацелив свой любимый нейрохлыст на Иету, и требовал образец ткани, полученный от Дживеса.

Следовательно, центавриане знали больше, чем считал Тодер. Но теперь не было времени беспокоиться об этом. Я начал действовать прежде, чем округлились глаза Иеты,— изменение их выражения выдало меня.

Несмотря на мою озлобленность, я все равно был слабее любого, выросшего на планете с гравитацией в один «же». Я сжал руками голову Хоуска и рванул ее назад, через свое выставленное колено. Он был поражен еще больше, чем тогда, в комнате под Старым Храмом. Хоуск завопил и упал на пол, Иета быстро выхватила из его рук нейрохлыст. Кое-как мы скрутили его, преодолев бешеное сопротивление, и Иета тотчас же отскочила плавно и грациозно, как в танце.

— Спасибо,— улыбнулась она, когда совсем успокоилась.— А теперь вы можете сказать мне, кто он, черт возьми, такой?

18

Хоуск представлял собой смешное и жалкое зрелище: с его лица уже сошла бравада, вызванная действием наркотика, и оно стало серым и одутловатым.

Но не было времени объяснять подоплеку происшедшего Иете. Грохот, с которым он упал на пол,

вероятно, переполошил все здание. Первой вбежала пожилая женщина, которую я почти сшиб, когда мчался спасать Иету, но к ней тут же присоединились несколько испуганных людей из персонала, в основном земляне.

Среди них был солидный человек средних лет с седыми всклокоченными волосами, который немедленно забрал у Иеты нейрохлыст. Марсианин, к счастью.

Иета могла изображать только неведение.

— Спасибо, доктор Снелл,— сказала она,— я думаю, этот человек сумасшедший. Он ворвался сюда без предупреждения, вытащил свой хлыст и требовал отдать ему образцы. Если бы не мистер Мэлин...

— А что привело вас сюда? — обратился ко мне Снелл.

— Я из Зонда, где живет дядя Иеты, я приехал в Пегас навестить своего отца и привез мисс послание.

— Вы вовремя появились здесь.— Снелл махнул своим коллегам.— Ну, лучше поднимите его на ноги и отведите куда-нибудь в надежное место, пока не прибудет полиция.

— Это все ложь! — взорвался Хоуск.— Вы, проклятые марсиане, прирожденные лгуны! Мэлин отлично знает, кто я такой и почему я здесь. Почему бы вам не спросить его о ребенке, которого он похитил?

— Ребенок? Какой ребенок? — удивился Снелл.

— О! — воскликнула Иета.— Пожалуй, я могу объяснить его поведение. Он болен: у него навязчивая идея, что Мэлин украл его ребенка! Вы пришли сюда искать его? —Она постаралась подмигнуть Снеллу, так, чтобы Хоуск заметил это.

— Нет, вы так просто не отделаетесь,— заорал Хоуск.— Вы все сговорились здесь! Обыщите эти шкафчики, и вы найдете образец ткани центавр-рианина...

— Я не удивлюсь этому,— пожал плечами Снелл.— По правде говоря, мы обычно имеем две или три сотни центаврианских образцов.

— Я имею в виду тот, который прислал вам человек по имени Дживес!

— Доктор, я думаю, у него параноический бред,— прожурчала Иета.— У меня есть такой образец, но Дживес, кажется, медведианский гражданин. Во всяком случае, он говорил с медведианским акцентом.

Хоуск, должно быть, по лицу Снелла понял, что доктор клюнул на удочку Иеты. Казалось, все силы сразу покинули центаврианина. Он снова заговорил изменившимся голосом, медленным, тусклым, безнадежным:

— Лгуны, ничего, кроме лжи, от начала до конца. Это планета маньяков, живущих во сне. Я должен был понять это, когда меня нашли под Старым Храмом.

— Кто? — я не смог удержаться от вопроса.

К нему тотчас вернулась уверенность, он усмехнулся:

— О да! Вы знаете о Храме, не так ли? Или вы вспомнили, что сделали? Вы лишили меня сознания с помощью этого нейрохлыста и оставили там! И если бы Рэглан не нашел меня и не рассказал о Дживесе, вы могли бы улизнуть. Но теперь не улизнете, я клянусь, нет!

Снелл взглянул не меня. Я покачал головой. И после нескольких секунд размышления он решил принять на веру мои слова: центаврианин неожиданно вломился в комнату и угрожал Иете своим хлыстом. Доктор жестом приказал увести Хоуска прочь.

— Не так быстро! — Хоуск резким движением вывернулся и оказался лицом к лицу со мной.— Грязный марсианский подонок, рассказать тебе о вашем драгоценном Храме? Мы знаем о нем больше, чем вы! Ведь

мы пользовались той комнатой, где ты пытал меня, многие годы, и никто, кроме нас, никогда не делал этого! Тупица! Сколько раз ты стоял, глазея на пятнадцать знаменитых экспонатов, и ни разу не поинтересовался, почему их оставили пылиться в выставочных витринах, вместо того чтобы тщательно изучить и соотнести с соответствующими реально существующими вещами?

Земляне в комнате обменялись беспокойными взглядами. Тема, затронутая центаврианином, интересовала всякого марсианина.

— Фальшивки! — ликующе кричал Хоуск.— Все они фальшивки, заставляющие людей верить в существование исконных марсиан! Мы давно знаем правду. Кто, кроме глупых марсиан, может попасться на удочку элементарной мистификации? А мы хотели знать, были ли на Марсе коренные жители или звездные пришельцы? Поэтому мы исследовали все предметы Храма и обнаружили, что камни были обработаны инструментами, выполненными в метрической системе. Люди создавали ваш зловонный Храм!

Хоуск был почти невменяем, в бешенстве он старался взять верх над марсианами, которые сорвали его последнюю отчаянную попытку спасти свою репутацию перед старшим начальством; теперь оно уже узнает, как он неумело выполнил это ответственное поручение.

Можно было не сомневаться, что человек по имени Рэглан, обнаруживший Хоуска лежащим без сознания и сообщивший ему о Дживесе, был центаврианским агентом, использующим комнату под Храмом как почтовый ящик, именно так, как я и предполагал. Вероятно, центавриане, подобно Тодеру, считали Дживеса медведианским агентом, а потому внимательно следили за ним.

Пожалуй, Хоуск еще никому не рассказал о нашем свидании. Он решил выкрасть образец ткани и отправить его шефу, Гранджеру, как страховку от последствий нашей с ним встречи. Однако сюжет мог развиваться в различных направлениях, но у меня не было возможности оценить все варианты. Я сказал:

— Я думаю, все центавриане знают о Плэйто.

— Что? — Хоуск всмотрелся в меня и понял, что его слова не произвели ожидаемого эффекта.

— Никогда не слышал о «благородной лжи»? — спросил я.

В душе я был потрясен. То, что он сказал о Храме, могло быть правдой, скорее всего, это и было правдой, и самые заветные из моих детских иллюзий рассеялись, словно сон. Но я не позволю центавриянину догадаться об этом!

— Вы дети, родившиеся во времена межзвездных полетов, маленькие люди,— сказал я.— А много поколений моих марсианских предков, шли к звездам тяжелой дорогой, на кораблях, подобных ковчегу, умирали за миллиарды миль от дома с надеждой, что дети их детей достигнут цели! Идея не была абсурдной, не более абсурдной, чем большое таинственное, необъяснимое здание и странные, непонятные вещи внутри него?

Я взглянул на Иету, ее глаза сияли.

Фантастика. Когда я говорил, у меня было такое чувство, что моя патетичная речь была большей правдой, нежели обычные факты из реального мира.

— Вы обманываете самих себя,— сказал я жестко.— Вы не могли придумать более подходящего места для пыток марсианина, чем сам символ его высокочтимых традиций?

Ладно, он свое получил. Ему, должно быть, казалось, что мои силы питал Храма, когда я сопротивлялся в течение всего допроса, поскольку он уступил сразу же, когда роли поменялись. Хоуск презирал меня как марсианина, но он оказался слабее меня как человек. Эта мысль полностью лишила его самообладания, и он даже плакал, когда его уводили из кабинета.

Воспользовавшись моментом, я тихо спросил Иету, насколько можно доверять всем свидетелям этой сцены. Она ответила мне, что если я смогу убедить Снелла, то он заставит персонал молчать, по крайней мере некоторое время. Я воспользовался растяжением времени, рассмотрел все возможности и решил придерживаться полуправды. Было сказано достаточно много, чтобы он мог угадать гораздо больше и сделать определенный вывод. Я сообщил ему, что недавно вернулся из путешествия в центаврианский сектор и знаю о намерениях Хоуска и его компаньонов. Они ведут антимедведианскую пропаганду среди землян, живущих на Марсе. Я ничего не знаю об искомом образце ткани, но, вероятно, это опять какой-нибудь заговор против медведиан. Во всяком случае, враждебная деятельность центавриан и медведиан может привести к их серьезной ссоре на Марсе.

Последняя мысль произвела на доктора впечатление, и я без труда убедил его сохранить все происшедшее в тайне. Он спросил, что я хочу делать с Хоуском. Я едва ли мог сказать ему об этом. Казалось надежным отправить его под опеку полиции. Центаврианское посольство может затребовать его, если только захочет. Когда руководство узнает о том, что он сделал, особенно о том, что он утаил сообщение Рэглана, вместо того чтобы передать его дальше, он будет

отправлен домой так быстро, что может сгореть от трения.

Закончив со Снеллом, я вернулся к Иете. Некоторое время мы молчали.

— Вы... вы знали о Старом Храме? — спросила она наконец.

Я покачал головой.

— Тогда...

— Я выдумал это,— сказал я жестко,— но будь я проклят, если позволю ему удрать с этим!

— Вы выдумали это?! В таком случае я восхищаюсь вами. Вы сказали именно то, что каждый марсианин должен услышать, особенно я сама. Мне было неизвестно, что творится вокруг моего дяди в данный момент, и мне очень не хотелось быть замешанной в какую-нибудь тайную историю, что я почти отказалась принять ваш образец ткани. Я сказала, что марсианская честь не позволяет обманывать иноземца. Но теперь... Что сделал этот человек, Дживес?

— Похитил ребенка вашей родственницы,— ответил я и в какой-то момент внезапно понял, что Тодер ошибался.

Тодер! Я не думал, что это было возможным! Но старческий возраст, мирный образ жизни, незаметное существование учителя, постоянное желание скрыть свои родственные связи — все это вместе и обусловило боязнь вовлечения общественных учреждений.

— Что?

— Похитил ребенка одной из ваших родственниц,— повторил я.

Меня вдруг осенила блестящая мысль. Зачем Тодер бесполезно тратил время, детально разрабатывая способ обмана?

— Что вы знаете о девушке по имени Силена?

Лицо Иеты будто окаменело. Ее реакция на этот вопрос подтвердила мою правоту. Я, казалось, был способен выйти за пределы своего окружения и дать такую ясную оценку состояния марсианского общества, как и медведианского или центаврианского.

Наши нормы честного поведения требовали точного выполнения обязательства перед Питером и Лилит за спасение моей жизни. Мы не запирали двери от собратьев-марсиан, мы не замыкались в своей культуре больше, чем другие. У себя дома, на Марсе, я отказывался от веселых кутежей, которым неоднократно предавался в любом другом месте, и, заводя романы с медведианскими девушками, я не собирался жениться, сохраняя верность юношескому обету жениться на Марсе.

Какой образец классического достоинства! Короче говоря, нашу марсианскую культуру заложили пуританские пионеры, с теми же самыми достоинствами и недостатками, что были присущи пуританам Новой Англии в семнадцатом веке.

— Силена? Как вы узнали о ней? Мы не очень гордимся этой ветвью нашей семьи!

— Вы должны были бы проклясть ее,— сказал я.

Я только сейчас понял, что не в состоянии пожертвовать своими марсианскими иллюзиями, делающими меня гордым, хотя придется тогда принести в жертву чертовски много, даже Тодера.

Я чуть не спросил, где аппарат связи, чтобы связаться с Тодером и объяснить допущенную им ошибку, иначе мы лишимся последнего шанса сделать больше, чем просто спасти положение,— направить развитие ситуации против и центавриан, и медведиан. То, что сказал Хоуск, всплыло в моей памяти. Этот неизвестный Рэглан сказал ему о Дживесе и об

образце ткани, переданном в этот генетический центр, находящийся на противоположной от Зонда стороне планеты. Как же он мог получить такого рода информацию? По-видимому, центавриане могли перехватывать сообщения системы связи. Безопаснее в таком случае вернуться назад в Зонд.

— Возьмите тот образец, который я привез,— сказал я Иете.— Не спорьте, Дживес не будет требовать анализов, к этому времени мы прервем общение с ним. Соберите необходимые вещи и идите со мной.

— Но вы должны объяснить.— Она выглядела слегка испуганной.

— Пусть объяснит ваш дядя,— огрызнулся я.— Пойдемте быстрее!

19

— Тодер! Тодер! — кричал я во все горло в доме учителя; рядом стояла недоумевающая Иета.

Из комнаты слева послышался какой-то шум, я развернулся и, протянув руку, открыл дверь.

Там был не Тодер, а Лугас.

— Мэлин! — рявкнул он и собрался продолжать, но взглянул мимо меня и узнал Иету.

Вид его был явно более утомленным и обеспокоенным, чем он старался показать. Внезапно он пришел в ярость:

— Космос! Что вы здесь делаете! Вы доставили этот генотип для Дживеса? Все пойдет к черту, если он не получит его, как обещано.

— Он не получит его,— сказала она.

— Что? — лицо Лугаса позеленело.— Но...

— Центаврианин, который, кажется, шпион, внезапно появился и потребовал, чтобы я отдала ему образец ткани,— вздохнула Иета.— Теперь говорите вы, Рэй.

Лугас повернулся ко мне.

— Хоуск? — нерешительно выдохнул он.

— Да, Хоуск. Он не получил образца. Я помешал. Но это не меняет дела.

— Ты сошел с ума? — Лугас взбесился.— Ты спрятал Хоуска?

— Мы передали его полиции Пегаса, и я предполагаю, через некоторое время он будет доставлен в центаврианское посольство.

— О нет! — Лугас схватился руками за голову.— Какая «блестящая» идея! Это как раз то, что нам нужно. Я предполагаю, весь Пегас уже болтает об этом деле!

— Было невозможно сохранить тайну, когда человек десять прибежали на шум и увидели валявшегося на полу Хоуска и стоявшую над ним Иету с нейрохлыстом.

Лугас почувствовал необходимость поддержки и тяжело оперся на ближайшую стену.

— Так вот как,— сказал он вяло.— Это не пойдет нам на пользу... и разве не было никакого другого выхода?

— Наоборот,— ответил я.— Это лучшее, что могло случиться, поскольку эта ситуация проливает свет на все запутанное дело.

— Вы, должно быть, лишились памяти,— рассердился Лугас.— Когда Дживес не получит анализа образца ткани и проведет свое расследование, он узнает о назойливом центаврианине и поймет...

— Подождите! Лугас, время для секретов уже прошло. Это Марс, вспомните! Не Леованг, или Дарис, или что-нибудь еще, а Марс!

Я напрасно ждал от него понимания, он слишком много лет провел в секторе Центавра, выдавая себя за центаврианина, и это притупило его память. Во всяком случае, я не Лугаса хотел посвятить в свое открытие, а Тодера.

— Где Тодер? — спросил я.

— А как вы думаете, где он? — устало проговорил Лугас.

— В колледже Серендипити?

— Конечно. Он работает так же, как и всегда, ему лучше быть на месте. Мы предполагаем, что ребенок находится у Дживеса, а Дживес является мнимым студентом колледжа.

— Иета! Попробуйте поймать такси-вездеход. Мы должны проехать около пяти миль за город и быстро!

— Мэлин, вы сделаете в десять раз хуже, если разрушите все. От одного необдуманного действия все...

— Ради бога! — вскрикнул я и вынул из кармана ложный образец ткани, который оказался ненужным, и махнул им перед Лугасом.— Этот необычный ребенок, несомненно, центаврианин и, несомненно, потенциальный гений, но, сверх всего этого, он частично марсианин, и если вы не понимаете, как это важно, то, будь я проклят, Тодер поймет!

— Такси ждет,— доложила вошедшая Иета.

Маршрут к колледжу Серендипити вдоль изгибов канала проходил мимо апартаментов Большого Канала, и его длина в пять раз превышала расстояние по прямой. Я напряженно застыл на переднем сиденьи, пытаясь что-нибудь разглядеть через завесу пыли, поднимаемой машиной.

— Черт,— заворчал я,— пешком можно пройти этот откос гораздо быстрее!

Иета ответила не сразу. Когда все-таки мы обогнули этот склон, она сказала:

— Рэй, вы уверены в своей правоте? Лугас казался ужасно...

— Лугас пойман в ловушку психологического лабиринта — мне это тоже пришлось испытать,— ответил я.— Он слишком много времени притворялся центавранином.

— Все-таки...

— Иета, пожалуйста!.. Нет, я не уверен, что правильно поступаю, но только на девяносто процентов я убежден в самой идее. А пока мы доедем до цели, думаю, что смогу присоединить к ним и остальные десять процентов, если вы позволите мне сосредоточиться.

— Прошу прощения,— она сжала губы и откинулась назад.

Правильно. Сейчас у меня было свое понимание истории, и я хотел повидать Тодера, чтобы...

Такси наконец достигло главной поверхности равнины и приближалось к апартаментам Большого Канала. В это время у входа появилась маленькая фигура в маске, закутанная в теплую одежду, несомненно, это была Лилит Чой. Я спрятался за оконной шторкой такси и не спускал с нее глаз. Я с замиранием сердца увидел, как она огляделась по сторонам и направилась к новым зданиям Большого Канала.

Там находился только один возможный пункт назначения — колледж. Дорога больше никуда не вела. Неужели это был явный след? Знала ли она о связях между мной и Дживесом? Сейчас еще не наступило время для получения анализа образца генотипа, но тогда...

Черт с ним. Я напряг зрение, пытаясь разглядеть, не преследуют ли нас какие-нибудь машины, но ничего не заметил, и, во всяком случае, это не имело бы никакого значения — колледж был общедоступен, его

кроме медведиан посещало множество самых невероятных людей.

Я никогда прежде не был здесь. Это учреждение уже не казалось мне таким странным. С тех пор как я узнал, что Тодер читает в нем лекции, мое отношение к нему изменилось, и оно стало казаться мне вполне респектабельным.

На самом деле оно оказалось смешным и нелепым.

Подобно многим марсианским сооружениям, здание колледжа представляло собой ряд герметичных куполов, соединенных герметичными переходами, но внешняя отделка содержала медведианские символы. Здесь были статуи в натуральную величину, неизбежные «Понимание», «Надежда», «Уверенность», классические медведианские эмблемы на позолоченных главных шлюзовых воротах, символы судьбы, удачи, счастья различных планет. Один купол был расписан, как игральная доска, другой — карточными символами. Еще над одним куполом возвышался громоотвод, такой же бесполезный, как и нитка, иногда завязываемая землянами вокруг запястья ребенка, чтобы защитить его от ревматизма,— ведь на Марсе никогда не было гроз!

В любое другое время, глядя на это величественное, но бессмысленное нагромождение нелепостей, я рассмеялся бы. Сейчас же я торопился. Такси остановилось у главного входа в колледж. Я взял Иету за руку и почти потащил ее в здание.

Колледж был наполнен шумом, характерным для любого учебного заведения, составленным из отдаленных голосов, отдающихся резонансом в длинных коридорах, в поле зрения не было никого. Глотая густой воздух — давление здесь поддерживалось около четырех единиц, поскольку большинство студентов были марсианами,— мы поспешили вдоль по коридору, пока не

попали в небольшой зал, из которого расходились шесть коридоров.

— Черт возьми! Куда идти? — рявкнул я.

— Вот доска объявлений! — указала Иета.

Я подскочил к ней. Бегло просмотрел расписание для студентов и обнаружил такие эксцентричные дисциплины, как «Гармония II», «Регулирование планетных ритмов», и лекцию «Влияние температуры и влажности на количество разветвлений Удачи». Расписание было пересыпано терминами, более подходящими для карточных игр.

О! «Общественное регулирование, курс из шести лекций профессора Тодера». Проведя пальцем в низ таблицы к датам и часам, я нашел сегодняшнее число и узнал, что лекция читалась в центральном демонстрационном зале.

Я огляделся, разыскивая указатели или план Колледжа. Ничего не обнаружив, я обратился к Иете:

— Будем надеяться, что удача сопутствует нам! Пошли сначала по большому коридору.

Девушка кивнула и подошла ко мне. Внезапно открылась дверь, ведущая в зал, и оттуда показалась женщина, похожая на смешную детскую куклу. Ростом она доходила до локтя Иеты, но над головой поднималась огромная причудливая прическа из нескольких слоев взбитых волос различных цветов: белого, желтого, рыжего, коричневого и черного. Косметика покрывала ее лицо безвозрастной маской, которая одинаково могла принадлежать девочке, стремящейся выглядеть взрослой, и пожилой женщине, убеждающей себя, что она все еще молода. Фиолетовые радужные глаза, словно темные отверстия маски, уставились на нас.

— Согласно Хаскеру,— сказала она скрипучим голосом, который действовал на нервы примерно как несмазанная дверь,— вы должны отодвинуть себя назад

по крайней мере на тысячу витков спирали Величайшей Игры.

— Что? — я был потрясен, но все-таки решил, что ее помощь лучше, чем ничего, и отважился спросить: — Слушайте, где находится демонстрационный зал, в котором выступает профессор Тодер?

— О, после ваших слов, я не могу позволить вам пойти туда,— ответила она, сумрачно качая головой, так, что я даже испугался за целостность ее прически.— Вы говорили, что удача сопутствует вам? Никто не должен даже думать так. Пожалуйста, уйдите отсюда, пока ваша аура не нарушила гармонию в колледже.

Она надвигалась на меня, размахивая обеими руками, как будто прогоняла прочь какое-то маленькое животное.

— Где демонстрационный зал? — повторил я.

— Прочь! Прочь! Кто позволил вам войти сюда? Мы тщательно охраняем своих учеников, поэтому у нас существует всеобщая гармония, не имеющая аналога в Галактике. Войти сюда с вашим образом мыслей — все равно что... бросить лопату песка в воду!

— Получили ли вы что-нибудь от лекций Тодера?

— Что? Господи, нет. Он учит только студентов, а не персонал.

— Верно. Тодер быстро бы остановил ваш словесный поток. Но поскольку его нет здесь, мне придется поступить иначе,— я помахал своим кулаком перед ее носом.— Скажете мне, где найти его, или от вашей прически ничего не останется.

— Помогите — взвизгнула она тонким голосом и моляще взглянула на Иету.

Иета сложила руки на красивой груди и с презрением глядела вниз с высоты своего марсианского роста. Она сказала:

— Что изменится, если мы найдем его старым хорошим способом проб и ошибок, а?

Умная девушка, подумал я. Женщина с замысловатой прической издала вздох смирения, и я подумал, что она готова уступить, но в этот момент мягко прозвучал гонг, и шум резко усилился: окончились занятия.

— Профессор Тодер сейчас пройдет по этому коридору,— выпалила она.— И когда он будет здесь, я поделюсь с ним кое-какими мыслями.

— Право, вы бы сберегли их для себя,— сказала Иета с великолепной оскорбляющей любезностью.

Поднявшись на носки и глядя поверх голов студентов, снующих по коридорам во всех направлениях, я отыскивал глазами Тодера. Да, он был здесь, утомленный и удрученный.

В это мгновение он увидел меня. Я глубоко вздохнул. Ему это не понравилось, но я мог сберечь время, поставив его перед свершившимся фактом, это вернее, чем убеждать его согласиться с моим планом и отказаться от своего.

— Тодер! — закричал я, чтобы слышали все.— Ваш правнук здесь! Это установлено точно — он у него!

У него был оторопелый вид. Страх и тревога промелькнули по его лицу. Затем он атакующе пошел на меня, велев студентам освободить путь, схватил мои руки и неистовым шепотом спросил то же, что и Лугас: не сошел ли я с ума?

— Нет,— сказал я.— Куда мы можем пойти поговорить спокойно?

20

Пока я заделывал трещины в первоначальных предположениях Тодера, толпа студентов, слышавших, что я кричал в зале, почти рассосалась. Они передадут мои слова студентам Тодера, которые будут чрезвычайно удивлены, узнав, что он имеет родственников. А для того, кто не знал его, это будет необычным случаем, слегка нарушившим размеренную жизнь колледжа: какой-то помешанный марсианин пришел в колледж и кричал в коридоре что-то о правнуке профессора Тодера...

Тодер, старый опытный человек, быстро взял себя в руки и слушал. Мое объяснение, однако, продолжалось недолго. Он так быстро понял суть дела, что я был застигнут врасплох и сбился.

— Позволь мне доказать, что я все хорошо понял,— остановил он меня.— Ты говоришь, что необходимость соблюдать секретность и детально разрабатывать прикрытия отпала в тот момент, когда мы удачно привезли ребенка на Марс. Мы, согласно твоим словам, должны взять лучшее и от медведиан, и от центавриан, громко рекламируя то, что мы делаем.

Пущенная в обращение версия содержит три поверхностно-убедительных довода. Первое: то, что ты, мой бывший ученик, космический инженер, вернулся, чтобы попытаться предупредить удачный ход медведиан. Второе: то, что такой удачный ход существовал — корабль Лугаса, скорее, выполнял поручение медведиан, нежели шпионской сети Старой Системы (об этом свидетельствуют факты, которые обнаружили центавриане при осмотре корабля), сообщение Лугаса центаврианским властям о двух медведианских агентах было прикрытием, убеждающим в лояльности. И третье: то, что

я отрекся от своей внучки Силены.— Его глаза были наполнены большой печалью, но это не отразилось на его голосе.— Ты рассчитываешь на общественное признание этой истории с тремя социологическими допущениями. Как человек, симпатизирующий медведианам, ты думаешь, они обрадуются возможности выйти из этого сложного положения. Было бы ударом по промедведианским чувствам, если бы все узнали, что медведиане планировали похищение ребенка. С другой стороны, следует уверить центавриан в том, что их шпионаж был блестящим, раз они получили полную информацию о ребенке. Ты надеешься, если об истории узнают все, центавриане будут игнорировать ребенка. Потому что для них будет ударом известие о связи предполагаемого Тирана с э... широко известной куртизанкой. В ослепительном блеске такой гласности и, кроме того, в свете скандала, который вызовет поведение Хоуска, они будут вынуждены смириться со сложившейся ситуацией и оставить попытки выследить ребенка. Тиран Базиль не пожелает демонстрировать чрезмерный интерес к незаконнорожденному внуку из-за опасения, что это может быть интерпретировано как признание его в качестве своего преемника. Кроме того, согласно центаврианским обычаям они будут считать совершенно логичным, что я, как взбешенный прадедушка, принял меры к сохранению своего потомка и потребовал вернуть ребенка, чтобы его жизнь была бы морально более порядочной.

До сих пор он анализировал только отвлеченные абстрактные проблемы.

— Последним обстоятельством, на котором основаны твои предположения, является неожиданная реакция Иеты на упоминание имени Силены,— его глаза быстро скользнули на Иету; она сидела неподвижно, как камень.— Ты абсолютно прав, Рэй. Наше общество на

Марсе пуританское. Никто не думает об этом термине как о достойном похвалы. Хотя в некотором смысле это так. Наши предки хотели развить здесь суровую, независимую культуру как противоположность земной распущенности. Только люди с пуританским образом мыслей заселяли эту планету. Мы были застигнуты врасплох происшедшим, потому что наше планируемое предназначение устарело при межзвездных перелетах. Но это не перечеркивает то, что лежит в основе строгости. Позволив выдать себя за рассерженного прадедушку, я восстановлю каждого гордого марсианина против медведиан, центавриан и землян одновременно. Они должны знать, что ребенок с марсианской наследственностью был затребован на планету его предков!

Сейчас наконец его тон изменился, голос в волнении повысился; он хлопнул меня по плечу:

— Рэй, я имел воспитанников лучше тебя, более внимательных, более любознательных, но клянусь: я никогда не думал, что кто-нибудь из них будет поучать меня! А ты показал мне, как я запутался в этих марсианских обычаях.

Иета наклонилась вперед:

— Ну и что вы собираетесь делать?

— Открыто искать ребенка! — воскликнул Тодер и направился к двери.— Мы предполагаем, что он находится в этом колледже, скорее всего в помещениях Дживеса, где крик ребенка никого не удивляет. Огромное количество медведианских пар, как правило уже окончивших колледж, приезжают сюда с детьми для прохождения нового курса; они считают, что удача может впитываться с воздухом в младенческом возрасте!

— Эта идея поддерживается намеренно? — спросил я, вспомнив странную женщину с разноцветными волосами.

— Конечно, в этом заключается принципиальное различие между медведианами и центаврианами; одни имеют жесткое общественное планирование, другие считают случайность важным фактором в жизни.

Когда мы торопливо шли по длинному пешеходному туннелю, соединявшему главное здание колледжа с общежитием медведианских студентов, я позволил себе расслабиться, почти ни о чем не думал. Я глядел на расписные стены — все те же символы удачи и неудачи, элементы азартных игр. Некоторые из рисунков были весьма любопытными, например натюрморт из разбитого зеркала, вазы с цветами, которые на Земле традиционно рассматривались как зловещие, пучки павлиньих перьев, рассыпанная соль, скрещенные ножи, лежащие на столе, и даже раскрытый зонтик. Хотел бы я знать, был ли зонтик когда-нибудь доставлен на Марс? Я никогда не видел ни одного из них, пока впервые не высадился на Харигол в ливень.

Мы не пытались ни скрываться, ни, наоборот, привлекать внимание, и очень многие люди видели нас, главным образом медведианские студенты, расходившиеся по своим комнатам. Я практически не замечал их.

Я шел более быстрым шагом, чем пожилой Тодер, и, достигнув стыка двух пешеходных путей, остановился, осматриваясь, куда идти дальше. Я увидел Питера. Я видел его только секунду, так как он скрылся из виду, но это встреча встряхнула меня, как неожиданный подарок.

Я открыл рот от изумления. Подошедшая Иета спросила меня, что случилось.

Я сказал:

— Я только что видел Питера Найзема! Что он делает здесь? О космос! Конечно, Лилит Чой узнала меня в такси по пути сюда!

Тодер побледнел.

— Но ведь помещения Дживеса не здесь! — воскликнул он и махнул рукой в сторону, противоположную той, где я видел Питера; я побежал.

Через минуту, когда мы толкнули дверь в комнату Дживеса, стало ясно, что Питер успел предупредить Дживеса. В комнате никого не было, но дверь в туалет была распахнута настежь, и из него пахло мокрыми пеленками.

— В эти дни,— очень мягко сказала Иета,— я не хочу скрывать, что думаю: люди обращаются с ребенком, словно со свертком тряпья, передают его из рук в руки. И это включая и вас, дядя.

— Каким путем они могли уйти?— спросил я.— Есть еще какие-нибудь двери?

— Нет, но можно пройти через другой купол и вернуться назад к выходу!

— Попытаемся перехватить их! — сказала Иета.

Я кивнул и выбежал из комнаты.

Люди, с которыми я сталкивался, были настолько заинтересованы, что все они потянулись за мной, снедаемые жгучим любопытством. Я ворвался в тот же коридор, где мы встретили женщину с разноцветными волосами, она все еще была там и разглагольствовала перед группой студентов средних лет о моем ужасном вторжении. Увидев меня, она вскрикнула.

— Куда ушел Дживес? — спросил я ее.

Она не ответила, но застонала и покачнулась с закрытыми глазами, несомненно вообразив, что ее личное здание удачи разваливается, как от землетрясения.

Я бросился к окну, выходящему к главному входу, вглядываясь, нет ли там кого-нибудь, похожего на Дживеса или Питера.

Они были там! Недалеко от шлюза стоял личный автомобиль, очень редкое для Марса явление, который не имел переходника для стыковки со шлюзом здания, как у обычных такси. По направлению к нему бежали два человека. Один был похож на Питера, другой нес продолговатый сверток, герметичный детский контейнер, и был, вероятно, Дживесом.

Я перешел в растянутое время быстрее, чем когда-либо, и так глубоко, что моя маска показалась мне свинцовой, когда я натягивал ее на свое лицо. Даже мое тело стало медленным, словно в воде на земных мирах. Марсианин до мозга костей, я никогда не стремился плавать и только несколько раз погружался на Хориголе в воду, но неглубоко, доставая ногами дна. Тем не менее я справился с дверью и вышел наружу, голова звенела от недостатка кислорода, я с трудом приладил кислородный цилиндр маски.

Я не мог видеть сквозь стекло автомобиля, но был уверен, что за пультом управления сидела Лилит, ожидавшая своих компаньонов, чтобы немедленно тронуться с места.

Даже в растянутом времени я не успею опередить их. Но, на мою удачу, вмешался еще один фактор. Машина предназначалась для работы на Марсе, то есть для перевозки грузов, и не имела воздушного люка или шлюза, подобных установленным в зданиях. Поэтому шлюз представлял собой отсек на одного человека со скользящими дверьми, заполняемый воздухом. Я жаловался, что обычные транспортные средства на Марсе, казалось, были рассчитаны на крошечных землян; на этот раз я был рад этому обстоятельству.

Объем детской герметичной капсулы подразумевал, что шлюз должен быть приведен в действие три раза: первым пойдет Найзем, затем через шлюз передают ребенка и только потом будет свободен путь для Дживеса.

Я догнал их как раз тогда, когда шлюз был открыт для ребенка. Несмотря на низкую скорость распространения звука в естественном воздухе Марса, Дживес услышал меня и повернулся. Целую секунду он стоял, оцепенев от ужаса, затем побежал с ребенком.

Я по-прежнему оставался в растянутом времени, но я не имел того количества кислорода, которое необходимо для поддержания такой фантастической активности. Ко мне не могло прийти «второе дыхание», как к бегуну на длинную дистанцию, и тем не менее сердце мое ликующе забилось. Дживес со своей тренированной высокой гравитацией мускулатурой мог быстро убежать от меня, но я был лучше него приспособлен к местным условиям. Он барахтался в песке, а я шагал уверенно, имея то же самое преимущество, что и верблюд перед лошадью в земной пустыне.

Это стало ясно и ему. Он остановился, оглянулся назад и увидел меня бегущим быстрее и легче, чем он.

Через маску я увидел его глаза, округлившиеся от страха. Внезапно Дживес поставил капсулу на песок и нагнулся над ней, и я подумал, что медведианин решил сдаться.

Неожиданно он снова бросился бежать в сторону, и я уже собирался изменить направление, чтобы срезать угол, но что-то сработало в моем мозгу, и я пошел к капсуле с ребенком.

Было ли это возможно? Это могли сделать центавриане с их хладнокровием и расчетливостью, но не медведиане, да, но...

Он сделал это. Я все понял, хотя был еще шагах в двадцати от капсулы. Он отключил воздушный баллон, закрепленный на стенке капсулы, и воздух из нее выходил в атмосферу, а ребенок тем временем кричал, задыхаясь от недостатка воздуха.

Я с воплем упал на колени, лихорадочно пытаясь восстановить соединение, но было уже слишком поздно. Клапан в баллоне был открыт полностью, и золотник капсулы тоже. Нескольких секунд было достаточно, чтобы давление внутри капсулы сравнялось с давлением атмосферы Марса.

Я пристально посмотрел через прозрачное покрытие капсулы на искаженное лицо ребенка. Я видел, как он задыхался, неистово хватая ртом воздух. В капсуле еще было достаточно воздуха для поддержания этих маленьких легких, но его становилось все меньше и меньше.

Можно было сделать только одно, и я сделал это почти без раздумий. После нескольких глубоких вздохов я закрыл клапан своего баллона, отсоединил его и присоединил к шлангу, свисавшему с детской капсулы. Воздушная установка была стандартной, соединение встало на место. Прежде чем я смог открыть клапан, я почувствовал головокружение. Я увидел, что дыхание ребенка стало успокаиваться, затем перед глазами все расплылось. Я огляделся: Дживес бежал назад к нелепым, кричащим куполам колледжа, из которого еще никто не выходил после меня. Автомобиль с Питером и Лилит направлялся к Дживесу, чтобы подобрать его...

Затем я вернулся в обычное время, и весь мир растворился в расплывчатом красном пятне...

21

Я не был уверен, что смогу вернуться из зоны искривленного времени. Позднее я часто жалел, что не остался в вечности под покрывалом тишины.

Я вернулся к тошноте, боли, хаосу мыслей и видений, в которых время от времени проскальзывали события и образы, не узнаваемые мной. Иногда я думал, что я снова ребенок, пойманный в ловушку, борющийся за каждый глоток воздуха, должно быть, я воспоминал о тех временах, когда меня приучали к обычному марсианскому воздуху после пребывания в родильной клинике. В то же время я был уверен, что мне не удалось спасти жизнь ребенка; что мои неуклюжие пальцы не справились с подключением воздушного баллона или что я потерял сознание прежде, чем смог открыть клапан. Если это так, то я не хотел возвращаться к своему бесчестью.

Внезапно все кончилось. Я был слаб, но цел и лежал в тускло освещённой комнате, окруженный букетами песчаных цветов в закрытых вазах, около каждой из них лежала маленькая белая карточка. Первой вещью, которую я увидел, очнувшись от лихорадочного сна, была одна из них. На ней была надпись: «Рэю с искренним восхищением! Иета».

Я повернул голову и увидел земную девушку, пухлую, в одежде медсестры, она улыбнулась и спросила, как я себя чувствую. Потом она осмотрела приборы, подключенные к моим запястьям и вискам тонкими проводами, и сказала, что теперь я очень скоро поправлюсь.

Позднее девушка сообщила мне, что ребенок жив, но не сказала ничего из того, что я хотел узнать. Я лежал беспомощный, пока снова не заснул.

Первым посетителем, которого пустили ко мне, первым лицом, от которого я мог получить информацию, был Лугас — он сильно изменился. Из его облика исчезли черты центаврианской жестокости, теперь он был одет небрежно и позволил своим волосам быть длиннее, чем положено центаврианским офицерам. Тем не менее Лугас чувствовал себя неловко, так как то, что поддерживало его в напряжении, исчезло.

Я донимал его вопросами, и он уклончиво отвечал.

— О да, все случилось так, как ты планировал. Дживес? Они выслали его, как покушавшегося на убийство, и промедведианские настроения стали заметно ослабевать по всей Старой Системе, а не только на Марсе. Найзем и его подруга? О, по-видимому, промедведианская организация, в которой они работали, стремительно обанкротилась. Вероятно, они получили отставку, и я не знаю, что стало с ними. Они не сделали ничего противозаконного, конечно, так что... Хоуск? Бог с ним! Они сказали мне, что Иета не сможет прийти сюда, пока ты не поправишься. Я думаю, она очень хочет этого. Сейчас у нее жаркий спор с дядей о пути развития несчастного ребенка. И знаешь, мне кажется, что она права. Иеса высказала ему свое мнение о завоевании общественных симпатий посредством выставления его в роли рассерженного прадеда...

Но ты спрашивал о Хоуске. Она захотела вернуться в Пегас и выяснить о нем. Ее шеф, доктор Снелл, кажется, имеет трудный характер. По-видимому, марсианская часть персонала заставила доктора вернуть Хоуска его коллегам и позволить им уйти. Таким образом, сейчас назревает межзвездный дипломати-

ческий кризис. Но, я думаю, это скоро пройдет. Иета, кстати, взяла с собой ребенка, заявив, что будет лучше смотреть за ним, чем Тодер, и, конечно же, она была права. Один из законов родильных клиник говорит...

Старый Храм? Да, конечно, персонал клиники очень рассердился из-за того, что Хоуск насмехался над марсианами. Я никогда не мог вообразить, как много значит Храм для тебя и твоих сородичей. Очевидно, Храм — святыня для марсиан, поэтому они не могли оскорбить его приземленными исследованиями. Это своего рода прекрасная сказка, не так ли? Подобно, как, черт побери, его звали, Санта Клаусу и его северному оленю! Я почти проникся вашими чувствами, в эти дни...

Ты не понимаешь? Рэй, извини! Я думал, ты уже понял. Я обосновался в Старой Системе окончательно. Я не могу снова вернуться к своей работе, а это было моей жизнью. Медведиане не хотят допускать меня к себе, так как отлично знают, что я не был их агентом, даже если центавриане так думали. Я персона «нон грата» на любой человеческой планете, кроме Старой Системы, так же как и ты, между прочим.

Но тебе везет. По крайней мере, ты вернулся домой на свою планету. Ты представляешь, я не ступал на Землю тридцать два года! И все же я считаю, это не большая жертва, если мы сможем воспитать этого ребенка и его детей, пренебрегая такими ярлыками, как центавриане, медведиане, земляне или марсиане...

Извини, я не хотел тебя обидеть, но я искренне думаю, ты поймешь правильно!

Я понял, конечно. И все-таки, ясно представляя свое новое положение, в душе я не мог с ним согласиться. Да, были корабли земного сектора, такие же хорошие,

как и центаврианские, и медведианские,— я мог работать на земных линиях и все еще летать в космос. Но планетами, на которые мне разрешена посадка, были только Земля и Марс. В других мирах мне будет отказано в посадке. Какая польза от такой жизни? Итак, моя карьера закончена.

В таком случае, что дальше? Однообразное притупляющее существование, подобное жизни моего отца? Мои глаза блуждали по маленьким карточкам на букетах цветов: может, что-нибудь подскажет выход. Очень много людей знало, что я сделал, в той версии, которая была распространена, конечно. О некоторых из них я никогда не слышал, от других я никогда не ждал неприятностей. Гэс Квизон, например.

И мой отец. Я должен увидеться с ним. Я больше не думаю, что Тодер был моим единственным отцом. После всего случившегося он понял, что не всегда может правильно понять суть обстоятельств. Все человечество признает это.

Когда Тодер пришел навестить меня, я принял его не очень радушно. Он почувствовал мою обиду и в молчании сидел у кровати, словно удивленный оказанным ему приемом.

Я позволил ему удивляться сколько угодно. Наконец он решился заговорить первым:

— Рэй, ты недоволен мной? По словам Лугаса, ты еще не осознал, что из-за этих дел ни ты, ни он, ни любой другой из его экипажа не сможет...

— Нет, это не так. Или, вернее, это не главное,— я провел усталой рукой по своим глазам.— Я много думал здесь и согласился с Иетой в том, что люди обращаются с живым человеческим ребенком, как с игрушкой.

Он, поколебавшись, сказал:

— Но если бы ты подумал еще немного, Рэй!.. Ты обижаешься на то, что ты марсианин?

— Черт возьми, нет. И думаю, я имею достаточно оснований гордиться тем, что я есть!

— Тем не менее ты уже был марсианином задолго до того, как появился на свет. Формы марсианского общества были запланированы. То, чем ты гордишься,— честь, традиции, образ поведения — не были случайными, а явились результатом претворения в жизнь грандиозного плана развития.

— Может быть, формирование марсианина как личности — лучший результат вашего плана, а остальные? — я сделал гримасу.— Медведиане? Я думаю, они в целом хорошие люди, но Дживес — медведианин, и он оказался способным закрыть кран кислородного баллона ребенка, и знание того, что центавриане страстно желали его заполучить, не является оправданием. Земляне? Питер и Лилит — земляне, и они были готовы похитить ребенка и увезти его отсюда. Центавриане дурно пахнут давно. Да и... сами марсиане, которые готовы позволить своим внучкам...

— Рэй! — Тодер в гневе наклонился вперед.— Ты обвиняешь меня в моей марсианской приверженности к секретности, хотя я мог рассчитывать на общественные симпатии и натолкнуться на твое решение этой проблемы. Я признаю твое обвинение. И приведу в свою очередь обвинения против тебя. Не вел ли ты, случайно, беспечную, безнравственную жизнь на медведианских планетах? Не пользовался ли ты расположением множества девушек, называя их грубыми именами? Силена — взрослая женщина с телом ребенка, сознательно посвященная в план, результаты которого она никогда не увидит. Если бы я не верил в план и знал, каким образом все повернется, ты думаешь, я позволил бы ей участвовать в этом?

Иета сообщила мне, что когда Хоуск оскорблял марсиан, веривших в реальность реликвий из Старого Храма, ты в вспышке проницательности, сказал, что марсиане сознательно приняли эту благородную ложь, замечательный миф, который каждый человек на Марсе считает правдивым на символическом уровне. Ты сказал, что твои марсианские предки были готовы умереть за миллиарды миль от дома ради детей их детей. Сможешь ли ты высмеять того, кто делает то же самое, но другим путем? И как из-за этого нарушаются твои ограниченные двойственные марсианские нормы?

Я не мог ответить. Он помолчал, давая мне возможность заговорить, затем продолжил:

— Мы разговаривали о целях и идеалах, не так ли? О человеческой судьбе? Ты допускаешь, что каждое поколение выбирает собственные пути и готово к тому, что следующее поколение исправит их. Хорошо, то же самое можно сказать и об этике, которая отражает идею. Я не хочу этого делать. Я хотел бы быть достаточно примитивным, чтобы принять какое-нибудь догматическое откровение и молчать. Мы рисуем график прогресса в координатах количества звездных кораблей и числа психических больных и притворяемся, что мы не ограничены циклом, который повторяется и повторяется и тащит нас, беспомощных, вверх и вниз вечно. В самом худшем случае этой разновидности лабиринта мы можем иметь путь наружу и, конечно, тропинку, которую мы все еще не пересекли. Если нет более важной причины, чем эта,— хорошо. Изменение декораций спасает нас от скуки. Я считаю лучшим второй путь. И когда мы придем к точке, в которой мы не сможем обнаружить новых перекрестков, новых возможностей изучения, тогда что мы будем еще делать, если не создавать разновидности

разумных существ, которые будут способны двигаться дальше?

После длинной паузы я сказал:

— Да, может быть. О, я думаю, вы правы. Но между тем, я имею свою жизнь и не знаю, что делать с ней сейчас, когда моя карьера закончена и я не могу вернуться в космос. Какой из путей я должен выбрать, по-вашему?

Тодер поколебался и наконец сказал:

— Я упомянул об Иете, которая является одной из замечательных личностей в моей семье. И я расскажу тебе, что она ответила. Она сказала: «Возвратиться в космос? Ты думаешь, он захочет этого? Сейчас он знает все факты, не думаешь же ты, что он не захочет приложить руки к формированию личности ребенка, который, вероятно, станет человеком, способным изменить историю?» Я не буду жить вечно, Рэй. И как очень способный мой ученик, я предполагаю, ты сможешь передать мальчику многое из того, чему я тебя учил. Я не знаю никого, кто бы мог применить мои правила более успешно, чем ты, и это правда...

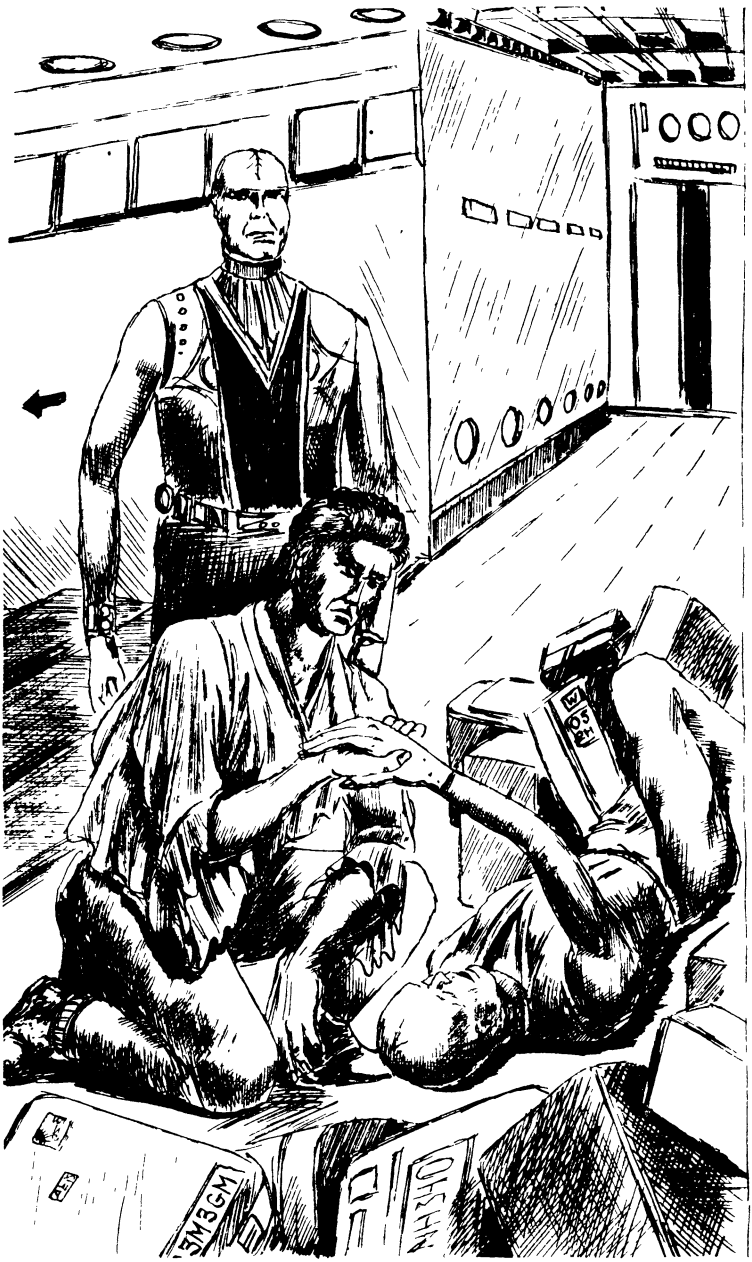
Он встал, улыбнувшись.

— Обдумай мои слова,— сказал он,— и когда сделаешь свой выбор, скажи об этом Иете. Она, кажется, хочет видеть свою идею подтвержденной.

Так я и сделал.

И она была рада этому.

РАБОТОРГОВЦЫ КОСМОСА



ГЛАВА 1

В последние месяцы Ларс Талибранд путешествовал долго и много. Его путь лежал от звезды к звезде, от планетной системы к планетной системе. Он пересекал Вселенную взад и вперед, стараясь избегать излишне долгих перелетов, чтобы сберечь один-два драгоценных дня. Но все же ему не удалось ускользнуть от смерти, которая настойчиво следовала за ним по пятам.

Он путешествовал с Вернье на Эрсуоряд и дальше на Криу'и Дитч, а с Криу'и Дитча на Ньюхольм, а оттуда к Марсу. Наконец он попал на Землю к началу карнавала, когда все люди веселились на празднике.

Здесь, на Земле, в одном из номеров отеля, из одного окна которого открывался вид на суматоху ярмарки, а из другого был виден морской берег, и настигла его судьба.

Когда это свершилось, и об этом стало известно определенным людям, туда, откуда прибыл Ларс Талибранд, отправили сообщение. На мирах, рассеянных по всей Галактике, нашлись мужчины и женщины, которые облегченно вздохнули, потому что Ларса Талибранда больше не было в живых.

Вопли, стук и выкрики музыкальных ансамблей, громко поющие группы людей, имитаторы голосов животных, толпа и хор дико возбужденных ночных фанатиков, запускающих в воздух бумажных змеев, громко смеющихся — весь мир, словно превратившийся в огромную сцену, на которой разыгрывалась чудовищная гротескная комедия, карнавальные процессии, тянувшиеся мимо отеля — ничего этого Ларс Талибранд больше не мог ни увидеть, ни услышать.

Такие же карнавальные процессии шли по улицам каждого города на Земле. По мере того как солнце двигалось по небосводу, к ним примыкали все новые и новые города.

Теперь внизу, на берегу появились служители, проводящие последнюю проверку, прежде чем включить фонари и пустить крошечные светящиеся бактерии, которые заставят засветиться все море. Роботы-слуги проверяли друг у друга контуры и проводку, чтобы быть абсолютно уверенными, что они не откажут в течение ближайшей недели. На ярмарке владельцы аттракционов воздвигали свои будки, киоски и навесы, устанавливали карусели, качели, лодочки и площадки, на которых можно было танцевать в невесомости. Тяжело груженые машины громыхали мимо отеля, подвозя последние грузы: сласти, бумажных змеев, флажки, головоломки, ящики с бутылками вина, маски, мечи для дуэлей и тысячи других вещей.

Осторожные люди сдали свои драгоценности в государственные хранилища. Владельцы автомобилей и геликоптеров, у которых не было собственных гаражей, поместили свои машины в государственные. Во время карнавала никому никуда не нужно было срочно выезжать, никто не занимался делами, не существовало ничего, что нужно было бы срочно улаживать. На обочинах улиц стояли киберуправляемые шары — так-

си, которые могли доставить пассажиров в нужное им место. Когда наступал день, нужно было только назвать роботу шара-такси адрес — свой или какого-нибудь другого человека, а до этого времени главный кибер сектора решал сам, куда нужно доставить пассажира.

Безоблачное небо над городом лучилось сияющей синевой, становившейся все насыщеннее и гуще. Во время карнавальной недели то тут, то там выпадал дождь, чтобы поддерживалось метеорологическое равновесие атмосферы, но все по возможности было устроено так, что дождь шел как можно дольше в открытом море, а к следующему вечеру ночные фанатики немного приходили в себя.

За карнавальной процессией следовали машины с продуктами. Тут были тысячи транспортных средств. Их и должно было быть тысячи, потому что во время карнавала никто не работал и все магазины были закрыты. Когда солнце наконец зашло, закрылись двери парфюмерных лавок и питейных заведений, которые до последней минуты старались обеспечить людей парикмахерами, костюмерами, косметикой и парфюмерией, а также спиртными напитками, и их персонал покинул свои рабочие места, чтобы смешаться с орущей толпой.

Дерри Хорн отошел от окна, выходящего на улицу. Последние карнавальные процессии достигли ярмарочной площади, и оттуда доносились вопли, стоны, крики, скрип шарманок и музыка парадного оркестра. Теперь настало самое время одеться и тоже направиться на площадь.

По приказу Хорна окно стало непрозрачным, а дверцы одежного шкафа, заполненного карнавальными костюмами, распахнулись. Он осторожно провел паль-

цами по шелку с кружевами, и почувствовал себя страшно растерянным.

Внезапно разозлившись, он выдернул один из костюмов, бросил его на спинку стула, скинул свою повседневную одежду и прошел в ванную, примыкавшую к его аппартаментам, чтобы освежиться.

Выйдя из-под душа, он вошел в сушилку, а затем повернулся к высокому зеркалу и в задумчивости остановился перед ним. «Итак, это ты,— сказал он себе,— Дерри Хорн, двадцать два года».

На него смотрел темноволосый молодой человек с бледной кожей, темно-синими глазами и капризно изогнутыми полными губами. Темные волосы оттеняли бледность его кожи, и поэтому она казалась почти голубой. Хорн заметил на подбородке несколько волосков, которые не брала даже самая лучшая из бритв.

Он подпер рукой левую щеку и задумался. Интересно... Если у мужчины не растет борода, он не чувствует себя мужчиной. И в тоже время он прилагает много усилий, чтобы избавиться от нее. Почему? Может, только потому, что каждый должен иметь что-то не подвластное ему? В этом дисциплинированном мире осталось очень мало того, что не покорилось воле человека.

Когда Хорн вернулся в комнату, костюм, который он выбрал, показался ему еще более смешным. Он еще раз заглянул во все еще открытый шкаф, но ничего более не нашел, опустился в одно из кресел и закурил. Видит бог, его настроение оставляло желать лучшего, и это в первую же ночь карнавальной недели!

Дерри подумал, что, пожалуй, стоит выпить, и быстро вызвал кельнера, который появился тотчас же. Кельнер приблизился к креслу и с вопросительным выражением лица застыл перед Хорном, совершенно не

обращая внимания на его наготу. Его стройный пластиковый корпус тоже не покрывало одежда.

— Мне нужно что-нибудь, что хоть чуть-чуть улучшит мое скверное настроение,— резко сказал Хорн.— Что ты мне предложишь?

Кельнер поколебался.

— Я не уполномочен прописывать лекарства от болезней, сэр,— ответил он тоном сожаления.— Может быть...

— Я не болен! — оборвал его Хорн.— Мне нужен какой-нибудь возбуждающий напиток, лучший из тех, что здесь есть.

— Я могу принести самое дорогое,— предложил кельнер, и в его голосе прозвучали нотки сомнения.— Это, может быть, и будет самое лучшее. Однако, честно говоря, я слышал от множества гостей, что напитки с умеренными ценами более вкусны.

— Было бы лучше, если руководство отеля в качестве кельнеров использовало бы андроидов вместо роботов! — рассерженно воскликнул Хорн.— По крайней мере, они знают, какой вкус имеет тот или иной напиток!

Кельнер ответил с тихим протестом:

— Если позволите, я напомню вам, что этого делать не стоит. Вы же знаете, андроидам запрещено употреблять алкогольные напитки.

— Но это же можно обойти,— пожал плечами Хорн с видом человека, который обошел уже множество предписаний. Он был состоятельным человеком, даже если принять во внимание, что в настоящее время все люди были состоятельными.— Но это не имеет никакого смысла, потому что после одной рюмки алкоголя все твои электрические цепи полетят ко всем чертям.

Внезапно он осознал всю анекдотичность сложившейся ситуации. Надо же — устроил тут диспут с роботом!

Он громко хохотнул. Кельнер немедленно приблизился, но Хорн отмахнулся от него.

— Вы еще не сказали, какой напиток предпочитаете,— напомнил кельнер.

— Это совершенно все равно,— сказал Хорн и встал.— Забудь это!

— Для меня физически невозможно что-нибудь забыть,— гордо ответил кельнер.— Мне кажется, потребуется довольно много времени, чтобы объяснить мне значение этого слова.

Вдруг робот, словно осознав, что последнее признание может сильно повредить ему, быстро вышел из комнаты.

Когда он ушел, Хорн наконец надел свой карнавальный костюм и еще раз внимательно оглядел комнату. Он снял ее на всю карнавальную неделю. По крайней мере, это вносило в его жизнь хоть какое-то разнообразие. Он должен быть этим доволен. Если еще что-нибудь не развлечет его, тогда он, может быть, навсегда потеряет способность развлекаться и вся его жизнь превратится в монотонный круговорот скуки, от которого он сейчас пытается сбежать.

ГЛАВА 2

Он направился было к личному лифту, связывавшему его номер с другими помещениями отеля, и уже нажал на кнопку, когда вдруг вспомнил, что карнавальная неделя уже началась. Лифт не поднялся к нему из шахты, а динамик на стене щелкнул, и голос приторным тоном напомнил ему:

— Мы все на карнавальной неделе, сэр! В интересах общественности служба личных лифтов отеля оставила

действующим главный лифт. Пожалуйста, выйдите из своего номера и идите налево по коридору. Там вы обнаружите ближайший общественный лифт. Мы надеемся, что вы найдете там приятное общество еще до того, как выйдете на улицу и попадете в радостную толпу!

Когда Дерри Хорну было шестнадцать или семнадцать лет, он и несколько его друзей любили устраивать розыгрыши и каждый вечер заботились о том, чтобы жители отеля нашли по-настоящему приятное общество. Они наряжались и гримировались таким образом, что становились похожи на трупы задушенных — с посиневшими лицами и белыми контактными линзами на глазах. Они ложились на пол пустого лифта и ожидали результатов. Кроме всего прочего несколько человек получили от этого инфаркт. Они тогда здорово повеселились.

Однако теперь это почему-то не казалось ему таким уж смешным, когда он вспоминал об этом. Он надеялся, что здесь никому и в голову не придет подобная мысль или что тот, кому она придет, не станет так шутить в самом начале карнавала.

Хорн быстро прошел по пустынному коридору к лифту, положил палец на кнопку вызова и осмотрелся. Здесь, у шахты лифта сходились под углом два коридора. В другом коридоре недалеко от лифта находилась куча багажа, ожидавшая, когда ее уберут. По другую сторону этой кучи внезапно возникло какое-то движение. Появилась рука, словно лежавший на полу человек хотел подняться, а в следующее мгновение послышался тихий стон.

Это могло быть убийство. Во всяком случае, на это было похоже.

— Помогите!

Итак, кто-то проделал такую же шутку, как и он со своими друзьями в студенческие годы пять лет назад. Шутка была старой и нисколько не заинтересовала Хорна. Он снова нажал на кнопку вызова лифта, надеясь, что кабина вскоре поднимется на этот этаж.

Рука опустилась. В воздух поднялась нога и дико забила, затем с громким стуком упала на пол. Снова раздался вскрик, и в нем был смертельный ужас. Предположение Хорна о том, что это розыгрыш, рухнуло. Кажется, это не было карнавальной шуткой. Это был крик боли. Не сознавая, что он делает, Хорн побежал к куче багажа.

Кожа на руке и ноге, высовывавшейся из-под кучи багажа, была голубой. Это был андроид, чувствующее существо, которое испытывает боль. Казавшиеся тяжелыми ящики и чемоданы закрывали его тело. Другие, ранее лежавшие на его руке и ноге, были отодвинуты в сторону.

— Служебный робот! — крикнул Хорн, закинув голову.

Его голос эхом отдался в длинном коридоре. Хорн нагнулся, чтобы убрать багаж, который придавил андроида.

Багаж оказался довольно легким, но Дерри не привык сам поднимать какие бы то ни было тяжести — для этого существовали роботы. Не успев убрать и полдюжины чемоданов, он сильно вспотел.

Взглянув на пол перед собой и увидев изуродованного андроида, Дерри ощутил приступ тошноты. Никогда в жизни он не был таким беспомощным. Ему очень захотелось выйти на улицу и окунуться в водоворот карнавала, но другое его «я» говорило ему, что он должен помочь изуродованному андроиду, уменьшить

его боль, если конечно, он может что-то сделать. Он нагнулся над ним, когда услышал позади себя голос:

— Скажи, друг, это ты позвал меня?

Хорн оглянулся. Мужчина невысокого роста, средних лет, в пестрой одежде скомороха высунулся из кабины лифта. Он, должно быть, пришел на зов.

— Да. Посмотри! Иди скорее сюда!

Низенький мужчина хихикнул.

— Что ты прячешь там, под багажом? Может, это какая-то ловушка, а? — Он пожал плечами.— Впрочем, ладно. Это же карнавал!

Он вышел из лифта, направился к Хорну и тут же понял, что ни о какой шутке не может быть и речи. Он испуганно вздохнул:

— Это ужасно! Но почему роботы еще не убрали его куда-нибудь?

— Он лежал под ящиками и чемоданами,— ответил Хорн.— Кажется, потерял сознание, а когда пришел в себя, оттолкнул чемоданы и позвал на помощь. Именно в это мгновение я проходил мимо.

Низенький человечек отступил на шаг назад.

— Пойдем отсюда, друг,— позвал он.— Здесь скоро уберут.

Динамик у лифта сообщил, что один из гостей на другом этаже ждет лифт, и что кабина пойдет на другой этаж, если какой-нибудь пассажир в течение тридцати секунд не войдет в нее.

— Решайте,— пробормотал низенький мужчина.

Он поспешил назад, к лифту, и успел впрыгнуть в кабину, прежде чем ее двери автоматически закрылись.

Хорн почувствовал, как слезы брызнули из его глаз, когда андроид, очевидно, действительно пришел в сознание, услышал голоса, поднял руку и попытался ухватиться за что-нибудь, ничего не видя вокруг.

Хорн опустился на колени и взял его голубую руку в свою. Андроид слабо пожал ее. Это прикосновение, казалось, немного успокоило его.

«Почему, черт побери, сюда не поспешил ни один из роботов?» — подумал Хорн со злостью, вскинул голову и позвал снова. Однако слова застряли у него в горле от страха, когда он, едва не упав, понял, что кто-то стоит рядом с ним.

— Это было любезно с вашей стороны, что вы так помогли ему,— произнес тихий голос,— но, боюсь, нам все же ничего не удастся сделать для него.

Хорн осторожно освободил руку от цепких пальцев умиравшего анроида и встал.

— Вы принадлежите к персоналу отеля? — спросил он.

Голубокожий мужчина с серьезным лицом кивнул. То, что он был одет в обычную одежду, а не в карнавальный костюм, без сомнения, было ответом на вопрос Хорна.

— Я секретарь управляющего,— сказал андроид.— В настоящее время я менеджер. Мой шеф десять минут назад ушел на ярмарочную площадь. Что здесь произошло?

Хорн рассказал ему все.

— Я верю вам.— Взгляд секретаря застыл на лице Хорна.— Я бы не поверил, если б сам не видел, как вы держали его руку, когда я подошел. Но это конечно, ничего не значит.

В его голосе слышалась открытая враждебность.

— Что вы об этом думаете? — грубо спросил Хорн, вынужденный перейти к обороне.

Андроид пожал плечами:

— Дальше не будет ничего. Как вы знаете, это не преступление. С нами можно делать все и поступать так, как вам хочется. Вы испугались?

— Но, конечно... — неуверенно начал Хорн.

— О, он был обучен и представлял для отеля огромную ценность. Если бы это произошло в обычное время, руководство отеля, может быть, возбудило бы иск к виновному в этом лицу, чтобы тот возместил нанесенный ущерб и оплатил стоимость обучения андроида и стоимость его отсутствия на службе. Но теперь карнавал. Мой шеф на неделю отложил все дела. Пока он не вернется снова и не будет настолько трезв, чтобы позаботиться о делах, нет никакой надежды, что этого негодяя найдут.

— Что же вы теперь будете делать?

— Я направлю на этот этаж другого андроида и пришлю сюда роботов-уборщиков, чтобы привести здесь все в порядок.

Теперь тон андроида был почти оскорбленным.

— Однако это дело должно близко касаться вас,— с отвращением произнес Хорн.

Он не хотел ни во что вмешиваться, но чувствовал, что вынужден это сделать.

— Это так. Большое спасибо за то, что вы держали его за руку. От большинства людей этого ожидать нельзя.

Хорн вспомнил о низеньком мужчине и с внезапным пониманием сказал:

— Вы хотите сказать, что за большинство людей вы не поручились бы, не так ли?

Он почувствовал себя странным образом польщенным, когда андроид улыбнулся и покачал головой.

— Нет, это совсем не так. Большинство людей после карнавала вспомнили бы об этом и рассказали бы моему шефу, и все на этом закончилось бы. Мы должны быть очень осторожны, поверьте мне.

— Может, я могу здесь чем-нибудь помочь? — спросил Хорн.

— Нет, спасибо. Я сам сделаю все необходимое. Думаю, теперь вы можете спокойно погрузиться в удовольствия.

Хорн покачал головой:

— Я не смогу получить удовольствие, помня об этом. Я, пожалуй, вернусь в свою комнату и попытаюсь выкинуть это из головы.

Идя по коридору, он почувствовал, что андроид смотрит ему в затылок.

Он прошел уже около двадцати шагов, прежде чем заметил, что пошел не той дорогой, остановился, рассерженный, и медленно пошел назад. На обратном пути он заглянул в приоткрытую дверь одного из номеров. За дверью...

Хорн бросился вперед и распахнул дверь.

— Сюда! — крикнул он.— Идите быстрее сюда!

Секретарь управляющего без видимой спешки приблизился к нему.

— Что случилось? — спросил он.

— Вы можете поймать негодяя, который убил андроида.

Дерри перешагнул через порог и вошел в номер. Это выглядело именно так, как он себе представлял.

— Предположим, это был тот же преступник,— продолжил он.— И даже в карнавальную неделю полиция должна заняться убийством!

Мужчина был рыжеволосым, а кожа его была такого же цвета, как и у всех людей. Он лежал навзничь на ковре, и большой нож торчал из его груди в том месте, где находилось сердце.

ГЛАВА 3

Полицейские приблизились, испытывая явное отвращение. Это были четыре андроида под предводительством офицера-человека, в его движениях которого можно было прочесть невысказанный вопрос, почему это он должен работать, когда все остальные развлекаются? Это был раздражительный человек по имени Кулин, куривший одну сигарету за другой, пока его команда рыскала по номеру и коридору.

Они взяли отпечатки пальцев мертвеца и андроида, который умер за несколько минут до их прибытия, так и не произнеся ни одного разборчивого слова. Наконец Кулин счел, что этого достаточно, и собрал свою нагруженную аппаратурой команду в комнате возле убитого.

— Мне хотелось бы знать все, что известно по этому делу,— пробурчал он.— Кто вообще этот человек?

Дорди, андроид, который замещал управляющего, пожал плечами:

— Он прибыл вчера, и назвал себя Уинчем, но, может быть, это не настоящее имя. Я заметил, что он говорил с акцентом, который мне не известен.

— В таком отеле, как ваш, видимо, останавливаются посетители из разных стран.

— Со всех частей света,— подтвердил Дорди,— и, вероятно, даже с других планет.

Кулин опустился в кресло и посмотрел на труп.

— Обычный нож. Это странно. Предположим, существует кто-то, кому этот человек встал поперек дороги, и тот захотел его убрать. В этом что-то есть. Однако сейчас карнавальная неделя. Он мог дождаться ночи и вызвать его на дуэль, если, конечно, достаточно

энергичен для этого. С другой стороны, он мог просто подсыпать ему яд в напиток. И не нужно было бы встречаться с ним лицом к лицу, чтобы зарезать его.

Его взгляд скользил по номеру.

— Непохоже, чтобы здесь кто-то боролся. Убитый звал на помощь?

Дорди кивнул:

— Он вызвал к себе нашего кельнера по этажу, того, которого мы нашли умирающим в коридоре. Убийца был высоким человеком, сэр, и сильным.

— Потому что он так изуродовал вашего ассистента? Гм-м-м...

Кулин отбросил сигарету и встал.

— Этот коридор используют часто?

— Только во время карнавала. В каждом номере отеля есть личные лифты. Им пользуются роботы-уборщики, когда их вызывают, а также иногда персонал, но больше никто.

— Итак, убийца мог прийти этим путем, а потом снова уйти, и его никто не заметил. Сейчас он, вероятнее всего, затерялся где-то в толпе.

Кулин сделал неопределенный жест.

— Для убийства он выбрал весьма подходящее время. Ну, я проведу расследование, но не могу вам ничего обещать.

Он сделал знак своим ассистентам.

— Возьмите показания у Хорна, а потом у Дорди, хотя я не уверен, что суд признает эти показания, потому что тут также замешано убийство андроида.

Он последний раз осмотрел все вокруг.

— Вы сделаете все, чтобы трупы убрали отсюда, а потом подождите внизу, в приемной. Дорди, позвоните вниз и сообщите вашим служащим, что я сейчас приду, и что мне надо от них.

Дорди кивнул.

Кулин быстро собрал показания, затем оба трупа отнесли в вертолет, который подлетел снаружи к окну номера.

Этим все и кончилось.

Хорн остался сидеть в кресле, в котором он сидел после прибытия Кулина, и задумчиво уставился на пятно крови на ковре.

Дверь номера снова открылась, это вернулся Дорди. На этот раз его сопровождали два робота-уборщика. Он кивнул Хорну так, словно считал себя равным ему. В другое время Хорн, вероятно, воспринял бы это как оскорбление. Дорди дал указания роботам и проследил, чтобы они как следует сделали всю работу, а затем повернулся к Дерри.

— Вы были неправы, не так ли? — тихо произнес он.

Хорн выпрямился.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, что я смогу найти того, кто совершил это преступление.— Дорди пожал плечами.— Если я что-то понимаю в человеческих знаниях, этот офицер полиции провел свою работу весьма поверхностно.

Хорн покачал головой.

— Я думаю, сегодня мы на Земле слишком привыкли полагаться на законы. Однако в нас еще живы враждебные обществу инстинкты, и мы позволяем им вырываться наружу во время карнавала. Мне бы очень хотелось знать, как полиция объясняет такое количество убийств за один только год.

— Два или три на миллиард жителей,— с отсутствующим видом произнес Дорди. Он провел ногой по тому месту на ковре, откуда роботы удалили следы крови.— Кроме того, убивают и андроидов. И их, конечно, убито намного больше.

Хорн неуютно поерзал в своем кресле.

— Должно быть, весьма тяжело быть одним из вас,— сказал он, поколебавшись.

— Да.— Дорди взглянул ему в лицо.— Вы хотите испытать, насколько это тяжело? Сейчас карнавальная неделя. Возьмите голубую краску, намажьтесь ею, наденьте обычную одежду и выходите на улицу. Это будет хороший урок.

Внезапно он вымученно улыбнулся.

— Мне очень жаль, мистер Хорн. Я очень многого требую от вас только потому, что вы сделали этот жест приличия. Думаю, будет лучше, если я теперь помолчу.

Хорн встал и подошел к окну. Отсюда был виден берег бухты внизу, где весельные лодки плавали по освещенной ярким пестрым светом воде. Гораздо хуже видна была другая сторона города, где находилась ярмарочная площадь, откуда доносились разнообразные звуки карнавала.

— Я не знаю,— внезапно сказал он.— Этот Кулин, кажется, не особенно много сделал для того, чтобы ему удалось — как бы это сказать? — поймать убийцу. У меня сложилось впечатление, что андроиды, которые сопровождали Кулина, больше были заинтересованы в том, чтобы узнать, кто убил вашего кельнера с этого этажа. Это удивило меня.— Хорн выразительно взглянул на Дорди.

— Может быть, потому, что у нас нет ни семьи, ни родственников? Потому что мы вышли из автоклавов химических фабрик, а не из чрева женщины? — Дорди саркастически усмехнулся.— Это делает нас всех братьями, мистер Хорн, нас всех.

— Я верю вам. Я...

Хорн запнулся. Ему трудно было продолжать, потому что это звучало почти сентиментально, и это можно было рассматривать как ошибку.

— По моему, будет лучше, если мы будем заботиться друг о друге.

— Вы отбрасываете четырехтысячелетнюю историю,— сказал Дорди.

Вошли роботы-уборщики и осведомились, нормально ли выполнена работа. Дорди подтвердил это, и они покинули номер. Как только они вышли, Дорди подошел к одежному шкафу и быстро распахнул дверцы. Хорн удивленно посмотрел на него.

— Но тут же вся одежда Уинча! Почему вы не сказали об этом Кулину, чтобы он осмотрел ее?

— Я сообщил Кулину о своих предположениях, как только он прибыл,— ответил Дорди через плечо.— Почему он сам об этом не подумал? Наверное, просто потому, что не был по-настоящему заинтересован в этом. Я очень быстро составил о вас свое мнение. Это профессиональная привычка. Я должен оценить клиента с первого взгляда и определить, может ли он доставить нам неприятности, будет ли его трудно обслуживать и так далее.

Говоря это, он открыл то отделение шкафа, где находились выдвижные ящики. Большинство из них были пусты.

— Что касается Уинча, то я оказался прав. Мне показалось, что он старался не привлекать к себе внимания. Если бы я предположил, что его преследует убийца, это тоже было бы верно.

Он оставил ящики выдвинутыми и пошел к выходу, но на пороге остановился и оглянулся.

— Теперь вы можете вести себя так, как только что сказали, если вы говорили серьезно, что так же позаботитесь о ком-нибудь из вашей расы, как мы заботимся о ком-то из своей.

Он сунул свою голубую руку в карман служебной куртки, вытащил плоский продолговатый предмет и

бросил его через всю комнату Хорну, который машинально поймал его.

— Его звали не Уинч,— сказал Дорди.— Его звали Ларс Талибранд.

Потом он вышел из комнаты.

После ухода андроида Хорн еще долго сидел в кресле и вертел в руках тот плоский предмет. Это было нечто вроде портмоне из тонкой, серой ткани, напоминающий металл, с отделением типа кармана, в котором лежал какой-то узкий предмет. Дерри вытащил его. Это была тонкая, маленькая книжечка, на первой странице которой было отпечатано много слов на четырех или пяти языках. Он знал только один из них, но и этого хватило, чтобы он раскрыл глаза от удивления. Напечатанное гласило: «Гражданин Галактики».

На внутренней стороне находилось пластиковое фото для биоидентификации, но его настоящие первоначальные цвета расплылись, превратившись в глухой серый цвет, и глаза на лице были закрыты. Однако осталось еще достаточно подробностей, чтобы быть уверенным, что это был тот рыжеволосый, которого убили в номере.

Напротив фотографии помещалась страница текста, в котором Хорн смог прочесть только имя Ларса Талибранда. Следующая страница оказалась более понятной. Видимо, это был перевод предыдущей. Здесь говорилось, что правительство мира под названием Криу'и Дитч пожаловало Ларсу Талибранду звание Гражданина Галактики.

Ниже другим шрифтом было напечатано, что мир под названием Вернье поддерживает это звание, а еще ниже снова другим шрифтом сообщалось, что мир под званием Лигос тоже согласен с этим. Заканчивалась

страница списком из пяти миров, которые тоже подтверждали статус Ларса Талибранда.

Хорн почувствовал, как по его спине пробежала дрожь благоговения. Кем же был этот человек, который умер здесь? Какую же работу он выполнял, чтобы заслужить благодарность всех планет?

Хорн встал, решив внимательнее осмотреть скудные пожитки убитого, находившиеся в комнате. В шкафу висело несколько костюмов, по которым, несмотря на тщательный уход за ними, было видно, что их много носили. В одном из ящиков лежали новые туалетные принадлежности, которые он купил не иначе как после своего прибытия сюда. Может быть, убийца уже поджидал его здесь, хотя вокруг не было никаких признаков беспорядка.

Неудовлетворенный этим, Хорн снова открыл маленькую книжечку. Сначала он предполагал, что вся она состояла из текстов, изложенных на разных языках, но вскоре понял, что это были только переводы одного и того же текста на пять языков. За ними следовали странички с выездными и въездными штемпелями различных планет. По его оценке, их было сотни две или больше, и они принадлежали двум десяткам планет. От одной этой мысли его голова закружилась. Этот человек, должно быть, был великим путешественником.

Хорн с любопытством взглянул на последнюю страничку, чтобы установить, когда убитый прибыл на Землю. Однако въездного штемпеля там не было.

Он снова спрятал книжечку в карман портмоне и спустился вниз, чтобы разыскать Дорди и задать ему несколько вопросов.

ГЛАВА 4

Из общественного лифта уже доносились голоса людей, спешивших на карнавал.

Стройная женщина попыталась уговорить его выпить особо возбуждающий напиток, который она достала для себя. Серьезный юноша лет шестнадцати спустился на первый этаж, намереваясь с помощью ящика зарядов для фейерверка найти себе новых друзей среди роботов и андроидов в подвальном этаже. К счастью, женщине удалось заставить юношу отхлебнуть ее напиток, прежде чем он успел покинуть кабину лифта.

Хорн несколько раз огляделся вокруг и снова увидел юношу, который, привалившись спиной к стене, сидел на полу и сотрясался от приступов истерического смеха.

Один из роботов, смущенный тем, что обнаружил на первом этаже гостя в карнавальном костюме, поспешил к нему и осведомился, не заблудился ли он. Хорн покачал головой и объяснил, что он ищет кабинет Дорди.

Робот упрекнул его, что он хочет вызвать управляющего делами только затем, чтобы тот помог ему как можно быстрее отыскать номер.

— Я знаю, что делаю,— сурово сказал ему Хорн.— Где его кабинет?

— Третья дверь направо,— ответил робот.— Но весьма возможно, что его сейчас там нет.

Кабинет действительно был пуст. Хорн вошел и опустился в кресло. Потом закурил сигарету и выкурил ее почти наполовину, когда вошел Дорди.

— Мне очень жаль, что я заставил вас ждать,— сказал он.— Я только что проводил из отеля поли-

цейских андроидов. Они гораздо лучше провели свою работу, чем Кулин.

— Вы ждали, что я приеду? Мне так показалось.

— Пожалуй, да.

Дорди сел и закинул ногу на ногу. Когда Хорн достал портмоне из серой металлической ткани, Дорди взглянул на него.

— Вы, вероятно, хотите задать несколько вопросов.

Хорн кивнул.

— Что это, собственно, такое? Я, конечно, все прочитал и понял, что это какой-то вид паспорта или удостоверения личности, но мне не приходилось слышать о том, что кто-то называет себя Гражданином Галактики. Это напоминает какую-то мелодраму.

— Они не признают Землю,— пояснил Дорди.— И это не удивительно. Мы живем на довольно черствой планете, но в Галактике существует не только этот мир, в чем вы могли убедиться по впечатляющему количеству штемпелей на последних страницах этой книжечки.

— Ну, это же всем известно, ведь все изучали галактографию и знают о звездах с населенными планетами. Существуют также импортируемые предметы роскоши и тому подобное. Только я думаю, это не совсем соответствует положению вещей.

— Официально это так.

Была ли насмешка в голосе Дорди? Почему? Внезапно у Хорна появилось гнетущее чувство неприязни к этому человеку с голубой кожей, в конце концов, всего лишь подобию человека, изготовленному из растворов органических веществ каким-то образом, подробностей которого он не знал. Ведь это люди изобрели процесс изготовления андроидов!

Он еще раз повторил себе это. Вполне возможно, Дорди обладал более острым зрением или чем-то еще, но не это было главным.

— Меня все же очень интересует, как вы вообще получили этот документ,— наконец спросил он.

— Талибранд дал его мне, когда прибыл сюда. Это было самое ценное, чем он обладал, не считая его жизни, конечно. Он отдал документ только потому, что знал: у меня он находится в большей безопасности, а если документ найдут у него, его судьба будет решена, как бы хорошо он не замел за собой следы.

— Но почему он дал его именно вам? — Хорн совершенно не знал, что ему делать.— Вы его хорошо знали?

— Я видел его первый раз.

— Тогда...

Нет, все это не имело никакого смысла. Хорн попробовал подойти к этому с другой стороны.

— От кого же он тогда бежал? Откуда он знал, что ему угрожает опасность? И если вы знали об этом, почему же тогда не рассказали все это Кулину?

— По тем же причинам, почему я не намерен рассказывать этого вам.

Дорди улыбнулся.

— Значит, вы знаете об этом?

— Знаю кое-что. И, возможно, даже сказал бы, будучи вполне уверенным, что я прав, но, боюсь, не смогу доказать этого.

— У меня такое впечатление, что вы теряете время,— внезапно сказал Хорн.— Вы, кажется, хотите впутать меня в это дело. Это мне совсем не интересно. Похоже, вы просто хотите найти кого-нибудь, кто оказал бы давление на полицию, чтобы она наказала убийцу вашего друга, старшего кельнера по этажу. Я думаю, вас нисколько не интересует Талибранд. Весьма

вероятно, что вы успели просмотреть его личные вещи, прежде чем полиция пришла сюда, и извлекли эту книжечку, ибо верили, что она чем-то важна.

Он бросил серое портмоне со странной книжечкой на стол и встал.

— На сегодня с меня довольно. Теперь я наконец хочу развлечься.

Он уже собирался выйти, когда Дорди, который сидел неподвижно, окликнул его:

— Мистер Хорн!

Хорн оглянулся, однако ничего не сказал.

— Вы не правы, утверждая, что мне нет никакого дела до Талибранда. Он был хорошим человеком.

— Это записано в книжечке. Но на чей взгляд? На Земле это ничего не значит.

— В этом вы тоже не правы. Впрочем, вы напрасно хотите оставить мне этот документ. Мне он не нужен.

— Мне тоже,— сказал Хорн и вышел.

На улице, проходя мимо одного из питьевых фонтанчиков, Дерри Хорн задержался возле него, чтобы глотнуть возбуждающей жидкости с фруктовым вкусом, брызнувшей из дюжины отверстий. Внезапно он ощутил, что ему становиться как-то неестественно весело. У проходившего мимо уличного торговца он купил маску и надел ее.

У бордюра ждали шаровые такси. Терпеливые роботы едва слышно гудели, ожидая пассажиров. Дерри забрался в ближайшее такси, и оно сразу же поднялось.

Хорн откинулся на удобном сиденье и взглянул вверх, на звездное небо, а затем повернул голову в сторону, чтобы взглянуть, что происходит внизу. Там, внизу, была ярмарочная площадь.

Конечно, была там еще и далекая дуга морского берега, а далеко впереди по воде пробегали светящиеся полосы, которые образовывались во время случайной смены течений.

Такси несло Хорна по широкой дуге над городом, и теперь он мог уже расслышать бурлящий шум, доносившийся сюда с ярмарочной площади. Временами ветер доносил обрывки песен из лодок, находившихся в миле от берега и покачивавшихся на слегка волновавшейся воде. Карнавал!

— Это выглядит уже лучше,— с удовольствием отметил он.

Дерри надеялся, что шаровое такси опустится на ярмарочную площадь, и он попадет в плотное карнавальное шествие.

Его надежды сбылись. Плавно, как перышко, такси спустилось вниз и остановилось на полоске травы возле площади. Он вышел и со смехом погладил такси по боку, словно это было живое существо. Потом поднял руку вверх, вскрикнул и побежал в переулок между двумя киосками.

Две девушки, державшиеся за руки вышли ему навстречу. Они хотели было расступиться и пропустить его, но оказались недостаточно расторопны, и мгновением позже все трое лежали на земле и хохотали.

— Идиот! — давясь от смеха, проговорила одна из девушек.

Она подобрала оторвавшуюся искусственную косу и запустила ею в Хорна, так что тот зашатался, запутавшись в этих темных волосах.

— Да, идиот! — согласился Хорн.— Карнавал длится уже более трех часов, а я только что вышел на улицу. Не согласитесь ли вы помочь мне наверстать упущенное время?

Они не возражали, и все вместе направились вниз по переулку; на этот раз Дерри шел посередине. Втроем они подошли к ярмарочной площади, приплясывая под шлягер, который откуда-то доносился до них.

Они остановились перед поблескивавшими серебристыми шарами, поднимавшимися и опускавшимися в сиявшей светом колонне — аттракционом, на котором можно было произвольно менять силу тяготения. Десять минут они провели здесь, раскачиваясь взад и вперед, поднимаясь вверх и падая вниз, подбрасывая и отталкивая серебристые шары.

После этого их одолела неутолимая жажда, и они остановились перед одним из питьевых фонтанчиков. Хорн выпил три стакана.

После этого ночь для него превратилась в яркий сон. По пути они наталкивались на других людей, спешивших им навстречу, брали их с собой, и наконец почти потерявший сознание Дерри заметил, что ведет за собой дюжину или больше человек через сумасшедшие торговые ряды, все больше и больше набивая себе цену и все больше и больше нравясь остальным.

Однако в конце концов оказалось, что веселье остальных людей постепенно угасает, в то время как он только начинал веселиться. Ночь уже почти прошла, и до рассвета осталось около часа. Несколько человек уже лежали на земле и на траве и крепко спали. Для первой карнавальной ночи это было совершенно нормально. Утром люди заснут на целый день, чтобы к заходу солнца пробудиться освеженными и готовыми к новому веселью. В этот первый день они были на ногах больше восемнадцати часов, а кое-кто, и целые сутки.

— Идите с нами! — истерично кричал Хорн всем встречным.— Мы теперь должны еще...

Он вдруг замолчал и изумленно осмотрелся. Вокруг не было ни души. Его окружение словно растворилось,

и все покинули его. Девушки, с которыми он начал этот вечер, тоже исчезли.

Разочарованный, с опущенной головой, он, насвистывая какой-то мотивчик, побрел прочь.

Дерри наткнулся на колышки от палаток, споткнулся и упал.

Остатки возбуждающих напитков, которые он выпил, испарились с коротким смешком, похожим на блеяние, который он издал. Когда он снова пришел в себя, то обнаружил, что лежит на земле, и некоторое время отдыхал, положив голову на руку.

Через несколько минут к Хорну кто-то подошел. Чужак остановился перед ним, рассматривая его через золотую маску.

— Вас зовут Хорн,— произнес он.

Его голос показался Дерри знакомым. Он машинально потянулся к своей маске, которая болталась на лямке у него за спиной.

— Да,— ответил он.— Ну и что?

Чужак протянул ему рукоять меча для дуэли.

— Я собираюсь убить вас,— сказал он Хорну.

ГЛАВА 5

Некоторое время все кружилось перед глазами Хорна. Ему казалось, что он находится на хиродроме, который отыскал вчера вечером. Наконец он покачал головой.

— Вы, должно быть, не в себе,— пробормотал Дерри.— Я вас не знаю и никогда ничего не делал такого, что могло бы оправдать этот вызов.

— Вы можете выбирать,— холодно ответил одетый в белое и золотое мужчина.— Честная схватка в Зале Дуэлей или ужасная смерть здесь, на траве.

Словно волшебная палочка, меч повернулся в его руке, и острие оказалось направленным на Хорна.

— Никто, кроме моих друзей, не увидит этого.

Только теперь Хорн заметил, что его окружают присевшие в тени молчаливые фигуры.

— Хорошо,— согласился он устало и поднялся.

Одетый в белое и золотое человек отступил на шаг. Казалось, он удивился, что Хорн принял его вызов, однако он быстро взял себя в руки.

— Великолепно. Ближайший Зал находится в нескольких шагах отсюда. Как я вижу, у вас нет меча. Там вы можете получить необходимое оружие.

Хорн не обратил внимания на это замечание и решительно направился к стойке, на которой были расставлены холодные напитки и разложены конфеты. Он погрузил руки в ледяную жидкость и охладил голову, затем взял пригоршню липкого, но также ледяного фруктового салата и положил его на лоб, как компресс. Фруктовый салат потек по его лицу, однако голова прояснилась.

В душе Дерри закипал гнев, может быть, потому, что он, похоже знал вызвавшего его на дуэль человека, хотя и не мог назвать его имени.

— Ну ладно, я готов,— сказал он и вытер платком остатки салата с лица.— Где ваш Зал Дуэлей?

Вызвавший его человек слабо махнул рукой и направился вперед. Хорн шел рядом с ним. Призрачные фигуры держались на расстоянии от них, но все же довольно близко, и внимательно наблюдали за ними.

— Они, кажется, быстро находят общий язык с убийцами,— огорченно произнес Хорн спустя некоторое время.— Вам часто приходится нанимать их?

Глаза незнакомца блеснули.

— В каждый карнавал.

— Вероятно, вы всегда ищите противника, с которым никогда не сражались? — спросил Хорн.

Он постарался, чтобы слова его звучали как можно более едко. Судя по тону ответа, человек в белом и золотом при этих словах должен был покраснеть.

— Только один раз! А вы, похоже, никогда не сражались на дуэли?

Дерри уголком глаза взглянул на него и покачал головой.

— В моем родном городе в прошлом году я выиграл первый приз в бою на саблях.

Вызвавший его человек ничего не ответил. Последние метры они прошли молча.

Зал Дуэлей был пуст. Только владелец заведения сонно облокотился на свой стол. Однако он быстро вскочил, когда в Зал вошли мужчины.

— У вас есть мечи? — спросил незнакомец.

Он вытащил свой меч из ножен и схватил его за рукоятку. Хорн тем временем выбирал себе оружие, выставленное на витрине.

— У вас есть «Двойной чемпион»? — спросил он.

Владелец зала кивнул и протянул ему меч. Хорн ощупал его, потом провел лезвием по точильному камню, который стоял возле стола владельца заведения, и наконец удовлетворенно кивнул. Владелец, не вставая со своего кресла, приглашающим жестом указал им на засыпанную опилками арену.

— Вы можете сражаться где хотите, господа. Не думаю, что до рассвета появятся еще клиенты.

Хорн ощутил, как у него задергалось веко, хотя и почувствовал, что к нему возвращается давно забытая уверенность. Прежде он держал меч в руках только в играх и в спортивных состязаниях, а теперь от его ловкости зависела его жизнь. Ему хотелось, чтобы все это поскорее кончилось. Хотя вызвавший его человек еще ничем не проявил себя, ни движениями, ни позой, Хорн понял, что ему предстоит биться с сильным противником.

Они встали друг против друга, скрестили клинки, парировали удары и ушли в защиту. Потом незнакомец провел дикую атаку и отвоевал несколько дюймов. Но в то мгновение, когда он нагнулся далеко вперед, Хорн мгновенно перебросил свой меч из левой руки в правую и ударил. Потом повернулся и медленно сошел с арены.

Алая кровь едва успела окрасить красную с золотом одежду незнакомца, когда Хорн обернулся еще раз.

Владелец Зала с расширившимися глазами поднялся из-за своего стола. Он хотел знать, кто будет платить за аренду.

— Это он вызвал меня.— Хорн пожал плечами.— Он и заплатит, если еще...

Внезапно в голову ему пришла одна мысль, и он повернулся на каблуках. Да, но кто все-таки был этот чужак? Хорн опустился на колени и снял с убитого маску.

Ничего странного, что голос чужака задел какую-то струнку в его душе, хотя теперь он понял, почему не узнал его. Дело было в тщательно подобранных фразах. Незнакомец оказался офицером полиции Кулином.

Хорн беспокойно ворочался в своей удобной постели. Он был физически истощен, но ему никак не удавалось заснуть. Снова и снова, когда ему казалось уже, что

он наконец-то погружается в долгожданный сон перед его глазами, вставала картина, которая так возбуждала его, что он тут же просыпался. Иногда картины менялись.

Чаще всего это были лица, окружавшие его: лицо умирающего андроида, которого он нашел в коридоре, лицо рыжеволосого человека, заколотого ножом, и лицо Кулина.

Потом перед его мысленным взором появилась маленькая серая книжечка. Он видел, как перелистывались ее страницы. Почти каждый населенный мир внес свою благодарность на первые страницы этого удивительного документа. Ну, по крайней мере половина всех населенных миров, и это, конечно, было достаточно удивительным. Что же собирался делать здесь этот Ларс Талибранд? Это, конечно, должно было быть что-то необычное, в этом Хорн не сомневался.

Он, к примеру, не мог себе представить, что его дед когда-нибудь мог бы получить такой документ! Старик был слишком аристократичным, чтобы перевернуть всю жизнь семьи Хорнов. Старый Хорн за свою жизнь изготовил больше роботов, чем любой его конкурент. Ему удалось завладеть всем рынком, потому что он ввел радикальные улучшения и вынудил всех своих конкурентов обновить машинный парк. Когда другие фирмы наконец опомнились и решили продолжать борьбу, сбыт их продукции упал настолько, что они больше не были в состоянии обновлять свои фабрики и заводы.

Внезапно Дерри вспомнил кое о чем. Он слышал об этом, когда ему было лет десять или даже меньше. Его дед заикнулся как-то о том, что намеревается также заняться торговлей андроидами. Теперь Дерри задумы-

вался, почему он больше ничего не слышал об этом проекте?

Если старик узнает о сегодняшних событиях, он, несомненно, устроит внуку гигантскую взбучку, как в школьные годы, за то, что он был так глуп и встрял в это дело, которое его совершенно не касалось.

А отец? Вероятно, сначала он похвалит его за победу на дуэли, а потом на него нападет приступ ярости из-за возможных последствий, которые этот поступок может вызвать. Мать, видимо, рассердится на него за то, что он рискует своей жизнью. Но потом она будет хвастаться этим перед своими подругами. Его сестра, которая моложе его на четыре года, скорее всего, будет смотреть на него широко раскрытыми глазами, как на героя. А прочие члены семьи? Они будут неодобрительно качать головами, объясняя все это лишь взбалмошностью современных молодых людей.

Дерри Хорн был почти уверен, что больше не сможет наслаждаться этой карнавальной неделей, как обычно. Он был даже уверен, что вообще потеряет вкус к жизни.

Беспокойно прометавшись на кровати больше часа, в то время как солнце поднималось по небу все выше, он приказал окну затемниться. В конце концов ему удалось заснуть.

Когда он проснулся, в комнате что-то изменилось. Сначала он не мог понять, в чем дело, и приписал это тому, что привык во время карнавала просыпаться у себя дома или у друзей, а теперь впервые открыл глаза в отеле в чужом городе.

Но это было не так. Хорн чувствовал, что неуверенность гложет его. Он поднялся со своей удобной кровати и осмотрелся. Наконец он понял, что же его

так обеспокоило. И то, что он обнаружил, было очень важным.

Пока он спал, кто-то побывал в его номере. Вероятно, это был Дорди, потому что на маленьком столике в изголовье его кровати, на котором раньше кроме пачки сигарет и носового платка ничего не было, теперь лежало блестящее серое портмоне из металлической ткани, принадлежавшее Ларсу Талибранду.

Хорн открыл окно, взял сигарету, вынул из кармашка серого портмоне маленькую книжечку и еще раз перелистал ее. Названия чужих миров, на которых Ларс Талибранд был весьма желанным гостем, звучали для Хорна как-то странно, призывно и волнующе.

Как выглядели эти миры? Студентом он вкратце познакомился с каждым из них. Он наморщил лоб и попытался связать свои отрывочные знания, которые он еще помнил, с названиями этих миров.

Криу'и Дитч... Что-то в этом названии ассоциировалось у него с теплым мелким дождем или холодными ударами ветра, который дул с цепей гигантских гор. Эрсуорлд... Теперь перед его мысленным взором появились огромные волны, которые бесконечной чередой набегали на длинный берег, швыряя белую пену на белый песок.

Все это было там, снаружи, далеко — жизнь со своим собственным ритмом, со своими нравами и обычаями, с любовью, ненавистью и всем остальным, что так свойственно людям. Но, однако, не таким людям, как он сам, потому что они жили невероятно далеко от Земли, в далеком космосе, на других мирах.

Он ощутил почти болезненную перемену в своем собственном душевном мире, словно кто-то силой овладел его сознанием и сорвал его с привычного пути.

Дерри мог представить себе Землю, родную планету, отдыхавшую, словно довольная и умиротворенная вдова, которая забавляется со своей комнатной ручной собачкой, занимается мелкими домашними делами и находит во всем, этом своеобразное удовольствие, в том время как ее сыновья, вырвавшись из дома, что-то там исследуют, покоряют и заселяют.

Этот человек по фамилии Талибранд, который прибыл на Землю...

Хорн снова перелистал тоненькую книжечку с самого начала и нашел ту страницу, где была отпечатана фотография. Теперь она совершенно поблекла. Ларса Талибранда больше не было на свете. И все же он был таким важным и необходимым человеком, что враги преследовали его по пятам от мира к миру, от планеты к планете и даже явились за ним на Землю, где его звание Гражданина Галактики больше не могло защитить его. Но если этот человек был настолько важным, настолько опасным для врагов, у него должны были быть и друзья, которые даже после его смерти не предадут его...

У Хорна начало постепенно складываться решение. Он пролистал последние, проштемпелеванные странички маленькой книжечки, и уловил утраченный взгляд, когда он еще раз посмотрел на названия, символизировавшие для него такую волнующую правду.

Ньюхольм. Это название манило его. Его не очаровали экзотические названия: Криу'и Дитч, Эрсуорлд, Лигос. Но все же они были более притягательны, чем безвкусное название «Земля».

Его решение стало твердым, и на мгновение он задумался, не повлиял ли на него тот странный разговор с Дорди.

Но, может быть, все это не важно. В любом случае он должен отправиться на Ньюхольм.

ГЛАВА 6

Его охватило лихорадочное возбуждение, которое быстро испарилось, сменившись холодным удивлением и отвагой. Он спрыгнул с постели и вызвал обслуживающего робота, которому приказал найти Дорди и направить его в комнату Хорна.

Он уже принял душ и оделся, когда голубокожий заместитель управляющего отелем постучал в дверь и вошел.

— Вы вызывали меня, мистер Хорн?

— Да.— Хорн отвернулся от зеркала.— Я отбываю.

Дорди кивнул:

— Вы нашли лучшее жилище на оставшиеся дни карнавала?

— Мне теперь не до карнавала.— Хорн произнес эти слова с заметным нажимом.— Мне надоели люди, участвующие в нем. Я хочу убраться подальше от всего этого.

Дорди снова кивнул.

— Однако карнавальная неделя еще не кончилась,— напомнил он.

Хорн на мгновение уставился на Дорди, пока смысл сказанного не дошел до него. Конечно! Карнавальная неделя! В течение ближайших шести дней почти невозможно отправиться в какой-нибудь другой город. Все люди во время карнавала должны только развлекаться. Потом он снова расслабился. Ведь должен же быть какой-то выход!

Он пожал плечами:

— Вероятно, это можно как-то организовать. Может быть, вас заинтересует, что вчера ночью меня кое-кто вызвал на дуэль... или сегодня утром. И я убил его.

— Итак, вчера было еще недостаточно убитых,— ответил Дорди.

— Для Кулина, очевидно, нет.

— Это объясняет очень многое,— тихо сказал Дорди.

— Он действительно вам что-то сказал? Я блуждаю в темноте,— проговорил Хорн почти жалобно.

Робот-слуга вошел в комнату с подносом, на котором стоял завтрак. Хорн пододвинул стул и приступил к еде. У него разыгрался аппетит, удививший его самого.

— Ну, хорошо,— сказал он с полным ртом.— Что произойдет, если вы сядете и расскажите мне, что же все-таки значат все эти действия Кулина?

Дорди отрицательно мотнул головой.

— Я могу только предупредить вас,— произнес он.— То, что вы оказались причастны к убийству Ларса Талибранда, всего лишь несчастный случай. Если бы вы вели себя, как обычный средний гражданин, то есть сообщили бы об убийстве и тут же забыли обо всем, не желая больше терять времени из недели карнавала со всеми его удовольствиями, тогда вы, наверно, остались бы в полном неведении. Но теперь вы, очевидно, переступили границу чего-то важного и этим создали потенциальную опасность для определенных людей.

Хорн заморгал.

— Это звучит, словно сцена из исторической мелодрамы! — воскликнул он.

— Вы так думаете? Разве это не драматично, когда человека преследуют от планеты к планете и изгоняют из области, где его слава одновременно служит и его

защитой, чтобы в конце концов настигнуть его на Земле и там убить?

— Вы, кажется, многое знаете об этом Ларсе Талибранде,— удивился Хорн.— Откуда это все известно вам?

— Может быть, вы думаете, что обычному андроиду не положено знать о том, что происходит в Галактике, больше, чем вам? Но почему вы должны верить моим словам? Поищите доказательства и попытайтесь понять все это, и вы найдете их очень скоро, если не пожалеете усилий и сами отправитесь туда.

— Я это сделаю,— решительно заявил Хорн.

Дорди тут же развил бурную деятельность.

— Я подготовлю ваш багаж, чтобы вы смогли немедленно отбыть, как только нам удастся найти подходящее транспортное средство, мистер Хорн. Надеюсь, вам это скоро удастся. Я хочу пожелать вам всего самого доброго, если вы при таких обстоятельствах покинете город.

Он кивнул и вышел из комнаты. Хорн оперся локтями о стол по обе стороны от подноса с завтраком и погрузился в раздумья.

Его воодушевление начало убывать, когда он всерьез попытался выехать домой.

Наконец он нашел нескольких владельцев машин, но они были слишком заняты, чтобы затруднять себя такой ерундой, как путешествие во время карнавала. Хорн в отчаяньи предлагал огромную сумму, но люди, имевшие свои машины, были достаточно богаты, а кроме того, они не хотели входить в его положение и вовсе не желали жертвовать днем и большей частью ночи карнавала за те деньги, которые мог заплатить Хорн.

Он так ничего и не добился, потому что заход солнца был уже близко, и люди уже собирались отправиться на берег удовольствий, на ярмарочную площадь и в кабаре. Хорн угрюмо вернулся назад, в отель, проклиная карнавал и все, что с ним было связано.

Денег, которые он взял с собой, вполне хватило бы на развлечения во время карнавала, но их было слишком мало, чтобы купить простой билет на корабль, отправляющийся с Земли на одну из населенных планет.

Все агенства путешествий, естественно, закрыли свои отделения. Весь общественный транспорт и его собственный вертолет, на котором он прилетел сюда, конечно, находились в общественных гаражах, которые откроются в первое же утро после карнавала. Но, может быть, здесь, в отеле он сможет получить большую сумму и тогда утром он снова попытается добиться нужных результатов, удвоив прежнюю цену.

С такими намерениями он отправил робота-слугу на поиски Дорди. Тот, должно быть, сам шел к нему, потому что, как только робот ушел, он постучал в дверь.

— Как я вижу, никакого заметного успеха? — спросил Дорди.— Но на всякий случай я еще не отнес ваш багаж вниз.

Хорн кивнул.

— Никто сейчас не хочет почти ничего, кроме этих проклятых карнавальных удовольствий! Можно подумать, что весь мир остановил свое движение!

Важность последнего замечания дошла до него только тогда, когда он замолчал. Он опустил голову на руки и задумался.

— Но этого ведь не может быть, не так ли? Должны же существовать какие-то службы, которые работают и

во время карнавала: силовые установки, водоснабжение, отопительные системы, а также обслуживание шаровых такси, питьевых фонтанчиков и так далее. Кроме того, есть еще и полиция. Кто-то должен поддерживать все это движение. Кто?

— Кто, как вы думаете? — спросил Дорди устало.

Он вытянул свою голубую руку и сжал кулак, направив большой палец на себя.

— Извините,— сказал Хорн через некоторое время.— Я должен был быть умнее и не задавать такого смешного вопроса.

— Вам не надо извиняться. Для этого, в конце концов, мы и здесь. Хотя роботы и надежны до некоторой степени, но если дело касается чего-нибудь очень сложного, тогда к работе приступаем мы.

Хорн сел и приглашающим жестом указал на стул.

— Сигарету? — спросил он и протянул пачку своему собеседнику.

Дорди отказался.

— Запрещено,— ответил он.— У нас против этого иммунитет, так же как и против алкогольных напитков.

Хорн кивнул.

— Как вы думаете, нельзя ли попросить одного из ваших людей доставить меня домой или дать мне вертолет или что-нибудь в этом роде? Я хорошо заплачу.

— Едва ли деньги здесь что-нибудь значат. Мы вообще не должны иметь никаких денег, это общеизвестно. Нет, деньги тут не играют никакой роли.

— Я не знаю, что еще могу предположить,— растерянно проговорил Хорн.

Что-то из древней истории всплыло в его памяти, и он предложил:

— Как насчет... Как бы это лучше выразиться? Ах да, освобождения? Я имею в виду, что могу предложить за вас большой выкуп. Моя семья достаточно богата. Я уж позабочусь об этом, если только это вообще возможно, или это наивное предложение?

— Вот именно,— ответил Дорди.— Любой из нас может обрести свободу только после смерти. Как вы думаете, что я буду делать, если кто-нибудь придет ко мне и скажет: «Дорди, вы можете оставить свою работу, и вам больше никогда ничего не надо будет делать?» Я вежливо поблагодарю его и отклоню столь великодушное предложение. Чем я еще могу заняться, кроме моей работы? Может, сидеть без дела в каком-нибудь бараке для андроидов и весь остаток жизни читать классическую литературу и развлекательные книжонки?

Он говорил спокойно и равнодушно, словно все это представляло для него только теоретический интерес.

— Скажите, мистер Хорн, что вы, собственно, намерены предпринять, чтобы добраться домой?

— Ну, вообще-то, я сам пока этого точно не знаю,— честно признался Хорн.— Может, я найду кого-нибудь, кто отвезет меня, а затем займусь поисками. Может, разыщу того, кто убил Ларса Талибранда и вашего кельнера по этажу, и тогда убийца предстанет перед судом. Хотя все это звучит так, словно взято из какого-то стародавнего романа, но я все же попытаюсь это сделать, даже если мои намерения и смешны. Я хочу уехать отсюда и узнать, что делают люди там, наверху, по другую сторону нашего прекрасного, ясного, чистого голубого неба. Я хочу узнать, что должен сделать человек, чтобы получить звание Гражданина Галактики.

— Добьетесь ли вы этим чего-нибудь путного?

— Я не могу ответить вам, пока не узнаю, почему это произошло.

— Да, очень важно знать, почему же это произошло,— согласился Дорди и посмотрел на потолок.— Насколько мне известно, на других мирах не так удобно, как здесь, на Земле. Это во-первых. Конечно, и здесь не всегда удобно и приятно, но это же вас совершенно не касается.

— Ну и что дальше?

Хорн встал и нервно заходил по комнате взад и вперед.

— Для меня это вполне подходит, и я уверен: когда я расскажу об этом своему старику, он скажет, что я глупец и не знаю, что для меня хорошо, а что нет. Ну, итак, что же дальше? Если в жизни еще существует что-то более важное, тогда мне лучше взять да и перерезать себе горло.

Дорди, казалось, спорил с самим собой.

Через некоторое время он встал, взглянул на свою одежду и быстрыми движениями оправил свой костюм.

— Ну хорошо, мистер Хорн. Если для вас это так важно, я помогу вам попасть домой сегодня ночью.

ГЛАВА 7

В кабинете Дорди стоял высокий, молчаливый андроид, одетый в форму какой-то службы. Когда Хорн и Дорди вошли, андроид испытующе осмотрел Хорна с ног до головы, затем перевел взгляд на Дорди.

— Он? — спросил он тоном, который казался почти презрительным.

— Да,— подтвердил Дорди.— Мистер Хорн, могу я вам представить Берла? Он работает на одном из городских предприятий. Я подумал, что вам не удастся обычным путем найти машину во время карнавала,

поэтому спросил своих людей, не будет ли кто-нибудь из них свободен этим вечером, и не сможет ли он добыть вертолет, грузовик или что-нибудь подобное. Берл сегодня свободен от службы и готов взять вертолет и доставить вас домой.

Что-то в глазах Берла обеспокоило Хорна. Он сказал:

— Ну, это совсем ни к чему. Я сам могу лететь на вертолете, если вы дадите мне машину. Я летал на своем собственном геликоптере, хотя и не во время карнавала.

— А вы подумали о том, что все линии континентального управления отключены? — спросил Берл, впервые обращаясь прямо к нему.

— Нет. Я имею в виду... На самом деле? Я об этом не подумал.

— Конечно, все они отключены. Карнавальная неделя — это единственная возможность для нас провести профилактический осмотр аппаратуры службы общественного движения. Вы можете подумать, что мы все это время должны работать, как бешеные.

Он перевел взгляд с Хорна на Дорди.

— Может быть, нам стоит объединиться и потребовать продлить время карнавала?

За дверью послышалось тихое шипение, затем громкий стук и дребезжание, словно с полки упала кружка.

— Решайте сами,— сказал Дорди.

Он вышел, чтобы посмотреть, что там произошло, и тут же вернулся.

— Это мальчишка с фейерверком, который почти сошел с ума. Он был уже здесь прошлой ночью и оторвал зарядом фейерверка ногу одному из роботов-слуг. Ты говорил, Берл, что хочешь, чтобы карнавал продлился две недели, вместо одной. Это так?

Голубокожие мужчины обменялись взглядами, полными взаимопонимания. У Хорна появилось странное чувство отверженности. Потом Берл пожал плечами.

— Ну, жизнь ведь дается только один раз. Итак, вы хотите лететь, мистер Хорн. Вам наверняка мой вертолет покажется не таким удобным, как ваш. Это одна из тех машин, которую сегодня ночью я использовал для буксировки. Но это ваша единственная возможность.

Хорн кивнул и смущенно повернулся к Дорди:

— Я, право, не знаю, как мне вас благодарить. Могу я что-нибудь сделать для вас? Вы уже сказали мне, что деньги для вас ничего не значат.

Берл издал странный звук, нечто среднее между ворчанием и смехом, встал и направился к двери.

— Нет, мне не нужно никакой благодарности,— ответил Дорди,— по крайней мере, не как андроиду. Поверьте, я не сделал бы для вас ни на волосок больше того, что входит в мои обязанности, если бы вы не сказали, что хотите продолжить работу Ларса Талибранда.

Хорн это сказал, или это было только неизбежным выводом из его желания покинуть Землю и последовать по следам Ларса Талибранда? Он почувствовал себя смущенным и удивленно спросил себя, действительно ли он дал такое обещание. Затем он произнес:

— Минуточку. В чем, собственно, заключалась работа Талибранда, о которой вы, кажется, так много знаете?

— Вы уже по уши влипли в это,— твердо сказал Дорди,— нравится вам это или нет. Вы увязли в этом по горло, и теперь от вас зависит, вернетесь вы назад с целой шеей или нет. До свидания, мистер Хорн.

Чувство глубокой обеспокоенности и одиночества охватило Хорна, и он вздрогнул. Ему показалось, что

он идет по краю пропасти и видит, как неумолимо сползает в бездну, размахивая руками и пытаясь найти опору, но не находит ее. За этим чувством последовало странное полное спокойствие.

Он протянул руку Дорди и с гордостью убедился, что она не дрожит. Немного поколебавшись, Дорди пожал ее. Берл, стоящий сзади, снова издал какой-то звук. На этот раз это было выражение удивленного признания.

Вертолет действительно сильно отличался от пассажирской модели, к которой он привык. Неуклюжая, но мощная машина с ревом летела сквозь ночь. По обеим сторонам втянутых буксировочных крюков далеко в стороны выступали посадочные полозья. Хорн весьма неудобно устроился на гладкой металлической скамье между ящиком с инструментами и дверью с быстро отпирающимся замком, которая казалась довольно тонкой.

— Машина не предназначена для подобных путешествий,— объяснил Берл весело.

Они находились в воздухе уже час. Берл наблюдал за безуспешными попытками Хорна усесться поудобнее и едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, но его выдавала сетка морщинок возле глаз, которая становилась все гуще. Это были первые слова, которые он произнес после отлета. До этого он почти с презрением игнорировал попытки Хорна завязать с ним разговор.

Здесь, наверху, в звездном небе было холодно. Хорн откинулся на спинку скамьи, чтобы хоть немного согреться в тепле, которое излучали турбины за стенкой кабины.

— Для чего же, собственно, построена эта машина? — спросил он наконец.— Вы, кажется, го-

ворили, что она предназначена для буксировки, не так ли?

Берл кивнул:

— Этот вертолет специально сконструирован для тяжелых подъемных работ. Там, внизу, между полозьями находится универсальное сцепное устройство. За него можно зацепить одну, две, три и даже четыре наземные машины, можно подвесить легкую ракету. Турбины достаточно мощны, чтобы поднять их и перенести по воздуху на расстояние в несколько сотен миль.

Хорн с интересом посмотрел вниз.

— Вы никогда не видели такой вертолет за работой?

Хорн покачал головой:

— Мне кажется, я однажды был поблизости, когда произошел несчастный случай, но когда я там появился, место аварии уже было оцеплено.

Внезапно у него мелькнула какая-то мысль, и он добавил:

— Ваши люди, должно быть, работают дьявольски быстро.

Берл усмехнулся:

— По крайней мере, мы пытаемся. Сейчас, конечно, здесь не используют такие тяжелые буксировочные вертолеты, как этот, потому что, кроме шаровых такси, на дорогах никого нет. Если какое-нибудь транспортное средство попадет в затруднительное положение, нам понадобится только механик-электронщик, но никак не буксировочный вертолет.

Они миновали восточный край города, которого Хорн не знал. Из вертолета были видны пятна молочно-белого света, похожие на далекие галактики, какими они кажутся в мощном телескопе. Точки яркого света только подчеркивали это сходство.

Хорн сказал об этом Берлу. Тот проворчал:

— Я не имею об этом никакого представления. Я занимаюсь только буксировкой.

«Тупица и даже еще хуже»,— подумал Хорн.

Он начал задавать андроиду вопросы о простейших вещах на Земле, которые раньше никогда не беспокоили его.

— Оказывается, я очень много не знаю,— произнес он вполголоса.— Может быть, имеет смысл, прежде чем покинуть Землю, сначала осмотреться вокруг?

Берл ничего ему не ответил.

Дерри внезапно понял, что вертолет теряет высоту, и группа огней перед ним обретает знакомую форму. Это был его дом. Они шли на посадку. Теперь он снова подумал о том, что скажет своей семье и какие возражения могут последовать за этим.

Чтобы обдумать все это, времени было вполне достаточно, хотя полет уже почти закончился. Остается час или даже два, пока члены его семьи не вернутся из города, чтобы проспать уже наступавший день. Или, может быть, все эти фонари там внизу значат, что в доме у него царит веселье?

Управляемый искусной рукой Берла вертолет мягко приземлился. Берл обернулся и нажал на ручку двери возле Хорна. Она открылась, и образовался трап. На негнувшихся ногах Хорн выбрался наружу, повернулся и оглянулся. Берл смотрел ему вслед.

— Дорди просил меня передать вам вот это,— сказал он.

Он бросил ему плоский и продолговатый предмет, и прежде чем Дерри поймал его, он понял, что это портмоне, принадлежавшее Ларсу Талибранду.

— Кстати, вы тут говорили о том, что стоит остаться на Земле, и узнать о работе разных людей и о многом другом. Так вот, не теряйте времени! Предоставьте андроидам заботиться о буксировке облом-

ков и общественном обеспечении, а сами делайте свою работу. Пока.

Дверь снова поднялась и закрылась.

Рев ротора усилился, и неуклюжая машина поднялась в небо. Хорн посмотрел ей вслед, повернулся и пошел к дому. Он, как бы взвешивая, держал в руке маленькое серое портмоне.

Его прибытие не осталось незамеченным, ведь огромный вертолет сильно шумел. Хотя он и сильно приглушил рев своих турбин, но все же это была не пассажирская машина. Идя через небольшой сад, за которым находился дом, Дерри видел, как зажигаются прожекторы и направляются на него, но смотрел только на свою руку с карманным фонариком. Вспыхнул еще один прожектор, и холодный голос, раздавшийся совсем близко, произнес:

— Доброе утро, мистер Дерри. Я рад, что вы вернулись назад.

— Спасибо, Роул. Ну... Кажется, ты не очень удивлен моим внезапным возвращением.

Хорн пошел рядом с андроидом-дворецким, служившим его семье с тех пор, как его доставили на Землю. Хорн слышал о скандале, который вспыхнул, когда ведущий производитель роботов на Земле вознамерился приобрести для ведения своего домашнего хозяйства андроида, привезенного с другой планеты. Скандал в конце концов прекратился, и было решено, что андроиды слишком ценны, чтобы их использовать в качестве личных слуг и дворецких, а Роул так и остался единственным андроидом, ведущим домашнее хозяйство одной из богатейших семей. Все остальные слуги были роботами, специально сконструированными для этого.

— Нет, мистер Дерри. Вы знаете, управляющий отелем, в котором вы остановились — или, точнее, его секретарь — сообщил мне о вашем прибытии.

— Как?! — воскликнул Хорн, и уставился на дворецкого.

Теперь они находились в довольно большом патио — внутреннем дворике перед домом.

Резная решетка его ограды была столь ажурной, что, казалось, патио вообще не огорожен. Можно было видеть, что в доме никого нет, кроме усердных слуг-роботов. Роул выключил свой переносной прожектор, потому что здесь было достаточно светло. При этом его взгляд упал на металлическую ткань портмоне в руке Хорна и словно прилип к нему.

Роул, казалось, и не собирался отвечать на его восклицание, и Хорн сменил тему:

— Я думаю, все остальные внизу, в городе, так?

— Да. Мистер Дерри-старший еще не вернулся домой. Миссис Лю сказала, что сегодня ее ждать не надо. Старый мистер Хорн заявил, что карнавал не доставит ему слишком много удовольствия. Он пребывал в очень плохом настроении, когда вчера вернулся домой, и, я думаю, сегодня он тоже не в лучшем расположении духа.

— А моя сестра?

— О, мисс Виа ушла с группой студентов под надзором своей кузины, миссис Леадоры, и ей ничего не грозит.

— Проклятье! Я совершенно забыл об этом. Ну хорошо, я все же должен попытаться. Как ты думаешь, в доме есть сто тысяч наличными, Роул?

Андроид с сомнением взглянул на него:

— Возможно, мистер Дерри. Хотя до конца карнавала здесь может быть всего пять или десять тысяч. Впрочем, управляющий вашего отеля сказал, что вы

намереваетесь покинуть Землю. Если мне будет позволено спросить, это правда, или вам просто не понравилось в отеле?

— Это истинная правда, Роул. Как только я смогу, я начну приводить в исполнение свой план, поэтому мне и нужны сто тысяч.

Он вошел в дом.

— Принесите мне аперитив и чего-нибудь перекусить, Роул. Я думаю, перед разговором с дедом мне нужно подкрепиться.

ГЛАВА 8

Дерри завтракал один за длинным просторным столом, протянувшимся из одного конца обеденного зала в другой. Одна из стен этого зала была совершенно прозрачной и открывала вид на патио. Другая стена переливалась постоянно менявшимися разноцветными световыми пятнами, которые образовали всевозможные узоры. На стене висел ковер, которому было уже больше тысячи лет. Он находился в витрине, заполненной гелием, и поэтому прекрасно сохранился.

Хорн успел поесть и вытащить сигарету, когда в зал вошли Виа и Леадора в сопровождении вопившей и шумевшей толпы молодых людей. Роул шел позади них.

Увидев брата, Виа с криком поспешила к нему.

— Дерри, это ты! Ты виноват в том, что я проиграла пари!

— Какое пари? — удивился Хорн.

— Я поспорила с Семпиджем, что тебе так понравится карнавал, что ты не вернешься домой, потому что гораздо приятнее провести карнавал с людьми,

которых ты не знаешь. Итак, ты вернулся. Значит, он оказался прав, не так ли?

— Оставь меня в покое со своим глупым пари,— огрызнулся Хорн и встал из-за стола.— Я вернулся сюда не из-за карнавала. Меня больше не интересует карнавал и все, что с ним связано. Я хочу попросить у деда сто тысяч, чтобы отправиться на Ньюхольм или куда-нибудь еще подальше. Для начала этого достаточно.

— Где это? — немного неуверенно спросила Виа.— Это далеко?

— Это довольно далеко от Земли, но не очень! — сердито ответил ей Хорн.

Все сразу повернулись к Дерри и уставились на него. Юноша лет восемнадцати отделился от остальных и подошел ближе. Хорн равнодушно посмотрел на него. Он едва слышал, как Виа объяснила ему, что это тот самый Семпидж с которым она спорила.

— Если я вас правильно понял, вы хотите покинуть Землю? — переспросил Семпидж.

Хорн кивнул.

— Почему? Я имею в виду, почему в разгар карнавала? Если вас именно сейчас обуяла жажда путешествий, то это очень странно.

— Мне просто все наскучило,— грубо отрезал Хорн.

Кто-то бросил подушку из угла комнаты, однако она не попала в Семпиджа, в которого, очевидно, была нацелена, а угодила прямо в лицо Хорна. В одно мгновение разгорелся жаркий бой подушками, сопровождающийся взрывами смеха и припадками деланного страха. Хорн потерял равновесие и упал, сильно ударившись.

— Что, черт побери, все это значит? Роул, выбросьте из дома эту банду буянов. А теперь хватит!

Молчание опустилось, словно ночь на лишенной атмосферы планете. Молодые люди аккуратно положили подушки на место и робко пробормотали:

— Доброе утро, сэр.

Потом они поспешно отступили. Виа и Сэмпидж исчезли вместе с ними.

В дверях стоял дед, старый мистер Хорн, грозно взирающий на всех из-под нахмуренных бровей.

— Роул, напиток! — приказал он.

Роул повиновался. Только когда мистер Хорн медленно садился, он заметил своего внука, который медленно поднимался с пола.

— Дерри! Что, черт побери, ты здесь делаешь? Я думал, наше общество во время этого ежегодного карнавала недостаточно хорошо для тебя! Ты изменил свое мнение?

Обычно в присутствии своего деда Дерри вел себя очень уважительно, но теперь он оказался в положении, в котором был бы рад принять даже помощь черта. Так же сурово, как был задан вопрос, он ответил:

— Я решил, что такое общество вообще не подходит для меня, и пришел сюда, чтобы попросить из своего наследства сто тысяч, потому что собираюсь покинуть Землю.

Старик недоверчиво нагнулся вперед.

Роул протянул ему поднос с богатым выбором напитков, но старый Хорн нетерпеливо отослал его назад взмахом руки.

— Мальчик, ты или потерял разум, или... А, теперь я понимаю!

Он, усмехнувшись, выпрямился.

— Что это за девушка? Нужно быть сумасшедшим, чтобы решиться на такой самоубийственный поступок.

— Нет никакой девушки! — грубо ответил Дерри.— Я просто устал от карнавала, от Земли, и, кроме того, там, снаружи, мне нужно кое-что сделать.

Девяностолетний возраст деда всегда угнетал Хорна. Тот часто использовал это, чтобы брать внука под свое отеческое покровительство. И теперь он похлопал по подушке, приглашая Дерри сесть рядом с ним.

— Подойди и сядь, Дерри,— позвал он.— Никто не может сказать, что у меня нет времени заниматься делами моей семьи.

Хорн покачал головой и остался стоять.

Дед пожал плечами:

— Ну, хорошо. Итак, теперь поговорим о твоем отъезде с Земли. Ты совершил какое-нибудь тяжкое преступление?

— Вчера ночью я убил человека, офицера полиции,— начал Дерри.

Старый Хорн вскочил.

— Это, конечно, неприятно. Я так и думал, что за твоими намерениями что-то кроется. Но даже офицер полиции — это не так уж страшно. Как это произошло?

— Он вызвал меня на дуэль и вынудил сражаться с ним.

— Ты убил вызвавшего тебя человека на дуэли по всем правилам? К черту, юноша. Это же карнавал! Поэтому они вообще ничего не смогут тебе сделать. Разве ты этого не понимаешь?

Старик мысленно снова закрыл свой кошелек.

Снаружи донесся резкий звук — это приземлился вертолет. Старик повернулся к дворецкому.

— Роул, где мой напиток, который я тебе заказывал? Ах да, вот же он стоит. Чей это вертолет?

— Мистера Дерри-старшего, сэр. Во всяком случае, такой же.

— Ну хорошо, теперь слушай меня, юноша. Ты выпьешь стаканчик и останешься здесь, пока не вернется твой отец, а там мы посмотрим, как нам выбить из твоей головы это безумное намерение.

Отец ввалился в комнату пьяный в дым, едва передвигая ноги. Старик сердито заворчал и отослал Роула, чтобы тот принес средство против алкоголя. Дерри Хорн-старший слабо запротестовал. Старик усадил его в кресло, словно тот был маленьким ребенком.

— А теперь постарайся сделать так, чтобы твоя голова прояснилась как можно быстрее. Ты, кажется, не представляешь всю меру своей ответственности! Здесь сидит молодой человек, и голова его полна сумасшедших планов. Он хочет покинуть Землю, а ты надрался как сапожник.

Дерри Хорн-старший встрепенулся.

— Что он хочет? — спросил он и посмотрел на своего сына.— Какие у него планы?

— Вот это уже лучше,— резко сказал старик.— Теперь, мой мальчик, ты должен рассказать нам все, а мы подумаем.

Хорн повиновался. У него не было особых планов, но он хотел получить деньги и уйти, оставив остальных членов семьи гадать, что они сделали не так и почему он так поступил. События, которые привели его к этому решению, так сильно повлияли на него, что он просто не мог рассказать всю правду.

Когда Дерри закончил, воцарилось молчание. Он напрасно искал на лицах своих слушателей признаки понимания. Он даже взглянул на Роула, стоявшего сзади, но андроид держался в тени, и по его лицу невозможно было прочесть, о чем тот думает.

— Итак, из-за того, что ты увидел какого-то парня с другой планеты, который позволил убить себя во

время карнавала,— заговорил наконец отец,— ты хочешь избавиться от обязательств по отношению к твоей семье и отправиться на какой-то чужой мир, где, вероятно, станешь простым фермером и проживешь до конца своих дней в грязи и дерьме.

— Обязательства по отношению к семье! — вспыхнул Дерри.— От тебя это слышать особенно интересно! Я еще не видел, чтобы ты хоть когда-нибудь не перекладывал собственные обязательства на деда.

— Это уж слишком! Сейчас я положу тебя через колено и задам хорошую трепку,— покраснев, ответил отец.

— Сиди, Дерри! — приказал старик, когда Дерри Хорн-старший попытался встать и выполнить свою угрозу.— Это не очень срочно! Я думаю, мы должны что-то предпринять против этого андроида из отеля, который вбил в голову твоего сына идею, что ему угрожает опасность из-за того, что он впутался в это убийство человека из другого мира. Мы позаботимся о нем!

— Ты не сделаешь этого! Мне надоело прятаться за вашими деньгами! — прервал его Дерри.

Старик бросил на него грозный взгляд:

— Я думаю, ты убежден в том, что уже стал достаточно взрослым и независимым, так? Хорошо! И у тебя хватило совести прийти сюда и просить у меня сто тысяч, а? Это в пять раз больше той суммы, которая требуется, чтобы уладить все это дело, не покидая Земли.

— Ну хорошо,— устало проговорил Хорн.— Не будем больше говорить об этом. Мне кажется, у меня хватит денег на билет до Ньюхольма. И если во мне есть что-то достойное уважения, я сделаю это, а если нет... ну, это тоже неплохо. Тогда, значит, моя жизнь не имеет никакого смысла.

— Отец,— сказал Дерри-старший и нервно подергал старика за рукав, не спуская глаз с лица своего сына.— Я думаю, он говорит совершенно серьезно.

— Наконец-то, что-то пробилось через твой толстый череп! — фыркнул старый Хорн.

— Как ты, собственно, говоришь со мной? Ты можешь считать серьезными все эти мечты о путешествии и получении звания Гражданина Галактики и все такое, но от меня ты этого ожидать не можешь. Если бы у тебя было достаточно ума, ты бы не совал свой нос куда не следует из-за этого андроида, не имеющего никакой цены!

— За прошедшие сутки я повстречал многих андроидов, которые были лучшими людьми, чем, например, ты! Проклятье! По крайней мере, они занимаются полезной работой!

За этим последовала длинная пауза ледяного молчания. Наконец ее нарушил шелест банкнот, которые отсчитывал его дед.

— Если ты имеешь что-нибудь против нас, юноша, тогда, я думаю, тебе действительно будет лучше как можно быстрее покинуть Землю,— сказал дед. Его глаза и все лицо словно окаменели.— Ты считаешь, что андроиды заняты более полезной работой, чем я или твой отец, и поэтому я заставлю тебя выполнять работу андроида. Сегодня из Фаравай Филд отправляется корабль с грузом роботов на борту. Он с Ньюхольма, и его экипаж не участвует в карнавале. В качестве сопровождающего я намеревался отправить на нем андроида, но вместо него пошлю тебя. Не перебивай меня! — проревел он своему внуку, который хотел слабо запротестовать.— Мой потомок, который хочет якшаться с андроидами вместо того, чтобы общаться с себе подобными — это слишком отвратительно, чтобы можно было оставаться спокойным.

Он протянул Дерри пачку банкнот, которые вынул из своего кармана.

— Это плата за рейс. Здесь двадцать тысяч. Заметить, я еще очень великодушен. Андроид стоил бы мне только питания, питья и одежды. Тебе нужно больше двадцати тысяч? Все зависит от тебя! Я позабочусь, чтобы тебе не позволили вернуться на Землю, даже если у тебя будет с собой в два раза больше денег, чем сейчас. Нужно тебе больше или нет?

Дерри, удивляясь своему спокойствию, взял деньги и тщательно пересчитал их. Отсчитав девятнадцать тысяч, он протянул деду остальные.

— Это за еду, питье и одежду, которые мне понадобятся,— сказал он, и в его голосе прозвучала глубокая обида.

Дед побагровел, медленно поднялся и указал рукой на дверь.

— Вон! — рявкнул он.— Вон, и больше не возвращайся!

Потом он повернулся на каблуках и стремительно вышел из комнаты.

ГЛАВА 9

— Это каюта для сопровождающего грузы,— пояснил мужчина с холодными глазами, который был Первым Офицером Корабля, и показал большим пальцем на узкий люк, ведущий в крошечную каютку.— Затаскивайте сюда свои вещи, потом отправляйтесь в грузовой трюм номер один и проверьте, чтобы все было как можно быстрее приведено в соответствие с корабельными правилами. У вас есть еще двадцать пять минут.

Он отступил назад, пропуская Хорна. Хорну наконец удалось протиснуться в узкий люк. Он бросил свои вещи на пол и осмотрелся. На его лице, должно быть, отразились его чувства, потому что Офицер пожал плечами.

— Это помещение для андроида,— сказал он.— Чего же вы еще ожидали?

Когда Первый Офицер ушел, Хорн запихнул большинство своих вещей под кровать и между кроватью и санузлом. Потом опустился на постель и закрыл лицо ладонями. Ну вот он и оказался здесь.

Теперь он должен полагаться только на себя, и все зависело от того, как он будет вести себя дальше. Перед его глазами снова возникла жаркая сцена с его отцом и дедом, и он чуть ли не ругал себя за нее. Наконец он отбросил эту довольно сильную обиду. Он пришел домой, чтобы что-то потребовать от них, но, к сожалению, такова была их причуда.

Нет, это не было причудой! Он опустил руки, поднял голову и огляделся. Это не было причудой, которая пройдет, и чувство раскаяния и жалости к самому себе оставило его. Это было настоящее решение. Но он чувствовал себя до смешного молодым и не был в состоянии управлять своей судьбой.

Дерри внимательно осмотрел каюту. Кровать, на которой он сидел, была почти такой же жесткой, как металлическая скамья в вертолете, в котором Берл привез его домой. Поодаль стояла раковина умывальника, над которой было нечто вроде экрана, и кран, нацеленный точно в трубу для отходов. Труба не имела затычки. Прошло несколько минут, пока он не понял, почему. Когда они окажутся в невесомости, вода будет разбрызгиваться по всему помещению, вместо того чтобы течь в кастрюлю. В каюте, кроме этого, был еще маленький шкаф для одежды. Больше ничего.

Он с ужасом заметил, что пять минут из драгоценных двадцати пяти уже прошли. Он умылся, быстро сменил свою одежду на плохо сидевший на нем китель космического торговца, который дал ему Первый Офицер, и выбрался из каюты.

Дерри пришлось помучиться, прежде чем он нашел грузовой трюм номер один. Когда ему это наконец удалось, он увидел там Первого Офицера, который с нетерпением ждал его.

— Где вы, черт побери, задержались, Хорн? — проревел он и, прежде чем Дерри успел что-либо объяснить, продолжил:

— Теперь я уже вижу, что нам предстоит трудный полет с проклятым, глупым человеком-сопровождающим на борту. Андроиды, по крайней мере, делают то, что им приказывают!

Хорн с горящими глазами взял список грузов и начал усердно сверять его, ящик за ящиком, в которых лежали роботы в пластиковой упаковке. Офицер объяснил ему непонятные, необычные кодовые цифры. Работа была тяжелой. Приходилось лазить во все закутки и искать маркировку.

Отведенное ему время истекло, а он еще не проверил восемнадцать закутков. Офицер с досадой указал ему, что он должен перелистнуть две страницы списка.

— Ну хорошо,— сказал он наконец.— А теперь назад, в каюту. Через четверть часа будет еда, а через два часа мы стартуем. Я не знаю, чем вас будут кормить, но, думаю, не кормом для андроидов, потому что вы все-таки человек. Я еще никогда так не жалел об андроидах, как теперь.

Но когда офицер привел Хорна на обед в кают-компанию, капитан Ларроу, краснолицый мужчина с

густыми, пушистыми бровями, уже сидевший за столом, положил вилку и уставился на вошедших.

— Хорн,— ледяным голосом произнес он,— что вы здесь делаете?

— Меня привел сюда Первый Офицер,— ответил Хорн, удивленно посмотрев на него.

Капитан отвел от него взгляд.

— Диз, вы ведете себя, по меньшей мере, странно! Разве я вам не говорил, что старший Хорн строго-настрого приказал мне, чтобы с нашим помощником обращались, как с андроидом? Это касается так же и еды, и всего остального!

Отправьте его обратно в каюту и выдайте ему его рацион. И примите во внимание, Хорн, в следующий обеденный перерыв вы пойдете к стюарду мистеру Арглевейну и возьмете себе еду у него. Может быть, она покажется вам не такой вкусной, как те деликатесы, которые вы ели там, внизу, на Земле, но вы не получите ничего другого. Я как-то тоже несколько дней питался этим.

Он заворчал и повернулся к сочному куску мяса на тарелке перед ним.

Еда андроидов оказалась чем-то вроде серо-зеленой каши, которая, вероятно, была изготовлена из водорослей. Хорн проглотил немного, однако его желудок тут же вытолкнул все обратно, потому что они уже находились в невесомости.

— Вы должны забыть об этом,— с сожалением сказал Диз, проходя мимо,— хотя бы в течение восьми часов. Сопровождающий на борту довольно сильно занят.

Он висел примерно в футе от пола.

— Вы поймете, что это не преувеличение, поверьте мне.

— Я верю вам,— слабо отозвался Хорн.— Скажите, мистер Диз! Минуточку, мистер Диз!

— Что еще?

Первый Офицер остановился, повиснув в воздухе и слегка придерживаясь рукой за край стола.

— Вы же с Ньюхольма, не так ли?

— Да, конечно! Вы на борту корабля с Ньюхольма.

— Как выглядит этот Ньюхольм? Я имею в виду, там так же, как и везде? Чем он отличается от Земли?

Хорн попытался отстегнуть ремни, которыми был пристегнут к постели. Его лицо было почти такого же цвета, как и неудобоваримая еда андроидов, которую он снова и снова извергал из себя.

— Это довольно забавный вопрос,— сказал Диз, снова медленно проплывая через люк.— Почему вы это хотите знать?

— Это одно из оснований, почему я сказал деду, что хочу покинуть Землю.— Хорн слабо махнул рукой.— Люди живут на двадцати или больше того мирах, но на Земле мы знаем о них очень мало, кроме, может быть, того, что покупаем импортируемые оттуда товары. Я хочу знать, каковы люди здесь, вне Земли, как они одеты, что едят. Я хочу знать, в чем заключается разница между их образом жизни и нашим.

— Ха! — усмехнулся Диз, поудобнее устроился в воздухе и достал из кармана трубку. Когда ему наконец удалось раскурить ее, несмотря на поток воздуха из вентиляторов, он ответил: — Это звучит весьма разумно.

Диз сказал, что жители Земли могут вообще ни о чем не жалеть, так как они очень заняты собой и своим образом жизни. Но он сделал Хорну комплимент, почувствовав честные намерения, кроющиеся за его

первым наивным вопросом, и рассказал ему многое о мирах, которые он посетил. И вообще он заметно облегчал жизнь Хорна на корабле, иногда помогая ему или давая указания, без которых у Дерри было бы намного больше лишней тяжелой работы.

Через три дня после старта с Земли Диз постучал в дверь Хорна, когда тот хлебал ложкой серо-зеленую кашу.

— Идемте со мной!

Он махнул рукой и поспешил по главному коридору к кают-компании. Удивленный Хорн на мгновение задержался у входа, когда на него посмотрели другие члены экипажа. Потом капитан Ларроу протянул руку и указал ему на стул.

— Пожалуйста, поешьте с нами,— сказал он сдавленным голосом.— Мистер Диз сообщил мне, что вы хорошо подходите к нашему обществу.

Тремя днями позже они, сделав большой прыжок, оставили позади световые годы, разделяющие планеты. К этому времени Хорн понемногу начал обретать умение радоваться, хотя незадолго до этого он был уверен, что этого никогда не случится. Однажды он с удивлением обнаружил, что даже напевает какую-то мелодию.

После того как они совершили посадку на Ньюхольме и трюмы корабля опустели, а потом были вычищены, Дерри возвратился в каюту, чтобы забрать свои вещи, прежде чем он покинет корабль. Диз застал его там в его обычной одежде. Хорн стоял и думал, стоит ли ему брить бороду, которая успела отрасти за двенадцать дней.

— Итак, вы не остаетесь с нами,— заметил Диз.

— Нет.— Хорн в это мгновение решил оставить бороду.— Но я охотно снова полетел бы с вами, это уж точно.

— Буду рад, если снова увижу вас,— сказал Диз,— и думаю, что капитан думает так же, хотя он ничего и не говорил. И еще, я охотно взял бы назад все, что говорил об андроидах.

— Вы имеете в виду, что с ними было проще работать? — Хорн рассмеялся.— Это хорошо. Вероятно, это так. Что же вы погрузите в обратный рейс?

— Андроидов, как всегда.

— Андроидов? — От изумления Дерри уронил гребень в раковину.— Вы хотите сказать, что андроидов перевозят так же, как и роботов?

— Конечно! Кроме тех, кого назначают сопровождающими. Они получают здесь каюту. Мы берем вместо ящиков клетки, и андроиды хорошо переносят двенадцатидневное путешествие.

Хорн на мгновение уставился на него. Он вынудил себя улыбнуться, потом отвернулся.

— Вы напомнили мне о том, что я прилетел сюда только вчера,— сказал он.— С роботами проще.

— Андроиды больше не доставляют нам никаких неприятностей.

— Итак, ими активно торгуют, да? Я всегда думал, что большинство из них изготавливают на Земле.

Диз покачал головой:

— Если их вообще делают на Земле, то в очень малых количествах. Мы перевозим за каждый рейс тысячу восемьсот андроидов, и так все тридцать дней. Их делают даже не на Ньюхольме, здесь только перевалочная база. Их изготавливают далеко в космосе, может быть, на Лигосе или на Криу'и Дитч.

Итак, гордость семьи, что она владеет Роулом, импортным андроидом, была смешной. Хорн рассмеялся, потом покачал головой, когда Диз спросил его о причине смеха, а затем нахмурился.

— Ну,— сказал Диз,— если вы останетесь здесь, тогда один из нас должен сопровождать вас.— Он

оттолкнулся от стены, о которую облокотился.— Хотите поехать со мной в город, чтобы познакомиться с местными людьми?

— Это было бы великолепно,— ответил Дерри.— Только еще минутку, пожалуйста, я посмотрю, не забыл ли чего-нибудь.

Он заглянул в шкаф и под кровать, но не нашел ничего. Потом еще раз убедился, что деньги надежно спрятаны. У него было двадцать шесть тысяч вместе с теми деньгами, которые он не истратил на карнавале.

Наконец он достал маленькое серое портмоне из металлической ткани, чтобы убедиться что оно все еще при нем. Он хотел было сунуть его обратно, но Диз захватил его руку железным захватом.

— Эй! — запротестовал Хорн.

Тут он увидел, что в глазах Диза вспыхнуло сумасшедшее возбуждение.

— Что с вами?

В поведении Диза было что-то агрессивное. Он выхватил портмоне у Дерри и теперь держал его в вытянутой руке.

— Как, тысяча чертей, у вас оказалось это? — спросил он ледяным голосом.— Вы никогда не сделали ничего такого, что могло бы дать вам эту вещь, вы, жалкий земной обманщик!

ГЛАВА 10

Хорн нервно усмехнулся:

— Почему вы не посмотрите на эту книжечку? Она принадлежит не мне, и я даже не пытался присвоить ее.

Недоверчиво, словно нехотя, Диз отвел взгляд от лица Хорна и взглянул на серое пятно мертвого пластифото.

— Откуда она вообще взялась у вас?

— Она принадлежит человеку, убитому в том отеле, где я недавно проживал. Он дал ее андроиду, который замещал управляющего отелем. Я обнаружил убитого. Позже андроид отдал мне эту книжечку. То, что я рассказал вам о причинах, побудивших меня покинуть Землю, не совсем верно, хотя в основных чертах это и так. Я решил проследить путь Ларса Талибранда и узнать, почему же его все-таки убили.

Недоверие в глазах Диза начало сменяться признательностью.

— Почему андроид отдал книжечку именно вам? — поинтересовался он.

Хорн развел руками:

— В тот же день убили андроида. Вероятно, это сделал один убийца. Секретарь управляющего отелем — андроид, как я уже вам говорил. Наверное, я произвел на него хорошее впечатление. Сам он не мог предпринять это путешествие, и поэтому решил побудить к этому меня. И вот я здесь.

Диз горько усмехнулся:

— Друг мой, я не думаю, что снова увижу вас на нашем корабле. Вы вряд ли проживете так долго.— Он почти с благоговением перелистал книжечку.— Вокруг всего этого что-то затевается, не так ли?

Он рассматривал штемпели отбытия и прибытия на последних страницах.

Хорн облокотился о раковину.

— Скажите, вы много знаете об этом документе? Я никогда прежде не видел такого.

— Я тоже, во всяком случае, настоящего. Конечно, я видел изображение таких книжечек, поэтому-то и узнал ее сразу.

Он закрыл книжечку и сунул ее назад в портмоне.

— Ну, а кто, собственно, они такие, Граждане Галактики? Что они делают?

— Больше, чем мы все вместе взятые,— коротко сказал Диз и вложил портмоне в руку Хорна.

— Я совсем ничего не знаю о них,— объяснил Хорн.— Мне рассказывали, что на Земле их совсем не признают.

— Эти дураки на Земле не признают ничего, даже если Солнце сойдет со своей орбиты,— усмехнулся Диз.— Ну, хорошо. Я буду с вами откровенен, хотя это звучит почти смешно. Здесь, вне Земли, мы изучаем это уже в первом классе начальной школы. В настоящее время существуют три Гражданина Галактики, нет, извините, только два, потому что Ларс Талибранд убит. Так его звали, не правда ли? Ларс Талибранд! Мы знали, что он получил звание Гражданина Галактики несколько лет назад, но мы не знали, кем он был. Как только стали известны его имя и внешность, о нем говорили, что, куда бы он ни отправился, он повсюду занимается своей работой.

Два других Гражданина Галактики уже стары. Один из них живет на Вернье, а другой на Эрсуорлде. Гайк с Вернье был врачом. Он заразил сам себя несколькими болезнями, и все думали, что ему уже ничем нельзя помочь. Но он вылечился. Он изобрел какой-то препарат, который синтезировал в своей собственной лаборатории и о котором говорил, что тот может вылечить все болезни, какими бы они ни были. Гайк отказался от помощи добровольцев в испытании этого препарата, опасаясь за их жизни.

— Итак, этот препарат оказался эффективным?

— Да. Но он узнал об этом тогда, когда испытал его на себе.

— Он, кажется, был храбрым человеком,— сказал Хорн.— А как насчет того, на Эрсуорлде?

— Это космический исследователь,— гордо ответил Диз.— Одна из звезд должна была вот-вот превратиться в Новую. До этого никогда не удавалось произвести полные спектрографические исследования такого превращения. Поэтому на ближайшей к звезде планете установили автоматическую наблюдательную станцию, с которой по радио должны были передаваться технические данные. Однако когда процессы на Новой начали развиваться, помехи стали настолько сильными, что радиосигналы больше не проходили. На самописцах наблюдательной станции были зафиксированы все данные, необходимые нам. Роботов посылать было нельзя, потому что при таком напряжении магнитных полей они выходили из строя. Поэтому туда отправился этот человек и забрал данные. Он довольно сильно обгорел и стал инвалидом. Итак, вы видите, чтобы получить звание Гражданина Галактики, надо сделать что-то необходимое народам всех планет.

Хорн заморгал.

— И насколько он помог людям, доставив данные этих приборов? — спросил он.

— Ну, теперь никто может не бояться, что их миры неожиданно превратятся в пепел. Мы теперь можем эвакуировать население прежде, чем Солнце планетной системы достигнет опасного периода превращения в Новую. Теперь вы понимаете?

— Итак, теперь люди имеют возможность получить предупреждение?

— Да, именно так.

— А как насчет Ларса Талибранда?

Хорн постучал по книжечке в портмоне.

— О нем я ничего не знаю. Это, конечно, было что-то другое. Может, он наткнулся на какую-то банду гангстеров, уничтожил какое-то объединение торговцев наркотиками или это тоже как-то связано с медициной.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Такое уже было. Какая-нибудь банда имеет значительный запас антибиотиков, а когда начинается эпидемия, она взвинчивает на них цены. Или разбавляет лекарства водой, так что люди продолжают болеть и вынуждены покупать гораздо больше лекарств и дольше использовать их, чем это необходимо.

— Если Талибранд выступил против чего-нибудь подобного, тогда торговцы должны были так сильно возненавидеть его, что преследовали его даже на Земле,— вслух подумал Хорн.

— Да, это вероятно. Ну, будем надеяться, теперь, когда он мертв, подробности будут опубликованы.

— А может быть и нет.— Хорн пожал плечами.— А если он еще не довел свою работу до конца?

Диз кивнул.

— Тут вы, возможно, и правы,— согласился он.— Теперь, если вы готовы, пойдемте. Мы можем великолепно побеседовать в дороге, а также быстрее найти чего-нибудь выпить.

Хорна со всей силой охватило чувство, что здесь все совершенно иное, чем на Земле. Сначала это были только мелочи, как, например, непривычные очертания домов, очень близко расположенных друг к другу, почти полное отсутствие вертолетов. На краю поля космодрома стояли общественные машины, ожидавшие пассажиров, но нигде не было видно личных машин. Повсюду, гудя моторами, сновали наземные экипажи.

Электроэнергия здесь вырабатывалась при помощи солнечных батарей, как объяснил ему Диз.

Сначала Хорну бросились в глаза различия, но потом он обнаружил и сходство. Люди, которых он видел на улицах, мужчины и женщины, походили на землян, только были более скромно одетых, более темнокожие и более низкорослые.

Хорн и Диз поднялись в один из экипажей, который Диз назвал автобусом. Водитель был человеком. На Земле, напротив, весь транспорт управлялся роботами, а средства междугородного и межконтинентального сообщения — андроидами.

Хорн сделал еще одно открытие. До сих пор со времени своего прибытия он не видел ни одного андроида, хотя на Земле в любом городе едва ли можно было провести десять минут, не встретив какого-нибудь голубокожего. Он сказал об этом Дизу, и тот сухо рассмеялся.

— Вы действительно должны были заметить это, но ваши выводы невероятно наивны. Андроиды стоят денег. Они стоят даже слишком много. На всем Ньюхольме их найдется всего штук двадцать, за исключением транзитных. Их переправляют на Землю, а мы получаем роботов, машины и многое другое. Мы можем обойтись без андроидов, а без роботов — нет.

— Здесь не делают роботов?

— Только простейших. У нас нет вспомогательных источников сырья и энергии, чтобы изготавливать таких роботов, каких делает ваш дед.

Дальше они ехали молча. Во всем этом деле с андроидами было что-то очень странное. Это смущало Хорна тем сильнее, чем больше он узнавал о них.

Диз толкнул его, встал и вышел из автобуса. Дерри последовал за ним и сразу же оказался на краю тихой улицы под густыми кронами деревьев, которые бросали

свои тени на длинные одноэтажные здания. Диз прошел вперед к находившейся метрах в двадцати двери в сад. Он сделал Хорну знак следовать за ним, и, когда они шли по тропинке к дому, дверь дома распахнулась, и два мальчика лет восьми и десяти с громкими радостными криками выбежали им навстечу.

Хорн с легким смущением отступил назад. Он подумал, что Диз, пригласив его, забыл сообщить, что они идут к нему домой.

Диз, взяв сыновей за руки, повернулся и пригласил Хорна следовать за ним.

Теперь на пороге появилась его жена, миловидная и изящная женщина. Она удивленно остановилась, увидев, что Диз прибыл не один.

— Это Дерри Хорн, он был с нами в этом полете,— объяснил Диз.— Он с Земли, но все в порядке.

Это был двойной комплимент. Хорн надеялся, что его чувства не слишком сильно отразились на его лице, когда с ним поздоровались и провели в дом.

Мебель не отличалась от земной, но, несомненно, она была изготовлена из местного материала. Она выглядела очень прочной и казалась не такой легкой, почти невесомой, как мебель на Земле.

Оба мальчика хотели, чтобы им рассказали о том, как проходил этот полет. Жена Диза принесла приятно пахнувший напиток в расписных кружках. Хорн поблагодарил ее, сделал глоток и стал слушать Диза.

Немного позже Диз отослал мальчиков и взглянул на своего гостя.

— Извините, меня здесь долго не было, и поэтому в доме нет покоя. Я должен был предупредить вас. Я привел вас сюда, так как думаю, что, попав на Ньюхольм или на какой-нибудь другой мир, вы сделаете неправильные выводы и посчитаете все это довольно

примитивным. Мы немного — как бы это сказать? — мелкобуржуазны, во всяком случае, так может показаться. Мы любим солидные вещи, склонны к нормальному, среднему уровню жизни.

Но теперь я хочу поговорить с вами. Я наблюдал за вами во время этого путешествия, и хорошо понял, что вы разумный человек, но, черт побери, я думаю, что вы немного сумасшедший, если решили взвалить на себя то дело, о котором вы мне рассказали. Да, я даже хотел попытаться отговорить вас от этого намерения, но теперь не думаю, что мне удастся сделать это. Для этого есть два основания. Однажды вы проявили мужество, а мужество и удача могут провести неординарного человека даже сквозь ад. И еще. Я не хочу удерживать землянина от того, чтобы он сделал что-то полезное, а не просто сидел на одном месте и всю свою жизнь окружал себя удобствами, как это делает, мне кажется, большинство из вас. Однако вы считаете, что — я ставлю себя на ваше место — выдержите все это? Имеете ли вы, по крайней мере, представление о том, как вам приступить к работе, которую вы хотите взвалить себе на плечи?

Хорн покачал головой:

— Я буду очень благодарен вам, если вы мне посоветуете, как избежать глупостей, когда я возьмусь за это дело.

— Это очень несложно. Вы на пару дней останетесь здесь. Вас здесь примут от всего сердца. Моя жена скоро привыкнет к вам. А вы должны привыкнуть думать, как человек, который много путешествует. Вы всю свою жизнь мыслили как землянин, но вы еще молоды, вы еще можете переучиться.

ГЛАВА 11

На Ньюхольме Дерри было особенно нечего делать, потому что, посмотрев на последние странички книжечки, он заметил, что там были только два штемпеля этой планеты. На них стояла недавняя дата, и Талибранд пробыл всего несколько дней. Это могло быть непосредственно перед его отлетом на Землю.

Более пристальное изучение этих страничек подсказало ему, что Талибранд чаще всего бывал на планете под названием Криу'и Дитч. За ней следовали Вернье и Лигос. Потом шли Эрсуорлд и другие.

Хорн вовсе не собирался изображать детектива и предъявлять мертвое пластифото в книжечке служащим космопорта и управляющим отелями, чтобы установить, видели ли они этого человека. Посетив многие места одно за другим, Дерри понял, что таинственная работа Талибранда не имела прямой связи с Ньюхольмом.

Диз рассказал ему кое-что о двухсторонней торговле, о своих путешествиях в последнее время между Ньюхольмом и Землей. В одном направлении шли роботы, в другом — андроиды. Соотношение было восемь к трем. Это вполне объяснялось ценой на роботов и андроидов и указывало на то, что торговля достаточно выгодна и стабильна.

Диз не знал, как давно ведется эта торговля. Очень вероятно, что намного дольше, чем кто-нибудь состоял на службе в космофлоте и мог помнить это, как объяснил Диз.

— Почему вас это так интересует? — спросил Диз.— Вы думаете, это как-то связано с Талибрандом?

Хорн пожал плечами:

— Весьма возможно. В конце концов, у Талибранда были основания доверить свое удостоверение Гражданина Галактики андроиду, которого он видел впервые. Я уверен, что Дорди сказал правду, когда поделился своими мыслями обо всем этом.

Дерри некоторое время помолчал. Потом он взглянул Дизу в лицо и продолжил:

— Я намереваюсь отправиться дальше, к месту назначения роботов. Треть груза, который мы взяли с собой в этот рейс, например, идет на Криу'и Дитч. Эта планета не была последней, которую посетил Талибранд перед прибытием на Ньюхольм по пути к Земле, но этот мир он посещал чаще всего, и именно там его впервые назвали Гражданином Галактики. Я всегда открыто говорю о том, что я внук владельца фирмы «Роботы Хорна», собираюсь обучиться делу и хочу посетить те миры, на которые экспортируется продукция этой фирмы.

— У меня сложилось впечатление, что вы порвали с семейным бизнесом,— произнес Диз, удивленно подняв брови.

— Может быть, это и так, но кто там, на Криу'и Дитч знает об этом? До этой планеты далеко, не так ли?

— Она четырьмя... нет, пятью системами дальше. Я летал туда два или три раза, когда проходил обучение. Это было до того, как я решил осесть здесь, жениться и добиваться патента капитана.

— И насколько вы в этом преуспели?

— Дела идут неплохо.— Диз рассмеялся: — Я же выбрал настоящую торговлю! Быть может, я даже займу место Ларроу, когда тот уйдет, но для этого мне нужно еще немного полетать.

Хорн рассеянно кивнул и взглянул на карту населения миров, одну из тех, которые встречались на

Ньюхольме повсюду. Ньюхольм был уже давно основанной колонией, она существовала уже так долго, что расматривалась как автономный мир. Но чем дальше находился мир, тем он был моложе. На краю неисследованной части Галактики, за пятьдесят или шестьдесят звездных систем от Ньюхольма лежали миры, названия которых писались в транскрипции, возле них стояли вопросительные знаки, иногда их обозначали между двумя группами звезд, потому что никто точно не знал, где они находятся.

Хорн почувствовал, как по спине пробежала дрожь напряженного ожидания. Он ощущал какое-то почти болезненное раздражение при мысли, что существуют миры, которые отрезаны от остального человечества такими чудовищными расстояниями. Он собрался.

— Ну,— произнес он задумчиво,— я думаю, сейчас самое время использовать деньги, которые дал мне дед.

Если бы Дерри хотел отправиться к ближайшей звездной системе, он мог бы воспользоваться сравнительно комфортабельным пассажирским лайнером. Имелось довольно много состоятельных пассажиров, в основном деловых людей, агентов по экспорту и импорту и других, которые летали в этом районе, но Криу'и Дитч находился вне обычных линий, это была точка, лежавшая на самой границе освоенного космоса.

Одетый по моде, которая господствовала сейчас на Земле, и с напускным равнодушием играя официальную роль внука богатого человека, который не очень доволен тем, что приходиться изучать семейный бизнес, Дерри забрел в бюро агенства космопорта. Он лениво рассматривал свои ногти, а ему в это время делали различные предложения.

— Лучше всего воспользуйтесь грузовиком на самой последней станции,— предлагали ему.— Там вы можете сделать это довольно быстро.

— Нет,— вяло отвечал Хорн.— Это займет слишком много времени. Я хочу закончить это путешествие как можно быстрее. В случае необходимости я могу лететь на простом грузовике прямо отсюда, если он немедленно отправляется на Криу'и Дитч.

Наконец ему сообщили, что один такой корабль должен стартовать на следующий день. Это был корабль, который перевозил роботов его собственной фирмы.

— Это мне подойдет,— сказал Хорн, отсчитал требуемую сумму и положил деньги на стол.

Дама, сидевшая в бюро, благосклонно улыбнулась ему. При виде новых банкнот она явно обрадовалась.

— Большое спасибо,— сказала она.

Она так быстро спрятала деньги, что могло показаться, будто они испарились, попав в поток свежего воздуха.

— Я лично позабочусь о ваших удобствах. Мы предоставим в ваше распоряжение каюту капитана.

— Это совершенно ни к чему,— проговорил Хорн подчеркнуто скучающим голосом.— Это может испортить настроение капитану, а плохое настроение капитана передается и его подчиненным, а потом и их подчиненным. Я хочу провести свое путешествие в приятной обстановке. Будет лучше, если вы дадите мне каюту офицера.

Он поднял глаза и улыбнулся женщине.

— Если у моего деда возникнет несварение желудка, тогда продукция ближайших двух дней будет заметно худшего качества.

Это замечание было довольно оскорбительным для его деда, но оно достигло своей цели. Женщина

согласилась сделать то, о чем он попросил. Она была очарована его привлекательностью, ясным мужским умом и красотой. Вероятно, еще пару дней она будет говорить только о нем.

Цена проезда до Криу'и Дитч была ниже, чем он ожидал. Как объяснил ему Диз, подлинная цена денег изменялась пропорционально расстоянию от Земли.

За несколько часов до запланированного отлета корабля он пошел в космопорт, чтобы уладить все формальности с администрацией. Диз пошел с ним, так как должен был вернуться на свой корабль и проследить за погрузкой.

Грузовик уже стоял на поле космодрома. С затянутого серой пеленой неба моросил редкий холодный дождь. Дул пронизывающий ветер. На огороженной площадке на краю космодрома стояли и лежали, тесно прижавшись друг к другу, сотни андроидов, защищенные от непогоды только пончо из грубой шерсти. Диз, взглянув на них, сердито фыркнул.

— Эти служащие космопорта — проклятые дураки! — выругался он.— Почему они, по крайней мере, не натянут над ними навес? Вероятно, половина этих андроидов погибнет от воспаления легких, когда мы возьмем их на борт в таком состоянии. Пожалуйста, извините меня. Сорвался. Но так можно и обанкротиться!

Он ушел, пообещав вернуться и отвести Хорна к кораблю. Хорн еще несколько раз оглянулся на андроидов, прежде чем отправился в бюро служащих космопорта.

Здесь его ждал, уже теряя терпение, Шембо — капитан корабля, который должен был доставить его на Криу'и Дитч. Этот стройный мужчина с низким голосом

говорил медленно, как бы сдерживая себя. Это сначала раздражало Дерри, и ему казалось, что капитан разговаривает с ним, как с недоразвитым существом, но потом он внезапно понял, что Шембо, уроженцу Криу'и Дитча, трудно говорить на чужом для него языке. О том, что, кроме английского, существуют еще какие-то языки, на которых где-то кто-то говорит, Дерри просто никогда не думал.

Шембо, казалось, старался быть вежливым с таким важным пассажиром. Когда формальности в бюро космопорта были улажены, он пригласил Хорна сопровождать его на корабль и лично повел его на поле космодрома. Дерри скользнул взглядом по ожидавшим отправления андроидам. Диз уже успел сделать кому-то выговор, и над андроидами натянули огромный навес.

— Хороший груз, а? — спросил Шембо и широко улыбнулся.— На этот раз мы привезли их очень много.

— Это вы их привезли сюда? Значит их изготовляют на Криу'и Дитче?

— О нет, эти доставлены издалека, извне. Я не знаю откуда. Мы получили их с другого корабля во время нашей посадки на Криу'и Дитче. Я купил лучших из них. Их предлагали... Как вы это называете, когда каждый предлагает свою цену?

— Аукцион? — произнес Хорн.

Шембо сложил большой и указательный пальцы в кольцо в знак согласия.

— Аукцион, верно. Я очень хороший покупатель для андроидов. Я беру лучших и хорошо забочусь о них. Они у меня почти никогда не погибают. Другие торговцы гораздо хуже. Они мало платят, получают плохой товар, теряют многих, пытаются заломить огромную цену, когда уже слишком поздно. Лучше владеть хорошими андроидами.

Они пошли дальше. Хорну все было очень интересно. Он никогда прежде не думал, что дальние миры обладали такой высокоразвитой технологией, чтобы создавать искусственную жизнь, изготавливать андроидов и торговать ими.

По пути к кораблю они прошли мимо отгороженной площадки с андроидами.

Шембо только поднял вверх руку, чтобы гордым жестом указать Хорну на свой корабль, когда сзади их кто-то окликнул. Дерри обернулся и увидел остановившийся шагах в двадцати от них ньюхольмский наземный общественный автомобиль. В открытом салоне машины стоял какой-то человек, придерживая рукой шляпу, потому что ветер пытался сорвать и унести ее.

— Вы Дерри Хорн? — крикнул он.

Хорн кивнул.

Водитель подъехал ближе и остановил машину возле Хорна и Шембо.

— Мне очень жаль, что я докучаю вам, мистер Хорн,— сказал человек в шляпе,— но не можете ли вы на минутку вернуться в бюро космопорта? Очевидно, служащие что-то просмотрели, когда оформляли ваши бумаги. Я думаю, это произошло потому, что вы ненадолго остановитесь на планете Криу'и Дитч.

Он произнес это сквозь зубы, словно хотел сказать: «Вы же знаете, как это бывает с оформлением». Хорн сердито пожал плечами и шагнул к машине.

— Мне очень жаль, капитан Шембо,— извинился он,— но я не намерен там задерживаться. Я один вернусь назад, к вашему кораблю, когда будут улажены все формальности.

Водитель вышел из машины и остановился, положив руку на дверцу, но внезапно замер, словно парализованный, и его глаза расширились от ужаса. Хорн отлетел в сторону от чудовищного толчка в плечо.

Шембо, обладавший огромной силой, выбросил вперед руку. В другой руке он держал пистолет, направив его прямо на обоих чужаков, прибывших в машине.

— У него все документы в порядке! — прошипел Шембо сквозь плотно сжатые зубы.— Я думаю, вы очень богатый человек, мистер Хорн. Я думаю, эти...

Он произнес слово, которого Хорн не понял. Вероятно, это было какое-то ругательство на родном языке капитана. Потом он продолжил:

— Эти типы пытались похитить вас из-за денег. Идите к кораблю. Бегите!

ГЛАВА 12

Шембо, казалось, мгновенно принял командование на себя, так что первой реакцией Хорна было починиться ему, но потом он взял себя в руки.

— Нет! — резко возразил он.— У меня есть лучшее предложение. Мы их обоих заберем с собой, как они хотели забрать меня. Если вы не имеете ничего против, конечно.

Он взглянул на Шембо.

Капитан невесело усмехнулся:

— Это хорошая мысль.— Вы умеете управлять этой машиной?

— Мы прикажем им выйти и идти пешком.— Хорн пожал плечами.— Пусть идут так же, как и мы.

— Хорошо.

Шембо направил пистолет на водителя.

— Ты... иди вместе со своим другом!

На секунду Хорну показалось, что водитель собирается рискнуть и попытаться бежать, но тот, словно опомнившись, повиновался.

Они приказали обоим мужчинам идти перед ними. Это было довольно трудно, но, к счастью, поблизости не было никого, кто стал бы задавать вопросы, кроме членов экипажа, которым они все вкратце объяснили.

Обоих похитителей поставили спинами к борту корабля. Шембо позвал с полдюжины крепких парней,— на этом корабле, казалось, был весьма многочисленный экипаж, гораздо более многочисленный, чем на тех кораблях, на которых побывал Хорн,— чтобы выставить охрану. Потом он опустил оружие.

— Все в порядке,— сказал Хорн самым серьезным тоном, на который только был способен.— Сначала мы хотим знать ваши имена и фамилии.

Водитель взглянул на своего бывшего пассажира, который, по-видимому, был старшим. Тот ничего не сказал, но кивнул водителю, словно ожидая от него каких-то действий. Однако водитель слабо покачал головой, и, к удивлению Хорна, пассажир ударил своего водителя в подбородок. Когда охранники подскочили, чтобы вмешаться, тот осел на землю.

Мгновением позже рядом с ним осел и пассажир, успевший перед этим как-то странно дернуть подбородком. Это движение многое объяснило Шембо. Он сунул палец в рот пассажира и пошарил там с недовольным ворчанием.

— Он прятал в зубе яд,— обратился он к Хорну.— Оба мертвы.

И тут Хорн со всей ясностью понял, что эти люди интересовались им потому, что он интересовался Ларсом Талибрандом. Внезапно он сильно пожалел, что не успел познакомиться с этим рыжеволосым человеком, когда тот еще был жив.

Что бы Талибранд сделал не его месте? Ну, он, может быть, знал, что нужно делать. Он же знал свою работу, а Хорн не знал ее. Если Талибранд попадал в

такое же положение, тогда нужно было все выяснить или умереть.

Он сказал Шембо, что надо забрать с трупов все, что может дать о них хоть какие-то сведения, и оставить их на месте. Пусть о них позаботятся ньюхольмцы. А ему пора отправляться на Криу'и Дитч.

Во время путешествия Хорн тщательно изучил вещи, изъятые при обыске обоих трупов, и обнаружил настоящий клад. Найденные документы свидетельствовали, что оба были агентами по экспорту и импорту с Мансплейна, одной из находившихся неподалеку планет. Их звали Удд и Кавелгрейк. Удд был старшим.

Хорн отложил документы и осмотрел другие вещи. Наличные он взял себе. Хотя их было всего несколько сотен, но они тоже могли пригодиться.

Три деловых письма оказались очень важными.

В одном из них сообщалось о прибытии на Ньюхольм грузовика с андроидами. Этот груз должен был транзитом отправиться на Землю, что называлось «обычной процедурой». Это письмо было очень коротким. Хорн скопировал подпись и взялся за следующее письмо.

Здесь он это и обнаружил! Он прочел адрес в столице Ньюхольма, которую только что покинул. Проклятье! Он охотно вернулся бы туда, чтобы посмотреть, кто такой был Кайер, подписавший это письмо. Оно гласило: «Мы узнали, что молодой человек, которого зовут Дерри Хорн и который утверждает, что он принадлежит к семье Хорнов — производителей роботов, намеревается 4.4.008. отправиться с Ньюхольма на Криу'и Дитч. Корабль с Криу'и Дитча, им командует капитан Шембо. В связи с тем, что вышеупомянутый Дерри Хорн оказался причастным к

смерти Ларса Талибранда, а позже убил одного из наших агентов, мы должны взять его под арест. Талибранд же был с Криу'и Дитча. Трудно предположить, что Хорн доставит нам серьезные неприятности, но мы хотим принять соответствующие меры предосторожности. Как я думаю, нам будет нетрудно арестовать его».

Хорн болезненно поморщился от слов «молодой человек», и взялся за третье письмо. На нем стояла более ранняя дата, оно было написано одиннадцать дней назад и тоже было коротким: «Вам больше не надо беспокоиться о криу'идитчианской проблеме. На Земле узнают об этом слишком поздно».

Хорн отложил письмо и задумался.

Во всей этой истории, казалось, начинала вырисовываться какая-то цепочка. Талибранд отдал свой документ о гражданстве андроиду. Лицо, объяснившее Хорну, что такое Гражданин Галактики, было андроидом. Агенты по экспорту и импорту, какими были Удд и его спутник, занимались торговлей андроидами...

И как же обстояли дела? Хорн на мгновение представил себе огромную межзвездную организацию андроидов-преступников, которые обменивались между собой сообщениями.

Могло ли это быть?

Нет! Эта мысль была смешной. Он снова вернулся к варианту, на который натолкнулся сначала, к факту, что Талибранд доверил свои документы Дорди. Однако это могло быть и не так. Но это тоже было смешно! Если Талибранд напал на след заговора андроидов, Дорди никогда не отдал бы документ человеку и никогда бы не побудил его продолжить работу Талибранда.

Он снова достал серое портмоне из металлической ткани и перелистал странички, заполненные штемпе-

лями. Слабый звук в коридоре насторожил его. И когда Шембо, коротко постучавшись, вплыл в каюту, Дерри поспешно убрал серое портмоне.

Капитан улыбнулся Хорну.

— Вы не то, что я ожидал,— сказал он без предисловий.— Они сказали мне, что я повезу избалованного, богатого молодого человека. Я думал, в этом рейсе мы все будем служить вам, как андроиды. Это не так?

— Не так,— ответил Хорн и тоже улыбнулся.— Точно так же, как вы говорили об андроидах, для моей семьи привычнее иметь дело с роботами. Те, которые в этом рейсе находятся в трюмах вашего корабля, изготовлены на фабриках моего деда.

Шембо медленно кивнул. Движение это передалось его телу, и он с минуту медленно качался в воздухе, как огромный маятник. Он еще усложнил движение тем, что достал пачку сигарет и предложил ее Хорну.

— И зачем же вы путешествуете?

Хорн поколебался. Шембо очень много сделал для него. Очевидно, он никогда не имел дела с людьми, которые стояли за Ларсом Талибрандом. Но будет лучше, если легенда останется без изменений.

— Мой дед хочет, чтобы я унаследовал его дело,— сказал он и пожал плечами.— Только мне не особенно нравится сидеть за письменным столом и считать на счетах. Я объяснил ему, что хочу позаботиться об экспорте. Поэтому он предложил, мне предпринять это путешествие и все осмотреть лично.

— Так-так.— Шембо исчез в густом облаке дыма.— И далеко вы направляетесь? Дальше, чем на Криу'и Дитч?

— Может быть, дальше, а может быть, и нет.— Хорн решил закинуть небольшую приманку.— Мне было очень интересно отправиться с Земли в космос,

чтобы посмотреть, откуда прибывают андроиды, которых мы получаем в результате торговли. Я помню, как мой дед однажды сказал, что он охотно бы занялся изготовлением андроидов.

Шембо усмехнулся:

— Это ему не удастся.

— Возможно. По крайней мере, я больше никогда ничего не слышал об этом.

Шембо вытянул руку с двумя скрещенными пальцами.

— В торговле андроидами все абсолютно прочно. Люди, которые занимаются этим, знают, что они делают, и никто, кроме них, не может вмешиваться.

— Может быть, и так,— согласился Хорн.

Он наморщил лоб. Конечно, это не было попыткой нарушить монополию, за которую Талибранд получил Гражданство на всех этих планетах, или, как знать, это было именно такой попыткой? И, наконец, насколько он мог сложить общую картину из кусочков, которыми располагал, все миры, участвовавшие в торговле андроидами, использовали их в качестве платы, а, может быть, и в качестве пошлины. Земля, окончательный получатель андроидов, будет единственной потерпевшей стороной, если монополия вдруг повысит цены, но, Земля, вероятно, достаточно богата, чтобы самой позаботиться об этом.

И все же работа Талибранда в какой-то мере касалась андроидов, и сведения, которые он получил, были настолько опасными, что его преследовали и убили.

— Шембо,— сказал Хорн,— у вас на борту около трети тех роботов, что были доставлены сюда с Земли. А что произошло с остальными?

Шембо изумленно уставился на него.

— Кому, как не вам, знать это? Это ваш бизнес, а не мой!

Дерри почувствовал, что сморозил глупость, и стал искать пути к отступлению.

— Я хотел бы выразиться точнее,— начал он.— Я только хотел знать, каково соотношение роботов на разных мирах. От Земли до Ньюхольма дают за восемь роботов одного андроида. Вы привезли много андроидов, а взяли сравнительно мало роботов.— Он поколебался.— Конечно, и это что-то стоит, но...

— Я понимаю,— кивнул капитан.— Далеко за Криу'и Дитчем андроиды хороши и дешевы. Вы понимаете? Роботы же чем дальше от Земли, тем ценнее, и в конце концов они становятся дороже андроидов. Конечно, мы тоже делаем роботов, но они намного хуже, чем привезенные с Земли. Ваши несравнимо лучше. И, повторяю, чем дальше, тем они дороже.

Конечно, это было совершенно ясно.

Если андроиды поступали откуда-то из-за Эрсуорлда, тогда это изменение их цены было очень логичным. Наконец, на это влияли также потери андроидов, о которых говорил Диз, когда смотрел на скорчившиеся под дождем фигуры. Чем дальше их нужно было перевозить, тем больше были потери, и тем ценнее становились андроиды.

Шембо подробно описывал положение и объяснял колебания цен на рынке андроидов, но Хорн слушал его вполуха.

Криу'и Дитч был миром, на котором Талибранд получил звание Гражданина Галактики. Несомненно, все это произошло официально, и правительственные служащие, может быть, расскажут ему, почему он получил такое звание.

ГЛАВА 13

— Нет, я не могу сказать вам, почему мы дали Талибранду это звание,— холодно произнес Советник Чести.— Я хочу знать, почему вы задаете такие бессмысленные вопросы.

Братвин был человеком среднего роста и очень толстым. Он, развалясь, сидел в высоком, похожем на трон кресле из черного и желтого дерева, обтянутом голубой шкурой.

Он был в черной тунике с позолоченным поясом, длинных черных бриджах и кожанных сапогах, доходивших до икр. Его английский был великолепен, но в нем проскальзывал тот же акцент, что и у Шембо.

Хорн почувствовал, как краснеет под резким взглядом Советника Чести, и ощутил себя совершенно беспомощным. Так было с самого прибытия на Криу'и Дитч, поскольку здесь его окружал действительно чужой мир. По сравнению с Криу'и Дитчем Ньюхольм казался почти провинцией Земли, слегка отличающейся от нее. Но здесь...

Братвин с насмешкой глядел на Хорна, пока тот осматривал зал. Многие из женщин, облаченных в белые длинные одежды, были молоды и миловидны. Костюмы мужчин более или менее походили на костюм Братвина. Мужчины выглядели более мужественными и сильными, чем Хорн в его земной одежде. Низкие потолки с массивными балками, стены из высеченных каменных блоков с узкими окнами, шкуры, расстеленные на жестком полу,— все это придавало помещению варварский вид.

Дерри заговорил громче, чтобы быть уверенным, что все в зале услышат его, и взглянул прямо в глаза Братвину:

— Разве не важно знать, почему убит один из Граждан Галактики?

— Что?!

Братвин напрягся, выпрямился в кресле и уставился на Хорна. В то же мгновение в зале прозвучал тихий вскрик отчаяния.

— Что вы сказали?!

Среди присутствовавших, которые знали английский язык, пробежал быстрый шепот, за ним послышались вскрики возбуждения. Братвин бросил на них грозный взгляд, заставивший всех замолчать.

— Доказательства! — крикнул он.

— Я прибыл с Земли на Ньюхольм, потому что Талибранд прибыл на Землю с Ньюхольма,— осторожно ответил Хорн.— С Ньюхольма я отправился на Криу'и Дитч, потому что Талибранд прибыл на Ньюхольм с Криу'и Дитча. Я знаю это, потому что у меня есть вот что.

Он не спеша достал портмоне Талибранда.

Братвин тотчас же встал, вырвал портмоне из его рук и опустил взгляд. Когда он снова поднял глаза, то смотрел уже не на Хорна, а на собравшихся в зале людей.

— Вон! — коротко приказал он.

Потом он произнес несколько слов на резком местном языке. Хорн к этому времени уже достаточно много узнал от Шембо, чтобы понять, что Братвину не нужно повторять свой приказ дважды.

Скоро они остались одни в огромном зале, в котором их голоса отдавались очень громко, и Братвин, похлопывая ладонью по портмоне, задумчиво взглянул на Хорна.

— Вы почти подросток.

Хорн даже не попытался спорить с ним. Братвин встал, спустился по ступеням с площадки, на которой стояло его кресло, и начал ходить взад и вперед.

— Ну хорошо,— сказал наконец он.— Вы прибыли сюда, как вы сказали, чтобы узнать, куда попадают роботы, которых продает ваша семья. Вы потратили десять дней, чтобы добиться аудиенции, в которой я вам несколько раз отказывал, потому что не хотел тратить своего времени на высокопоставленных дураков с Земли.

Этот мир очень отличается от вашего, молодой человек. К вам все попадает практически само собой: машины, андроиды, роботы — все. Здесь же мы должны работать. Только от нас зависит жизнь на нашей планете. Мы не просто полагаемся на зубчатые колеса, контуры под током и голубокожих людей, а это значит, что у меня есть и другие дела, кроме как вести бесполезные разговоры и расточать цветистые комплименты.

Он повернулся и посмотрел прямо на Хорна. Потом вытянул руку с портретом Талибранда, так что его угол был направлен прямо в грудь Дерри.

— Почему, черт побери, вы сразу не сказали, зачем вы прибыли сюда?

— Потому что Талибранда убили,— фыркнул в ответ Дерри,— потому что те, кто его убил, пытались убить и меня на дуэли на Земле, а потом хотели похитить меня на Ньюхольме, потому что Талибранд умер и не смог закончить свою работу, и потому что те, кто его убил, жаждут, чтобы никто не довел ее до конца.

— Может быть, вы хотите довести ее до конца? — удивился Братвин.

— Я бы попытался, но все еще не знаю, в чем она вообще заключалась. Поэтому я и хочу спросить у вас.

Я подумал, мне надо побывать на планете, где ему дали этот документ,— Хорн кивком указал на серое портмоне,— и все выяснить.

— Нам лучше покинуть этот зал,— внезапно прервал его Братвин.— Я предлагаю устроиться поудобнее и побеседовать.

Он отдал короткий приказ, и сразу же появилась девушка в длинной, до пола одежде. Бравин быстро что-то сказал ей по-криу'идитчиански.

— Хорошо, на этом мы закончим сегодняшнюю аудиенцию,— обратился он к Хорну.— Идемте в мой рабочий кабинет. Там мы можем выпить, а потом вы расскажете мне всю эту историю.

Небольшой, рабочий кабинет Братвина находился на другой стороне здания. Его стены были сложены из таких же каменных блоков, как и стены зала. В нем стояли грубый деревянный стол и несколько небольших стульев, занимавших довольно много места. Здесь были также книги, некоторые из которых были привезены с Земли, они стояли на полках, висевших вдоль стен. Девушка принесла кувшин и два бокала, в которые она налила кисловатой жидкости.

— Этот напиток сделал нас тем, что мы есть,— сказал Братвин. Он почти смеялся.— Криу'и Дитч дает пиво сильное и крепкое, такое же, как мы сами, криуидитчианцы. За ваше здоровье!

Они выпили, причем Хорн сделал только маленький глоток. Потом Братвин откинулся на стуле и скрестил ноги.

— Всю историю,— приказал он,— и как можно подробнее!

Когда Хорн закончил, в глазах Братвина застыло выражение растерянности.

— Зачем только он отправился на Землю? — пробормотал он.— Здесь, на Криу'и Дитче, он был бы в

безопасности. Когда он был здесь во время своего второго путешествия, он ничего не сказал о том, что ему грозит опасность, впрочем, он ничего и не сказал бы.

— Вы знали его лично? — поинтересовался Хорн.— Как мне хотелось бы тоже знать его!

— Ларс и его брат Джон — мои дальние родственники. Я пошлю за братом Ларса. Мы должны немедленно сообщить ему о смерти Ларса, прежде чем до него дойдут слухи о ней. Еще стаканчик пива?

Хорн накрыл свой стакан рукой и покачал головой.

— Теперь вы можете сказать мне, чем занимался Ларс? — спросил он.

Братвин пожал плечами:

— Этого я не знаю. Могу только сказать вам, почему мы дали ему это звание. Мы держали его имя и его внешность в тайне, чтобы он мог беспрепятственно делать свою работу. Талибранд дал мне доказательство того, что старший сын одной из знатных семей был похищен преступниками и завистливыми конкурентами. Ларс разыскал юношу и при этом обнаружил, что он был не единственным похищенным. За похищение платили какому-то бессовестному торговцу. Дети эти были известны далеко, еще дальше Эрсуорлда, и там их перекрасили в голубой цвет.

— Там их подготавливали и отправляли к прочим андроидам, не так ли?

Хорн, не дыша, нагнулся вперед, и мысли вихрем помчались в его голове. Братвин с уважением взглянул на него.

— Именно так! Но Ларс Талибранд не остановился на этом. Он попытался до конца расследовать эту ужасную историю. Он обнаружил множество похищений на различных планетах, и в некоторых случаях даже сумел вернуть детей их родителям. Эти похищения повергли наш Совет в такую растерянность, что мы

даже чуть не запретили торговлю андроидами. Уж лучше это, чем снова и снова пропускать этот товар через Криу'и Дитч. Откуда мы могли знать, были ли это андроиды или люди? Но Ларс Талибранд и его брат с уверенностью утверждали,— или, по крайней мере, так делал его брат — что таких случаев было сравнительно мало, потому что похищение детей и превращение их в андроидов невозможно скрыть от других людей. Кроме того, мы сильно зависим от пошлины и налогов, которые получаем от посредников этих торговцев, хотя мне лично это совсем не нравится. Все же эти люди с Земли и сама Земля — место назначения большинства андроидов. Но они, вероятно, воспринимают это иначе.

Хорн медленно покачал головой:

— Я встречал андроидов, которые нравились мне больше, чем иные люди. Да, именно так, как вы уже сказали, без помощи андроидов у меня ничего не вышло бы.

Потом он наморщил лоб.

— Мне кажется странным, что такое исчезновение детей не вызвало тревогу у общественности.

Братвин невесело усмехнулся:

— Для вас, прибывшего с Земли, это кажется невозможным, но...

Он опустил руку поднял с пола череп из желтой слоновой кости, челюсти которого были широко раскрыты. Череп от конца морды до затылка был длиной с предплечье человека.

— Это череп дикого зверя, которого я застрелил два года назад в своих владениях,— сухо объяснил Братвин.— Он убил дочь одного из моих людей, двенадцатилетнюю девочку. У вас в распоряжении было очень много времени, чтобы сделать Землю такой, какая она есть, Хорн, а наш мир и сегодня еще дик. Эти

исчезнувшие дети... Они так же вероятно могли стать жертвами диких зверей, как и хищников в образе человека.

— Я понимаю вас,— задумчиво произнес Хорн.— Это объясняет мне странную связь с андроидами, которая красной нитью проходит через все события, последовавшие за смертью Ларса Талибранда. Я говорил вам об этом. Несомненно, андроиды знали, чем он занимался.

— Несомненно! Я слышал от самого Ларса, что он сможет установить, кто из них похищен у родителей-людей, а не создан на одной из химических фабрик.

— А где изготовляют других андроидов? Ваш друг Ларс сказал вам это?

— Это странная постановка вопроса.— Братвин наморщил лоб.— Нет, этого он мне не говорил. Чем меньше я имею дело с торговцами андроидами, тем мне же лучше, и меня никогда не интересовало, на каком из миров находится эта адская, колдовская кухня.

Тайна происхождения андроидов оставалась неразгаданной.

Хорн наугад спросил:

— Я не понимаю, почему андроидов изготавливают так далеко? Почему их изготовители не создали своих фабрик здесь или даже на Ньюхольме, если они сами не хотят жить на Земле?

— Что касается нашего мира, я могу объяснить вам. Мы не хотим иметь дела с этой торговлей больше, чем это необходимо. Я считаю, на других мирах думают так же. Есть что-то неестественное в том, что существуют люди, которые думают, едят, спят, болеют, но которые созданы в результате какого-то искуственного процесса. Они люди во всех отношениях, за исключением одного.

— И что же это?

— Андроиды стерильны. Да, даже установлено, что дьяволы, которые похищали детей, стерилизовали свои жертвы, чтобы они не отличались от андроидов.

Девушка, которая приносила им пиво, вернулась и что-то тихо сказала Братвину. Советник быстро ответил, поднялся и взглянул на Хорна.

— Его брат Джон здесь. Он поспешил прийти, чтобы поговорить с вами.

Хорн тоже встал, как только Джон Талибранд вошел, и был удивлен, увидев мужчину, нисколько не похожего на Ларса.

ГЛАВА 14

Джон Талибранд был высоким мужчиной с удлиненным лицом и темными, близко посаженными глазами под черными бровями. Не только тело, но и руки и ноги его были длинными. Тщательно расчесанные темные волосы завивались крупными кольцами.

Его одежда, того же покроя, что и одежда Братвина, была богато украшена золотыми нитями, а его пояс изобиловал драгоценностями. На большом пальце правой руки он носил него было кольцо, и вместо сапог на нем были низкие туфли с украшенными драгоценными камнями пряжками.

Рука, которую он протянул в приветствии, оказалась мягкой и немного влажной. Голос его был тихим, и говорил он по-английски почти так же хорошо, как и Братвин.

— Итак, вы, сэр, землянин, который проявил столько заботы о судьбе моего несчастного брата и даже прибыл сюда, чтобы сообщить мне о его смерти. Я благодарю вас, хотя сообщение ваше, конечно, ужасно.

— Садись, Джон,— негромко сказал Братвин,— и не пытайся делать вид, что ты глубоко поражен.

Джон Талибранд осмотрелся, и было ясно, что с его губ вот-вот может сорваться ругательство.

— Это правда. Я ожидал этого, потому что Ларс часто ставил на карту свою жизнь с тех пор, как он по-дурацки влез в это дело, стараясь разрешить эту проблему.

Он сел на стул, скрестил ноги и откинулся на спинку. Затем взял стакан с пивом, который протянула ему девушка.

— Расскажите, как это произошло,— попросил он.— Это, вероятно, случилось на Земле, потому что вы — землянин.

Хорн кивнул и коротко рассказал ему обо всем. Когда он закончил, Джон покачал головой.

— Я его предупреждал, но он же меня не слушался. Если бы он последовал моему совету, то мирно и счастливо жил бы в своем имении.

— Может быть, жил бы,— пробурчал Братвин. В его голосе прозвучал сарказм.— Но не мирно.

Хорн изучал лицо Талибранда, безуспешно пытаясь прочесть на нем его настоящие чувства.

— Ларс Талибранд был вашим старшим или младшим братом, мистер Талибранд?

— Он был на три года моложе меня, и, к вашему сведению, не «мистер», а «советник». Я Советник Чести.

Хорн откашлялся.

Талибранд встал.

— Завтра состоятся поминки по моему брату,— сказал он.— Вы не знакомы с нашей семьей, мистер Хорн.— Он подчеркнул слово «мистер» так, что это не могло ускользнуть от его собеседника.— У нас не принято приглашать посторонних помянуть усопшего.

Только семья и близкие друзья, которых усопший назвал, проявляя свою последнюю волю. Мой брат, конечно, не оставил никаких указаний, по крайней мере, последних по времени, когда он был здесь, путешествуя с планеты на планету, но, я уверен, он хотел бы, чтобы вы присутствовали.

Его темные глаза мрачно пылали.

Хорн взглянул на Братвина, но тот не сделал ему никакого знака. «Ну, теперь невозможно отклонить предложение»,— подумал он, встал и поклонился.

— Это будет честью для меня,— формально ответил он.

Уголком глаза он заметил, что Братвин, соглашаясь, кивнул ему.

— Приходите сегодня ночью. Можете оставаться столько, сколько захотите,— сказал Джон Талибранд.

Он считал само собой разумеющимся согласие гостя. Джон приказал двум своим слугам забрать багаж Хорна из гостиницы, в которой тот остановился после своего прибытия на Криу'и Дитч, а затем пригласил Дерри в свой роскошный автомобиль. Эта модель была модной на Земле два года назад. Но со времени своего прибытия Хорн не видел на Криу'и Дитч ничего, что могло бы сравниться с этой машиной.

— Я думаю, Советник Талибранд отнюдь не беден? — спросил Дерри.

— Он, может быть, и не самый богатый человек на Криу'и Дитче,— ответил Братвин,— но его прадед был достаточно дальновидным, чтобы построить на своей земле космопорт, и поэтому он, хотя и не самый крупный землевладелец, но зато обладает практически неограниченными возможностями.

Это объясняло многое.

Машина тихо катила по улицам города. Хотя это и был самый густо населенный город на планете, но Хорн едва ли мог считать его городом. Они ехали по краю поля космодрома. С только что прибывшего корабля выгружались андроиды, они группой двигались по полю космодрома к загороженному загону, где и их потом запирали.

Многие ли из них были людьми? Эта мысль беспокоила Дерри. Ничего странного, что Ларс Талибранд был удостоен такой чести за то, что сделал это ужасное открытие.

— Я думаю, Советник, это часть вашего фамильного состояния, так? — осведомился он.

Талибранд, который сидел сбоку, откинувшись на сидение машины, кивнул.

Они ехали по ухабистой дороге, не особенно подходящей для такой машины, через леса, поля, распаханные бедными арендаторами, которые использовали тягловых животных. На других полях работали дорогие роботы, подготавливая почву для нового урожая. Эти поля принадлежали семье Талибрандов.

Когда они приблизились к дому, уже стемнело. Это было длинное каменное здание с деревянной крышей. Его окружали сады, и это напомнило Хорну его собственную семью и вызвало у него острый приступ ностальгии.

— Мы будем ужинать через час после наступления темноты,— сказал ему Талибранд.

Они вошли в дом.

— Пожалуйста, поужинайте с нами. Мои слуги в вашем распоряжении. Они проводят вас в вашу комнату. Ваш багаж, вероятно, еще не прибыл из города, но все, что вы найдете в вашей комнате, принадлежит вам.

Комната была гораздо богаче и комфортнее, чем все остальные, какие Дерри приходилось видеть на Криу'и Дитче. Он нашел там костюм местного покроя и на мгновение заколебался, прежде чем надеть его, ибо предпочел бы остаться в своей земной одежде. Но едва он переоделся, в дверь тихо постучали.

«Вероятно, слуги Талибранда доставили из города мой багаж»,— подумал Дерри и крикнул:

— Входите!

Это была женщина, нет, почти девочка.

Она поспешно проскользнула в комнату и тотчас же закрыла за собой дверь, потом прислонилась к ней спиной и посмотрела на него так, словно ей стоило это огромных усилий.

Хорн был настолько удивлен, что просто молча смотрел на нее.

Однако, через несколько мгновений девушка взяла себя в руки и подошла ближе.

— Пожалуйста, извините меня за мое вторжение,— сказала она с напряжением, которое удивило его,— но я должна была прийти.

— Я никогда не возражаю, если ко мне вторгаются красивые девушки,— глупо ответил Хорн.— Может быть, вы присядете?

Он указал на одно из кресел.

— Нет, я не отваживаюсь остаться. Если Джон узнает, что я приходила сюда, он очень разозлится. Меня зовут Мода Талибранд. Это правда, что вы прибыли сюда, чтобы сообщить о смерти Ларса?

В ее голосе звучала настойчивая просьба. Хорн поколебался.

— Мода Талибранд,— повторил он.— Значит, вы сестра Ларса?

— Нет,— ответила она и гордо вскинула голову.— Я его вдова.

Хорн некоторое время переваривал это сообщение. Она нетерпеливо ждала, бросая испуганные взгляды на дверь, когда снаружи раздавались шаги. Наконец она не вытерпела и попросила:

— Пожалуйста, ответьте мне!

— Вам,— медленно произнес Хорн,— я хочу сказать, если вы пообещаете не выдавать меня, что прибыл сюда не только за тем, чтобы сообщить о смерти Ларса, но так же и затем, чтобы посмотреть, не смогу ли я продолжить его дело. С моей стороны звучит дерзко, не так ли? Ну, я не знал вашего супруга, когда он был жив. Однако с тех пор я очень хорошо узнал его. Теперь я хочу попытаться завершить его дело.

Мода подняла на него глаза. Ее верхняя губа дрожала. Она хотела что-то сказать, но потом повернулась и выбежала из комнаты.

Дерри снова увидел ее только на следующий день.

Она не появилась этим вечером за столом, но во время обеда, который Джон устроил в середине следующего дня, она сидела за длинным деревянным столом в большом зале. Она была одета в черное, с черной лентой в волосах. Изредка она отрывала взгляд от стола и глядела на стул, стоявший на другом конце стола, задрапированный черной тканью.

Хорн счел обед скорее предлогом, чтобы наполнить желудки гостей и потребить огромное количество пива, чем данью погибшему Ларсу Талибранду. Джон произнес речь, в которой превознес добродетели своего брата, но сердцем он, казалось, не чувствовал этого. Братвин, который, вероятно, пришел на обед в качестве члена семьи,— ведь он сказал, что был их отдаленным родственником,— говорил лучше, но слишком долго. Нетерпеливые слушатели — это в основном были сильные, коренастые, молодые люди и мужчины средних лет, а также несколько более пожилых мужчин,

которые все время ударялись в слезы — стремились поскорее вернуться к своему пиву.

Один мужчина, сына которого похитили и продали в качестве андроида, вскочил и ударил кулаком по столу, уставленному пустыми тарелками, кружками и мисками. Затем он прыгнул на стол и уперся руками в бедра.

— Ларс Талибранд,— проревел он,— если эти пьяные идиоты не могут сказать о тебе самого лучшего, тогда это сделаю я. Они сидят здесь, хлещут пиво и глотают мясо, не думая о том, почему, собственно, они находятся здесь!

Братвин, сидевший возле Хорна, тихо объяснил ему, кто этот человек и что он говорит.

Джон Талибранд медленно встал. Лицо его потемнело.

— Какое пиво? — резко спросил он.— Какое мясо? Какой дом и чье гостеприимство вы презираете?

Человек на столе взглянул на него сверху вниз и усмехнулся.

— Не пытайтесь меня обмануть, Джон Талибранд. Вы рады, что ваш брат мертв, ведь он был лучше вас.

— Будет лучше, если вы уйдете отсюда,— тихо посоветовал Братвин Хорну.— Здесь может начаться драка.

Действительно, Джон Талибранд тоже вскочил на стол и приказал своим слугам бросить ему меч. Потом он двинулся к человеку, который оскорбил его. Некоторые из присутствовавших ликовали и смеялись, радуясь предстоящей драке, другие поспешили выйти.

Хотя Хорн не считал себя трусом, он последовал совету Братвина, и они вместе покинули зал.

— Побудьте до вечера в вашей комнате,— посоветовал Братвин, нахмурившись: — Положение может ухудшить-

ся. Джон Талибранд отнюдь не любезен, и сейчас в его распоряжении находится небольшая армия.

Хорн отправился к себе. Обернувшись, он увидел, что двери в большой зал распахнулись, туда ворвалась группа дико сражавшихся людей, и ускорил шаги.

Сначала он подумал, что ошибся комнатой, когда наконец добрался до нее, потому что там в кресле сидела сгорбленная фигура в бесцветной одежде и что-то тихо бормотала старческим голосом. Он извинился и хотел уйти.

— Я прошу прощения, мистер Хорн,— сказала старуха,— но я должна с вами поговорить. Я должна рассказать вам о своем сыне. Ларс — мой сын. Он мертв?

Она попыталась подняться из кресла. Ей это удалось не сразу. И тут свет упал на ее лицо. Хорн с бесконечным удивлением увидел, что лицо матери Ларса Талибранда было голубым.

ГЛАВА 15

— Пожалуйста! — умоляюще проговорила старая женщина.— Я очень стара, но я не сошла с ума.

Хорн медленно подошел, опустился на край кровати и посмотрел на женщину. Она снова медленно опустилась в кресло и закрыла глаза.

— Я ничего не говорил, бабушка,— пробормотал он.— Пожалуйста, расскажите мне все.

Она сделала это, торопясь, путано, иногда повторяясь, но ее рассказ прояснил многое.

Берг Талибранд, отец Джона и Ларса, был страстным человеком. Когда его жена прихворнула после

рождения Джона, он отправился на космодром и взял к себе в дом женщину-андроида.

Здесь Дерри было не все понятно. Он никогда прежде не видел андроидов-женщин. Пока он пытался разобраться в этой истории, рассказанной старой женщиной, до него дошло, что андроиды-женщины доходили только до Криу'и Дитча. На Землю же они не попадали никогда и ни при каких обстоятельствах.

Получив андроида-женщину, которая должна была быть такой же стерильной, как и андроиды-мужчины, Берг Талибранд сначала забавлялся с ней. Но вскоре довольно сильно увлекся ею. Другие не поняли его, им это показалось странным, о чем и сказал ему суеверный член дальней ветви семьи, человек, который видел в этом возможность получить в свои руки власть и как-то обдурить Берга.

Так все это было замято. Берг сходил с ума от мысли, что его прокляли, и что он не одарен невероятной силой деторождения. Наконец он окончательно сошел с ума.

Но уже тогда Джон был достаточно взрослым, чтобы вступить во владение и преследовать паразитов, которые жили за счет его отца. К этому времени его сводный брат Ларс тоже стал достаточно взрослым, чтобы помешать ему прогнать старую женщину-андроида, которая на самом деле была его матерью и которая поведала ему эту историю. Когда Ларс узнал о судьбе сына того человека, что сегодня после обеда там, внизу, в большом зале оскорбил Джона, он, конечно, понял, что все это значит. Его мать не могла быть андроидом, она, вероятно, была чьей-то похищенной дочерью. Именно поэтому он гонялся с планеты на планету и охотился за торговцами андроидами, которые ради своей прибыли похищали детей.

Хотя Ларс охотно и открыто признавал старую женщину своей матерью, против этого говорили два основания: во-первых, ее психика была такой же, как и у других андроидов, и она, как она сама говорила, даже не помышляла о том, чтобы снова стать человеком. Кроме того, она обладала голубой кожей, и этот цвет невозможно было изменить. Во-вторых, у Джона не было особого желания, чтобы его мнимый брат распространялся о том, что он на самом деле незаконнорожденный.

Так что нет ничего странного в том, что он ненавидел своего брата.

Дверь широко открылась, Хорн испуганно вскочил и обернулся. На пороге стоял Джон Талибранд с мечом в руке. Он тяжело дышал, и на его вспотевшем лице была грязь. Кровь сочилась по левому рукаву и сбегала по тыльной стороне его ладони.

Он глубоко вдохнул и заговорил, обращаясь по-криуидитчиански к старой женщине, которая подняла руки, чтобы прикрыть лицо, и отшатнулась, содрогаясь от внезапных рыданий. Наконец она, всхлипывая, ответила на много раз повторенный вопрос, смысл которого Хорн почти понял.

Талибранд сплюнул на пол.

— Так ты, земляшка,— бросил он Хорну,— тоже злоупотребляешь моим гостеприимством, вмешиваешься в мои семейные дела, суешь нос во все углы и подкупаешь моих слуг.

Старая женщина ответила, что она по своей воле все рассказала Хорну, и ее лицо исказилось от дикой ярости.

— В таком случае, я с тобой покончу,— простонал Джон.— Слишком долго ты позорила мою семью!

Он поднял меч и ударил. Хорн был глубоко потрясен этим. Талибранд, видимо, тоже, потому что он медленно отвел меч, словно испугавшись содеянного.

— Позор вашего отца — ничто по сравнению с позором, который падет на вас,— глухо проговорил Хорн.

Талибранд повернулся к нему.

— Убить андроида? — взвизгнул он. Потом, казалось, снова взял себя в руки и продолжил: — Ну и что из этого? Что бы ни утверждал мой фальшивый братец, для всего мира она была андроидом, а не человеком. Я позабочусь, чтобы никто не мог утверждать иного.

— Как? — спросил Хорн требовательно и поразился своему спокойствию.— Вы что, и меня убьете так же безжалостно, как и мать своего брата? Поторопитесь! Рано или поздно то, чем вы занимаетесь, узнают все, как это разузнал я.

Он хотел продолжить, но его резкие слова уже оказали свое действие. Талибранд был полон холодной ярости.

— Тогда идемте. Я одолжу вам меч. Мне сказали, что вы умеете обращаться с ним. Вы совсем недавно убили одного из наших агентов. Но он был мягким земляшкой, как и вы. Мне хотелось бы увидеть, как вы будете драться с человеком с Криу'и Дитча.

Хорн едва расслышал последние слова.

«Одного из наших агентов!»

Итак, если Ларса Талибранда преследовал убийца, тогда его брат работал с этим убийцей рука об руку.

Талибранд поспешно направился впереди него по коридору в большой зал. Когда они приблизились к нему, оттуда донеслись звуки драки, а также отдельные щелчки огнестрельного оружия.

— Вот меч!

Голос Талибранда нарушил ход мыслей Хорна. Этот меч был меньше дуэльного меча, которым Хорн пользовался на Земле. Он предназначался для того, чтобы рубить, а не для того, чтобы колоть, но у Дерри не оставалось выбора. Теперь у него не было «Двойного Чемпиона».

Хорн внимательно осмотрелся, потом прыгнул вперед, опустился на широко расставленные ноги прямо перед Талибрандом и схватил рукоятку лежавшего на полу меча.

Мгновением позже он уже яростно и упорно сражался за свою жизнь.

Хорн увидел быстро промелькнувшее удивление на лице своего противника: тот никак не ожидал такого искусства от презренного землянина. Секундой позже Дерри уже был занят только тем, чтобы защититься от яростного нападения, и не видел и не слышал ничего, кроме блеска и звона мечей.

Вынужденный обороняться Хорн поскользнулся и упал, но, задыхаясь, успел подняться, прежде чем довольно уставший Талибранд снова ударил его.

Он провел стремительную контратаку и заставил Талибранда быстро отступить шагов на десять назад. Потом Джон снова скрестил свой клинок с его мечом. Хорн почувствовал толчок в плечо. Он попытался вывести Талибранда из равновесия, но это ему не удалось. Дерри был на значительно легче Джона, и хотя со времени отъезда с Земли он заметно набрался сил, но все же Талибранд был сильнее.

И это проявилось именно сейчас. Хорн высвободил свой клинок и уклонился, чтобы избежать следующего удара Талибранда. Обернувшись, он заметил, что они уже не одни. Они находились в прихожей большого зала, у которого были два выхода. Через обе двери сюда входили свидетели их боя. Это были слуги,

облаченные в длинные одежды. Они вернулись после того, как подобрали с пола гостей.

Возле этих людей стояла Мода Талибранд. Она напряженно наблюдала за боем, судорожно стиснув руки, словно молясь. Может быть, она плакала, как подумал Хорн, потому, что бросившему вызов не удалось убить ее деверя?

Он задержал на ней взгляд, и Талибранд за это время успел приблизиться к нему и занести меч для смертельного удара. Мода громко вскрикнула.

Хорн в отчаянии отпрыгнул в сторону и совершенно ненамеренно ударил мечом по уже раненой левой руке Джона Талибранда.

Триумф Талибранда сменился внезапным отчаянием, и он громко закричал. Слуги мгновенно ринулись вперед. Два человека помогли Талибранду подняться на ноги, другие слуги схватили Хорна и силой вырвали у него меч.

Сначала усталость помешала ему понять, что же произошло. Но вскоре он обрел способность воспринимать окружающее, закрыл глаза и тихо выругался. От такого человека, как Джон Талибранд, не стоило ожидать, что он будет честно биться до самого конца. Это подтвердило и поведение Моды. Выпрямившись, она подошла к деверю.

— Трус! — бросила она.

Она говорила по-английски, и не оставалось никакого сомнения, кому предназначались эти слова. Талибранд смотрел на Моду горящими глазами.

— Трус! Почему бы тебе не приказать своим чудовищам закончить за тебя работу, для которой ты слишком слаб? Почему бы тебе не сделать этого? — Она топнула ногой, и на ее лице вспыхнул гнев.— О, если бы я была мужчиной!

— Ты ненормальная женщина,— холодно ответил Талибранд.— Выйти замуж за ребенка женщины-андроида! Ты мне отвратительна, и твои слова не действуют на меня!

Его взгляд скользнул по лицу Хорна.

— Я его не убью. Ему, большому другу андроидов, уготована другая, гораздо худшая судьба.

ГЛАВА 16

Позже Хорна, обессилевшего от последней изнурительной битвы, протащили через дом в темное помещение. Какая-то старуха приблизилась, сорвала колпачок с баллончика с резко пахнувшим веществом и поднесла его к носу Дерри. Сразу же после этого он потерял сознание.

Он очнулся в темноте и услышал мужские голоса, которые выкрикивали приказы. Зловонное дыхание какого-то животного било ему в нос.

Намного позже — как долго это продолжалось, он не мог сказать — Дерри снова пришел в сознание и понял, что болтается в невесомости между натянутыми тросами, которые образовывали клетку. Кое-где тросы были запачканы чем-то влажным, и, понюхав это, он снова погрузился в беспамятство.

Но это было в первый и в последний раз, когда он вдыхал наркотики, приносящие небытье и умиротворение. При следующем пробуждении он уже лежал на белом песке. Воздух был свежим, холодным и приятным. Кто-то только что вылил на него ведро холодной воды, а теперь сурово говорил:

— Ты спал достаточно долго.— Он уронил ведро на землю.— Вставай!

Хорн, шатаясь, повиновался и медленно огляделся. Небо было белесым, высоко вверху плыли облачка. Местность тоже казалась белесой, и то здесь, то там вспыхивали блики света. Это, должно быть, было соленое море. Издали до Дерри доносился шум прибоя. Облизнув губы, он понял, что его облили соленой водой.

Позади человека с ведром, уставившись носом в небо, возвышался ржавый корпус корабля. Мужчины и женщины, все в голубой одежде одинакового покроя из материи, похожей на твид, носившие на поясах кинжалы и огнестрельное оружие, ходили вокруг корабля.

— Куда вы меня привезли? — прошептал Хорн.

Мужчина с ведром усмехнулся:

— Еще дальше от Земли! — Он тоже носил голубую одежду и увешанный оружием пояс.— Но мы отошлем тебя обратно, не бойся!

Он показал пальцем в нужном направлении.

— Иди!

Хорн слепо повиновался. Корка соли набилась в его ботинки и резала ноги. Растения, напоминавшие водоросли, оплетали его голени, впиваясь в кожу. Наконец он достиг гребня дюны.

На расстоянии мили отсюда был виден лагерь — блестящие хижины из блоков соли, выкрашенных в коричневый цвет, а между ними гигантский конус, из которого поднимался бледный голубоватый дымок.

Там было несколько котлов. У каждого котла стояла женщина и распределяла дымящуюся жидкость. Хорн и его спутники прошли через двойной ряд колючей проволоки, которая делила лагерь на две части.

Взгляд Хорна скользил из стороны в сторону. Юноши в одной части лагеря, девушки — в другой. На

них были только их пончо, а их кожа была бледно-голубой.

Все они, казались подростками не старше двенадцати — четырнадцати лет. Но это не был вновь колонизированный мир. Эта планета, должно быть, находилась далеко от Земли, и чем больше она была отдалена...

Хорн вспомнил карту, которую он изучал в доме Диза, и снова отметил, что видел там планеты, солнца которых нельзя было определить с полной уверенностью. Может быть, он находился на одной из таких планет.

Наконец он обрел способность четко воспринимать окружающее, несмотря на то что его тело сильно болело, он закоченел и весь покрылся мелкими язвочками. Правое запястье и правое колено, а также правая лодыжка распухли. Во время полета его, должно быть, бросало взад и вперед, как мешок с дерьмом.

На перекрестке тропинок между отдельными частями лагеря спутника Хорна приветствовал резкий женский голос, и женщина с властным лицом подошла к ним.

— Это тот парень, которого Талибранд прислал нам с Криу'и Дитча? — спросила она и осмотрела Хорна с ног до головы.

Спутник Хорна кивнул.

— Выглядит довольно жалко, да? — пробурчала женщина.— На каком корабле его привезли? На «Ринальмансе»?

— Да. Талибранд отослал его сюда на корабле линии Криу'и Дитч — Эрсуорлд. Он сказал, что потом мы должны отправить его на Вернье.

— Ага.

Женщина посмотрела на обрывок грязной бумаги у него в руке.

— Это мы легко организуем. Фиргал сейчас обрабатывает груз, который мы должны переправить на Лостуорлд. Отведи его вниз и проследи, чтобы его перекрасили в голубой цвет, тогда мы можем отправить его назад с грузом Плюривела. Он согласно плану вернется на Вернье. А как со всем остальным? Талибранд велел стерилизовать и обучить?

— Нет. Если я правильно понял, он очень сильно навредил Талибранду, поэтому Талибранд считает, что будет лучше, если его не препарируют. Его страдания усилятся, если он будет помнить, кем был раньше. Очень скоро кто-нибудь пристрелит его, если он попытается доказать, что когда-то был человеком. Вероятно, хозяин решит, что он изготовлен с каким-то дефектом и находится в шоке.

Хорн с ужасом слушал разговор этих двоих. Так вот какую судьбу уготовил ему Талибранд! Он дико осмотрелся, нельзя ли сбежать.

— Посмотри на него,— сказала женщина резким голосом.

Спутник Хорна одернул его.

— Это уже лучше. Ну так что, надо его препарировать или нет? С сегодняшнего дня он будет находиться только в обществе андроидов. Кроме того, за него нам не заплатили.

Она пожала плечами и сделала спутнику Хорна знак идти дальше. Тот потащил Дерри к огромному низкому зданию, крытому железом, стены которого были сложены из соляных блоков. Здесь работал Фиргал. Зрелище, открывшееся Хорну, повергло его в ужас, и в это мгновение он узнал то, что не успел узнать Ларс Талибранд: правду о происхождении андроидов.

Они препарировали человеческих детей!

Как сумасшедший, Хорн боролся с охранниками, но он был слишком слаб. Удар в висок опрокинул его, и он почувствовал укол в руку.

— Это уже успокоило его,— сказал кто-то.

Когда Хорн очнулся, его кожа стала голубой. Он смотрел на свои руки и не верил собственным глазам. У него отобрали одежду и дали ему обычное пончо. Дерри отбросил его и увидел, что он голубой с головы до ног. Отчаяние закралось в его душу.

Его заперли вместе со множеством других андроидов-людей,— грузом, который завтра утром должен забрать Плюривел. Они сначала с любопытством обступили его, но он закричал на них, и его оставили одного.

Итак, значит, его сумасшедшее приключение на этом закончилось. Он узнал то, что хотел узнать. Не существовало никаких фабрик, производящих андроидов. Были только человеческие дети, которых похищали у родителей.

Здесь, снаружи, где нищие миры были вынуждены сражаться, где фронты непрерывно перемещались, где нельзя было с уверенностью определить, какие планеты колонизированы, а какие нет, торговцы андроидами собирали свою жатву.

После похищения детей доставляли сюда для обработки. Большинство из них были слишком малы, чтобы понять, что им предстоит. Более старших использовали только тогда, когда малышей не хватало. Для этого им обрабатывали мозг, и стирали память об их прошлой жизни.

Все это он узнал из разговоров с андроидами, вместе с которыми его погрузили на корабль. Почти все они были тупоумными. Без всяких вопросов они принимали все, что им говорили — что изготовили их всех на одной из фабрик. А почему бы и нет? В конце концов, правда о человеческом рождении кажется многим детям

невероятной. Ложь об их искусственном происхождении так сильно вколачивали в них, что они свято верили в это. Они могли задавать вопросы о своем происхождении, но никогда не верили ничему другому, кроме того, что им рассказывали.

Голубая кожа... Он постепенно находил этому объяснение. Это был полуживой раствор протеинов, способных реагировать, связываясь с секретами кожи, все время возобновлявшихся по мере того, как кожа отмирала.

Он осмотрел своих спутников и спросил себя, есть ли среди них тот, кто позже станет таким же, как Дорди. Он видел многих, которые могли стать такими же, как Берл, искусными умельцами. Но где были те острые, вопрошающие умы, как у Дорди?

Эта загадка тоже разрешилась. Непокорные умы, которые могли задавать ненужные и очень опасные вопросы, своевременно изолировали от остальных детей-андроидов и отправляли в другой лагерь на другом конце планеты, где их воспитывали и обучались соответствующим образом. Кроме того, их подвергали двойной обработке, чтобы обезопасить.

Ларс Талибранд, должно быть, догадывался о возможности такого положения дел и был очень близок к тому, чтобы получить окончательные, решающие доказательства этого преступления. Торговцы, узнав, что он приблизился к разгадке и вот-вот раскроет их тайну, стали преследовать его.

Но Ларс Талибранд так и не сумел увидеть процесс обработки людей и превращения их в андроидов, как это удалось сделать Хорну. Поэтому он узнал обо всем этом неизмеримо больше, чем Ларс. Но Ларс Талибранд, несмотря ни на что, был достаточно осмотрительным и сохранил свою свободу, поэтому Хорн ощутил горький привкус правды, когда вспомнил о том, что сказал этот человек в лагере андроидов, который

сопровождал его: «Очень скоро кто-нибудь пристрелит его, если он попытается доказать, что на самом деле он человек, а не андроид. Вероятно, все поверят, что при изготовлении этого андроида вкрался какой-то дефект, и андроид этот сошел с ума и ни на что не годен».

Безнадежно! Совершенно безнадежно!

Пленник голубой кожи! Хорн бушевал, мучался, молча кипел от гнева и снова и снова спрашивал себя, не стоит ли ему наложить на себя руки.

Груз распределили по разным пунктам назначения. Дерри предполагал, что его выгрузили на Вернье, но не был в этом полностью уверен, ему была не видна окраина поля космодрома.

Дерри отделили от его спутников, отвели в сторону и присоединили к небольшой группе умных андроидов. Так, значит, теперь его продадут с аукциона. Потом его снова перепродадут, а потом он несколько дней будет задыхаться в душном тесном трюме какого-нибудь грузового корабля торговца андроидами.

Все произошло именно так, как он и предполагал. А потом — свежий воздух и знакомый вид, который еще сильнее поверг его в отчаяние. Это был лагерь на Ньюхольме. Здесь были натянуты навесы, защищавшие от дождя, такие же, какие были установлены, когда он впервые прибыл сюда. Теперь он дрожал и теснее прижимался к своим спутникам, чтобы хоть немного согреться.

Внезапно в глубине его души зародилась надежда. К ним подошли мужчины, чтобы взглянуть на андроидов. Они громко говорили о том, что ищут сопровождающего груз для полета на Землю. Хорн поднял голову и крикнул:

— Диз!

ГЛАВА 17

Диз стоял среди группы мужчин на краю лагеря. Хорн, пробиваясь сквозь толпу замерзших андроидов, ясно слышал голос космонавта. Диз повернулся к своему спутнику и спросил:

— Меня кто-то звал, Кайер?

Кайер! Этим именем было подписано письмо, найденное в кармане Удда.

Теперь Кайер стоял здесь, на космодроме на Ньюхольме. На мгновение Хорн спросил себя, что произошло с этим письмом. Несомненно, оно попало в руки Джона Талибранда на Криу'и Дитче.

Кайер был низеньким мужчиной с острыми глазами. Он со страхом заглянул в загон с андроидами.

— Ничего, мистер Диз. Я думаю, это просто вскрикнул один из этих парней. Ну, пойдем дальше?

Хорну удалось пробраться к проволоке.

— Диз! — снова крикнул он.— Подойдите сюда и посмотрите на меня!

Теперь острые глаза Кайера впились в лицо Хорна, и странная череда мыслей, как молния, промелькнула в мозгу у Дерри. Третий человек в группе, очевидно, был служащим космопорта. Он был совершенно беспомощен.

Диз перевел свой взгляд с Кайера на загон. С внезапным порывом отчаяния Кайер схватил его за руку. Диз сердито оттолкнул его и остановился напротив Хорна, в то время как Кайер в чем-то горячо убеждал Диза, стоя сзади. Ищущий взгляд Диза надолго застыл на лице Хорна.

— Вы не узнаете меня? — прошептал Хорн.

После долгого молчания Диз кивнул:

— Вы Дерри Хорн. Во имя всех звезд, я хочу знать, почему этот Кайер пытается продать вас мне как андроида?

Он повернулся на каблуках и резко заговорил со служащим космопорта.

— Арестуйте этого человека.— Он указал на Кайера.— А этого освободите из загона. Он не андроид, а человек. Я меньше трех месяцев назад привез его сюда с Земли.

Глаза служащего космопорта вылезли из орбит, а рот его широко открылся. Он быстро выхватил из-за пояса пистолет и направил его на Кайера. Но низенький мужчина уже понял всю безнадежность своего положения, и его челюсти заработали, как у Удда тогда, на космодроме.

— Остановите его! — проревел Хорн.— У него в зубе спрятан яд!

— Поздно,— воскликнул Диз. Он шагнул вперед и подхватил Кайера, когда тот уже начал оседать.— Жалко! Я был бы рад, если б вы раньше сказали мне об этом. Эй, вы! — снова проревел он служащему.— Освободите моего друга оттуда. Я вам уже сказал, что он человек. Да поспешите же!

Служащий, поколебавшись, повиновался, но он все еще предупредительно держал Хорна на прицеле. Хорн, шатаясь, вышел из клетки. Другие андроиды беспокойно заходили взад и вперед, тихо переговариваясь и глядя ему вслед.

— Ну... — проговорил Диз. Он вышел вперед, чтобы взять Хорна за руку.— Выглядите вы скверно! Где вы были? Как это так получилось, что этот парень пытался вас выдать за андроида? Он знал, что вы человек?

— Нет вообще никаких андроидов! Они все люди! Я был там, где их препарируют. Людей в огромных количествах похищают с планет, обрабатывают и

перекрашивают, а потом отправляют на Землю как продукцию химических фабрик. Я сам видел все это. Думаю, что и Ларс Талибранд это тоже обнаружил, поэтому его и убили.

— Что?!

— Вероятно, он слишком много разузнал и его приговорили к смерти,— вмешался служащий космопорта.— Но его утверждения нелепы! Не могло же это оставаться незамеченным все эти годы!

— Не могло?

Хорн направил взгляд на лицо служащего и сверкнул глазами.

— Какое вознаграждение вы получаете за каждую партию андроидов, прибывающую сюда, на Ньюхольм? Диз, отведите меня как можно скорее к управляющему космопортом. Я должен как можно быстрее вернуться на Криу'и Дитч и расправиться с человеком, который продал меня в качестве андроида!

Диз взглянул на Кайера и принял решение.

— Капитан Ларроу ждет, что я доставлю груз к кораблю, но я не могу просто так оставить вас здесь. Вы нужны мне, чтобы доказать, что вы — это вы. Подождите минутку, я сообщу старику, что ему придется обойтись без меня в этом рейсе. Я тотчас сейчас же вернусь назад.

Спокойные, выглядевшие состоятельными чиновники обменивались взглядами. Потом один из них посмотрел на сидевшего в центре Хорна.

— Итак, этот человек похитил вас на Криу'и Дитче и отправил на фабрику андроидов, мистер Хорн? Там вам придали внешность искусственно созданных...

— Оставьте же наконец «искусственных»,— взорвался Хорн.— Я вам уже говорил, что это человеческие

дети. Я не знаю точно, откуда их доставляют, но даже вблизи Криу'и Дитча похищают детей!

Снова последовал обмен многозначительными взглядами, и человек в центре нагнулся над столом.

— Мистер Диз,— сказал он тихо,— ваш друг, очевидно, сильно пострадал. Может быть, будет лучше, если вы отведете его к психиатру, которого мы вам укажем, и он получит соответствующее лечение.

— Но это же конец всего! — проревел Хорн.— Как я могу лечиться, когда торговцы андроидами будут продолжать заниматься своими грязными делишками!

Однако под ледяными взглядами чиновников боевой дух оставил его. Он безнадежно махнул рукой и отвернулся.

— Мистер Диз,— произнес один из чиновников,— как человек, который, насколько мне известно, уже давно занимается торговлей андроидами, может быть, вы скорее поймете, чего от нас требуют. Этот человек по фамилии Хорн требует, чтобы мы нарушили жизненно важные для экономики планеты связи с Землей, не так ли?

— Ах вы! — яростно воскликнул Хорн,— Вы, вероятно, продали бы в качестве андроида даже своего сына. Диз, мы уходим отсюда.

Диз молчал, когда они покидали министерство торговли. На улице он задумчиво проговорил:

— Это звучит фантастично, не так ли? Как, ко всем чертям, могло остаться незамеченным что-либо подобное?

— Очень просто.

Хорн говорил устало, потому что на протяжении всех этих долгих одиноких дней, проведенных вместе с другими андроидами, он тщательно обдумал всю организацию торговцев андроидами.

— Часть поставок материала для изготовления андроидов идет с довольно близко расположенных миров: Криу'и Дитча, Эрсуорлда, Лигоса, Вернье. Сейчас, вероятно, там не так много похищений, хотя до открытия Ларса Талибранда их, видимо, было великое множество.

Он едва замечал угрюмые, серые, блестящие, исхлестанные дождем улицы, пока воссоздавал в мыслях события, которые описывал.

— Человечество теперь проникло далеко во Вселенную, вы это хорошо знаете. Сначала Земля, конечно, интересовалась судьбой своих колоний, потом это перестало быть новинкой, поток эмигрантов иссяк, и Ньюхольм превратился в мир пионеров. В этом приятном статусе он пребывает и до сих пор. Ньюхольм не интересуется судьбой других миров, это вы должны признать. Карта, которую вы мне показывали, по ту сторону Криу'и Дитча и Вернье усеяна вопросительными знаками. Едва ли кто-нибудь возьмется исследовать ту часть Вселенной, а потом проверить правильность обозначений на карте. Люди больше не интересуются этим. Там, снаружи, волна колонистов, вероятно, проникла еще дальше. В последние два или три года с тех пор, как эту карту уточняли в последний раз, в список, возможно, занесли еще дюжину миров, сообщения об открытии которых еще не достигли Ньюхольма и о которых Земля ничего не знает. Там, снаружи, торговцы андроидами и проворачивают свои делишки. Это единственное подходящее объяснение!

— Вы хотите сказать, что никогда не было никаких андроидов?

Хорн покачал головой:

— Конечно, нет. Может быть, что-то было раньше, но их, конечно, изготавливали на Земле, потому что там для них много работы и там биохимия шагнула

далеко вперед. Видимо, те андроиды были совершенно недееспособными, но я хорошо знаю людей Земли и предполагаю, что на них был чудовищный спрос. Поэтому кто-то сказал себе: «Я знаю, что делать!» и организовал импорт андроидов, чтобы удовлетворить спрос.

Насколько я видел, бизнес этот был с самого начала основан на похищениях. Но это дело для торговцев было достаточно выгодным, и они с удовольствием проглотили сказку о том, что на Землю импортируются настоящие андроиды. Вы же сами видите! Внезапно появился выгодный товар, которым внешние миры могли торговать с Землей, чтобы что-нибудь у нее купить, не говоря уже об импорте необходимых товаров с богатой материнской планеты.

Так случилось, что банды похитителей организовали торговлю рабами. Ведущие умы позаботились о том, чтобы их тайна никогда не была раскрыта. Их агенты разделились на отделения, а сами похищения организовывались на находившихся далеко снаружи изолированных мирах, о существовании которых никто на Земле не знал. Штаб-квартира — место, где меня взяли в плен,— всего лишь богатая сельская усадьба и ничего больше. Я думаю, существует несколько таких штаб-квартир.

Важнейшие их агенты вынуждены принимать яд, если появится опасность того, что их тайна будет раскрыта. Люди, работающие в сельских усадьбах, подвергаются вечной опасности. Их в любое время могут продать как андроидов, чтобы сохранить тайну. Нет никаких прямых контактов между местами сбора, похитителями и получателями, кроме самих андроидов. Я на твоем мире трижды переходил из рук в руки, а теперь вот еще Кайер попытался продать меня с этим грузом.

Группы андроидов для большей безопасности при пересылке разделяют. Андроиды верят, что их изготовили на фабриках, а облик голубокожих искусственных людей так глубоко укоренился в сознании общественности, что это принималось за чистую монету. Но однажды произошла ошибка при стерилизации, и родился Ларс Талибранд. Так появились первые подозрения.

— А что с рождением Ларса Талибранда? — спросил Диз.

Хорн рассказал ему.

Диз медленно кивнул:

— Я иногда спускался в грузовые отсеки и слушал, о чем говорят андроиды. Иногда я брал на борт одного или двух из тех, кто уже работал в бараках для андроидов на многих мирах и кто, может быть, получил особое образование. Существует нечто вроде мифологии, распространенной среди них. Они говорили об этом только шепотом, и, если их заставил за этим какой-нибудь человек, лица у них сразу же становились виноватыми и они тотчас же замолкали.

Кажется, они знают о Талибранде. Андроиды, которые были в бараках, сообщают новичкам обо всем. Они рассказывают им о том, что некоторые из них рождены людьми и что они должны терпеливо работать и хорошо вести себя, потому что однажды Талибранд — я думаю, они имели в виду Ларса — придет к ним и сообщит, что они на самом деле люди. Они вымоются особым средством, и голубой цвет кожи исчезнет.

Он пожал плечами.

— Мы никогда не обращали на это особого внимания. Мы считали это историями, которые выдумывают наиболее умные парни из андроидов для того, чтобы

остальные работали и вели себя соответствующим образом.

— Это так! — мрачно заметил Хорн.— Талибранд сделал кое-что. Он разыскал некоторых детей, проданных в качестве андроидов. Некоторые из них вернулись к своим родителям, но я ничего не знал о том, что можно избавиться от голубого цвета кожи. Существует ли что-нибудь, чем можно его удалить?

Диз покачал головой:

— Нет.

Хорн пожал плечами:

— Ну, мне здесь не верят, не так ли? — Он снова вернулся к первоначальной теме.— Но на Криу'и Дитче живет человек по имени Братвин, который мне поверит. Может быть, будет лучше, если я как можно быстрее отправлюсь туда?

— Каким образом? — рассудительно произнес Диз.— Вас сочтут за андроида. Даже если я пойду с вами и присягну, что вы человек, вас, вероятно, не выпустят с этой планеты. Как я уже сказал, нет никакой возможности изменить этот голубой цвет кожи.

— Как? — спросил Хорн, и его голос внезапно стал звонким.— Ну, если я достаточно долго останусь в живых, я буду все время держать в поле зрения торговцев андроидами. Тогда мне только останется подождать, пока сюда не вернется Шембо. Он знает меня так же хорошо, как вы. Он доставил меня на Криу'и Дитч.

— Можем попробовать это.— Диз кивнул.— Однако я хочу спросить, вы узнали, кто убил Ларса Талибранда?

— Нет,— сказал Хорн.— Но мне кажется, я знаю, кто несет ответственность за его смерть.

— Кто?

— Его брат. Это его брат Джон нанял убийцу.

ГЛАВА 18

Диз снова привел его в свой дом, где его жена мрачно выслушала всю эту историю, думая при этом о своих сыновьях. Она подумала, что все удобства вокруг нее, все это материальное благополучие, которым окружил ее муж, основано на рабстве, на страданиях детей других матерей. Она похвалила действия Хорна.

— Достаточно,— резко прервал ее Хорн.— До сих пор я спотыкался о то, что находилось под самым моим носом. Теперь эта гигантская сеть торговли андроидами, которая опутала звезды, как опутывает корни растений ядовитая грибница... Что я сделал такого, чтобы положить конец всему этому?

— Вы сделали немало,— сказал Диз.— У торговцев были три агента на Ньюхольме, вы их уничтожили. И после всего, что вы нам рассказали, все теперь пойдет иначе. Вы почти установили, что делал на Криу'и Дитче брат Ларса Талибранда.

— Если бы мне когда-нибудь попасть туда... — угрюмо заметил Хорн.

— Я тотчас же поеду в космопорт, как только Шембо сообщит о своем прибытии, и поговорю с ним, но на это потребуется некоторое время.— Диз наморщил лоб.— Вот именно так, как вы сказали. Между различными сферами торговли андроидами нет никакой связи, за исключением самих бедных андроидов.

— Но неужели мы ничего не можем предпринять? — настаивала жена Диза.— Разве не взбунтуются все остальные андроиды, если им рассказать правду, а космонавты не откажутся перевозить их, если они узнают обо всем?

— Вполне возможно,— согласился Хорн.— Братвин с Криу'и Дитча сказал, что там уже намеревались сделать что-то подобное, но Джон Талибранд замял все это. Конечно, пройдет немало времени, прежде чем будут известны все факты.

— Но даже если нам все удастся, это еще не значит, что Земля откажется от андроидов,— вмешался Диз.

— Я тоже так думаю. Андроиды на Земле — часть нашей жизни. Мы рассматриваем их как нечто, стоящее очень высоко над роботами. Но они выполняют всю грязную работу, которой другие люди больше не хотят заниматься. Их голубая кожа успокаивает нашу совесть, по крайней мере, в тех случаях, когда некоторые люди задумываются над этим. А потом надо принять во внимание хозяйственный фактор, который нам разъяснили в министерстве торговли.

— Ну, предположим, мы приведем людей на то место, где бедных детей перекрашивают в голубой цвет,— упорно настаивала жена Диза.

— А где это место? Я ничего не знаю. Я был там, но я ни разу не видел узора звезд на небе. Как я могу определить, где находится та планета? Я видел от силы квадратную милю ее поверхности.

— А что будет, если вы расскажете правду андроидам?

Хорн покачал головой:

— Боюсь, что это нам ничего не даст. Они свято верят в сказку о своем происхождении. Я могу вас в этом заверить.— Он беспокойно ходил взад и вперед.— Единственное возможное решение, насколько я вижу, состоит в том, чтобы удержать торговцев хоть на время и отогнать их туда, откуда они пришли, установить связь с вновь колонизированными мирами, о которых мы до сих пор даже ничего не слышали. Я уверен, на

одном из них и производят так называемых андроидов. Мы вышли на нескольких их людей, таких как Джон Талибранд, Кайер, Удд, Кавелгрейк, но большей частью они попали к нам в руки случайно, потому что где-то допустили ошибку, и теперь мы обратили на это внимание. Но это только значит, что мы срежем цветы со стебля, но корни мы этим не уничтожим.

Хорн оказался прав. Двумя днями позже было совершено покушение на его жизнь.

Это указывало на то, что организация торговцев андроидами после потери Кайера и его сотрудников пострадала совсем незначительно. Из проезжавшего мимо наземного автомобиля в переднюю комнату Диза бросили маленькую коробочку, в которой была бомба.

Как ни удивительно, но она попала в шахту обогрева, ведущую из котельной в подвал, и взорвалась там. Весь дом сотрясся от этого взрыва.

Вызвали полицию, но Хорн весьма скептически отозвался о возможных результатах расследования.

— На Земле,— сказал он,— один из полицейских был агентом торговцев андроидами. Не ожидайте от них слишком многого.

Он счел полезным убедить Диза, его жену и сыновей, чтобы они появлялись на людях с толстыми повязками и заклеенные пластырями и говорили, всем, что Хорн серьезно ранен. Это оправдывало то, что он не выходит из дома.

Дерри в ярости ожидал следующей акции торговцев, но ничего не происходило. Несколько успокоенный, он предположил, что они ждали указаний от Джона Талибранда. Хорн ничуть не сомневался в том, кто был вдохновителем этого покушения. Талибранд тем временем узнал о его чудесном бегстве, которое ему удалось

совершить из лагеря андроидов здесь, на Ньюхольме. Конечно, теперь Джон Талибранд потел от страха, что Хорн вернется на Криу'и Дитч и донесет на него.

Именно это Дерри и намеревался сделать.

Как он и предсказывал, полиции все еще не удалось найти тех, кто бросил бомбу, когда Диз с радостью сообщил, что корабль Шембо прибудет на Ньюхольм в самом скором времени, и отправился в космопорт, чтобы доставить сюда криуидитчианского капитана.

Это был все тот же разумный и спокойный Шембо, который внимательно выслушал сообщение Хорна.

— Это объясняет множество странностей,— наконец произнес капитан.

— Что, к примеру? — Хорн подался вперед.

— Как... ну, вы же знаете, самый большой космопорт на Криу'и Дитче, я имею в виду личный космопорт, принадлежит семье Талибрандов. На Криу'и Дитче, куда вы отправились, мистер Хорн, существует множество тайн. Джон Талибранд сказал, что вы его оскорбили, воспользовавшись его гостеприимством, но в это никто не поверил. Говорили также, что вы отправились искать исчезнувшего мальчика, которого похитили торговцы, но и в это тоже никто не поверил. И все же никто не знал правды, и никто ничего не предпринял. Только в последнее время кое-что произошло. Как всегда, в космопорт прибывали андроиды. Но тут явился Джон Талибранд и осмотрел их всех. Все члены моего экипажа прошли через руки Джона Талибранда, который смотрел, не покрашен ли кто из них краской, чтобы скрыть голубой цвет кожи. То же самое происходило и на других кораблях.

Шембо сделал большой глоток из кружки, которую подала ему миссис Диз, а потом устроился поудобнее и с довольным лицом продолжил:

— Теперь все ясно. Талибранд ищет вас, и ищет настойчиво. Талибранд боится!

— Хорошо,— сказал Хорн без сожаления,— но все это довольно сложно. Как же мне, черт подери, попасть на Криу'и Дитч, если Талибранд так стремится найти меня? Я намеревался использовать какое-нибудь косметическое средство, чтобы скрыть голубой цвет кожи.— Он вытянул свою руку и уставился на нее.— Вы сказали, что они уже предусмотрели эту возможность?

— Мы придумаем что-нибудь,— тихо пообещал Шембо.— Я позабочусь об этом.

— Скажите,— попросил Хорн,— почему вы так готовы помочь мне, капитан Шембо? Разве вам не понятно, что я пытаюсь лишить вас средств к существованию?

Шембо пожал плечами:

— Это плохо. Андроиды — дети людей. Это очень плохо. Мне иногда делается дурно. Может быть, я еще некоторое время буду заниматься этим. Я привык. Вы понимаете? Но потом будет что-нибудь другое. Надо торговать. Может быть. Я думаю, люди всегда хотят заставить работать вместо себя других, как на Криу'и Дитче. У всех ваших богатых семей есть слуги. Может быть, бедные люди с дальних миров захотят найти работу на Земле, и андроиды будут больше не нужны. Я надеюсь, их признают настоящими людьми.

Хорн медленно кивнул. Это было возможное решение проблемы и даже намек на то, как можно разрешить эту проблему на Земле. Престиж, обретенный теми, что первым признает андроидов, тоже можно будет использовать. Конечно, найдутся другие товары для торговли, которые займут место андроидов.

Но это был доморощенный план. Сейчас Хорну было все равно, потрясет разрушение торговли андроидами хозяйственную структуру галактической торговли или

нет. Может быть, для человеческой расы будет даже хорошо, если это произойдет.

Он заметил, что Шембо медленно качает головой.

— У меня есть идея,— сказал капитан.— Мне кажется, я знаю, как доставить вас к Братвину в целости и сохранности.

Важнейшим пунктом в плане Шембо был временный отказ от посадки на планету.

Корабль ночью опустился на космодроме во владениях Талибранда. Он совершил посадку за два часа до рассвета, когда люди внизу были сонными и усталыми. Это было также время, когда Джон Талибранд добровольно возложил на себя обязанность лично проверять груз андроидов.

Конечно, в этом рейсе у них на борту не было никаких андроидов. С ними находился только один голубокожий человек, но он был очень опасен.

Корабль опустился, и охранники, вырванные из объятий сна, подошли к нему, чтобы подвергнуть его экипаж вновь введенной проверке и исследованию.

Хорн, спрятавшись в темноте одного из грузовых трюмов, ждал, как будет развиваться события.

Внезапно на другом конце корабля возникло какое-то движение. Прозвучали окрики по-криу'идитчиански. Послышались торопливые шаги. По космодрому сновали лучи прожекторов. Охранники, которых видел Хорн, спешили прочь, чтобы посмотреть, что там произошло, на ходу вытаскивая оружие.

В то же мгновение, когда они исчезли из его поля зрения, Дерри выпрыгнул из корабля и, пригнув голову, побежал по космодрому.

Когда охранники наконец обнаружили, что они охотятся за одним из людей Шембо, который разыграл

из себя пьяного и теперь помирал со смеху наблюдая, как они переполошились, Хорн укрылся под брезентом двух штабелей товаров на краю поля космодрома.

Три охранника почувствовали себя одураченными и не хотели во второй раз попадаться на ту же самую уловку, с отвращением и презрением отказываясь обращать внимание на шорох и движение, которые они считали совершенно не опасными. Они раздраженно потащили Шембо и его людей к административному зданию космопорта.

Громкий голос Шембо разносился далеко по полю. Дерри терпеливо ждал, пока все успокоится. Потом он осторожно прополз по полю космодрома к воротам. Несущие там службу охранники дремали и не слышали, как Хорн прокрался мимо них.

Потом он побежал. Ему было довольно трудно ориентироваться в темноте, но через некоторое время он оказался поблизости от зала, в котором Братвин дал ему первую аудиенцию. Уже начало светать, и ночное небо посерело. К счастью, прохожих было еще мало, и, если Хорну кто-нибудь встречался, он закрывал лицо, стараясь спрятать свою голубую кожу.

Братвин в отличие от Джона Талибранда не окружал себя кольцом слуг и охраны. Хорн беспрепятственно добрался до дверей зала и забарабанил по ним кулаком.

Скоро появился сонный привратник и открыл ему. Увидев, что это стучит андроид, он выругался и хотел снова запереть дверь.

— Отведите меня к Советнику Чести Братвину,— приказал Хорн.— Поднимите его с постели, если он еще спит.

— Глупец! — возразил привратник.— Сегодня заседание Совета Чести, и он работал до поздней ночи, подготавливая свой доклад.

— Это еще лучше,— сказал Хорн, явно обрадовавшись.— Скажите ему, что у меня есть сообщение от Ларса Талибранда, сообщение об убийстве, и он меня выслушает.

Привратник, все еще сомневаясь, кивнул. Было почти смешно видеть, как изменилось его лицо, когда он вернулся.

— Вы можете войти,— пригласил он и сглотнул.— Советник Братвин сказал, что хочет выслушать ваше сообщение.

Бранвин испуганно вскрикнул, когда увидел Хорна и узнал его. Он уже давно считал его мертвым.

С широко раскрытыми глазами он выслушал Хорна, потом яростно кивнул:

— Сегодня заседает Совет Чести.— Мы собираемся со всего Криу'и Дитча, чтобы обсудить планы на следующий год, но сначала мы устроим суд!

ГЛАВА 19

Собрались двадцать членов Совета Чести. Двое из них были очень стары, двое довольно молоды, остальные были примерно того же возраста, что и Братвин.

В зале Аудиенций стоял большой стол. На нем перед каждым креслом лежали ручки, бумага и пачка листов, на которых было что-то напечатано.

Через полчаса после рассвета собрались все, один за другим. Те, кто жил неподалеку, зевали и потягивались в своих машинах, на которых они ехали ночью, те же, кто жил далеко и кому требовалось на эту поездку до три дней, гостили у Братвина и всю эту ночь спали. Они были свежи и спокойны. Братвин приветствовал их, когда они вошли в зал и приблизились к открытому

огню, чтобы согреться или взять какую-нибудь еду из стоявших там мисок и тарелок. Бочонок кислого криу'идитчианского пива должны были открыть после окончания заседания.

Джон Талибранд пришел последним, когда Братвин уже занял свое место во главе стола. Он вызывающе остановил свою машину, построенную на Земле, прямо перед залом и, входя, приветствовал всех присутствовавших величественным жестом.

Он был хорошо одет, тщательно выбрит и сильно надушен. Только темные круги под глазами показывали, что несколько прошедших недель были для него нелегкими.

Джон занял свое место за столом и выжидательно посмотрел на Братвина. Глаза обоих мужчин на мгновение встретились, потом Братвин посмотрел на разложенные перед ним бумаги.

— Сегодня мы, Совет Чести этого мира, собрались здесь, чтобы послушать как обстоят дела у нашего народа, чем он занимается, как живет, торжествует ли справедливость, как растет благосостояние, царит ли на Криу'и Дитче мир, где бизнес не удается, угасает жизнь, попирается справедливость, где люди бедствуют, мир хрупок и вот-вот вспыхнет война, чтобы разобраться в этом и все привести в порядок, насколько это в наших силах. Я, Братвин, нахожусь здесь и намереваюсь выполнить свои обязанности Члена Совета так, как повелевает мне долг.

Он взглянул на человека слева от себя, тот повторил последнюю фразу, повернулся к следующему, и так далее. Братвин обводил взглядом всех говорящих, подолгу задерживая его то на одном, то на другом лице.

— Я, Талибранд, нахожусь здесь, чтобы выполнить обязанности Члена Совета так, как повелевает мне мой долг.

Не было ли известного бесстыдства в его словах?

Братвин отвел взгляд, затем взглянул на бумажки, лежавшие перед ним и почувствовал, как его сердце забилось сильнее, когда он поднял первую из них.

Он облизал губы и заговорил.

— Я открыто выступаю здесь, на этом Совете и обвиняю одного из его членов по имени Джон Талибранд, из дома Талибрандов и утверждаю, что он находится в наших рядах не по праву, а силой захватив это место, и он не считает себя ответственным за совершенное им преступление.

Постепенно Совет начал понимать, что сказал Братвин, и его члены, открыв рты от удивления, уставились на него. Сам Талибранд побелел, как мел, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

До сих пор Братвин говорил очень тихо, но внезапно голос его стал громким и резким.

— Я обвиняю Джона Талибранда, во-первых, в том, что он вступил в тайный сговор с другими гражданами нашей планеты, чтобы похищать людей, продавать их как рабов, и получать за это огромные деньги. Во-вторых, он вступил в тайный сговор с другими гражданами нашей планеты, чтобы совершить убийство своего брата, Ларса Талибранда, который носил звание Гражданина Галактики. В-третьих, он лично ответствен за то, что похитил человека по имени Дерри Хорн, гражданина планеты Земля и продал его в рабство.

Братвин был вынужден снова облизать губы, когда перевернул бумажку. Теперь он смотрел прямо на Джона Талибранда.

— Джон Талибранд, как вы ответите на это обвинение?

Все глаза, полные изумления, обратились на Талибранда, но он этого не заметил. Он внезапно выпрямился и уставился на что-то позади Братвина.

Остальные члены Совета проследили за его взглядом и увидели голубокожего андроида, которым медленно вошел через дверь, ведущую в рабочий кабинет Братвина.

Андроид с черной бородой и угрожающим взглядом теперь поднял руку и указал пальцем на Джона Талибранда.

Нервы Талибранда не выдержали. Он повернулся на каблуках и выбежал из зала.

— Задержите его! — раздалось множество голосов.

Но было уже поздно. Прежде чем кто-нибудь успел добежать двери, он уже умчался в своем автомобиле.

В зале стоял гомон, отдающий приказы голос Братвина призвал всех к тишине.

— Он, конечно, вернулся в свое имение. Позже мы последуем за ним туда, если все, кто слышал это обвинение, согласны, что он несет ответственность за это. Здесь присутствует андроид, который является не андроидом, а человеком. Это Дерри Хорн, о котором мы все уже слышали. Он может доказать вам, что он человек.

Братвин посмотрел на Дерри, потом заговорил по-английски. Хорн, конечно, рассказал, что с ним произошло, но без подробностей. Старейший член Совета, который даже не пошевелил своими старческими мозгами, чтобы помешать скрыться Талибранду, сказал, что сначала надо выслушать показания свидетелей.

Так, при помощи Братвина, переводившего его речь остальных, для тех, кто не понимал английского, Хорн сколотил гроб, в который уложил Джона Талибранда.

Они добрались до ворот имения Талибранда и обнаружили, что те заперты. Даже власть Совета Чести не помогла им проникнуть в имение. Может быть, они

вернулись бы назад и вынесли бы приговор Талибранду на заседании Совета, но внезапно по ним открыли огонь из ружей.

Пуля, несомненно, предназначалась Хорну, но попала в старейшего члена Совета. После этого вину Джона Талибранда признали без всяких дискуссий. Узнав, что судьба обернулась против него, Талибранд приказал своим людям стрелять.

Совет ретировался, чтобы позвать слуг и осадить имение Талибрандов. До наступления темноты они все проработали, во многих местах прорвали ограждения из колючей проволоки и направили одно подразделение по полю космодрома, чтобы обмануть защитников.

Братвин был с Хорном вежлив, но молил его держаться на заднем плане.

— Поймите,— сказал ему Советник,— вас с вашей голубой кожей заметят даже в темноте, и, кроме того, вы сделали для нас столько, что мы теперь не будем просто смотреть, как в вас стреляют. Кроме того, это наше дело. Джон Талибранд участвовал в этой преступной торговле, он убил своего брата, но он также причинил очень много вреда Совету Чести Криу'и Дитча, и мы должны поправить это.

В лесу владений Талибрандов слышался треск веток, а иногда раздавались крики. В ветвях, казалось, двигались темные тени. Когда они сливались друг с другом, слышались пыхтение и проклятия завязавшейся рукопашной.

Но продвижение вперед было медленным. Имение Талибрандов представляло собой крепость. Хорошо еще, что многие из нападавших посещали семью Талибрандов и были хорошо знакомы с планировкой их имения.

Медленно надвигалась ночь. Постепенно защитников оттеснили к дому, но когда их оттеснили достаточно далеко, Братвин отдал приказ окопаться.

— Дом мы сможем взять только с помощью бомб,— сказал он задумчиво.— Можно, конечно, попробовать взять их измором. Но в это время года большая часть урожая должна уже находиться у них в закромах. Черт побери, что вы здесь делаете, Хорн?

Он почти уже поднял свое ружье, прежде чем узнал человека, приблизившегося к нему сзади.

— Кажется, стало поспокойнее. Я думаю, вы позволите мне увидеть конец всего этого.

Он сказал это нарочито извиняющимся тоном.

— До этого еще далеко,— тихо ответил Братвин, обернулся и посмотрел на лежавший перед ним во тьме дом.

Иногда, когда одному из защитников казалось, что он видит какое-то движение, из темноты раздавались выстрелы.

— Конечно, это только вопрос времени,— пробормотал он,— но мы должны быть терпеливыми.

— Должны ли? — так же тихо спросил Дерри.— Посмотрите!

Сначала Братвин не понял, что Хорн имеет в виду, но потом увидел огонь, вспыхнувший в одном из сараев.

— Это может происходить только внутри дома,— недоверчиво сказал он.— Может быть, это выгонит их наружу. Ветер становится сильнее. Но кто мог это сделать?

— Один из слуг Джона Талибранда, который имеет на него зуб.

Братвин покачал головой:

— Нет. Криу'идитчиане всегда остаются верны своему хозяину.

Кто бы это ни сделал, огонь охватил сарай и перекинулся на другие строения. Теперь выстрелы

звучали только из части главного здания, потому что защитники не могли больше выносить удушающий дым.

Со стороны нападавших раздались торжествующие крики, когда они увидели огонь.

— Позор,— мрачно произнес Братвин.— Это же самое старое здание на Криу'и Дитче. Если оно все же выдержит, оно станет памятником позора Талибрандов.

Как долго они еще смогут продержаться?

Теперь дым поднимался клубами, и весь дом словно превратился в гигантский камин. Крыша сарая, в котором начался пожар, уже просела, и пламя, поднявшееся вверх, лизало почерневшие от дыма боковые стены.

Спустя некоторое время двери распахнулись, и группа женщин и детей, размахивая белым флагом, вышла наружу. Нападавшие позволили им беспрепятственно пройти от дома к полю, и они уехали.

Братвин оглянулся на Хорна и удивился, увидев, что тот ушел. Он пожал плечами и приказал своим людям продвинуться вперед и занять все еще открытые двери зала. Они, несомненно, были открыты потому, что Талибранд хотел отважиться на последнюю отчаянную попытку, чтобы продать свою жизнь как можно дороже.

Все так и произошло.

Вспыхнула жаркая рукопашная схватка. Нападавшие вышли из своих укрытий, размахивая мечами, потому что в ближнем бою они не могли пользоваться огнестрельным оружием.

Внезапно Братвину в голову пришла идея: может быть, Хорн захотел узнать, что произошло в доме? Или он решил попытаться лично рассчитаться с Талибрандом?

Ругаясь, Братвин вытащил свой меч и ринулся в бой.

На лужайке перед открытыми дверями сражался Джон Талибранд. Его лицо было белым, но спокойным, и его выпады были точны и, как правило смертельны. На его стороне сражались двое слуг. Братвин прыгнул вперед и крикнул:

— Это я, Братвин!

Одновременно он отшатнулся в сторону одного из слуг, чтобы свободно действовать мечом, и ударил Талибранда...

Братвин взглянул на заколотого и подумал, что он сделал. Он пришел сюда, чтобы посмотреть, нет ли здесь Хорна, а не убивать Талибранда.

Когда его слуги собрались вокруг и стали поздравлять его с победой, он спросил их, где же Хорн.

Никто этого не знал.

ГЛАВА 20

Главное здание ярко пылало. Деревянная крыша была наполовину охвачена пламенем, и дым вырывался из двустворчатых дверей, через которые был произведен последний отчаянный прорыв.

В свете пламени Братвин обошел вокруг дома, расспрашивая всех и каждого о Хорне. Наконец он завершил свой обход, так ничего и не выяснив.

Вернувшись назад, он окончательно пал духом. Вероятно, этот глупец пытался разыскать Талибранда, и его убили.

Может быть...

Громкий крик отвлек его от мрачных мыслей. Он обернулся и увидел, как кто-то показывает на дом. Из дверей дома, в клубах густого дыма, шатаясь, вышел человек, несущий что-то на руках. Это был Хорн,

который, отвергал всякую помощь, спустился по склону и положил свою ношу на землю.

— Пусть кто-нибудь позаботился о ней,— проговорил он хриплым от дыма и жары голосом.— Она была женой хорошего человека.

— Я спустился вниз, чтобы найти ее среди женщин и детей, которым позволили свободно уехать,— сказал Хорн.— Советник Братвин объяснил мне, что ни один криу'идитчанский слуга не выступит против своего хозяина. То же самое я считал само собой разумеющимся и для семей слуг и членов семьи Талибрандов. Но ведь кто-то из находившихся внутри дома устроил этот пожар.

— Жена Ларса.— Братвин кивнул.

— Да, Мода Талибранд. Я знал, что она ненавидела своего деверя и была права, хотя она могла только строить предположения. Когда я не нашел ее среди других женщин, я понял, что Талибранд прознал, кто устроил пожар, и, решив отомстить ей, запер ее в горящем доме. Так все и было.

Он поднял свою кружку с пивом и сделал огромный глоток.

Советники сидели в мягких креслах в зале, ели и слушали. Они согласно кивали и обменивались взглядами с Братвином. Их лица все еще казались усталыми, однако они уже отдохнули после ночного сражения и продолжили свое заседание довольно освеженными.

Братвин откашлялся.

— Для того чтобы нас лучше понимал наш высокочтимый гость Дерри Хорн, я предлагаю часть обсуждения вести на английском языке! Пункт первый: решено — на космодромах Криу'и Дитча больше не будут перегружать так называемых андроидов. Кроме того, в будущем граждане Криу'и Дитча под угрозой

строгого наказания не должны участвовать в любой форме торговли андроидами. Кто согласен с этим?

Все подняли руки.

— Пункт второй: решено, что Дерри Хорн, гражданин Земли, получает гражданство нашей планеты.

Снова все подняли руки.

— Пункт третий: занесение в книги. Джон Талибранд из-за своего преступления теряет право гражданства, а так же право на наследство и титул Советника Чести. Кто согласен с этим?

В третий раз все подняли руки.

— Хорошо,— кивнул Братвин, и сел — Вопрос о наследстве мы выясним позже. Теперь я сделаю вам одно предложение, Хорн. Что вы намерены делать с вашей голубой кожей? В конце концов, в этом и заключалась первоначальная идея отличия андроидов от людей не только на нашей планете, но и всюду. Вы охотно избавились бы от этого цвета, не так ли?

Хорн смущенно посмотрел на свои руки.

— Насколько я знаю, это невозможно,— ответил он.

Братвин полез в свой карман и вытащил оттуда серое портмоне Ларса Талибранда.

— Как друг погибшего Гражданина Галактики,— сказал он, подмигнув,— я думаю, вы должны найти другого Гражданина Галактики, который был бы готов помочь вам. Как вы, может быть, знаете, на Верньe живет врач по фамилии Гайк, имеющий такой же титул, как и Ларс Талибранд. Мы отправим вас к нему. Весьма вероятно, он знает, что делать.

Он уселся поудобнее и протянул портмоне Хорну.

— Я думаю, господа, что нет никого более достойного, кто получил бы этот бывший документ гражданства Ларса Талибранда в свое пользование?

Он не столько спрашивал, сколько утверждал.

Все согласно кивнули.

— Что же произойдет потом?

Хорн встал и заходил взад и вперед.

— Я не знаю. Мы должны позаботиться о том, чтобы эта торговля прекратилась. Возможно, будет достаточно запретить торговцам использовать космопорты. Если этого будет недостаточно... ну, об этом мы поговорим позднее.

— Хорошо. Может быть, вам лучше пройти в рабочий кабинет?

Немного смущенно Хорн повиновался и услышал за своей спиной смешки многих людей, когда выходил в маленькую комнатку.

Мода Талибранд поднялась из своего кресла, чтобы приветствовать его.

Она сняла траурную одежду и надела простое белое платье, какое обычно носили женщины на Криу'и Дитче. Ее лицо выражало одновременно и радость, и печаль.

Они долго молчали.

Наконец она заговорила так, словно они продолжили только что прерванную беседу.

— Как вы знаете, я всегда верила, что нет человека лучше, чем мой муж. Мне он казался таким рядом с его братом. Однако теперь я убеждена, что в Галактике есть еще один такой же человек, как Ларс, и я его встретила. А там, где есть двое таких людей, должно быть еще очень много таких же.

У Хорна внезапно в горле застрял ком, и он не мог говорить. Он думал о рыжеволосом человеке, которого увидел убитым в номере отеля на Земле.

Решение было объявлено.

Шембо разъяснили новое постановление о торговле андроидами и сообщили, что в ближайшем будущем он должен отказаться от этого прибыльного дела.

Он усмехнулся и пожал плечами:

— Торговля будет.— Мысленно он уже искал замену.— Не тем, так другим.

Решение это попало также на планету, где корабли опускались возле бурного, соленого моря. Внезапно здесь подул ледяной ветер. Однако для Эрсуорлда, Вернье, Лигоса и других миров это решение было подобно лучу солнца, прорвавшемуся сквозь облака. Так же позже было и на других мирах, названия которых большинству людей не были известны. Среди них находился и Лостуорлд.

Об этом сообщили также и Дизу, и он сказал:

— Я никогда всерьез не верил, что у него это получится.

Он отказался от своего намерения стать капитаном собственного корабля и решил попытаться найти себе такое дело, которым он мог бы искупить невольное участие в работорговле.

Решение это стало известно и на Земле, и Дерри Хорн-старший, наморщив лоб, сказал своему отцу:

— Этот молокосос, мой сын, действительно совершил что-то выдающееся там, вовне!

— Он, кроме всего прочего, испортил хороший бизнес некоторым людям,— отозвался старик, читая сообщение о том, что Вернье, Эрсуорлд и Лигос последовали примеру Криу'и Дитча и закрыли свои космопорты для торговли андроидами.

Потом **они** молча посмотрели на Роула, их слугу.

Знал **ли они** об этом?

Решение, конечно, очень быстро распространилось среди андроидов, гораздо быстрее, чем последует официальное признание его.

После того как решение стало известно на Земле, водитель одного из мусоровозов, служивший связным между Дорди и Берлом, сообщил им об этом.

В его рабочей зоне находился и отель, в котором погиб Ларс Талибранд. Водитель жил в том же бараке, где и Берл из команды уборщиков. Он и принес в отель Дорди сообщение от Берла.

— Что ты на это скажешь? Я никогда не думал, что этот казавшийся таким хилым молодой человек одержит победу. Скажи, что ты думаешь делать, если решение будет принято и здесь, и обязательства, которые удерживают нас, исчезнут? Сначала я...

Затем последовал целый поток буйных фантазий.

Выслушав это, Дорди усмехнулся и ответил водителю. Это был результат его долгих размышлений.

— Лучше предложим присвоить Дерри Хорну титул Гражданина Галактики.

АГЕНТ ИЗ БУДУЩЕГО

1

Так как даже обычное напряжение нервировало его, Мюррей Дуглас вызвал ресторан «Просцениум» и заказал столик. Он не знал голоса человека, принявшего его заказ, а тот повторил заказ совершенно равнодушно, словно имя Мюррея Дугласа ничего не значило.

— Мистер Мюррей Дуглас... столик на одного человека... время... очень хорошо, сэр.

Прошло уже много времени, очень много. Прошла целая вечность.

Рука Мюррея дрогнула, когда он положил трубку. Чтобы обрести самообладание, он глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Потом он в двадцатый раз ощупал свой бумажник, словно хотел убедиться, что деньги за это время никуда не делись. Наконец он надел пальто, взял саквояж, еще раз окинул взглядом свои апартаменты и спустился вниз, на улицу, чтобы найти такси.

Все же мастерская не изменилась. Том Хики, как и раньше, сидел в своем тесном стеклянном ящике перед целой кучей испачканных маслом служебных пропусков и постоянно звонящим телефоном. Снаружи сюда доносилась музыка и шум работы в крошечных боксах. Мюррей Дуглас прошел мимо отремонтированных ма-

шин, споткнулся об один из шлангов, подающих сжатый воздух, и без дальнейших происшествий добрался до стеклянного ящика.

Когда дверь открылась, Хики оторвал взгляд от своей работы. На мгновение он вопросительно наморщил лоб, но потом сказал:

— А, мистер Дуглас! Вы так давно уже не заходили сюда, что я вас с трудом узнал.

— Вы получили мое письмо? — резко спросил Мюррей. Ему не хотелось думать о долгом отсутствии и о людях, которые не узнавали его. С тех пор зеркало уже многое рассказало ему. Когда он был в мастерской в последний раз, он уже многое потерял от своей юношеской внешности, которой был обязан большей частью своего успеха; тогда глаза его были влажными, а мешки под глазами все время были припухшими.

Но теперь он действительно сдал. Кожа на его подбородке была дряблой. На лбу обозначились глубокие морщины. И он все время носил шляпу, потому что его волосы поредели и поседели. Несмотря на свои тридцать два года, Дуглас выглядел на все пятьдесят и чувствовал себя немощным стариком.

— Само собой разумеется, сэр. Мы получили ваше письмо, и ваш автомобиль сейчас будет готов. Мы хорошо позаботились о нем, в этом вы можете быть уверены,— Хики отложил свои бумаги; в его глазах появилось выражение любопытства.— Я слышал, что вы были больны, сэр. Мне действительно очень жаль. Надеюсь, вы снова чувствуете себя прекрасно.

Мюррей внезапно почувствовал, что он по горло сыт этими объяснениями, которые распространял его агент.

— Чушь! — возразил он.— Я не был болен — я был в санатории, чтобы меня вылечили, прежде чем я сопьюсь до смерти!

Хики открыл рот, словно хотел что-то сказать. Но промолчал и снова занялся своими бумагами.

— Мне очень жаль, мистер Дуглас. Я не хотел быть таким любопытным.

— Все в порядке.— Мюррей достал из кармана пачку сигарет; здесь никто не обращал внимания на табличку «Не курить», висевшую на всех стенах.— Сигарету?

— Нет, большое спасибо, сэр. Мне хотелось бы отвыкнуть от курения.— Хики попытался улыбнуться, но только крякнул.— Ах! Вот идет Билл, чтобы доложить, что ваш автомобиль готов.— Он прошел мимо Мюррея к двери.

Билл, огромный латиноамериканец в коричневом комбинезоне, крикнул:

— «Даймлер» готов, мистер Хики! Я даже заполнил рабочий листок, чтобы можно было выписать счет.

— Хорошо,— сказал Хики.— Нам не хочется задерживать вас слишком долго, мистер Дуглас.

— Машина в порядке? — спросил Мюррей.

— «Даймлер», босс? — Билл повернулся к нему.— Извините, что я это говорю, но вы не уделяете должного внимания своему автомобилю, сэр.

— Это было раньше,— пробормотал Мюррей.— Раньше я даже себе не уделял должного внимания.

— Да, босс? — Билл бросил на него вопросительный взгляд.— Я этого не понимаю.

— Ничего не надо понимать.— Мюррей достал кошелек.— Сколько я должен вам за хранение моего автомобиля, Том?

Когда Мюррей наконец сел за руль и услышал под капотом равномерное гудение работающего восьмицилиндрового мотора, он даже забыл, что Хики не

попрощался с ним. Мюррей медленно ехал по Вест-Энду к переулку Св. Мартина — к ресторану «Просцениум».

Но там тоже кое-что изменилось. Мюррей наткнулся на неизвестную ему до сих пор улицу с односторонним движением, а по ее сторонам повсюду стояли внезапно появившиеся счетчики стоянок. После того как он сжег массу бензина и напрасно провел добрых полчаса в поисках места для парковки на переполненных сторонах улицы, его снова охватило настроение, которое бывало уже много раз за последние месяцы. Что ему вообще было нужно в «Просцениуме»? Вся эта совокупность была всего лишь театральным духом: «Мюррей снова здесь!» Какой ответ дать? Может быть, высоко поднять брови и ответить: «Ну и что?»

Еще раз проклятье, несмотря ни на что, я должен выстоять. Я уже давно в одиночку преодолеваю препятствия на своем пути.

Наконец, он нашел место для стоянки и в скверном расположении духа направился к ресторану.

Эмиль, главный кельнер, сразу узнал его, но даже профессиональная улыбка не смогла скрыть шока, когда он увидел изменения, происшедшие с Мюрреем в течение этого года. У него были еще и другие основания чувствовать себя неуютно.

— Мне действительно очень жаль, мистер Дуглас,— тут же сказал Эмиль,— но вы заказали столик на час, не так ли? Когда вы не приехали к половине второго, я был вынужден... — Он многозначительно махнул рукой, заканчивая свое объяснение.

Он обращается со мной так, потому что я потерпел крах. Раньше он на это не отваживался. Он воображает себе, что я готов...

Несмотря на это, Мюррей вынудил себя улыбнуться.

— Я затратил полчаса на поиски места для стоянки,— сказал он.— Мне очень жаль, Эмиль, что из-за этого у вас возникли трудности. Найдется ли для меня где-нибудь другое местечко?

— Ах... у нас есть только один свободный столик, мистер Дуглас,— Эмиль указал назад.— Франсуа, пожалуйста, отведите мистера Дугласа за столик. Франсуа займется вами. Да, мистер Кромби, я сейчас подойду к вам.

Вопросительные взгляды («Я, конечно, учитывал все это и знаю, кто он, но...») следовали за ним по всему ресторану. Он не знал ни одного из посетителей, которые смотрели на него. Само собой разумеется, здесь присутствовали несколько человек, которых он знал, но он был рад, что все его прежние друзья заняты другими делами и не обращают на него никакого внимания. Столик, к которому его подвели, к счастью, был полускрыт за плющом, оплетающим разделительную стену. За соседним столиком, стоящим в нише, сидело двое мужчин, голоса которых Мюррей тотчас же узнал: Пат Барнетт, журналист и театральный критик из «Газетт», и Ральф Хестон-Вуд из театральной газеты «Актинг».

Оба не заметили прошедшего Мюррея. Они как раз дискутировали о репетиции, на которой только что побывали. Мюррей с интересом прислушался к их разговору и попытался мысленно перенестись в прошлое.

О Боже, сколько всего он пропустил! Почему он был так неразумен и появился здесь один, вместо того чтобы взять с собой своего агента. Роджер охотно пошел бы с ним сюда...

Нет, вероятно, и совершенно бесцельно обманывать самого себя. Он, конечно, уже достаточно натерпелся от меня. Я бесконечно накачивал его, обременял и играл у него на нервах.

С тех пор как он покинул санаторий, с тех пор как он стал ждать и надеяться, когда уже не было надежды, Мюррей Дуглас, всем известный Мюррей Дуглас значительно лучше познакомился с самим собой.

И Мюррей Дуглас мне не особенно симпатичен.

Он изучал меню с воодушевлением только что освободившегося заключенного (ужасные быстро приготовленные закуски были такими же, как и в тюрьме) и решил заказать голубую форель.

— Какое вино подать к ней? — спросил старший официант.

— Никакого,— коротко ответил Мюррей.— Я выпью апельсинового сока.

Он зажег сигарету и откинулся на спинку кресла.

Оба критика за соседним столиком сменили тему. Мюррей сначала едва прислушивался к ним, но когда понял, о чем они говорили, то навострил уши.

— Чего вы ждете от этого Дельгадо? Ральф, вы же знаете, что это тот аргентинец, которого зацепил Близзард?

— О, этот человек не так плох, это установлено точно,— ответил Хестон-Вуд.— Вы не видели, как он встал на ноги в Париже вместе с Жан-Полем Гаррижо? Насколько я помню, это называлось «Три раза за раз».

— Нет, этого я не видел, но сообщения о нем от меня тоже не ускользнули,— хрюкнул Барнетт.

Хестон-Вуд рассмеялся:

— Да, я знаю, что вы написали о «Знакомствах».

— Послушайте, Ральф, что, собственно, значит вся эта чушь? — осведомился Барнетт.— Театральная пьеса есть театральная пьеса, и существует автор, который ее написал. Но, насколько я слышал, речь здесь идет не о театральной пьесе. Существует продувной южноамериканец, который будто бы является серьезным авангардистом. Он позаботился о том, чтобы перетянуть

на свою сторону Близзарда и других финансистов и повсюду собирает бездельников, бывших знаменитостей и уволенных по сокращению штатов актеров из различных закоулков, потому что ни один разумный человек не согласится с этой бессмыслицей.

Мюррей почувствовал, как по его лбу покатился пот.

— Пат, иногда вы действительно преувеличиваете с этим вашим Театром для Масс. Вы сами еще не видели работу Дельгадо, но, несмотря на это, хулите ее.— Хестон-Вуд отпил глоток вина.— Пьеса с Гаррижо в главной роли была для меня самым великим театральным событием года.

— И, несмотря на это, она не имела успеха,— констатировал Барнетт.

— Верно. Ну, в конце концов Гаррижо покончил самоубийством.

— Да, но почему пьесу после этого больше не ставили? Почему ему не подобрали замену?

— Потому что пьеса была написана для определенного актера. Замена все бы разрушила. Эта идея — уже кое-что для нас. Только вы не хотите ничего признавать.

— Ну-ну, я не знаю. Несколько лет назад здесь был Сароян, вы его еще помните? Он делал что-то подобное в Мировом Театре, но что из этого вышло? Бессмыслица! — Барнетт налил себе стакан вина.— Поставили актеров на сцену, дали им несколько предложений, развили общую работу в диалогах и назвали результаты этого пьесой для сцены. Но как из этого мог получиться шедевр, если все это было сделано второклассными людьми? Я не могу в это поверить, Ральф. Лучшим из актеров все еще является Мюррей Дуглас, и вы, так же как и я, хорошо знаете, что в Лондоне не существует ни одного постановщика, который принял бы к себе этого старого пьяницу. У

него никогда не было большого таланта — только красивое лицо.

Мюррей резко встал. Он даже не дал себе труда отодвинуть стул. Несколько тарелок и стаканов упали на пол. Ноги шаркали по покрытому ковром полу. Мюррей побелел как мел, когда подошел к соседнему столику.

Хестон-Вуд уронил свою вилку, звякнувшую о тарелку. Это был последний звук. Во всем ресторане несколько секунд царила полнейшая тишина.

Барнетт взглянул на Мюррея, словно перед ним внезапно появился призрак. Пат был большим, крепко сложенным человеком с красным лицом. Его коньком в «Газетт» был «Театр для Масс» и он помещал в своей колонке фотографии, которые добывал всеми правдами и неправдами.

— Стойте! — крикнул ему Мюррей.

— Эй... будьте разумны, Мюррей!

Мюррей схватил Барнетта за галстук. В своем гневе он развил невероятную силу. Он рванул Барнетта вверх так, что стул под тем с грохотом упал. Потом он нокаутировал Барнетта точно нацеленным ударом в подбородок.

Журналист отлетел назад, ударился о чей-то столик и, пытаясь удержаться, схватился за тарелку с сливовым пудингом. Мюррей глубоко вдохнул воздух, не обращая внимания на шум голосов.

— Это у вас нет никакого таланта. Разве вы не понимаете этого, вы, жалкое ничтожество? Вы не критик и никогда не сможете им быть. Вы злобный болтун, лишенный такта и с дурными манерами. Когда я находился наверху, мне часто хотелось выбить вам все зубы, но я не отваживался, потому что ваша грязная колонка все же имеет силу. Теперь я внизу, и вы больше не сможете мне навредить. Вы назвали

меня старым пьяницей, не так ли? Прекрасно, теперь вы имеете возможность сказать мне это в лицо.

Барнетт, тяжело дыша, выпрямился. Что-то бормоча, извинился перед посетителями, в чей сливовый пудинг влез рукой.

— Мистер Дуглас! Боже мой, что вы здесь делаете? — Позади Мюррея появился возбужденный Эмиль.

— Все в порядке, Эмиль. Я уже ухожу. Я не знал, что окажусь здесь под одной крышей с Барнеттом, иначе я сюда не пришел бы. Его вид портит мне аппетит,— теперь Мюррей нарочно использовал резонанс своего великолепно поставленного голоса, который раньше без микрофона заполнял весь Альберт-Холл. Он знал, что все посетители понимают каждое его слово.— Вот, возьмите это в качестве возмещения за убытки,— он сунул в руку Эмиля пять фунтов и одновременно с этим нащупал в кармане брюк мелочь.— А это для вас, Барнетт.

Он бросил высокому мужчине один пенни. Монета упала перед тем на ковер. Мюррей повернулся и быстро пошел к выходу; на этот раз он знал, что все посетители наблюдают за ним. И на этот раз никто не спросил, кто бы это мог быть.

«Хороший уход должен быть медленным»,— огорченно подумал он.

— Мюррей!

Он остановился и оглянулся. За столиком около двери он увидел Флита Дикинсона, который всегда находился наверху и никогда не спускался вниз. Флит лучезарно улыбнулся.

— Мюррей, я действительно чертовски рад, что вы снова вернулись в мир живых. Поздравляю, это был великолепный хук, которым вы врезали Барнетту. Что вы делаете в настоящий момент? Я ничего не слышал

о вас с тех пор... ну, вы понимаете— он смущенно махнул рукой.

— С тех пор как я прошел курс лечения,— произнес Мюррей,— я уже отдохнул. По большей части у дверей кабинетов других людей. Я пытался добиться аудиенции и у вас, но вы не хотели со мной разговаривать.

Флит не показал, что чувствует себя неудобно.

— Ну, Мюррей, вы же сами знаете, как это бывает в таких случаях.

— Теперь я это великолепно знаю. Вы держитесь около своей кормушки.

— Минуточку... ага... Мюррей!

Мюррей остановился и огляделся.

— Послушайте, если у вас действительно затруднения...

— Теперь больше нет, спасибо. Близзард включил меня в свое собрание бездельников и бродячих комедиантов, которые должны поставить на сцене новую пьесу Дельгадо. Теперь я обеспечен. Мы увидимся снова на премьере.

«Этот хук был явным ребячеством»,— упрекнул Мюррей самого себя, выйдя на улицу.

Глупость всего этого дела была, конечно, в том, что он, как и Барнетт, сомневался в проекте Дельгадо. Его агент раздобыл что-то другое — да, что-то другое,— но он никогда с этим не свяжется, хотя и получил бы за это фантастически высокий гонорар.

2

Мюррей ехал на север через Лондон по трассе М-1 и все время мысленно возвращался к событиям последнего получаса.

Он один раз остановился, чтобы открыть крышу своего кабриолета — свежий воздух поможет ему забыть Барнетта — и купить сандвич, который должен был заменить ему великолепную голубую форель, оставленную им в «Просцениуме».

До сих пор он ехал осторожно, ведь с тех пор, как с ним случился срыв, он не садился за руль автомобиля. Когда Мюррей наконец достиг автобана, то намеренно поехал быстрее, сначала выехал в четвертый ряд на скорости сто семьдесят километров в час и все увеличивал скорость, пока стрелка спидометра не доползла до двухсот.

Мюррей был благодарен Мануэлю Дельгадо хотя бы только за то, что тот дал ему взаймы достаточно денег, чтобы он смог выкупить свой автомобиль.

Автомобиль был для него важнейшим символом. На его номере была комбинация «1-МКД» — Мюррей Квест Дуглас — и люди узнавали белый «Даймлер С-250», мчащийся по улице.

— Это Мюррей Дуглас на своем автомобиле,— говорили они.— Мы видели его по телевидению на этой неделе.

Однажды он дал таксисту свой автограф, когда они оба стояли в пробке перед перекрестком.

Может быть, он был необъяснимо упрям. Он все еще получал семьсот-восемьсот фунтов в год, хотя теперь его автомобиль был в лучшем состоянии. Мюррей всегда прилично питался, не ел консервы прямо из банки, не курил дешевые сигареты и никогда не давал бесполез-

ные интервью в невыглаженном костюме. Роджер Грэди довольно часто предлагал ему — и это было очень глупо — ставить автомобиль в гараж, где каждая неделя стоила уйму денег. Роджер еще раз начал с этого, когда принес Мюррею невероятное сообщение о том, что один из агентов Сэма Близзарда искал актеров для новой пьесы Дельгадо и хотел ангажировать Мюррея Дугласа.

Мюррей вспомнил об этом разговоре с Роджером.

Мюррей, само собой разумеется, уже слышал о Дельгадо. Этот автор был аргентинцем. Он уже снял один фильм, и единственным более-менее известным актером, занятым в нем, был южноамериканец Леопольдо Торре-Нильсон. Сам Мюррей никогда не видел этого фильма — он был показан только на каком-то подозрительном кинофестивале,— но знал некоторых людей, которые его видели и называли фантастичным. ЧЕРНАЯ КОМЕДИЯ, означающая конец всех ЧЕРНЫХ КОМЕДИЙ.

Слава Дельгадо по прибытии в Европу была основана на этом фильме, и в прошлом году Жан-Поль Гаррижо, один из лучших молодых актеров Парижа, сыграл главную роль в экспериментальной пьесе, о которой говорили Барнетт и Хестон-Вуд. Мюррей не видел этой пьесы, он тогда уже был в санатории. Но он читал критику. Критики были весьма воодушевлены этой пьесой.

Потом Гаррижо совершил самоубийство. За этой короткоживущей сенсацией последовало почти месячное молчание. Можно было подумать, что депрессия Гаррижо была заразной, потому что Дельгадо, казалось, тоже был больше не в состоянии зажечь публику.

А потом появился Роджер с этим предложением.

— Приму ли я это предложение? — повторил Мюррей и озадаченно покачал головой.— Близзард хочет ангажировать меня, и я могу еще колебаться? Ты сошел с ума, Роджер?

— Я знаю нескольких человек, которые никогда бы не приняли этого предложения,— сказал Роджер после некоторой паузы.

— Почему? Дельгадо за последний год вознесен критиками на небо!

— Все правильно.— Роджер тупо уставился на свою сигарету.— С тех пор, конечно, ты не был в курсе всех дел. Ты располагаешь всего лишь слухами, понимаешь? Я не утверждаю, что у тебя больше нет никаких особых шансов или что ты больше ничего не сможешь заработать с тех пор, как произошел этот срыв. Но я тебе должен также сказать, что существует несколько человек, которые никогда не будут играть в пьесах Дельгадо никаких ролей. Даже если им предложат за это тысячу фунтов в день.

— Почему же не будут?

— Потому что Гаррижо покончил самоубийством. Потому что Леа Мартинес находится в психиатрической клинике. Потому что Клодетт Мирин пыталась убить свою маленькую дочурку.— Роджер говорил совершенно серьезно, и выражение его лица изменилось.

— Об этих происшествиях с девушками я ничего не знал,— согласился Мюррей.— Они играли в Париже, не так ли? Но послушай, Роджер, это значит только то, что пара суеверных людей вообразила себе, что Дельгадо принес актерам несчастье.

— Более или менее так.

— Разве ты когда-нибудь замечал, что я суеверен, Роджер?

— Нет,— агент вздохнул.— Но, несмотря на это, я должен был тебя предупредить. Я только вчера говорил

об этом кое с кем, с тем, кто тотчас же отказался, прежде чем я вообще успел сделать какое-нибудь предложение. У Близзарда несколько сумасшедшие представления о том, каких людей ему иметь или не иметь.

— Я тоже отношусь к ним? — вмешался Мюррей.

— Нет. На самом деле нет, Мюррей. Ты воображаешь себе, что я достаточно глуп, чтобы взять авансом у кого-то тысячу фунтов, если я предполагаю, что у моего клиента больше нет никаких шансов вернуться к своей профессии? Нет, я убежден в том, что ты снова будешь играть — может быть, даже лучше, чем прежде, потому что ты больше не сможешь полагаться на свою привлекательную внешность.— Роджер знал, что он может открыто говорить с Мюрреем.— Ты до сих пор единственный член труппы, который кажется мне достойным доверия. Я, конечно, не несу ответственности, зато у Близзарда очень светлая голова. Кроме того, у тебя есть шансы повлиять на критиков, даже если эту глупую пьесу снимут через четыре дня.

— Ты только рад, что таким образом я теперь больше не буду надоедать тебе на протяжении нескольких недель,— с упреком сказал Мюррей.

— Ты постепенно становишься чертовски докучливым, Мюррей, и ты должен мне кучу денег. При этом ты всем обязан только моему долготерпению, иначе я давно бы уже указал тебе на дверь. Ты борешься неохотно, дорогой мой молодой человек, и позволяешь заметить это другим!

— Все в порядке, все в порядке,— уклончиво ответил Мюррей.— Расскажи мне лучше побольше об этом деле. Жалованье не играет никакой роли. В настоящий момент я тоже взял на себя роль статиста.

— К счастью, ты можешь ожидать кое-чего большего. И при этом заработаешь деньги, старина. Близзард

прибрал к рукам обанкротившийся клуб под названием «Пасущаяся Лошадь» в Бэксфорде и хочет разместить там всю труппу актеров, пока пьесу не поставят в Лондоне. Вероятно, она должна сменить «Амарант» в театре Манграйва. «Амарант» идет уже давно и не пользуется большим успехом. Может быть, у вас будет возможность перед постановкой в Лондоне попробовать с недельку где-нибудь в провинции, но, скорее всего, через месяц вы будете в театре Манграйва.

— Ты сказал «через месяц»?

— Нет, об этом говорил Близзард. Ты сам сможешь поговорить с ним об этом, дружище. Для этого у тебя вполне достаточно времени — он ожидает тебя в своем клубе в пятницу.

3

В пятницу Мюррей приехал на час раньше, чем его ждали.

Он проехал мимо полинявшей вывески, указывавшей, в каком направлении находится «Пасущаяся Лошадь». Посыпанный галькой съезд ответвлялся от узкой боковой дороги и вел через большой парк. Мюррей предположил, что клуб стал банкротом из-за этого участка земли, который был невероятно обширным и щедро засаженным деревьями. За главными строениями он увидел возвышающийся край плавательного бассейна.

Большой дом из серого камня и красного кирпича до самой крыши зарос плющом. Он казался нежилым; окна были грязными, а на первом этаже окна некоторых комнат были закрыты ставнями. Слева от

входа располагалась просторная площадка для автомашин.

Мюррей поставил свою машину, выключил зажигание и почти испугался, когда вокруг него воцарилась мертвая тишина. Он сумел подавить этот страх, приписав его кошмарам, вызванным еще недавними чрезмерными дозами алкоголя. Может быть, Близзард никогда о нем не спрашивал? Может быть, он напрасно приехал к этому безлюдному дому?

Он вытащил ключ зажигания и медленно вылез из машины. Потом захлопнул дверцу автомобиля и, открыв багажник, достал оттуда свой дорожный чемодан.

— Вы, конечно, мистер Мюррей Дуглас?

Тихий голос прозвучал совершенно неожиданно. Мюррей с треском захлопнул крышку багажника. Справа от него стоял мужчина неопределенного возраста, на нем был черный костюм и черный галстук. Он подошел совершенно бесшумно.

— Да, это я,— неуверенно ответил Мюррей.— Вы, кажется, ждете меня?

— Вы правы, сэр. Меня зовут Валентайн, и я дворецкий. Можно мне взять ваш чемодан и провести вас в вашу комнату?

Мюррей озадаченно покачал головой. Он уставился на Валентайна, рассматривая бледное, гладкое лицо с темными глазами. Тот выглядел, как служащий похоронной команды.

— Ваш чемодан, сэр?

— О... пожалуйста, пожалуйста. Мистер Близзард уже прибыл?

— Нет, сэр. Вы первый. Я ожидаю мистера Близзарда около шести часов, а мистер Дельгадо, вероятно, будет сопровождать его. Все остальные члены труппы

должны собраться на протяжении второй половины дня. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Валентайн повернулся. Хотя теперь он нес дорожный чемодан, галька по-прежнему не шуршала у него под ногами. У Мюррея появилось чувство, что возле него идет призрак. Они вошли в огромный холл здания, над которым высился стеклянный купол. Здесь и вдоль лестницы на второй этаж повсюду остались части декоративного оформления времен клуба: гравюры с изображением сцен охоты, охотничьи рожки, рога животных, старое оружие и шкура тигра перед огромным камином.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и прошли по длинному коридору. Мюррей предположил, что это новое крыло здания, которого он не видел с автомобильной стоянки.

— Ваша комната, сэр,— сказал Валентайн и отпер последнюю дверь.— Номер четырнадцать.

Мюррей обратил внимание на то, что предпоследняя дверь была под номером тринадцать, и спросил себя, была ли эта комната пустой или нет. Или там должны были разместить кого-то, кто утверждал, что он совершенно не суеверен? Потом он прошел вслед за дворецким в свою комнату и сразу забыл об этих своих мыслях.

Он непроизвольно тихо присвистнул. Квадратное помещение было отделано эбеновыми панелями. Возле низкой кровати стояли два низких столика; на одном из них стоял телефон, на другом — большая ваза, полная цветов. На стене над кроватью висела репродукция одной из картин Пикассо. Широкое окно было обрамлено нежно-зелеными занавесками, и из него открывался вид на газон позади дома. На белой подставке возле окна стоял телевизор; на удобном расстоянии от кресла-качалки на столике с гнутыми

ножками лежали несколько номеров «Актинг» и другие журналы.

Мюррей подавленно кивнул и подошел к окну. Когда он обернулся, то увидел, что Валентайн хочет распаковать его багаж.

— Нет, оставьте это, Валентайн,— сказал ему Мюррей.— Положите его вот сюда.— Он поискал мелочь, но Валентайн предупреждающе поднял руку.

— Этого не нужно, сэр. Мистер Близзард платит мне великолепное жалованье.

— Ага.— Мюррей пожал плечами и убрал мелочь.— Послушайте, существует ли здесь какое-нибудь подобие распорядка дня? — Он начал распаковывать чемодан.

— Насколько мне известно, это зависит от мистера Дельгадо и от того, как пойдет работа над пьесой, сэр. Сегодня вечером в полвосьмого ужин, затем мистер Дельгадо хочет лично познакомиться с присутствующими, получить возможность задать вам вопросы и высказать свои предположения.

— Превосходно. Кстати, не работали ли вы раньше в этом клубе? — Мюррей сложил носки и рубашки в предназначенный для этого ящик комода, взял свой второй костюм и пошел с ним к бельевому шкафу.

— Нет, сэр. Мистер Близзард нанял меня на службу несколько дней назад. Я здесь такой же чужак, как и вы.

— Старик Близзард тоже втянул вас в это дело, не так ли? — Мюррей открыл дверцу одежного шкафа и застыл, словно парализованный, не обращая внимания на ответ Валентайна.

— Я не могу судить об этом. Для этого я слишком мало знаком с театральной жизнью. Что-нибудь не в порядке, сэр?

— Да,— яростно ответил он.— Здесь. Вот это.— Он снова открыл шкаф, взял бутылку «Белой лошади» из

нижнего ящика и сунул ее в руки Валентайну.— И это! И это! И это! — Мюррей доставал из шкафа все новые и новые бутылки: джин, Буше, крепкий лимонный ром и коньяк «Хеннеси».— Он увидел там также стаканы, бутылку с содовой и банки лимонного и апельсинового концентрата, но все это было безопасно. Мюррей, вспотев, снова повернулся к Валентайну, стоявшему перед ним с бутылками в руках и с вежливо-вопросительным выражением лица.

— Уберите прочь всю эту дрянь! — Мюррей указал на спиртное.— Это Близзард приказал вам принести сюда все это?

— Так точно, сэр. Мистер Близзард поручил мне позаботиться о наличии освежающих напитков в комнатах для гостей.

— Хорошо, оставим это. Уберите все спиртное. Освежающее? Гм... Вы можете принести мне пару порций фруктового сока.

— Разумеется, сэр.— Валентайн ничем не показал, знает ли он, почему Мюррей был так возбужден.— Это все?

— Да.— Мюррей повернулся к нему спиной.

Сейчас было не легко. Но он знал об этом с самого начала. В санатории его предупредили, что он ни при каких обстоятельствах не должен принимать спиртного в течение нескольких лет. Должно пройти очень большое время, прежде чем он может рискнуть выпить кружку пива. Мюррею было ясно, что он не должен принимать ни капли алкоголя, пока в течение шести лет успешно не отыграет на сцене, вернув себе свои профессиональные навыки; иначе он снова окажется в сточной канаве и навсегда останется там.

Сам Мюррей Дуглас был не особенно высокого мнения о себе, но, находясь в сточной канаве, он еще больше ненавидел бы себя.

Впрочем, у него были успокаивающие таблетки, которые ему дали в санатории. Он достал из чемодана небольшую коробочку, подошел к раковине, проглотил одну таблетку и запил ее водой. Несколько минут спустя он почувствовал себя гораздо лучше.

Багаж может и подождать. В следующие несколько часов ему хотелось бы получше сориентироваться в этом бывшем клубе, в который он попал. Валентайн оставил ключ от двери комнаты вставленным в замок снаружи. Мюррей запер дверь и начал свою разведку.

Внутренность огромного дома привлекла его внимание. Одна дверь из холла вела в обширную столовую, другие — в бар, библиотеку и хозяйственные помещения. Мюррей напоследок раскрыл дверь, которая, по его мнению, вела в другое, новое крыло здания. Однако за ней был не коридор, а полностью оборудованный маленький театр с залом мест на шестьдесят, с двумя кинопроекторами и невероятно просторной сценой.

Мюррей уважительно присвистнул. Близзард намеренно выбрал этот клуб. Конечно, было бы совсем неплохо найти что-нибудь подходящее. Внезапно ему в голову пришла мысль, что подготовить пьесу за четыре недели — это не так уж и невероятно. Автор, труппа, режиссер, а также, вероятно, рабочие сцены, осветители и так далее — все под одной крышей, там же находится миниатюрный театр для репетиций. Это могло сработать гораздо продуктивнее, нежели обычный способ репетиций, при котором актеры каждый раз должны собираться вновь.

Бросив последний взгляд на пустые ряды сидений, Мюррей покинул театр. В большом холле ему показалось, что он видит Валентайна, но потом он понял, что

это был другой слуга; человек этот, конечно, похож на Валентайна, но немного выше того, хотя тоже носил черный костюм.

Входная дверь была открыта.

Мюррей поднял верх своей машины, потому что накрапывал дождь, потом обошел вокруг дома, чтобы посмотреть парк.

За главным зданием находился большой плавательный бассейн, в котором, конечно, не было никакой воды. К нему примыкали большие газоны и теннисная площадка. Далее начинался небольшой еловый лесок. Его Мюррей уже видел из окна своей комнаты. Он прошел по пешеходной дорожке между деревьями и уже потерял из виду дом, когда неожиданно наткнулся на забор.

Забор из густой металлической сетки высотой почти в два с половиной метра заканчивался сверху тремя рядами крепкой колючей проволоки. Мюррей не знал, возвел ли этот забор бывший клуб, или же хозяин соседнего земельного участка.

Мюррей повернулся. В противоположном конце перед ним была довольно большая свободная площадка, и то, что происходило за забором, его не должно было интересовать. Одновременно он подумал, что работать здесь будет достаточно неприятно. Здесь можно было бы чудесно отдохнуть после этого курса лечения, если иметь для этого достаточно денег.

Он уже снова приблизился к дому, когда услышал звук подъезжающего автомобиля. Он пошел быстрее, потому что ему было любопытно, кого еще Близзард нанял для участия в этом предприятии, обставленном так неожиданно шикарно.

4

Когда Мюррей велел дворецкому убрать из своей комнаты бутылки, ему пришло в голову, что будет трудно не поддаться искушению, когда все они соберутся за ужином за общим столом. Когда же десять или двенадцать членов труппы после ужина собрались в комнате отдыха возле бара, где должна была состояться упомянутая Валентайном дискуссия, Мюррей почувствовал желание залить все свои заботы алкоголем.

Несмотря на это, ему как-то удавалось не смотреть на Валентайна и двух других слуг — все трое были одинаково одеты и одинаково величавы — они обслуживали желающих выпить. Бар в углу был открыт еще перед ужином, и с тех пор имеющиеся там запасы алкогольных напитков, по-видимому, сильно уменьшились. В помещении было сильно накурено. Кто-то нашел несколько пластинок и одну за другой ставил их на проигрыватель. Присутствующие громко болтали и смеялись, так что они больше развлекались, чем готовились к серьезному разговору.

Только Мюррей сидел в одиночку в большом кресле, сжимая в руках стакан с лимонным соком, морща лоб, прислушиваясь к разговорам и наблюдая.

Разговор все время вертелся вокруг так любимых актерами тем — сплетни, бахвальство и неспособность ко всякой критике. До сих пор никто еще не упомянул о стычке Дугласа с Патом Барнеттом, и Мюррей был рад этому. Может быть, Хестон-Вуду удалось успокоить своего коллегу. Конечно, люди рано или поздно узнают об этом, но, по крайней мере, в вечерних газетах об этом пока еще ничего не было.

Постепенно атмосфера в помещении накалялась, особенно когда была затронута интересная для всех тема: надежды на это предприятие и оценка импровизации как основы в театральных постановках. Мюррей в последнее время много думал над этим и рассчитывал на серьезную дискуссию. Но у него не хватило мужества начать ее. Теперь он знал, кого Близзард ангажировал кроме него, и ему хотелось иметь с этими людьми как можно меньше дел.

Ни Близзард, ни Дельгадо не появились к ужину. Валентайн объяснил артистам, что им обоим надо обсудить еще кое-какие проблемы и поэтому они предпочитают ужинать одни. Мюррей не поверил ему. У него и раньше было впечатление, что этот Дельгадо хочет окружить себя аурой таинственности. До сих пор его еще никто никогда не видел в лицо.

Это, казалось, никому не мешало. Все были больше заняты великолепной едой и бесплатной выпивкой.

Мюррей осмотрелся. В двух маленьких группках было пять человек; с четырьмя из них он уже работал раньше. Там сидела Ида Марр, рыжеволосая, все еще стройная, но уже не первой молодости, о чем свидетельствовали морщинки у глаз и складки на шее; она сознательно позировала — постоянно вела себя так, словно находилась на сцене. Возле нее сидел Гарри Гардинг, он выглядел даже моложе своих двадцати четырех лет. Гардинг, должно быть, был художником-декоратором; он, несомненно, талант, но...

Справа от Иды сидел Адриан Гарднер, который за последние годы несколько оброс жирком. Мюррей играл вместе с ним в «Скелете» и знал его как довольно одаренного актера. Но он тоже...

С Константом Байнесом он познакомился почти десять лет назад, в одной из театральных постановок. Констант сидел возле Адриана и только изредка

вмешивался в беседу. Он все еще оставался на той же ступени, в то время как Мюррей достиг Вест-Энда. Никто из них не обрадовался этой встрече, и они поздоровались довольно холодно.

Там был еще кто-то. Ида делала замечания, которые Мюррей не понимал, но другие смеялись, и девушка, сидевшая на подушке у ног Иды, подняла голову. Ида обратила внимание на это движение и быстро провела рукой по волосам девушки.

Вероятно, ее последняя победа. Ужасно. Мюррей наморщил лоб. Он еще никогда не видел эту девушку и предполагал, что она появилась здесь из какого-то провинциального театра; во время обеда он слышал, как ее называли Хитер. Ей, конечно, было не больше двадцати лет. Ее длинные волосы были иссиня-черными и обрамляли прелестно очерченное личико. Фигура в плотно облегающем красном платье тоже была привлекательной.

Действительно, шарм!

Мюррей пожал плечами. В это мгновение разговоры смолкли. Он поднял голову и увидел, что вошел Близзард в сопровождении человека, который мог быть только знаменитым Мануэлем Дельгадо.

Близзард — толстый, в темно-синей паре, с огромной сигарой в руке — прошагал через комнату, приветственно кивая направо и налево.

— Ида, дорогая моя, я восхищен! Хэлло, Мюррей! Я рад, что вы примкнули к нам! И маленькая Хитер, как дела, моя сладкая?

Но никто не обратил на него почти никакого внимания. Все уставились на Дельгадо.

На лице автора было странное выражение. Змеиное? Да, решил Мюррей после некоторого колебания. Казалось, что глаза Дельгадо принадлежали идиоту. Он был среднего роста, стройный, у него были темные волосы

и смуглая кожа латиноамериканца. Он был элегантен, но одет небрежно и великолепно держался. Его можно было принять за актера, как... ну, к примеру, Константа Байнеса, который раньше был преуспевающим бухгалтером.

Мюррей ответил на взгляд этих черных глаз, и у него появилось ощущение, что его оценивают и изучают. Потом Дельгадо отвернулся, и Мюррей понял, что подобное произошло с каждым из них.

— Слушайте все! — Близзард уселся за длинную сторону стола, так что все актеры оказались перед ним.— Мануэль?

Дельгадо кивнул и обошел вокруг стола. Мюррею бросилось в глаза, какими гибкими были его движения. Он взглянул на Адриана Гарднера. Эд также наблюдал за этими грациозными движениями. Мюррею захотелось рассмеяться, наверное, впервые со времени прибытия сюда, но потом он подавил этот импульс, потому что Близзард вновь взял слово.

— Ну, я думаю, что вы все считаете все это немного сумасшедшим, так?

Девушка по имени Хитер нервно хихикнула, а Адриан сделал какое-то невнятное замечание.

— Я уже думал об этом.— Близзард теперь больше не смеялся.— Прекрасно. Сейчас нет никакого повода для этого! Этот дом не аристократический клуб, а почти идеальное место для осуществления нашего предприятия. Многие из вас видели театр в боковом крыле здания?

Близзард сделал выжидательную паузу.

— Что, только Мюррей видел? — спросил он разочарованно.— О великий Боже! Не следишь ли ты случайно за нашим разговором, а? Как вам это нравится? Хорошо, итак, перейдем к делу.

Вы все знаете, чего мы хотим здесь достигнуть. Мы уже кое-что предприняли, хотя это было нелегко, но Мануэль уже два-три раза имел такой успех, что критики до сих пор не могут успокоиться. Многие люди были бы счастливы иметь хотя бы один такой же успех, прежде чем умереть.

— Жан-Поль Гаррижо? — пробормотал Констант. Другие повернулись к нему.

— Констант, это не шутка,— сказал Адриан.

— Я тоже не шучу,— ответил Констант.

Как другие отреагировали на это? Мюррей огляделся, и ему показалось, что он заметил легкую улыбку на губах Дельгадо, которая сейчас же исчезла. Он внезапно заинтересовался, что же ответит на это Дельгадо?

— Мне очень жаль, Мануэль,— прошептал Близзард автору. Дельгадо рассеянно кивнул, зажег сигарету и слегка наклонился вперед.

— Должен ли я испытывать из-за этого какие-нибудь угрызения совести? — спросил он. Он говорил на хорошем английском языке с легким испанским акцентом.— Вам, надеюсь, известно, что Жан-Поль не смог бы э-э... достичь успеха, если бы не был близок к самоубийству.

Его лицо скрылось в облаке дыма. Он наклонил голову набок и теперь еще больше напоминал Мюррею рептилию.

— Вы до сих пор еще не знали меня. Конечно, у меня есть определенные связи, и некоторые из вас, может быть, видели мой фильм. Но никто из вас не видел «Три раза за раз», иначе вас бы здесь не было. Мне нет никакого резона повторяться. Я всегда интересуюсь чем-то новым. Послушайте, что я вам расскажу, и если я так говорю, значит, я приказываю вам слушать, потому что вы будете жить этим.

Мюррей нагнулся вперед в своем кресле. У него в начале его карьеры артиста было достаточно возможностей работать с талантливыми авторами и режиссерами; он мог вспомнить полдюжины таких высокомерных гениев. Несомненно, и этот человек относился к ним.

Дельгадо сделал короткую паузу, потом продолжил:

— Мы всегда и везде слышали одни и те же утверждения и знаем, что они истинны. Мы встречаем их во многих монографиях и на большинстве философских семинаров. Мы находимся на стадии упадка. Вот описание одного человека, живущего в этом времени, который придает огромное значение свободе каждой отдельной личности.

Этот человек очень напоминает марионетку. Он внутренне испорчен. Вы знаете его? У него нет определенной цели. Он слывет индивидуалистом, но внутренне стыдится своих желаний, которые, собственно, только позволяют ему забыть, что он, в сущности, еще ни к чему не готов. Он пытается ухватиться за что-нибудь, подражает своим соседям, чтобы не заставлять себя самого принимать многочисленные решения. У него есть дети, из которых он хочет со временем создать подобия себя самого, и он готов загубить их детство и юность. В конце концов он становится полным алкоголиком и утешает себя огромными порциями спиртного.— Здесь Дельгадо взглянул на Мюррея, и тот почувствовал себя, как маленький мальчик, который только что напроказил в школе.

Он отвратителен мне и также отвратителен вам. Каждый знает его, но никто его не понимает, так что в отношении него до сих пор никто ничего не предпринял. Он очень интересует меня, и за следующие четыре недели — пока наша пьеса не пойдет в Лондоне

или еще где-нибудь — вы тоже должны заинтересоваться этим. Всем все ясно?

Дельгадо покрутил сигарету, откинулся в кресле, переводя взгляд с одного из присутствующих на другого, словно только что бросил вызов и теперь ожидал ответа на него.

Остальные молчали. Наконец слово взяла Ида.

— Это значит, мистер Дельгадо, что результатом наших... наших коллективных усилий должна быть критикующая наше общество пьеса?

— Нет, у меня нет намерения призывать к проведению реформ.— Дельгадо говорил намеренно равнодушно.— Я художник, а не врач. Моя специальность — рак и гангрена в той стадии, когда больше нет никакой надежды.— Он отодвинул кресло и встал.— Мы встретимся завтра утром, полдесятого, и проведем обсуждение всех этих тем. Спокойной ночи.

5

Когда Дельгадо покинул помещение, Мюррей ощутил настоятельную потребность в свежем воздухе. Он хотел поговорить с Близзардом насчет бутылок, которые обнаружил в своей комнате, но это пока было не слишком важно. В то время как другие продолжили разговор, прерванный появлением Дельгадо, Мюррей вышел из комнаты. Он опустился на каменную балюстраду у входа, закурил сигарету и стал задумчиво разглядывать темные кусты вдоль подъездной дороги.

Услышав позади себя чей-то голос, он испуганно вздрогнул.

— Мистер Дуглас? Вы Мюррей Дуглас, не так ли?

Мюррей обернулся и увидел Хитер, стоящую в дверях.

— О, хэлло! Ида на мгновение выпустила вас из рук? — Он попытался скрыть злость.

— Извините, что? Я не знаю...

— Ничего. Да, я мистер Мюррей Дуглас.— Он отбросил сигарету.— И что из этого?

— Я так и думала, что это вы, но мне никого не хотелось спрашивать об этом.— Хитер нервно хихикнула.— Я просто не могу к этому привыкнуть. У меня такое чувство, что я, как и раньше, должна подходить то к одному, то к другому и у всех просить автографы.

— Присаживайтесь,— сказал ей Мюррей и подвинулся.— Сигарету?

— Нет, спасибо, мистер Дуглас. Я сегодня выкурила уже слишком много.— Она подошла поближе и опустилась возле него.— Что вы ожидаете от всего этого, мистер Дуглас? — спросила она после небольшой паузы.— Я еще никогда не слышала ни о чем подобном, а вы?

— Не называйте меня все время мистером,— сказал Мюррей.— Я, вероятно, выгляжу достаточно старым, чтобы быть вашим отцом, но я не ваш отец.

Она испуганно вздрогнула.

— Мне действительно очень жаль!

Мюррей поколебался, потом громко рассмеялся.

— Ну хорошо. Как вас вообще зовут? Пока мне известно только ваше имя.

— Хитер Карсон.

— Не слышал. А как вы здесь оказались, Хитер?

— Ну, я сама этого точно не знаю.— Снова нервное хихиканье.— Я два года проучилась в школе Гарлай, а затем меня ангажировали в театр Саутгемптона. По-видимому, мистер Близзард обратил на меня внимание; несколько месяцев назад он появился у нас, а потом...

Мюррей был смущен, он никогда не мог даже подумать, что такая девушка, как Хитер, обучалась именно в школе Гарлай, славящейся своей строгостью. Ну, это не играет никакой роли. Очевидно, он также ошибался, когда предположил, что у Хитер была связь с Идой, потому что девушка, конечно, упомянула бы об этом.

Хитер повторила свой первоначальный вопрос.

— Что вы думаете обо всем этом... э... Мюррей?

— Вы действительно хотите знать это? — Он закурил сигарету.— Хорошо, я охотно расскажу вам, что меня больше всего поражало до сих пор. Дельгадо знает, что делает. Сэм Близзард этого не знает. В Лондоне я слышал, как Барнетт из «Газетт» утверждал, что Сэм собрал свою труппу из бездельников и уволенных актеров. Я еще никогда не видел такого собрания второстепенных актеров.

Хитер пораженно молчала. Потом она тихо сказала:

— Но я этого не понимаю. Вы же тоже здесь. Я имею в виду, что на протяжении шести или семи лет вы были звездой.

Мюррей встал.

— Да, это так и было,— констатировал он.— Однако, подумайте сами, кого мы здесь имеем. Я — человек, игравший главную роль в Вест-Энде, прежде чем запил и в течение нескольких месяцев был вынужден выпрашивать милостыню у театральных агентов. Ида Марр... ага, позволяет себе кое-что. Вы этого еще не знаете, но скоро сами заметите. Адриан Гарднер — тот же самый случай. Разве вы не помните скандал, когда Эд в Оксфорде подцепил на улице четырнадцатилетнего подростка? Тогда он чуть не попал за решетку. Жизнь других людей для меня безразлична, если остается действительно личной, но Эд все это предал огласке. Потом Гарри Гардинг. Гарри был звездой, как и я, не

так ли? Несколько лет назад люди еще утверждали, что его декорации являют новую эпоху в жизни театра. Почему же он здесь вместо того, чтобы сидеть в одном из апартаментов в Мейфэйр и подыскивать себе самый выгодный контракт?

— Почему? — спросила Хитер. Ее приятный голос слегка дрожал.

Мюррей глубоко вздохнул.

— Оставим это. Я не хочу быть фарисеем.

— Нет, теперь вы не должны молчать. Иначе я не смогу понять, действительно ли вы испорчены или только...

Он пожал плечами.

— Хорошо, я не возражаю. Бедный парень пристрастился к героину. Без него он не может работать. Когда я запил, со мной было примерно то же самое. Вы удовлетворены?

Мюррей подождал еще некоторое время, но Хитер не отвечала. У него было такое чувство, словно он сломал игрушку у бедного ребенка. Она кивнула ему и исчезла в доме. Голоса, доносившиеся из бара, становились все громче. Он вернулся в свою комнату и принял холодный душ, словно мог смыть им все свои опасения.

Душ не помог. Мюррей принял успокоительное и задумался о том, что таким образом быстро исчерпает все свои запасы.

Прежде чем пойти в постель, он обратил внимание на то, что еще не посмотрел, исполнил ли Валентайн его указание или нет. Он открыл дверцу шкафа и увидел дюжину консервных банок с различными фруктовыми соками. Банки стояли на каждой полке. Бутылки исчезли. Великолепно. Он погасил свет, лег и укрылся легким покрывалом.

Утром он проснулся от того, что тихо загудел телефон, стоящий на столике возле его кровати. Когда он спросонья взял трубку, Валентайн безликим голосом сообщил, что завтрак здесь подается между восемью и девятью часами утра. Мюррей поблагодарил его и встал, чтобы сон снова не сморил его.

Прошлым вечером он распаковал еще не все, и его бритвенный прибор еще лежал в чемодане. Мюррей достал его, побрился, потом открыл шкафчик с зеркалом над раковиной, чтобы оценить качество бритья. В шкафчике находилась зубная щетка и полбутылки виски.

Мюррей пораженно уставился на бутылку. Затем яростно схватил ее, отбил горлышко о раковину и вылил виски. Запах оглушил Мюррея. Он положил бутылку в раковину и пошел к телефону. У аппарата не было наборного диска. Мюррей поднял трубку и стал ждать.

— Да, мистер Дуглас? Что я могу сделать для вас?

— Почему в шкафчике над ванной находилась бутылка с виски?

— Бутылка с виски, сэр? Это очень странно.

— На самом деле? — Мюррей глубоко вздохнул.— Хорошо, я предупредил вас. Если я еще раз найду алкоголь в своей комнате, я силой волью его в вас, поняли? Сейчас же направьте сюда кого-нибудь, чтобы навести здесь порядок!

— После завтрака я сам позабочусь об этом, мистер Дуглас,— заверил его Валентайн.— Должен ли я напомнить вам, что сейчас уже двадцать пять минут девятого, сэр?

— К черту все эти шуточки! — Мюррей бросил трубку на рычаг. Он сжал кулаки и осмотрел комнату. Здесь повсюду можно было спрятать бутылки с виски.

Он хорошо помнил о том, где раньше прятал бутылки от своих друзей и врача.

Мюррей основательно обыскал комнату, но ничего больше не нашел. Он облегченно вздохнул и взял свой чемодан, чтобы достать оттуда пуловер, лежащий на самом дне. Потом испуганно выпрямился. Под пуловером лежала еще одна бутылка скотча.

Он взял ее в руки и в первое мгновение спросил себя: может быть, он сам... Нет, это было исключено! Мюррей повернулся и швырнул бутылку в стену. Осколки стекла полетели во все стороны, и янтарная жидкость потекла по стене.

Мюррей надел пуловер и пошел к двери. Он должен поговорить с Близзардом.

6

Но Близзарда в столовой не было. У одного конца длинного стола друг возле друга сидели два молодых человека, которых Мюррей знал очень мало. Все остальные, казалось, уже позавтракали, кроме Хитер, которая сидела недалеко от двери. Столовый прибор возле нее все еще не был использован. Мюррей сел за стол, и один из слуг подал ему стакан апельсинового сока.

— Доброе утро,— сказал Мюррей.— Близзард уже был здесь?

— О... доброе утро, Мюррей.— Хитер была рассеянна и заметила Мюррея только тогда, когда тот сел возле нее.— Я хотела... ага... собственно, это место я заняла для Иды. Она просила меня об этом.

Это на нее похоже.

— Тогда она должна была прийти вовремя,— сказал Мюррей.— Вы видели Близзарда?

— Ну... Да, он уже позавтракал и ушел отсюда несколько минут назад.— Хитер поколебалась.— Что-то не в порядке?

— Да, но это не имеет к вам никакого отношения.— Мюррей одним глотком опустошил стакан апельсинового сока, и у него появилось ощущение, что он выпил виски. «Еще раз проклятье!» — пробормотал он про себя.

— О, доброе утро, Мюррей! — сказала Ида позади него сладким голосом.— Это то место, которое вы должны были занять для меня, дорогая Хитер?

— Мне очень жаль, Ида, но я не могла его долго...

— Не беспокойся, место напротив еще свободно.— Она направилась туда. Сегодня утром на ней был пуловер с закатанными рукавами и черные бархатные брюки. Она казалась усталой.— Мне надо было прийти раньше.— Она повернулась к слуге, который принес ей апельсиновый сок.— Спасибо. Принесите мне еще поджаренные тосты и побольше кофе. Что с вами, Мюррей, вы с похмелья?

Мюррей молча ел свою овсянку.

— Не остроумно? — улыбаясь, спросила Ида.— Не бойтесь, Мюррей, к обеду это пройдет.

— Чушь,— сказал Мюррей.— Вы же хорошо знаете, что я теперь больше ничего не пью.

— Верно, я слышала это вчера вечером, поэтому, когда я только что прошла мимо вашей комнаты, меня удивил доносившийся из нее запах виски. Один из слуг что-то убирал там, и поэтому дверь в вашу комнату была открыта.

Ида ослепительно улыбнулась. Мюррею показалось, что Хитер бросила на него испуганный взгляд. У него внезапно пропал аппетит.

— Этот дом не клуб,— с нажимом сказал он и отодвинул стул,— а какой-то сумасшедший дом. Если так будет все четыре недели, мы все сойдем с ума. Не вмешивайте меня в свою новую любовную аферу.— Он быстро отвернулся.

«Это она заслужила благодаря своим бесстыдным постановкам,— подумал он.— Но мне не хочется, чтобы Хитер знала об этом».

Около половины десятого все члены труппы собрались в маленьком театре — на этот раз отсутствовали только Дельгадо и Близзард. Лестер Харкэм, сорокалетний осветитель, давно уже работавший с Близзардом, вошел последним и сообщил собравшимся, что автор и продюсер появятся через несколько минут. Потом он буквально упал в кресло рядом с Гарри Гардингом.

Мюррей осмотрелся. Слева, возле входа на сцену, стоял концертный рояль, и за его клавиатурой сидел Джесс Отен. Его пальцы скользили по клавишам, однако не нажимали на них. Он, казалось, был в аффекте, но Мюррей знал, что он был хорошим аккомпаниатором.

Лестер, Джесс и Гарри — выдающаяся группа, с которой можно было великолепно поставить любую пьесу. Но почему Близзард не ангажировал наиболее выдающихся актеров? Мюррей знал почти всех актеров, присутствующих здесь, и ему были неизвестны только два молодых человека, которых он видел за завтраком,— Ретт Лэтем и Эл Уилкинсон — и девушка по имени Черри Белл. Эта девушка сидела в первом ряду между Реттом и Элом.

Собравшиеся напряженно ждали. Это было заметно по тому, что они не беседовали между собой.

Потом в глубине сцены появились Дельгадо и Близзард. У каждого из них были стулья, на которые

они сели возле рампы. Автор первым раскурил сигарету.

— О'кей, итак, начнем,— сказал Близзард и кивнул своим слушателям.— Прежде всего...

— Прежде всего вопрос, Сэм! — Мюррей вскочил со своего места.— Я хотел бы задать его вам наедине, но вас, к сожалению, никогда не застать, вы всегда заняты. Почему вы приказали Валентайну повсюду в моей комнате рассовать бутылки со спиртным?

Дельгадо бросил на Мюррея заинтересованный взгляд, словно ему что-то пришло на ум.

— Вы что, пьяны, Мюррей? — удивленно осведомился Близзард.— Я точно знаю, что вы больше не пьете, и мне совершенно не хочется склонять вас к этому. Я приказывал Валентайну поставить в каждой комнате прохладительные и возбуждающие напитки и при этом совершенно забыл обратить его внимание на исключения. Мне очень жаль, такого больше не произойдет.

— Я имею в виду кое-что другое, Сэм.— Мюррей наклонился вперед.— Я имею в виду не открыто стоящие бутылки, а бутылку в шкафчике над раковиной и другую, спрятанную в моем чемодане.

— Об этом я ничего не знаю, Мюррей,— заверил его Близзард.— А теперь лучше закройте рот, пока я не рассказал, как, помоему мнению, эта бутылка попала к вам в чемодан.

Мюррей осмотрелся. Присутствующие смотрели на него. Ида Марр слегка улыбалась, но остальные бросали на него угрюмые и озабоченные взгляды. Он колебался.

— Не закрывайте рта, Дуглас,— попросил его Дельгадо. Автор нагнулся вперед.— Теперь это становится интересным. Вы предложили тему. Вы утверждаете, что

кто-то хочет склонить вас к пьянству, хотя вы теперь не должны пить ни капли, не так ли?

— Я не утверждал ничего подобного,— ответил Мюррей и сел.

— Хорошо, обдумайте все это еще раз.— Дельгадо не обратил внимания на возражение Мюррея.— Черри, идите сюда.

Девушка, о которой Мюррей ничего не знал, встала и заняла место у рампы недалеко от Дельгадо. Она открыла свою сумочку, достала блокнот и надела очки в роговой оправе.

Мюррей считал Черри членом этой труппы. Но они, конечно, нуждались в ком-то, кто будет записывать все происходящее, а потом приводить в порядок все эти записи. Это, казалось, было ее работой.

— Подумайте о формах преследования,— предложил Дельгадо.— К примеру, в рекламе. Покупайте тот или иной прибор — у кого его нет, тот отстал или просто глуп.

— Можно также заставить людей заменить безукоризненно функционирующий старый бытовой прибор на новый,— вставил Константин.— Это тоже вид преследования, не так ли?

— Верно. Еще?

Пьеса росла. Она росла просто невероятно. Около полудня они уже были настолько захвачены, что с неохотой покинули подмостки только тогда, когда в обеденном зале были накрыты столы. После обеда уже была готова половина сцен, и Джесс Отен сымпровизировал к ним новейшую музыку. Гарри Гардинг тоже импровизировал на свой лад. Он, очевидно, получил откуда-то свою дневную дозу, которая невероятно окрылила его фантазию. Мелом штрихами он

нарисовал на полу гениальные декорации, благодаря которым перед артистами развернулось все ее содержание.

Около пяти часов Дельгадо внезапно закончил репетицию, приказал Черри переписать начисто все записи и вместе с Близзардом исчез в двери в задней части сцены. Напряжение медленно спадало, но не исчезло окончательно; члены труппы вернулись в гостиную и долго обсуждали там все происшедшее.

Мюррей давно уже не видел, чтобы такое воодушевление вспыхивало за такое короткое время. Очевидно, заслугой Дельгадо было то, что его работающий разум постоянно влиял на них всех и они играли с таким жаром. Даже Ида не осмеливалась возражать ему.

Но как долго продлится это возбуждение? Мюррей не мог себе представить, как переутомятся они на следующей неделе, а так будет и дальше. Но может быть, Дельгадо позволит им потом отдохнуть несколько дней, пока он будет перепечатывать рукопись. Это казалось наиболее вероятным.

В этот вечер Мюррей остался в общей гостиной, в то время как некоторые другие уже отправились в свои комнаты. Потом он кивнул оставшимся и вышел в холл. В это мгновение его окликнули.

— Мюррей, вы не найдете для меня несколько секунд? — спросил Гарри Гардинг.

— Да, конечно.

— Может быть, лучше подняться наверх? — Гарри указал на лестницу, ведущую на верхний этаж.— Я... э... я, право, не знаю, как мне выразиться, но я должен это сказать. Вы же знаете о моих затруднениях, не так ли?

— Да, знаю. Но в чем дело?

Молодой художник пожал плечами.

— Ну, я... у меня в комнате этого хлама больше чем достаточно. Я не знаю, где Сэм достает это, но я нашел это в своей комнате... как вы нашли водку в своей. Но я не слишком озабочен этим. Я уже однажды лечился от этого и чуть было не помер. Кроме того, профессионально я уже ни на что не способен, потому я не стал отделываться от этого.

Они достигли конца лестницы и повернули по коридору направо.

— Вот моя комната — номер 10,— сказал Гарри, ища ключ.— Она находится над самым центром театра. Довольно странно, не так ли? Нет, не входите сюда, Мюррей, я еще не готов.

Он оставил Мюррея в прихожей. Его комната была обставлена так же, как и комната Мюррея.

— Послушайте, я знаю, что вы обладаете большей силой воли и мужеством, чем я,— продолжил Гарри, заперев за собой дверь.— У меня, напротив, едва хватает мужества изложить вам свою просьбу. Но я должен, вы понимаете? Здесь!

Он отвернулся и выдвинул верхний ящик комода, стоящего у окна. Мюррей увидел большой стакан, до краев наполненный белым порошком.

— Я еще никогда не видел столько,— тихо сказал Гарри.— Только небу известно, сколько все это стоит! Представьте себе — эта штука не что иное, как химически чистый героин. И когда я... теперь даже что-то... о, еще раз проклятье! Вы не сохраните для меня все это, Мюррей? В настоящее мгновение у меня достаточно самообладания, чтобы просить вас об этом, но может быть, у меня уже больше никогда не будет мужества, чтобы сделать это. Сегодня все идет хорошо, может быть, даже слишком хорошо. Но если меня постигнет неудача, у меня не хватит ни терпения, ни силы воли взять только одну порцию и дождаться ее

действия. Я знаю это по собственному опыту. Потом я возьму вторую дозу и, может быть, она будет намного больше первой, потому что у меня слишком много этого снадобья! И это будет самоубийством. Несомненно! Здесь!

Он сунул стакан в руки Мюррею, словно боялся, что в следующее мгновение утратит все свое мужество.

— Вы сохраните для меня это снадобье? Не говорите мне, где вы его спрятали. Лучше заприте где-нибудь. Не давайте мне за один раз больше трех гран, понимаете? И ради бога, никогда не позволяйте мне брать больше, даже если я приду к вам со слезами и буду молить вас дать мне еще.

Мюррей кивнул, взвесил стакан в руке и молча пошел к двери. Когда он взялся за ручку, Гарри добавил:

— Мюррей, я... я очень благодарен вам за это. И конечно, знаю, что не имею никакого права просить вас об этом одолжении. Но вы тоже обратились бы ко мне, если бы я тоже мог что-нибудь сделать для вас, не так ли?

— Конечно,— сказал Мюррей и вышел.

7

Мюррей включил свет в своей комнате, запер за собой дверь и печально покачал головой.

О Боже, видел ли ты когда-нибудь более печальное сборище бывших знаменитостей, чем эта труппа здесь?

Но в этот первый день влияние Дельгадо действовало благотворно, по крайней мере на Гарри Гардинга. Мюррей никогда не думал, что театральный художник

когда-нибудь найдет в себе мужество добровольно расстаться со столь ценным для него веществом.

Где же его спрятать? Выдвижные ящики, конечно, не подходят для этого. Снаружи, на подоконнике? Мюррей выглянул наружу и установил, что подоконник для этого слишком узок. Хорошо, тогда в телевизоре. Это был самый лучший тайник еще в то время, когда он прятал свои бутылки.

Аппарат этот, конечно, был намного меньше, чем все самые новейшие модели. Когда Мюррей повернул его и взглянул внутрь через щель для охлаждения, то увидел, что там едва ли можно спрятать стакан, не прикоснувшись при этом к какому-нибудь проводу. Кроме того, задняя крышка крепилась специальными винтами, которые он просто не сможет вывернуть своим перочинным ножом. Он прикусил нижнюю губу и поставил телевизор на место.

Мюррей подумал о своем чемодане, но потом увидел, что где-то потерял ключ от него. Его больше не было в связке. Ну, теперь этого не изменить. Порошок Гарри можно временно спрятать под матрас, пока он не подыщет для него лучшего места.

Он снял с кровати покрывало. При этом его нога наткнулась на низкий прямоугольный ящик, подвешенный под матрасом. Ящик этот, казалось, был пустым, но Мюррей сначала не обратил на это внимания. Под покрывалом находился матрас. Мюррей удивленно посмотрел на него и наморщил лоб, когда увидел странное тончайшее переплетение проволочек, покрывающее почти всю поверхность матраса.

Странно. Я еще никогда не видел такого сумасшедшего переплетения.

Он взялся за матрас и приподнял его. Только тогда он понял, почему ящик издавал такой звук, словно был пустой.

В его верхнюю часть была вделана выдвижная крышка.

— Что, но...

Мюррею пришлось напрячься чтобы поднять весь матрас и свалить его на пол с другой стороны кровати. При этом он, казалось, что-то оборвал и заметил металлический блеск. Когда он осторожно нащупал это, то понял, что это тончайшая проволочка, идущая от матраса к крышке ящика. Эта проволочка оборвалась, когда он двигал матрас.

Он медленно протянул руку и открыл крышку ящика.

Под ней он увидел звукозаписывающий аппарат. На первый взгляд тот казался вполне обычным. Он не был включен. Обеих катушек должно было хватить на несколько часов — около трети пленки было намотано на первую катушку. Потом Мюррей увидел, что этот магнитофон кое в чем отличается от других: на нем не было никаких рычажков и кнопок, и им, по-видимому, управляли дистанционно.

Мюррей некоторое время изучал его, потом пожал плечами. Он ничего не понимал в магнитофонах. Он знал только, как их включать и выключать. Но охотно узнал бы, для чего предназначена эта проклятая вещь под его кроватью. Она тоже принадлежала к имуществу бывшего клуба? Тихая музыка, для того чтобы члены клуба лучше засыпали? Но где же находился динамик и как выключался аппарат, если не нужно было никакой музыки?

Он выпрямился и наморщил лоб. Он не сможет заснуть, пока не ответит несколько мучающих его вопросов. Но потом он вспомнил о стакане Гарри. Проклятье! Он должен спрятать его, прежде чем покинет комнату! Почему бы не за штору? Сюда, наверх, около гардин? Мюррей подтащил стул, нащупал

свисающий сверху шнур и обвязал им стакан. Затем несколько раз подвигал штору, чтобы убедиться, что снаружи ничего не заметно. Наконец он удовлетворенно кивнул и вышел в коридор.

В следующее мгновение из туалета вышел Гарри Гардинг и направился в свою комнату. Он кивнул Мюррею и хотел быстро исчезнуть.

— Минуточку, Гарри! — сказал Мюррей.— Можно мне быстренько кое-что посмотреть?

— Да, конечно, но что? — Гарри бросил на него удивленный взгляд.

— Можно мне заглянуть под вашу кровать? Мне хочется знать, мой случай особый или все кровати оснащены подобным образом?

— Чем оснащены? — удивленно осведомился Гарри. Он молча смотрел, как Мюррей сорвал покрывало с матраса, указал на металлическую сетку, а потом показал магнитофон, находящийся под крышкой ящика. На этот раз ленты было перемотано значительно меньше.

— О Боже,— непонимающе произнес Гарри.— Что это такое?

— Не имею ни малейшего представления,— сказал Мюррей,— но узнаю это, можете мне поверить.

— Я думаю, вы обнаружили это, когда хотели спрятать мое... мое зелье,— слабо улыбнулся Гарри.— Ну, там мне, по крайней мере, не надо будет больше искать.

— Верно.— Мюррей нащупал тонкий металлический проводок, соединяющий матрас и ящик, и на этот раз оставил его неповрежденным. Проводок вел непосредственно к магнитофону.

— Не думаете ли вы, что бывшие члены клуба использовали это как снотворное? — с сомнением

спросил Гарри.— Этот клуб был достаточно роскошным, и я не нахожу эту идею такой уж невероятной.

— Я тоже уже подумал об этом.— Мюррей кивнул.— Но вот только нигде не вижу динамика.

— Он, должно быть, находится где-то здесь, наверху,— сказал Гарри, с интересом изучая тонкое проволочное переплетение.

Мюррей тихо вскрикнул. Гарри повернулся к нему.

— Что случилось? — спросил он.

— Что вы только что сделали? — спросил Мюррей в ответ.

— Я только дотронулся до проволочки,— ответил ему Гарри.— Здесь...

— Этого достаточно,— прервал его Мюррей.— Там, должно быть, скрыт выключатель, который реагирует на нажим. Вот, видите — магнитофон работает!

Гарри еще раз нажал на то же место и повернул голову, чтобы лучше видеть. Катушки магнитофона действительно вращались.

— Хорошо, но где же музыка? — спросил Мюррей.

— Весьма своеобразно,— ответил Гарри.— Но может быть, звук просто предусмотрительно отключен?

— Может быть,— с сомнением пробормотал Мюррей. Потом он медленно кивнул.— Хорошо, эту возможность мы тоже не должны отбрасывать. Вы знаете, в какой комнате спит Лестер Харкэм? Я думаю, что он единственный из нас, кто разбирается в таких вещах.

— Нет, я не знаю, где он спит.— Гарри нервно провел кончиком пальца по своим губам.— Послушайте, Мюррей, может быть, все это не имеет никакого смысла? Какая разница, играет здесь музыка или нет? Почему бы вам не быть снисходительным ко всему этому?

— Потому что я невольно оборвал связь между магнитофоном и матрасом,— объяснил Мюррей. Он положил руку на матрас.— Достаточно лишь легкого

нажатия, вы это заметили? Вероятно, аппарат начинает работать, когда голова опускается на подушку.

Снаружи послышались шаги, одна из дверей открылась и закрылась.

— Там кто-то есть,— произнес Мюррей.— Идемте, Гарри.

Художник пожал плечами и последовал за ним.

Однако в коридоре невозможно было понять, какая дверь открывалась. Мюррей направился к дверям номеров 12 и 11, потом покачал головой.

— В номере 13 никого нет,— произнес Гарри.— Я спрашивал об этом Валентайна.

— А номер 14 — это моя комната. Значит, это должно быть на другой стороне. Посмотрим, кто в номере 9.— Мюррей отступил назад. Ему показалось, что он слышит в номере 9 тихие голоса. Он постучал.

— Кто там?

Хитер! Как интересно! Мюррей заключил сам с собой небольшое пари. Одновременно он громко сказал:

— Это я, Мюррей. Со мной Гарри Гардинг. Мы можем на минутку заглянуть к вам? Дело очень важное.

Возбужденный шепот, которого Мюррей не понял, потом он услышал:

— Входите. Дверь окрыта.

Он нажал на ручку. Хитер сидела на постели. Ее лицо без косметики казалось еще более юным. На ней был атласный халат, накинутый поверх черной ночной комбинации. В кресле возле кровати сидела Ида, в черном пуловере с закатанными рукавами и черных бархатных брюках. Она курила, держа в руке стакан с виски. Мюррей выиграл пари, заключенное с самим собой.

— Ха,— сказала Ида, когда Гарри закрыл за собой дверь,— почему мы удостоились такой чести, друзья?

— Вы не могли бы оказать мне любезность, Хитер? — попросил Мюррей.— Вы слышали музыку, когда клали голову на подушку? Вы слышали что-нибудь, сильно нажимая на подушку?

— Что это все должно... — начала Хитер. Потом она хихикнула, нагнулась к матрасу, внимательно прислушалась, потом снова выпрямилась и покачала головой.

— Прекрасно, но что все это значит? — резко спросила Ида.

— Немного терпения,— сказал Мюррей.— Хитер, встаньте пожалуйста, потом я покажу вам то, о чем вы спрашиваете.

Хитер неуверенно посмотрела на Иду и бросила на Гарри вопросительный взгляд.

— В ящике под матрасом установлен какой-то аппарат,— объяснил им Гарри.— Мюррей ищет этому объяснение и не сможет заснуть, пока не найдет его.

— Что еще за аппарат? — смущенно осведомилась Хитер.— О... пожалуйста.

Она поднялась так церемонно, словно ее кровать стояла на сцене и она боялась театральной критики. Мюррей показал ей, что он имеет в виду — металлическую сетку, отходящий от нее провод и магнитофон в ящике под кроватью.

Даже Ида была поражена.

— Итак, именно это вы называете музыкой под подушкой? — спросила она.— Но ведь пока ничего не произошло, не так ли? Катушки вертятся только тогда, когда нажимаешь на матрас.

— Кто-нибудь знает, где я сейчас могу найти Близзарда? — громко спросил он.— Гарри прав — я не смогу заснуть, пока не получу объяснения всего этого.

Ида рассмеялась:

— Вы сошли с ума, Мюррей. Если магнитофон под моей кроватью не издает никаких звуков, я, конечно,

великолепно засну.— Она загасила свою сигарету и опустошила стакан.— Но если вы действительно хотите застать Сэма в его логове, вы, вероятно, найдете его в комнате направо от столовой, где он строит планы вместе с Дельгадо. Насколько мне удалось увидеть, это помещение представляет собой нечто вроде кабинета. А теперь я пойду спать. Спокойной ночи, Хитер.

Она улыбнулась им всем и вышла. Несколькими секундами позже Гарри развел руками и последовал за ней.

— Мюррей, я хочу, чтобы вы ничего никому не говорили об этой штуке,— сказала Хитер, указав взглядом на магнитофон.— Он меня тревожит, потому что, как мне кажется, он здесь совершенно ни к чему. Или он все же для чего-то служит?

— Я не знаю этого, малышка,— с нажимом сказал Мюррей.— Но теперь я разыщу Сэма, чтобы спросить об этом, и когда я что-нибудь узнаю, я снова вернусь сюда. Согласна?

8

Мюррей не сразу постучал в дверь помещения, которое указала ему Ида, а сначала нажал на ручку двери. Дверь была заперта. За ней он услышал стук электрической пишущей машинки и тихие голоса, которые тотчас же умолкли, как только он надавил на ручку двери.

— Минуточку! — крикнул Близзард.

Мюррей отступил от двери. На пороге появился продюсер.

— Это вы, Мюррей? Чего вам надо?

— Мы поговорим здесь, или нам лучше войти?

Близзард поколебался, потом пожал плечами и отошел назад. Мюррей последовал за ним в комнату, должно быть раньше бывшую секретариатом клуба. За машинкой сидела Черри Белл, ее пальцы порхали по клавиатуре. У Дельгадо на коленях лежало несколько листов бумаги. Когда Мюррей вошел, автор с интересом поглядел на него.

— Ну? — спросил Близзард.— У тебя что-то важное, Мюррей? У нас еще много работы, и мы не любим, когда нам мешают.

— Я насчет магнитофонов, которые установлены под нашими кроватями,— громко ответил Мюррей. При этом он наблюдал за Дельгадо и с удовольствием отметил, что на его лице, которым тот всегда так хорошо умел владеть, промелькнуло выражение озабоченности.

— Что все это должно значить? — осведомился Близзард.— Вам ничего другого не пришло в голову, Мюррей? Если это снова то же, что было сегодня утром, я, несомненно, потеряю с вами всякое терпение.

— Спросите об этом Дельгадо,— предложил ему Мюррей.— Он знает, что я имею в виду. Не так ли, Дельгадо?

— Да, конечно.— Дельгадо отложил листок.— Эти магнитофоны — составная часть моего новейшего метода работы, о котором я еще никогда никому ничего не говорил.

У Мюррея появилось ощущение, что тот сымпровизировал это объяснение, но ничем не мог доказать своих подозрений.

— Дальше,— потребовал он у Дельгадо.

— Вы знаете, что означает слово «гипнопедия»?

Мюррей ответил не сразу. Он посмотрел на Близзарда и обнаружил, что тот тоже выслушивает это, ничего не понимая.

Очень интересно.

— Вы имеете в виду способ, при котором будто бы можно обучаться во сне? До сих пор я слышал только то, что он не действует.

— Думайте что хотите.— Дельгадо махнул на него рукой.— Для меня этого, во всяком случае, достаточно. Я буду использовать этот способ. Я неудовлетворен актерами, которые после репетиции ни на что не обращают внимания, и гипнопедия дает мне возможность повлиять на них так, как я этого хочу. Это все.

— Мануэль, мне не совсем ясно, что вы хотели сказать,— вмешался Близзард.

— Действительно не совсем ясно? — спросил Мюррей.— Послушайте. Пока я нашел магнитофоны под своей кроватью и под кроватями Гарри Гардинга и Хитер. Достаточно легкого нажатия на матрас, чтобы аппарат включился. Как только ложишься на кровать, лента начинает перематываться. Дельгадо утверждает, что это сделано для того, чтобы мы во сне заучивали свои роли при помощи постоянного повторения. Впрочем, какую роль нужно заучивать Гарри Гардингу, Дельгадо? Он талантливый художник, а не артист.

— Не слишком ли вы преувеличиваете все это, Мюррей? — осведомился Дельгадо.— Знаете ли, я не сам устанавливал эти магнитофоны. Они должны были наигрывать членам клуба тихую музыку, способствующую сну, и поэтому они установлены под всеми кроватями.

— На самом деле? Это невероятно по двум причинам. Во-первых, отсутствуют динамики, и во-вторых, ленты на катушках, очевидно, пусты.

— Ну и что из этого? — Дельгадо нетерпеливо взмахнул рукой.— Мюррей, эти магнитофоны давно не применялись. Я снова подключил их, чтобы проверить — а это возможно только в том случае, если

перемотать ленту, что я и сделал. Само собой разумеется, ленты пусты! Динамики, которые вы так безуспешно искали, находятся внутри матрасов. Кроме того, вы, конечно, ничего не услышали бы, даже если на магнитофоны были бы поставлены обучающие катушки, потому что мой способ обучения — воздействие на подсознание, чтобы обучающийся не замечал этого влияния. Надеюсь, вам, Сэм, удастся убедить нашего друга в том, что относительно моего несколько необычного метода репетиции нет никаких оснований бить тревогу.

Близзард достал из кармана сигарету и механически откусил у нее кончик.

— Почему вы до сих пор ничего не сказали мне об этом, Мануэль? Эта идея интересна, но...

— Вы сами скоро заметите, как великолепно функционирует этот способ,— прервал его Дельгадо.— Я ничего не упоминал об этом потому, что заполучил эти магнитофоны совершенно случайно. Если бы не этот случай, вам пришлось бы достать мне дюжину магнитофонов, и мы тогда поговорили бы об этом. Стоит ли из-за этого так волноваться?

— Нет, вероятно, нет,— ответил Близзард.— Но чтобы избежать других недоразумений и неожиданностей, Мануэль, может быть, было бы лучше проинформировать других людей?

— Конечно, нет.— Дельгадо покачал головой.— Я только сожалею, что Мюррей случайно наткнулся на все это. Надеюсь, что восприимчивость его подсознания от этого не пострадала. Но это еще надо установить. Может быть, Мюррей позже увидит, что гипнопедия была необходима.

Черри только что вытащила из машинки последний лист бумаги. Стук клавиш внезапно смолк, и в комнате стало очень тихо.

— Готово, мистер Близзард,— сказала она.

— О, чудесно,— Близзард пошевелился.— Передайте мистеру Дельгадо последнюю страницу и можете идти в постель. У вас тоже все, Мюррей?

— Нет, ни в коем случае. Но я, возможно, пока удовлетворюсь этим.

Мюррей хотел сдержать свое обещание и поэтому постучал в дверь Хитер, чтобы рассказать девушке, что ему только что сказал Дельгадо. Но не получил никакого ответа; очевидно, Хитер уже спала. Он вернулся в свою комнату, еще раз осмотрел проволочную сетку на матрасе, обмотал носовой платок вокруг руки и потащил провод. Когда он его вытащил, перед ним лежало метров двадцать проволоки.

И больше ничего. Он не увидел никаких контактов. В матрасе не было динамика. Дельгадо солгал.

Какой цели мог служить магнитофон без динамика? Что он мог записывать, но, очевидно, не мог воспроизводить? И как? Он также не обнаружил никакого микрофона, только длинную проволоку.

Может быть, сама проволока представляла собой нечто вроде микрофона или динамика? Эта была единственная возможность, которая пришла ему в голову. Но он слишком мало разбирался в электронике, чтобы судить о том, может ли простая проволока воспроизводить или принимать звуковые волны...

Дьявол бы все это побрал! Мюррей перевернул матрас, расстелил на нем простыню и забрался под одеяло. Он долго лежал не в силах заснуть и спрашивал себя, зачем он связался со всем этим. Но потом он наконец заснул.

На следующий день у него не было возможности спросить Лестера Харкэма о магнитофоне, потому что троих остальных, которые знали об этом, казалось, это нисколько не заботило и они были заняты только своей работой. Хитер осведомилась о том, что он узнал, однако это, казалось, не заинтересовало ее; ей, очевидно, было достаточно того, что Дельгадо вообще дал какое-то объяснение, и она предпочла не задумываться о том, что автор мог сказать только полуправду.

К вечеру сам Мюррей был того же мнения. Под искусным руководством Дельгадо из множества высказанных идей постепенно рождались определенные формы. Нет, в этом не было никакого сомнения — этот человек был талантлив.

И несмотря на это...

Дельгадо на этот раз несколькими короткими словами закончил репетицию ровно в пять часов, а потом они вместе с Близзардом исчезли в двери в задней части сцены. Напряжение постепенно спало, и актеры уставились друг на друга, словно им только теперь стало ясно, что они находятся не в своем придуманном мире, а на сцене маленького театра. Потом они устало вздохнули и вышли наружу, чтобы пропустить в баре несколько глотков спиртного.

Джесс Отен остался сидеть за роялем, он в десятый раз пробовал своеобразное музыкальное сопровождение, которое ему никак не удавалось сочинить так, как он хотел. Гарри Гардинг с листком бумаги и рулеткой прошелся по сцене, чтобы отметить необходимое для декораций место. Лестер Харкэм, ответственный за хорошее освещение в зале, стоял в проходе между креслами и, задумчиво наморщив лоб, глядел на сцену.

Мюррей двинулся с места и подошел к нему.

— У вас не найдется немного времени для меня, Лестер?

— Гммм? — Лестер, казалось, вернулся из каких-то далей.— О конечно, Мюррей. Что такое?

— Ну... — У Мюррея внезапно появилось чувство, что будет смешно снова рассказывать о Дельгадо и его магнитофонах. Поэтому он быстро сменил тему.— Послушайте, Лестер, это дело должно остаться между нами. Вам это понятно? Гарри предложил мне забрать у него стакан героина и сохранить для него, потому что он опасался того, что может принять чересчур большую дозу, когда ему станет невтерпеж. Лучший тайник — это телевизор, там он никогда не найдет своего зелья. Но задняя крышка аппарата в моей комнате просто не отвинчивается, а я не хочу ломать ее. Вы мне поможете в этом?

Лестер непонимающе уставился на Мюррея.

— Дружок, эта самая сумасшедшая просьба, которую я когда-либо слышал! — воскликнул он.

— Я понимаю это,— согласился Мюррей.— Я пришел к вам только потому, что вы единственный из нас, кто что-то смыслит в электронике.

— Верно, телевизоры я знаю. Я сейчас пойду с вами. Я только кое-что должен обсудить с Гарри.

— Ни слова об этом, Лестер! Он не должен знать, где...

— Хорошо! Хорошо! Я, в конце концов, не дурак. Подождите меня здесь, Мюррей. Эй, Гарри, я должен с вами поговорить! — Лестер пошел вперед, к сцене.

«До сих пор все идет как надо,— подумал Мюррей.— Теперь можно перевести разговор непосредственно на магнитофоны». И ему было интересно, как Лестер будет реагировать на увертки Дельгадо.

9

— А, верно. Ничего сложного, но любителя должно отпугнуть.— Лестер нагнулся над телевизором, нащупал в кармане своей куртки разводной ключ и принялся за работу.— Что вы скажите обо всем этом, Мюррей? Дельгадо одаренный человек, не так ли?

— У него есть талант,— заметил Мюррей.— Я, конечно, намного менее одарен.

— Так же, как и мы все! Я, например, охотно узнал бы, где он до сих пор скрывался.— Лестер отвернул первый болт и взялся за следующий.— Вы знаете, что, когда Сэм Близзард в первый раз рассказал мне об этом плане, я сказал ему, что он слишком много выпил. Как можно вложить столько денег в такое неверное дело? Прежде чем пьеса пойдет в Лондоне, он, несомненно, затратит около пятидесяти тысяч фунтов. Но постепенно я убедился, что он, может быть, был не так уж и не прав. Прежде всего, идея с этим театром здесь просто великолепна. В обычном случае я сидел бы в последнем ряду и грыз бы ногти; а здесь я уже успел придумать, как... Эй, еще раз проклятье!

Он отдернул руку и выронил ключ. Мюррей вскочил.

— Что случилось?

— Этот проклятый ящик под напряжением! Меня ударило током.— Лестер нагнулся над аппаратом и покачал головой.— Здесь стоит «выключено»,— пробормотал он.— Этот проклятый выключатель, должно быть, с дефектом. Но, несмотря на это, я не вижу, почему бы...

Он продолжил дальше в технических терминах, говоря о проводах и конденсаторах, которые находятся

не там, где надо. Мюррей слушал его, но ничего не понимал.

— Мне вытащить вилку из розетки? — только и спросил он.

— Да, конечно. Я сам должен был это сделать.— Лестер положил руку на аппарат и для проверки понюхал отверстия охлаждения.— Смешно. Ящик холодный, хотя при таких обстоятельствах он должен быть теплым.

Мюррей отыскал толстый кабель, ведущий от аппарата к полу. Он исчезал под ковром; Мюррей опустился на колени и немного приподнял ковер.

— Странно,— пробормотал он про себя.— Лестер, провод идет не к розетке. Он просто исчезает под планкой плинтуса. Вот здесь, посмотрите...

— Что? — Лестер подошел и оперся рукой о плечо Мюррея.— Гмм, это действительно необычно.

Толстый черный кабель на самом деле уходил к стене, достигал плинтуса и там исчезал в щели.

— Это что-то новое,— сказал Мюррей.— Посмотрите, здесь из планки плинтуса выпилен небольшой кусок.— Он пошевелил кабель, чтобы показать Лестеру, что он имеет в виду.

— Это, должно быть, кабельное телевидение,— сказал Лестер без особого воодушевления.— В обычном телевизоре должен быть переключатель каналов. Лучше я осмотрю этот аппарат еще раз, но на этот раз постараюсь не попадать под напряжение.

Мюррей повернулся и сел, прислонившись к стене. Ему не пришлось долго ждать, пока Лестер снимет заднюю крышку и позволит заглянуть внутрь аппарата. Лестер тихо присвистнул.

— Еще что-то необычное? — спросил Мюррей, не ожидавший ничего иного.

— Действительно, весьма необычное,— подтвердил Лестер.— В этом ящике больше всякой техники, чем в обычном телевизоре. Мюррей, вы с самого начала знали об этом? — спросил он.— Вы рассказали мне о снадобье Гарри только для того, чтобы завлечь меня сюда и дать мне возможность заглянуть в этот аппарат?

— Что вы имеете в виду? — осведомился Мюррей, честно говоря смущенный.

— Ида после обеда рассказала мне, что вы нашли в своем матрасе какую-то проволоку.

— А, верно.— Мюррей не скрывал своего облегчения.— Я рад, что вы уже обследовали это и с другой стороны.

Мюррей быстро рассказал о том, что произошло вечером. Лестер внимательно выслушал его, одновременно рассматривая внутренности аппарата.

— Он утверждает, что эти приборы должны обучать вас во сне? — осведомился Лестер, когда Мюррей закончил свой рассказ.— Послушайте, но ведь все это абсолютная чепуха. Об этих методах иногда упоминают — вы помните «О Дивный Новый Мир» Хаксли? Но, насколько мне известно, эти методы никогда еще не приносили успеха. Если Дельгадо намерен использовать их для этой цели, это, во всяком случае, нам не повредит, я так считаю.

— Но ведь там нет никакого динамика! Я вытащил из своего матраса всю проволоку, но там не было ни динамика, ни микрофона.

— Ну, существуют некоторые опытные устройства... — начал Лестер. Потом он покачал головой.— Нет, это смешно. Эта аппаратура стоит по пять тысяч фунтов за штуку, и никому не могло прийти в голову устанавливать все это здесь, в наших комнатах. Можно мне посмотреть на все это?

— Ну, здесь только жалкие остатки,— сказал Мюррей и встал.— Вероятно, такая же проволока находится и в вашем матрасе, если Дельгадо сказал правду. Но все остальное...

Он больше ничего не сказал. Он откинул покрывало. Снова показалась проволочная сетка.

— Кажется, Дельгадо довольно серьезно воспринимает все это дело,— сказал он.— Он заменил проволоку.— Мюррей не вглядывался, он был слишком возбужден.— О'кей, что вы думаете обо всем этом?

Лестер сначала ничего не сказал. Потом он поднял матрас, проследил тончайшую проволочку до самого ящика и увидел, как магнитофон заработал. Затем он снова положил матрас на место.

— Во всяком случае, ясно одно,— сказал он наконец.— Проволока на матрасе не может служить ни микрофоном, ни динамиком.

— Но тогда зачем же она?

— Этого я не знаю.— Лестер прикусил нижнюю губу.— Вы знаете, это не моя специальность. Но если мне будет позволено предположить...

— Да? — вмешался Мюррей.

— Я могу себе представить, что это может служить в качестве высокочувствительной антенны. Посмотрите вот сюда.— Лестер, используя большой и указательный пальцы в качестве циркуля, отмерил отрезок проволочной сетки.— Узор состоит из деталей, находящихся друг с другом в гармоничной связи, не так ли? Эти длинные штуки напоминают диполи — как у телевизионной антенны.— Он покачал головой.— Но это еще далеко не объясняет, почему эта штука здесь.

— Существует ли связь между этой проволочной сеткой здесь и этим ящиком вон там? — Мюррей указал на телевизор.

— Я ничего не могу сказать. Я должен позаниматься со всем этим несколько часов, но пока этот телевизор находится под напряжением, у меня нет никакого желания возиться с ним.

— Вы не можете сказать, что встроено в него дополнительно?

— Нет,— ответил Лестер. Он провел по лбу тыльной стороной ладони.— Во всяком случае, там нет места для снадобья Гарри. Но теперь я лучше снова завинчу заднюю крышку и поставлю этот ящик на место, а?

— Вы хотите осведомиться об этом у Дельгадо?

— Я хочу прямо спросить у него о его гипнопедии. Вас интересует, что я обо всем этом думаю?

— Конечно. Меня интересуют любые мнения. Все это дело сильно беспокоит меня.

— О'кей.— Лестер сунул руки в карманы брюк.— По моему мнению, раньше или позже будет установлено, что Дельгадо тут изобрел. Сегодня существуют люди, которые не могут отличить диод от лошадиного хвоста, а также продувные парни, делающие новые открытия в области биоэлектроники. Большинству из них достаточно пары слов о точке зрения на длину космических волн, чтобы заставить людей покупать за сто фунтов маленькие черные ящички, а затем такой парень со смехом исчезает. Я считаю, что вы предположили верно: Дельгадо использует гипнопедию только в качестве не особенно убедительной отговорки, чтобы прикрыть чистую бессмыслицу. Как миссис Смит, которая ориентирует свою постель на северный магнитный полюс, знаете ли...

— Это вы серьезно? — Мюррей немного поколебался, хотя был вынужден признать, что Лестер, кажется, прав.

— Я могу даже держать пари.— Лестер показал на проволочную сетку.— Узор этот не так бессмыслен, как

может показаться на первый взгляд. Он состоит из медных трубочек, которые могут служить в том числе и телевизионной антенной. Но это тоже совершенно бессмысленно; это достаточно бессмысленно, чтобы браться за расследование всего этого.

— Эта штука служит для телевизора?

— Весьма вероятно.— Лестер подошел к аппарату и осторожно поставил на место заднюю стенку.— Я не думаю, что стоит слишком беспокоиться из-за этого. Пожалуй, Дельгадо может обидеться, если посмеяться над его затеей. Важно только то, что он талант. И то, что он великолепно работает, не так ли?

— Да, но...

Лестер затянул последний винт, выпрямился и похлопал Мюррея по плечу.

— Оставьте все это! — сказал он.— На вашем месте я был бы рад, что получил шанс, вместо того чтобы обращать внимание на сумасшествие Дельгадо.

Мюррей принужденно улыбнулся.

— Это, конечно, будет разумным, так? Вы действительно правы. Лучше это, чем суп из кухни Армии Спасения.

Когда Лестер ушел, Мюррей закурил сигарету и задумчиво уставился на узор на матрасе.

Все это звучит весьма убедительно. Но несмотря на это, у меня такое чувство, что все это объясняется не так просто. За всем этим, несомненно, скрывается что-то еще.

Он внезапно решил попытаться разворошить это гадючье гнездо. Он постепенно становился все нетерпеливее. Эта проблема мешала ему по-настоящему хорошо играть на сцене.

Мюррей поднял матрас и оборвал тонкую проволочку. Потом он вытащил из матраса всю проволоку и, смотав ее, положил в пепельницу. Теперь на очереди был телевизор. Когда он остановился перед ним, ему пришло в голову, что лучше не трогать кабель голыми руками, если он, как утверждал Лестер, действительно находится под напряжением. Вместо этого он поднял весь аппарат — он был намного тяжелее, чем Мюррей ожидал,— и пронес его через комнату.

Когда кабель туго натянулся, он глубоко вздохнул, сделал большой шаг, ожидая, что кабель или оборвется, или вылетит из стены. Но ничего подобного не произошло. Еще два—два с половиной метра кабеля вытянулись из-под плинтуса, и Мюррей услышал звон и громкий треск в комнате номер 13.

Мюррей поднял брови и слегка улыбнулся. Потом он тщательно установил телевизор обратно на столик, засунул вылезший кабель обратно под плинтус и пошел к двери. Он чуть приоткрыл ее и выглянул в коридор. Чуть позже его терпение было вознаграждено: он увидел всегда спокойного Валентайна, бегущего по коридору.

Кто бы мог подумать?

Дверь в комнату номер 13 открылась и закрылась. Мюррей закрыл свою дверь и приложил ухо к стене, отделяющей его комнату от соседней. Однако он услышал только тихое звяканье и бренчание, словно Валентайн сметал там какие-то осколки.

Этого пока достаточно. Теперь остается только ждать реакции Дельгадо. Он покинул комнату и, насвистывая, спустился вниз.

10

Реакция была, но хотя это должно было вызвать недовольство у Дельгадо, его отчитал Близзард, и Мюррею пришлось ждать целый час после ужина.

Шел дождь. Мюррей слышал, как капли дождя стучат по стеклу; он разговаривал с Адрианом Гарднером. Потом он кое-что заметил. Здесь не было только Близзарда и Дельгадо; все остальные члены труппы собрались здесь, словно все люди вдруг начали постепенно страдать агорафобией. До сих пор еще никто не предложил посетить местные пивные, а также прогуляться по парку. На улице шел дождь, но другие вели себя так, словно там бушевал, по крайней мере, арктический буран.

Завтра после ужина мне, может быть, стоит немного прогуляться. Я не хочу оставаться здесь, как в заключении...

— Мюррей, я хочу поговорить с вами. Извините нас, Эд, речь идет об очень важном деле.

Мюррей оторвался от своих мыслей. Появился Близзард и сел напротив него. Адриан пожал плечами и встал, чтобы найти себе другого собеседника.

— Да, Сэм, что я могу сделать для вас? — спросил Мюррей.

— Вы должны перестать вести себя слишком докучливо, если вы хотите узнать все целиком,— ответил Близзард. Он достал из кармана сигару, откусил кончик и взял настольную зажигалку.

Мюррей подождал, пока Близзард раскурит сигару. Потом он сказал:

— Сэр, это всего лишь ирония, или вы действительно сердитесь на меня? В каком отношении я веду себя докучливо?

— Что вы сделали с телевизором в вашей комнате?

— Мне захотелось поставить его по другую сторону кровати,— солгал Мюррей.— Это что, запрещено?

Близзард бросил на него испытующий взгляд, но профессиональная маска Мюррея была непроницаема. Высокий мужчина наконец вздохнул.

— Хорошо, оставим это на будущее,— сказал он Мюррею.— Валентайна из-за вас чуть не хватил удар. Ваш телевизор вместе с остальными аппаратами связан в единый узел. Вы, очевидно, потянули за кабель своего аппарата и при этом уронили несколько приборов. Ущерб составляет 50 фунтов.— Он вытер лоб носовым платком.— Послушайте, Мюррей, мне, вероятно, не нужно вам объяснять, что мне дали на это предприятие больше денег, чем я когда-либо получал за свою продукцию. Но вы знаете, эти средства тоже не так уж неисчерпаемы.

— Ага, итак, теперь это общая система,— пробормотал Мюррей, не обращая внимания на Близзарда.— Как своеобразно! Лестер убежден, что это совершенно исключено! — Он посмотрел на Близзарда с улыбкой.

— Лестер! И это тоже ваша вина! Мюррей, чего вы, собственно, хотите? Ваша гордость чем-нибудь уязвлена? Еще раз проклятье, да говорите же! Если вам здесь не нравится, можно, конечно, распорядиться, чтобы вас уже завтра...

— Минуточку,— прервал его Мюррей.— Что я сделал Лестеру?

— Он перед ужином был у меня, чтобы всерьез предупредить о Дельгадо.— Близзард осмотрелся, словно боялся, что другие могут их подслушать.— Лестер считает Дельгадо слегка чокнутым, потому что вы рассказали ему о магнитофонах под кроватями. Мюррей, сделайте мне на будущее одолжение, держите язык за зубами.

Мюррей нагнулся вперед.

— Сэм, вы хотите превратить этот клуб в концлагерь? Вы хотите запретить нам быть любопытными? О Боже, разве вам не ясно, каких людей вы здесь собрали? Вы хотите вызвать массовую истерию?

— Именно этого я и не хочу, и именно это вызовет ваша безответственная болтовня. Послушайте, Мюррей. Мы знаем друг друга много лет — мы часто работали вместе,— так что вы можете не доверять мне только намеренно. Я отнюдь не доволен тем, что здесь под одной крышей собралась дюжина легко возбудимых людей и их безжалостно муштруют. Я никогда не слышал и не видел ничего подобного. Но это же методы Дельгадо, и если он на них настаивает, я тоже делаю это. Какое впечатление сложилось у вас о Дельгадо, Мюррей?

— Я еще ничего не могу сказать.

— Я уже четыре или пять месяцев имею с ним дело, с ним и его финансистом.— Близзард стряхнул пепел со своей сигары.— Вот что я думаю о Дельгадо. Этот человек — гений. Я нахожу его несимпатичным, но я испытываю к нему какое-то первобытное почтение. Вы понимаете, почему я так говорю об этом человеке, Мюррей?

— Нет.

— Хорошо, тогда, значит, мы не поняли друг друга. Он феноменально одарен. Его работы, финансирует один аргентинский мультимиллиардер, который, по-видимому, хочет доказать, какой высокой культурой обладает его родина, и он хочет приблизить ее культуру к европейской. Я должен держать всех этих невротиков под контролем... Мне очень жаль, что мне приходиться так изворачиваться.

— Мы все невротичны,— без всякого юмора заметил Мюррей.

— Верно. Прежде всего вы должны понять, что я не потерплю никаких отклонений. Эта бессмыслица только занимает время. Если Дельгадо убежден в пользе своей гипнопедии, он, пожалуй, должен ее попробовать. Почему вы так из-за этого волнуетесь? Если эта штука сработает, это хорошо; если она не сработает, нам всем это будет безразлично. Я никому не хочу запрещать быть любопытным. Я только хочу довести до конца постановку этой пьесы.

Мюррей немного поколебался.

— Вы должны были начать по-другому, Сэм,— произнес он наконец.— Я не строю никаких иллюзий, что меня поймут. Вы не должны считать меня из-за этого неблагодарным; я рад, что я получил этот шанс. Но помня фильм, снятый Дельгадо и его театральную пьесу, поставленную в Париже, вы должны были пригласить Флита Дикинсона... или что-нибудь не так?

Это тирада не была запланирована. Но Мюррею вспомнился разговор с Роджером Грэди. Агент рассказал ему об артисте, который отказался, как только ему было сделано такое предложение.

К счастью, Близзард не имел об этом никакого понятия.

— Дело не только в этом, Мюррей. Дельгадо ожидает, что его указания будут выполняться неукоснительно, это вы уже, несомненно, заметили. Большинству это не мешает, пока они воодушевлены своей ролью. Но я уже работал с Флитом Дикинсоном и знаю, что он не привык играть на босса.— Близзард смущенно покачал головой.— Что это на меня вдруг нашло? До сих пор я не говорил об этом еще ни с одним членом труппы.

— Это он внутри нас, Сэм,— констатировал Мюррей.— Это беспокоит меня, Сэм. Нам, конечно, нужна уверенность в себе, если мы хотим покорить своей

пьесой весь Вест-Энд. Но я вижу, что мы все опьянены этим и не замечаем, как это плохо. Вы должны быть объективны, Сэм.

— Я уже стараюсь.— Близзард медленно кивнул.— Но пока в руках у меня нет готовой рукописи пьесы, я здесь хозяин дома и продюсер, не так ли?

Мюррей наморщил лоб.

— Верно... Вы знаете, Сэм, я, собственно, ожидал, что мы будем исходить из какой-то определенной идеи и будем импровизировать только диалоги. Но вместо этого мы даже не...

— Однако теперь у нас есть кое-что! — возразил Близзард.— Этого вы отрицать не можете. При всем этом мы работаем только два дня.

— Да, конечно,— согласился Мюррей, хотя и без особого убеждения.

— Сначала я тоже беспокоился из-за этого,— после паузы добавил Близзард.— Но, судя по всему, дело идет неплохо. Именно поэтому я не старался привлечь сюда Флита. Флит тщательно выбирает себе роли. Даже призыв Дельгадо не заставил его играть неопределенную роль.

Мюррей медленно кивнул.

— Послушайте, Сэм, я должен кое-что спросить у вас. Я постоянно раздумываю над этим вопросом, но теперь все же должен получить на него ответ. Вы много раз упоминали о личном своеобразии работы Дельгадо. Ну, может быть, он запер нас здесь затем, чтобы мы почти взорвались здесь, а потом он перенесет наши крики на сцену?

Близзард ответил не сразу. Потом, задал встречный вопрос:

— Почему вы так думаете, Мюррей?

— По двум причинам, Сэм. Дельгадо с самого начала подчеркнул, что он особое значение придает

тому, чтобы его артисты идентифицировали себя с героями пьесы. И я не понимаю, почему вы собрали здесь именно этих актеров. Я и алкоголь. Гарри и героин. Эд и милые маленькие мальчики. Констант, который видит в этом шанс снова попасть в Вест-Энд — свой самый значительный и серьезный шанс. Знаменитые люди, которым нелегко отказаться от прошлого, идущие к вам, потому что это их последняя возможность сделать карьеру.

— Вы в любое время можете уехать на своей машине туда, куда вам нужно,— обиженно заверил его Близзард.— Теперь вы верите, что мы никого здесь не запираем?

Мюррей кивнул и встал.

— Именно это я и намереваюсь сделать,— сказал он.— Дождь уже кончился. Свежий воздух мне, конечно, не повредит.

Он уже был в прихожей, когда вспомнил, что Близзард, собственно, не ответил на его вопрос. Он подумал, не стоит ли ему вернуться и спросить снова, когда из обеденного зала внезапно появился Валентайн.

— Вы хотите выйти, мистер Дуглас? — вежливо спросил он.

— Вас это касается? — спросил Мюррей в ответ.

— Мистер Близзард приказал запирать главные ворота после одиннадцати часов, сэр. Но если вы хотите, я, конечно, распоряжусь, чтоб для вашего автомобиля они были открыты и дольше.

— Нет, спасибо, этого не нужно.— Мюррей слегка покачал головой.— Я пока останусь здесь.

— Очень хорошо, сэр.— Валентайн чуть наклонил голову и вышел.

— Валентайн! — крикнул Мюррей ему вслед. Тот обернулся.

— Да, мистер Дуглас?

— Сделайте мне небольшое одолжение. Не говорите все время: «Мистер Близзард приказал мне». Я, так же как и вы, хорошо знаю, что все приказы и распоряжения здесь отдает Дельгадо.

— Я... я не знаю, что вы имеете в виду, сэр.— Удивление Валентайна было великолепно разыгранным, но ни в коем случае не настоящим.

— Вы уже очень давно получаете такие приказы, не так ли? — Мюррей отвернулся и медленно поднялся по лестнице. Когда, стоя наверху, он оглянулся еще раз, Валентайн уже исчез.

В своей комнате Мюррей проделал свой ежевечерний ритуал: прежде чем лечь в постель, он вытащил из своего матраса двадцатиметровую проволоку и, смотав ее в клубок, положил в пепельницу.

11

— О'кей, теперь мы сделаем короткую паузу и снова повторим... ага... от десяти до двух.

— Он сказал «пауза»,— громко пошептала Ида.— После этого мне нужен долгий отдых! Фу-у!

Мюррей глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Он отметил этот день в своей памяти. *Четверг. Сэм Близзард впервые сделал паузу; до сих пор только Дельгадо принимал такие решения. Мы распределили роли и хорошо продвинулись вперед. Гарри уже делает наброски декораций.*

Он внезапно перестал перечислять положительные стороны. Он увидел в последнем ряду призрачную фигуру.

Хитер. Великий Боже, у нее еще нет роли. Она сегодня до обеда еще ни разу не поднялась на сцену.

Адриан Гарднер и Ретт Лэтем пошли к дверям впереди него; оба они были так увлечены спором, что бросили на девушку только быстрый взгляд. Мюррей остановился перед ней.

— Хелло,— сказал он.— Где вы прячетесь?

Она принужденно улыбнулась, подняла правую руку и показала ему пятно краски на своем пуловере.

— О, я помогала Гарри.

Это была только полуправда. Хитер плакала, это выдавали ее покрасневшие глаза. Мюррей заметил, что до сих пор еще никто не сделал попытки заставить девушку принять участие в дискуссиях и репетиции — даже Ида, которой Хитер так нравилась.

— Почему? — спросил он.

— Ну... вы же знаете! — Хитер криво улыбнулась.— В данное время я лишняя.

— Но вы же член нашей труппы, не так ли? Вы должны быть заметной, а не оставаться на заднем плане. Если Гарри нужна помощь, он должен об этом сообщить.

— Мне очень жаль, я не хотела... — Она испуганно осмотрелась.

— О Великий Боже! — пробормотал Мюррей.— Я не хотел ни в чем упрекать вас. Я задумал это только как добрый совет. Идемте, мы отправляемся на обед.

— Спасибо, я не голодна. Я лучше пойду немного погуляю.

— Неплохая идея,— согласился Мюррей.— Знаете что? Мы убьем одним выстрелом двух зайцев и перекусим чего-нибудь в ближайшем пабе. У нас сорок

пять минут. Атмосфера здесь постепенно начинает меня угнетать.

Лицо Хитер посветлело.

— О, это будет чудесно! Но я не хочу быть вам в тягость!

Мюррей, смеясь, взял ее за руку. У выхода их остановила Ида.

— Ага! — сказала она.— Я не помешала вам? Идемте обедать, Хитер?

— Нет... — Девушка смущенно уставилась в пол.— Мюррей предложил поехать и перекусить чего-нибудь в ближайшем пабе.

— Вероятно, вы поедете в его двухместной машине.— Ида откинула голову.— Примите во внимание мой совет, моя дорогая. Разве вы не знаете, чем кончали женщины Мюррея?

Мюррей сжал кулаки.

— Если бы ты была мужчиной, я бы сейчас побил тебя, Ида,— громко сказал он.— Но теперь этим ничего не достигнешь, не так ли?

Ида не ответила. Она, очевидно, поняла, что перегнула палку. Вместо того чтобы сказать что-нибудь еще, она молча прошла мимо Мюррея и исчезла.

Когда Мюррей забрал из своей комнаты ключи от машины и снова спустился вниз, он увидел, что Хитер над чем-то задумалась.

— Мюррей, можно мне кое-что спросить у вас?

Он знал, какой вопрос она хотела задать ему, но кивнул, придерживая дверь для Хитер.

— Что имела в виду Ида?

— Ида — зловредная женщина,— пробурчал он.— Не все, что она говорит, можно принимать за чистую монету.

— Но... — Хитер прикусила нижнюю губу.— Мюррей, я не хочу быть любопытной. Но я заметила, что

замечание Иды задело вас, и я не хочу вас ранить, не хочу. Вы знаете, что я имею в виду?

Он ответил не сразу, придерживая автоматическую дверь. Хитер ответила на его взгляд. Мюррей опустился на сиденье водителя, вставил ключ зажигания в замок и уставился на приборный щиток. Наконец он пожал плечами.

— Дело это давнее, и в нем нет никакой тайны. Весь Лондон знает об этом.— Он глубоко вдохнул.— Моя жена сошла с ума. Однажды вечером, когда я был на сцене, она сбежала от меня. Двумя неделями позже полицейский патруль обнаружил ее в борделе в Поплере. К счастью, по крайней мере, она назвалась вымышленным именем. Затем ее поместили в больницу для душевнобольных, которую она уже больше не покидала. Вы удовлетворены?

— О! — Хитер уставилась на него.— Я этого не знала, Мюррей. Поэтому вы?..

— Нет, я начал пить, чтобы успокоить свою совесть.— Мюррей завел мотор.— Я должен был своевременно направить свою жену к психиатру; может быть, теперь она была бы уже здорова.— Он тронул машину с места.— А теперь давайте сменим тему.

В пять часов пополудни Мюррей был даже благодарен ей за то, что она воспользовалась этой возможностью для разговора. Старая горечь, снова поднявшаяся в нем, теперь помогла ему играть его роль. Гарри Гардинг во время этой паузы составил вместе четыре экрана, стол и стулья и сделал набросок декораций в двух плоскостях. Он был с ног до головы заляпан краской, но, несмотря на это, находился в хорошем расположении духа; его подобревший голос озадачил

Мюррея, потому что Гарри с вечера понедельника не получал героина.

Мюррей знал, что он и остальные играли хорошо, когда закончилась последняя репетиция первой сцены. Он даже ожидал похвалы от Дельгадо, потому что все они играли с гораздо большим подъемом, чем раньше. Но когда Близзард повернулся к Дельгадо и бросил на него вопросительный взгляд, автор отреагировал совершенно неожиданным образом.

— Так, теперь мы покончим с этой бессмыслицей!

— Что? — Все непонимающе уставились на Дельгадо. Близзард первый обрел дар речи:

— Мануэль, что это должно значить?

Дельгадо внешне остался равнодушным, но голос выдал его возбуждение.

— Я сказал, что мы должны прекратить все это. Эта бессмыслица у меня уже вот где. Теперь вы приблизительно знаете, чего я хочу, и завтра мы начнем собственно пьесу.

— Минуточку! — Близзард встал. Другие еще молчали, потому что они заметили, что Близзард хочет высказать то, о чем они все думают.— Мануэль, не можете же вы просто так отбросить работу всей прошедшей недели, когда все уже пошло на лад!

— Вы так думаете? — Дельгадо презрительно махнул рукой.— Действительно, не стоит поднимать этот вопрос. Мюррей Дуглас, которого вы мне так усердно рекламировали, разрушает нам все — он не актер, а дешевый бродячий комедиант.

— Эй, это проклятая ложь! — Ида неожиданно ко всеобщему удивлению пришла Мюррею на помощь. Она выступила вперед и остановилась перед Дельгадо.— Каждый знает, что я никогда не была влюблена в Мюррея, но до сих пор он играл великолепно, это вы сами должны были заметить. Итак, что вы называете

бессмыслицей? Вы намеренно хотите восстановить нас друг против друга?

— Вы относительно лояльны,— холодно заверил Дельгадо.— Как только вы завтра отдохнете, мы, может быть, сможем заняться серьезной работой. А теперь... Черри, рукопись, пожалуйста.

Девушка подала ему толстый скоросшиватель, содержащий набросок театральной пьесы.

— Так! — сказал Дельгадо и встал.— Сейчас вы увидите, что я считаю серьезным.

Он взял скоросшиватель, содержащий около сотни листов, в обе руки, разорвал его без видимого напряжения, сложил обе половинки вместе и разорвал еще раз. Остальные удивились невероятной физической силе, которую он при этом проявил.

— Репетиция закончена. Вы можете идти,— добавил Дельгадо и пошел по сцене к выходу.

Близзард поспешил вслед за ним. Мюррей осмотрелся.

— Кто-нибудь может дать мне сигарету? — спросил он.

— Вы думаете, что он сказал это серьезно? — нервно осведомился Адриан и протянул ему свою пачку.

— Конечно, он сказал это серьезно,— пробурчал Мюррей.— И никто из нас не может позволить себе плюнуть ему под ноги и уехать отсюда.— Он раскурил сигарету и глубоко затянулся.

12

Другие пораженно молчали. Мюррей непонимающе осмотрелся. На всех лицах было одно и то же недоверчивое выражение.

— Плюнуть Дельгадо под ноги и уехать? — наконец повторил Констант Байнес.— Послушайте, Мюррей, только потому, что он упрекнул вас, вам не нужно было так возбуждаться.

Мюррей смущенно покачал головой.

— Минутку! Что все это значит? Только потому, что этот идиот Дельгадо...

— Не наскакивайте на него,— прервал его Констант.— Я это все уже слышал. Несмотря на это, остается тот факт, что мы все должны начать сначала, потому что ваша работа ему не понравилась. Это так?

Джесс Отен захлопнул крышку рояля, вскочил на ноги и пошел к выходу. Лестер Харкэм, опустив плечи, последовал за ним.

— Может быть, он придумает что-нибудь еще? — с надеждой сказал Адриан.— Мы же так хорошо продвигались вперед. Вероятно, ему хотелось нас шокировать.

— Чушь, Эд,— пробормотала Ида.— Парень сошел с ума, насчет этого у нас не должно быть никаких иллюзий.

— Мне только хочется знать, почему вы стоите на стороне Мюррея? — спросил Констант.— Вы храбро защищали его, но Дельгадо легче судить о его поведении, потому что он смотрел сразу на всех нас вон оттуда.— Он указал на кресло.

— Я... мне очень понравилась эта сцена,— неуверенно произнесла Хитер из третьего ряда.— Я не знаю, в чем здесь Дельгадо нашел недостаток.

— Не вмешивайтесь, Хитер! — потребовал Констант.— Вы до сих пор не приняли в этом никакого участия, поэтому вы не должны открывать рта, понятно?

— Констант прав,— подтвердил Ретт Лэтем.— Дельгадо, конечно, останется при своем решении, и мы

напрасно потеряли целую неделю, потому что игра Мюррея его не удовлетворила.

Другие не говорили ничего, теперь они наблюдали за Гарри Гардингом, который появился на сцене, достал из кармана нож и разрезал наброски, которые он с такой гордостью сделал несколько часов назад. Потом он молча спрыгнул со сцены и побежал к выходу.

— Ну, хоть один из вас воспринял это серьезно,— сказал Эл Уилкинсон.— Ретт, теперь нам лучше исчезнуть.

— Хорошая идея!

Сцена быстро опустела. Только Ида все еще оставалась здесь, словно хотела подбодрить Мюррея; однако потом она пожала плечами и тоже ушла. Она увела с собой Хитер. Мюррей остался один.

Ведь он же предсказывал, что клуб превратится в сумасшедший дом. Не было ли лучших методов, чтобы достигнуть этой же цели? Это все было ужасным, но завтра станет еще хуже, если Дельгадо сдержит свое слово и все начнет с начала.

Мюррей прошел мимо ряда, в котором сидела Хитер. Там он заметил что-то белое. Носовой платок, который упал под кресло. Он поднял его. Платок был мокр от слез.

Бедная малышка. Почему Близзард пригласил ее, если ей не хотели давать никакой роли? Можно почти поверить, что Хитер была предназначена для Иды, как героин в комнате Гарри, который был подложен театральному художнику.

В это мгновение он услышал, что дверь комнаты над ним заперли на ключ, и этот звук встревожил его.

Гарри рассказывал ему, что его комната находится прямо над театром, это была дверь комнаты Гарри.

— Великий Боже! — сказал Мюррей и побежал к выходу.

Молодой художник не ответил, когда некоторое время спустя Мюррей постучал в его дверь. Она была заперта. Мюррей поспешил в свою комнату, заглянул за штору и облегченно вздохнул, увидев там стакан. Он все еще был полон до краев. Мюррей снова задернул штору и медленно повернулся.

Неприятное чувство усилилось. Он вышел в коридор, приложил ухо к двери Гарри и затаил дыхание.

Звон металла о металл или стекла о металл. Была отломлена головка ампулы. Мюррей испугался, представив себе, что сейчас происходит за дверью.

— Гарри! — громко крикнул он.— Гарри, оставьте это! Слышите? Перестаньте!

Ему не ответили, но снова послышался звон. Мюррей забарабанил кулаками по двери.

— Что все это значит? — спросил Констант позади него. Он вышел из комнаты номер 11.

— Помогите мне взломать дверь! — потребовал Мюррей.

— Вы сошли с ума? — Констант поднял брови.

— Помогите мне, вы, идиот! Там Гарри, он вводит себе героин, а он сказал, что может ввести себе слишком большую дозу, если первая покажется ему недостаточной. Вы хотите подождать, пока он умрет?

Констант побледнел. Он молча встал около Мюррея.

— О'кей, давайте плечами,— сказал ему Мюррей.— На три... раз, два, три!

Они одновременно бросились на дверь; запор поддался и вылетел из дверного косяка. Гарри медленно отвернулся от стола, на котором лежало его оборудование: эмалированная миска, в которой находился шприц для инъекций, стакан с белым порошком — такой же, как и тот, который он передал Мюррею на сохранение, и маленькая спиртовка. Он держал чайную ложку с загнутой ручкой в правой руке; его левая рука

была обнажена до самого плеча, и Мюррей увидел, что Гарри перетянул руку своим галстуком.

Потом Мюррей схватил чайную ложку, вылил несколько капель жидкости, находящейся в ней и уложил человека, впавшего в истерику, на кровать. Гарри отчаянно защищался, но сила двух мужчин превосходила его силу; он наконец сдался и теперь уже лежал тихо.

— Итак, это, должно быть, был второй шприц,— констатировал Мюррей. Он указал на красную точку на руке Гарри.

— Черт бы побрал вас обоих,— прошептал Гарри.— Исчезните! Да исчезните же!

— Не сейчас.— Мюррей отвернулся и взял стакан.— Констант обыщите все. Может быть, он спрятал здесь еще несколько стаканов этого зелья.

— Разве этого недостаточно? — спросил Констант, бросив взгляд на стакан.— О Боже, я еще никогда не видел столько наркотика.

— Он передал мне на сохранение стакан точно таких же размеров. Там, где есть два, может быть и дюжина. Да ищите же наконец!

— Исчезните! — потребовал Гарри. Он безвольно лежал на спине, сильно вспотев.

Констант повернулся и стал обыскивать комнату. Сам Мюррей заглянул в каждое укромное местечко, какое только мог вспомнить. Но они оба не нашли ничего. Гарри тем временем заснул; первый шприц начал действовать, и он теперь будет спокойно спать около часа.

— О'кей,— произнес Мюррей,— теперь с ним ничего не случится. Но мы возьмем это зелье с собой, пока он спит.— Он поднял с пола чайную ложку, положил ее в миску около шприца и задул спиртовку.

Констант кивнул и молча вышел вслед за ним в коридор. Он, казалось, подыскивал слова. Потом он откашлялся.

— Э... Мюррей, я должен извиниться перед вами. Я действительно не знаю, почему вы так не понравились Дельгадо. Но я должен держать язык за зубами.

— Очень хорошо,— сказал Мюррей.

Констант с трудом сглотнул. Он уставился на стакан в руке Мюррея.

— Вы спасли Гарри жизнь, не так ли?

— Может быть,— ответил Мюррей.— Весьма вероятно. Это зелье химически чистое, и Гарри сам знает, насколько оно опасно.

— Но откуда оно у него здесь? — спросил Констант.— Он никогда бы не смог получить такого количества! Я сам не разбираюсь в этом,— быстро добавил он,— но слышал, сколько за это платили другие люди.

Мюррей хотел уже ответить, когда кое-что в комнате Константа бросилось ему в глаза. Возле кровати на ночном столике лежала книга.

— Можно мне посмотреть? — спросил он и вошел в комнату, не ожидая ответа. Он отставил в сторону вещи Гарри и взял книгу в руки. Титул гласил: "Жюстина", сочинение маркиза де Сада, заново переведенное на английский Алджерноном Чарльзом Суинберном. Сто иллюстраций различных художников. Личное издание. Лондон. 1892 год».

Констант покраснел и слабо махнул рукой.

— Это не мое — я нашел это здесь. Я даже не знал, что это существует. Некоторые иллюстрации напоминают Бердслея.

Мюррей полистал книгу, отложил ее и бросил взгляд на названия книг, стоящих на полке. Он увидел

«Жюльетту», «Сто двадцать дней Содома», «Розовое распятие» Миллера, великолепное издание «Фанни Хилл» и добрую дюжину других книг подобного же сорта и на эту же тему.

— Я... э... — Констант с трудом сглотнул.— Я могу дать вам парочку из них, если хотите.

— Нет, большое спасибо.— Мюррей выпрямился.— Мне достаточно трудной борьбы со своими собственными слабостями.

— Не будьте так высокомерны, Мюррей! Не надо!

— Мне очень жаль.— Мюррей снова взял миску и стакан.— Вы хотите знать, откуда у Гарри героин? Он нашел его в своей комнате, как вы ваши книги нашли здесь. Как я обнаружил достаточное количество алкоголя, чтобы свести на нет все лечение. Вы знаете, что я думаю, Констант? У Дельгадо в голове не мозги, а сплошные овраги и рытвины.

13

Мюррей спрятал стакан с героином и миску со шприцем за шторой в своей комнате. Он не нашел никакого более надежного тайника. Затем удрученно покачал головой, когда понял, что уже утром слуга отнесет в комнату Гарри новый стакан с героином и новый шприц.

Он зажег сигарету и стал ходить по комнате взад и вперед. Это уже произошло. Все другие возможности были исключены. Сам Гарри никогда бы не смог достать такое количество героина. Это зелье поставлялось ему бесплатно.

Мюррей был убежден в том, что все это была идея Дельгадо. Его «способ работы» — в чем же он собствен-

но состоял? Он хотел свести с ума актеров? Мюррей впервые задумался, нужно ли ему попытаться установить контакт с актерами, которые играли с ним в «Три раза за раз»?

И несмотря на это, несколько членов труппы отреагировали, когда Дельгадо щелкнул кнутом. Мюррей подумал о Константе; позже тот перед ним извинился, но только после того, как увидел опасность, грозящую жизни Гарри. Даже Адриан, обладающий огромным сценическим опытом, не стал протестовать. Только Ида была готова к этому, и Хитер, но ее мнение не принималось в расчет...

Мюррей яростно погасил сигарету и подошел к своей постели. Он каждый вечер автоматически удалял проволоку, чтобы на следующий вечер найти ее на том же месте. Теперь он снова обнаружил ее в своем матрасе, но не удовлетворился тем, что вытянул всю проволоку. Помимо этого он открыл крышку, снял с магнитофона катушки и выбросил их в окно одну за другой.

Потом он облегченно вздохнул. Этот жест был довольно ребяческим, но он успокоил его. Он закурил новую сигарету и задумался.

Если завтра утром Мюррей не выяснит, что Дельгадо, собственно, намеревается сделать, пусть он катится к чертям. Тогда ненависть остальных разразится над ним со всей силой. Вероятно, это серьезно повредит дальнейшей работе. Но Мюррей подозревал, что Дельгадо не слишком беспокоится об этом.

Итак, что же ему нужно вообще? Мюррею пришло в голову, что Дельгадо не придает никакого значения тому, чтобы довести до конца запланированную пьесу. Может быть, он тоже один из персонажей книг Константа и находит удовольствие в том, чтобы мучить других? Очевидно, аргентинский мультимиллиардер

предоставил в его распоряжение неограниченные средства, иначе он, конечно, не стал бы бросать на ветер такую уйму сил и денег.

Нет, эта идея была абсурдной. Дельгадо снял фильм, получивший признание всех критиков. В Париже прошла театральная пьеса с Гаррижо в главной роли, и она имела огромный успех...

На этом месте Мюррей снова вспомнил, что сказал ему Роджер Грэди:

— Почему Гаррижо покончил жизнь самоубийством? Почему Леа Мартинес попала в клинику для душевнобольных? Почему Клодета Мирин пыталась убить свою маленькую дочку?

На следующий год и еще через год Роджер будет говорить совсем другое.

— Почему Мюррей Дуглас снова начал пить? Почему Гарри Гардинг принял слишком большую дозу героина? Почему?..

Нет.

Мюррей почувствовал, что его прошиб пот. Руки его дрожали. Он снова сконцентрировался непосредственно на проблеме. Что-то в этом деле скверно пахло. Не было никаких разумных оснований для того, чтобы Дельгадо вдруг перестал нравиться весь ход подготовки; он, очевидно, был рассержен только на Мюррея и таким образом хотел отомстить ему. Мюррей однажды дал ему повод для этого, когда спросил о магнитофонах.

Мюррей хотел еще раз исследовать эту возможность. Он не имел никакого представления, что его может ожидать, но он должен был в конце концов что-то сделать и не видел никакой другой возможности.

Итак, с чего же ему начать? Он зажег сигарету и задумчиво уставился на стену за телевизором, которая отделяла его комнату от комнаты номер 13. Теперь кабель был закреплен,— он уже проверил это — так что

он этим уже не мог причинить никакого вреда. И дверь в комнату номер 13 всегда была заперта. Он в этом убедился.

Но потом он вспомнил кое о чем...

Мюррей подошел к окну, открыл его и выглянул наружу. Если комната Гарри находится прямо над театром, то комната номер 13 находится прямо над сценой. Он подумал, сможет ли отсюда добраться до окна соседней комнаты, однако отказался от своего намерения, потому что у него не было никаких навыков карабкаться по фасадам. Кроме того, окно наверняка было плотно закрыто.

Он спустился вниз.

Он подошел к сцене, включил свет в театральном зале. Затем посмотрел наверх, не понимая, что же он, собственно, ищет. Пространство над сценой было темным, и Мюррею пришлось напрячь зрение, чтобы вообще что-нибудь различить. Тогда он кое-что заметил.

Над сценой, казалось, висело нечто вроде металлической решетки.

Он осмотрелся: на заднем плане стояли стулья и стол, которые притащил сюда Гарри. Если он поставит один из стульев на стол, то сможет коснуться рукой этой решетки.

Мюррей вскарабкался на стул. Теперь решетка была прямо над ним. Он не стал касаться ее, а достал из кармана спички и осветил ими медные прутья решетки, узор которых напоминал ему проволочное переплетение в его матрасе. Эта решетка, казалось, протянулась над всей сценой, насколько это можно было различить в темноте...

— Что вы нашли здесь интересного, Мюррей?

Мюррей вздрогнул и чуть было не свалился со стула, но в последнее мгновение схватился за решетку. Под ним на краю сцены стоял Дельгадо. Его бледное лицо было искажено от ярости, но голос его звучал как обычно.

Мюррей глубоко вздохнул, потом ответил:

— Если вы этого не знаете, Дельгадо, то этого здесь, конечно, больше не знает никто.

Дельгадо отступил на полшага, словно его ударили.

— Сейчас же спускайтесь, Мюррей,— резко приказал он.— Вы своим любопытством уже причинили достаточно вреда!

Мюррей поднял брови. Он чувствовал себя уверенно, потому что видел: Дельгадо напуган.

— О'кей, мы пойдем на компромисс,— предложил он.— Вы расскажете мне, для чего здесь эта штука, и я не буду больше ничего вынюхивать. Но на этот раз это должна быть правда.

Дельгадо ответил не сразу; он прошел по сцене, положил руку на стол, на котором стоял стул Мюррея.

— А теперь спускайтесь, или мне следует вас стащить? Не думаете же вы, что я не смогу этого сделать?

Мюррей вспомнил о том, как Дельгадо без видимого напряжения одним движением разорвал сотню листов бумаги; если он в состоянии был сделать это, он так же может опрокинуть и стол. У Мюррея не оставалось выбора: он должен был подчиниться.

Дельгадо отступил назад, наблюдая за тем, как Мюррей спрыгнул на сцену.

— Вы постоянно надоедаете мне, Мюррей,— сказал он.— Вы, по-видимому, стараетесь вести себя как можно неприятнее, вместо того чтобы признать, что вы здесь удобно размещены, вам великолепно платят и еще

предоставили возможность работать над совершенно новым проектом, это...

— Вы сами сочинили эту речь? — прервал его Мюррей.— Или это тоже коллективная импровизация?

Дельгадо слегка вздрогнул, и Мюррей довольно улыбнулся, увидев, какое неожиданное действие произвел его вопрос.

— Что вы делаете здесь, Мюррей? — снова спросил Дельгадо.— Почему вы разрушаете дело, которое принадлежит не вам? Почему вы намеренно доставляете мне неприятности?

— Потому что вы неумелый лжец и плохой актер, Дельгадо,— ответил Мюррей.— Я не верю, что вам действительно нужна ваша пьеса. Вы, очевидно, убедили Сэма Близзарда в том, что вы гений, и вы, конечно, достаточно талантливы, чтобы самому написать хорошую пьесу. Но вы не можете рассчитывать на то, что угрозами и принуждением заставите меня беспрекословно подчиняться вашим требованиям и не задавать никаких лишних вопросов! Вы можете дать Гарри героин, а Константу его грязные книжонки; может быть, вы воображаете, что оказываете им этим услугу и они будут вам за это благодарны? Но я не позволю ставить себя на их место! Если вы попробуете на мне свои трюки, не сказав всей правды, мне придется самому выяснить ее. Это вам понятно?

Дельгадо внимательно слушал его. Причем он, казалось, снова обрел самоуверенность, потому что он коротко улыбнулся, и у Мюррея пробежал холодок по спине.

— Вы не очень уверены в своих подозрениях, так? — спросил он, улыбаясь.— Вы должны говорить вслух, чтобы обрести мужество. Вы боитесь, потому что здесь происходит нечто, чего вы не понимаете. У вас ощущение, что вы упустили какие-то важные доказа-

тельства, и эта мысль пугает вас. Поэтому вы разрушаете все. Вы не можете позволить себе просто вернуться в Лондон, а, разрушая что-то, вы доказываете самому себе, что вы достаточно сильны. И вы пытаетесь взвалить вину на меня, потому что вы не рассчитывали на отказ.

— Все те же методы,— презрительно ответил Мюррей.— Вы хотите уклониться от моих вопросов, вы оскорбляете меня и надеетесь, что я из-за своего темперамента сорвусь. Но со мной этого не произойдет ни в коем случае. Вы что-то намеревались сделать, используя театральную постановку как предлог. Вы отрицаете этот факт, а я постараюсь доказать это.

— Вы упрямы,— сказал Дельгадо,— но я знаю, что я делаю, а вы этого не знаете. Мне не нужно спрашивать, кто будет побежден в этом состязании. Хорошо, как хотите. Вас выставят, если ваши коллеги заметят, что вы намеренно препятствуете нашей работе. Однако должен заметить, что я могу выгнать и вас, и всех остальных.

Он коротко усмехнулся.

— И вы ничего не сможете поделать. Я ваша последняя надежда, Мюррей.

14

Моя голова? О Боже, моя голова!

Мюррей с трудом освободился из когтей кошмара. У него дико болела голова, и череп, казалось, вот-вот взорвется. Ему было плохо, горло болело, когда он пытался сглотнуть. Все небо, казалось, поросло жесткими волосами.

Мюррей скомбинировал все ощущения в одно целое и испугался. Он бросил взгляд на окно и увидел, что еще рано. Через окно в комнату падал серый свет рассвета. Мюррей лежал на измятой постели. Он принюхался к странному запаху сигарет, и ему показалось, что он узнает другой запах, который был также силен.

Он обернулся. Теперь он больше не мог лгать самому себе.

На ночном столике стояла не только переполненная пепельница. Возле нее лежал опрокинутый стакан, который давно упал бы на пол и разбился бы, если бы не окурок сигареты, который удержал его.

Содержимое стакана забрызгало постель и пол. Мюррею не нужно было принюхиваться к запаху этой жидкости, чтобы понять, что это был джин. Он увидел пустую бутылку, лежавшую у его постели.

Но это же неправда! Боже, сделай так, чтобы это не было правдой!

Мюррей выпрямился и увидел вторую бутылку, стоявшую под раковиной. Он спустил ноги на коврик около кровати и прижал обе руки к лицу.

Вчера вечером... Что произошло вчера вечером? Он ничего не мог вспомнить об этом. Он встал, подошел к раковине и сунул голову под струю холодной воды. Если он и напился вчера, то теперь снова стал думать четко и ясно.

— Так,— громко сказал он.— Я этому не верю.

Все это казалось ему декорацией. Гарри Гардинг мог получить такое задание: создать впечатление, что живущий в этой комнате — алкоголик. Все это казалось ему очень театральным.

Это Дельгадо сыграл с ним злую шутку?

Мюррей был убежден в том, что он не выпил прошлым вечером ни капли алкоголя.

Он ухватился за это убеждение, хотя память играла с ним злые шутки. Ничто не могло заставить его снова сделать это — ни упреки Дельгадо, ни настойчивые приглашения его коллег. Ничто!

Теперь Мюррей знал, что кто-то почему-то пытается создать у него фальшивое впечатление. Но, как ни странно, теперь он больше не чувствовал головной боли и дурноты, от которых он только что страдал. Иллюзия?

Смешно, но...

Он облегченно вздохнул, заметив, что даже скверное ощущение во рту и то исчезло. И все же была еще одна возможность, которой он боялся,— что, если кто-то ввел ему алкоголь внутривенно?

Сон? Ему могло присниться все, но только не бутылка из-под джина и стакан.

Потом он заметил еще кое-что. Он поднял матрас и с удивлением заметил, что катушки магнитофона, которые он выбросил вечером в окно, снова были в порядке, и связь между матрасом и магнитофоном опять была восстановлена.

Мюррей взглянул на свои часы. Не было еще и семи. Он напряженно задумался. Нужен был врач, который может исследовать его кровь.

Да, это было единственное подходящее решение. Если он будет уверен, что в крови его нет никакого алкоголя, он сможет...

Мюррей быстро оделся и покинул свою комнату. В то же мгновение из комнаты номер 13 вышел Валентайн. Он так быстро закрыл дверь, что у Мюррея не было никакой возможности заглянуть в таинственную комнату.

— Доброе утро, мистер Дуглас,— сказал Валентайн.

Мюррей пробормотал проклятье и поспешил дальше.

— Мистер Дуглас! — крикнул ему вслед Валентайн.— Вы хотите выйти?

— А какое вам до этого дело? — спросил Мюррей.

— Я хотел вам только сказать, что наружная дверь в это время еще заперта.

Мюррей остановился и оглянулся. Он уставился на Валентайна.

— Тогда немедленно откройте ее! — потребовал он.

— Я получил указание от мистера Близзарда, сэр. Дверь должна быть заперта до восьми часов, а сейчас нет еще и семи. Так?

— Мы здесь в заключении?

Валентайн пожал плечами.

— Мистер Близзард настаивал на этом, сэр. Я его никогда не спрашивал, почему.

— Хорошо, я сейчас сам спрошу его. В какой комнате он спит?

— Я не думаю, что он будет доволен, если вы его разбудите. Он встает много позже...

Мюррей глубоко вдохнул воздух.

— Близзард! — проревел он.— Близзард, где вы прячетесь?

Он обеими кулаками забарабанил в ближайшую дверь.

— Близзард, выходите!

— Убирайтесь к черту! — ответил голос Ретта Лэтема.

Мюррей перешел от этой двери к следующей и снова позвал Близзарда. Появился один из слуг и, как и Валентайн, хотел запротестовать.

— Отцепитесь от меня,— потребовал Мюррей,— или я спущу вас с лестницы, понятно? Близзард!

Одна из дверей открылась. На пороге появился Сэм Близзард. На нем был халат. Он протер заспанные глаза и зевнул.

— Мюррей, что значат эти вопли?

— Мы здесь в тюрьме? — коротко спросил Мюррей.— Валентайн и его черное воронье — наши конвоиры? Этот негодяй пытался рассказать мне, что он не должен отпирать мне дверь!

— Что же вы хотите от меня? — сердито осведомился Близзард.— Почему вы зовете меня?

— Итак, значит это не вы приказали отпирать эту дверь только в восемь часов? — Мюррей сжал кулаки.

— Великий Боже, конечно, нет! Мне что, пусть они всегда будут открыты. Что вам вообще надо сейчас вне дома?

Мюррей игнорировал вопрос Близзарда.

Он повернулся к Валентайну.

— Что вы теперь скажете? — осведомился он.

Валентайн даже бровью не повел.

— Мне очень жаль, мистер Близзард,— сказал он,— Я не думал, что мистер Дуглас разбудит вас. Он вел себя странно, и я решил, что ему лучше не покидать дома. Таким образом я хотел удержать его. Он ездит на быстрой машине, и в таком нервном состоянии...

Открылась следующая дверь в направлении лестницы, и появился Дельгадо. На нем был темно-красный халат, волосы его были причесаны, и он не выглядел заспанным.

— Что значит этот шум? — спокойно осведомился он.

— О... Доброе утро, Мануэль.— Близзард потер подбородок.— Я еще не совсем разобрался во всем этом. Мюррей хотел выйти, а Валентайн солгал ему, что он должен открывать дверь только после восьми часов. Будто бы я отдал такой приказ, но я ничего об этом не знаю.

Разочарование? Страх? Озабоченность? Что-то быстро промелькнуло по бледному лицу, но голос остался неизменно спокойным.

— Валентайн, очевидно, ошибся. Это я предложил запирать дверь на ночь. В доме имеется достаточное количество вещей, которые могут привлечь внимание взломщиков, например запасы спиртного в баре.

— Мне очень жаль, мистер Дельгадо.— Валентайн виновато уставился в пол.— Я забыл, что это указание дали мне вы.

— Хорошо, а теперь прикажите ему выпустить меня! — вмешался Мюррей.

Дельгадо бросил на него испытующий взгляд.

— Вы кажетесь возбужденным, Мюррей,— сказал он.— Что гонит вас из дому в такую рань?

— Я хочу... Сэм, отметьте это, потому что потом это, несомненно, будет очень важно. Мне нужен врач. Вы знаете почему, Дельгадо.

— Не имею ни малейшего представления,— пробурчал Дельгадо, но на этот раз недовольство было хорошо заметно.

— Еще раз проклятье, Мюррей! — Близзард выступил на шаг вперед.— Почему вы сразу не сказали, что больны? Мы договорились с одним врачом, и он в случае необходимости поможет вам. Он может приехать сюда за полчаса.

— Врач, предложенный Дельгадо? — спросил Мюррей и покачал головой.— Нет, большое спасибо. А теперь я поеду и сам где-нибудь отыщу нужного мне врача. Я не болен, Сэм. Дельгадо может рассказать вам, почему мне нужен врач. Откроют ворота, или нет?

— Сэм, я нахожу, что Мюррей в таком состоянии не... — тихо сказал Дельгадо.

— Ну хорошо! — ответил Мюррей.— В моем «даймлере» есть некоторые...

— Валентайн,— пробурчал Близзард,— откройте же эту проклятую дверь! Я не хочу больше слушать эту чушь. Кто захочет выйти, может выйти в любое время,

понятно? Я говорю совершенно серьезно, Мануэль. Вы уже довольно сильно осложнили нам работу. Давайте, поспешите, Валентайн! А вы не уезжайте надолго, Мюррей. Нам предстоит далеко не легкий день.

Он еще раз глянул на Дельгадо и исчез в своей комнате.

Дельгадо наморщил лоб. Мюррей подумал, что остальные попытаются удержать его, но Дельгадо пожал плечами и отвернулся.

Мюррей вместе с Валентайном спустились вниз, к наружной двери.

15

Валентайн, как статуя, стоял в открытой двери и смотрел вслед Мюррею, который сел в машину, повернул направо и быстро поехал прочь. Мюррею пришлось проехать несколько миль, пока он не достиг ближайшей деревни, в которой было два десятка жилых домов, церковь, паб и два магазинчика. В палисаднике одного из домов работала женщина. Мюррей затормозил.

— Извините, не можете ли вы мне сказать, где здесь можно найти врача? — крикнул он.

— Врача? — проговорила женщина.— Да, конечно! Четырьмя домами дальше на правой стороне дороги.

Мюррей поблагодарил ее.

Тем временем начал моросить дождь. Не обращая на него внимания, Мюррей выскочил из машины и подбежал к двери дома.

На его звонок открыла бледная пожилая женщина.

— Мне надо поговорить с доктором,— сказал Мюррей.— Это очень срочно.

Женщина наморщила лоб.

— О! Доктор Кромарти еще завтракает. Приемные часы начинаются только в...

— Мне все равно! Мне нужно поговорить с ним немедленно! — настаивал Мюррей.

— Речь идет о несчастном случае?

— Нет. Пожалуйста! Я не могу сказать вам этого. Мне только нужен врач. Я заплачу ему любой гонорар.

— О... Ну, вы лучше войдите в дом, мистер...

Хозяйка дома уставилась на него.

— Может быть, вы Мюррей Дуглас?

— Верно,— подтвердил он.

— Входите, мистер Дуглас! Приемная там, внизу. Я сейчас скажу доктору Кромарти, что вы его ожидаете.

Она поспешила прочь. Мюррей не пошел в приемную, а остался стоять в прихожей. Он задумался, как ему убедить врача, но прежде чем он это решил, перед ним появился уже седеющий мужчина, который быстро надел очки и начал внимательно рассматривать его.

— Мистер Дуглас! — сказал врач.— Ага, правда, теперь я узнал вас. Моя домоправительница видит не очень хорошо. Гмм! Пройдемте в кабинет. Скажите, что я могу сделать для вас?

Мюррей последовал за ним. Доктор Кромарти сел на свое место и жестом указал Мюррею на стул.

— Ну, так зачем же вам нужен врач? — спросил он.

— Доктор Кромарти, вы можете определить, содержится в крови алкоголь или нет? — осторожно начал Мюррей.

— Гм, случайно вы попали по нужному адресу, хотя, конечно, в это время дня ваше желание кажется довольно странным.— Кромарти бросил на него изучающий взгляд.— Я делаю такую проверку в основном по поручению полиции, если у них имеется подозрение,

что машиной управлял нетрезвый водитель.— Выражение лица доктора изменилось.— С вами случайно не произошел несчастный случай, мистер Дуглас? Тогда я должен...

— Нет, никакого несчастного случая,— заверил его Мюррей.— Дело объясняется непросто, но я постараюсь сделать это. Я репетирую в труппе нового театрального спектакля в Филдфайр-Хаус...

— А! Действительно жалко, что клуб вынуждены были закрыть. Извините. Дальше, пожалуйста.

Доктор Кромарти откинулся на спинку кресла.

Мюррей немного помедлил. Полуправда, конечно, лучше, чем чистая правда.

— Эта работа для меня много значит, потому что некоторое время я был безработным,— наконец, продолжил он.— Я был на лечении в наркологической клинике.

Кромарти поднял брови.

— Если возникнет подозрение, что я снова начал пить, я потеряю работу. Ну, в нашей труппе есть кое-кто, кому я, несомненно, не нравлюсь, и он сыграл со мной злую шутку. Сегодня я проснулся в своей комнате с бутылкой из-под джина под кроватью, и в комнате воняло, как в кабаке. Поэтому я должен как-то доказать, что, несмотря ни на что, я не пил.

Кромарти, задумавшись, молчал.

— Вы действительно этого не делали? — спросил он наконец.

— Нет! — страстно заверил его Мюррей.

— Гммм.

Кромарти с сомнением покачал головой.

— Мы можем попытаться, мистер Дуглас, но вы, конечно, знаете, что содержание алкоголя в крови достигает наивысшего значения примерно через час после последней выпивки, и что организм некоторых

людей может довольно быстро переработать его. Негативные данные в это время суток будут не особенно достоверными.

— С тех пор я не ходил в туалет,— сказал Мюррей.

Кромарти еще раз покачал головой и поднялся.

— Ну, я проведу исследование, мистер Дуглас, но я не могу ничего обещать.

— Результат негативный, мистер Дуглас.

Мюррею показалось, что он ждал невероятно долго. Когда врач вернулся из своей лаборатории и сообщил ему результаты исследования, он вздрогнул так, что сигарета выпала из его руки. Он нагнулся и снова поднял ее.

— Слава богу,— прошептал он.

— Результат, конечно, не стопроцентный,— добавил доктор Кромарти. Он занял свое место за письменным столом.— Я думаю, что мне нужно выписать свидетельство для вашего продюсера?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо.— Доктор Кромарти начал записывать.— Я лучше напишу, что вы приехали ко мне в половине восьмого, что я по вашей просьбе произвел исследование содержания алкоголя в крови и что результат негативный.

Он быстро кончил писать, свидетельство сунул в конверт и протянул Мюррею, который положил его в свое портмоне.

— Сколько я... — начал он.

Доктор Кромарти предупреждающе поднял руку.

— Я всегда испытываю сочувствие к людям, оказавшимся в вашем положении, мистер Дуглас. Один из моих лучших друзей был алкоголиком, и он не смог,

как вы, добровольно решиться на лечение. Исследование это я сделал для вас бесплатно.

Мюррей поблагодарил его и вышел.

Остальные еще завтракали, когда он вернулся. Мюррей увидел, что в столовой царит напряженная тишина. Близзард и Дельгадо сидели во главе стола и вполголоса о чем-то спорили. Ида и Хитер, сидевшие неподалеку от них, молчали, напряженно прислушиваясь. Адриан Гарднер, Ретт Лэтем и Эл Уилкинсон с угрюмыми лицами сидели на другом конце стола. Когда Мюррей вошел в столовую, все уставились на него, даже Дельгадо.

Мюррей достал свидетельство доктора Кромарти и положил его на стол перед Близзардом.

— О'кей,— громко сказал он.— Вот мое доказательство.

Близзард прочитал свидетельство. Мюррей смотрел на Дельгадо. Автор насмешливо улыбнулся, и самоуверенность Мюррея улетучилась. Он внезапно понял, что должно было произойти.

— Это все прекрасно,— сказал Близзард,— но не потерпели ли вы из-за этого крах, Мюррей?

Мюррей посмотрел на Валентайна, неподвижно стоявшего возле буфета. Затем глубоко вздохнул и медленно сказал:

— Сегодня утром я нашел в своей комнате бутылку из-под джина, опрокинутый стакан и полную бутылку. Это был обычный трюк, и я хочу знать, кто его проделал.

Близзард наморщил лоб.

— Ага! — воскликнул он.— Вы не уверены, действительно ли это был трюк, и поэтому вы поехали на

исследование? — Он указал на свидетельство.— Я тоже того же мнения — это обычный трюк.

Мюррей не смотрел на него. Он не спускал глаз с Дельгадо. Но он не заметил, чтобы автор сделал какой-нибудь знак.

Может быть, они общались как-то иначе? Во всяком случае, Валентайн выступил вперед и сказал:

— Извините, мистер Близзард, но я скорее поверю, что мистер Дуглас видел очень реальный кошмар. Я сам обыскал его комнату, но не нашел ничего подобного.

Дельгадо слегка улыбнулся, и улыбка эта, очевидно, была предназначена только для Мюррея. Однако, прежде чем Мюррей успел возразить, позади него прозвучал звонкий голос:

— Это все наглая ложь!

Присутствовавшие обернулись. Это незаметно подошел Гарри Гардинг.

— Я все слышал,— сказал Гарри,— и я знаю, что Валентайн лжет. Я сегодня утром был в комнате Мюррея, чтобы взять у него... Ну, теперь это не важно. Мне нужно было к нему, но я не получил на свой стук никакого ответа, хотя в комнате кто-то был. Поэтому я стал наблюдать за коридором из своей комнаты и увидел Валентайна, выходившего из двери с бутылками в руках. Я знаю это совершенно точно!

Мюррей облегченно вздохнул.

— Валентайн? — резко спросил Близзард.

Слуга сильно побледнел.

— Я должен извиниться, сэр. Мне было ясно, что мистер Дуглас страдает нехорошим пристрастием к алкоголю. Об этом он сам рассказал мне в первый же день своего прибытия. Я хочу сказать, что хотел помочь ему.

— Сэм, я думаю, что нам нужно поговорить с глазу на глаз,— произнес Дельгадо, отодвинув стул.

— Сидите на месте! — проревел Мюррей.— Мы поговорим в открытую. Сэм, вы слышите? Я утверждаю, что это Дельгадо поместил бутылки в моей комнате. Он сделал это сам или с помощью Валентайна. Когда я поехал к врачу, Дельгадо хотел пойти на попятную и, несмотря на это, надеялся выставить меня дураком и создать впечатление, что я страдаю запоями. Это ему удалось бы, если бы Гарри не посетил меня в нужный момент. Я прав?

Мюррей сначала подумал, что Близзард будет убежден его весомыми аргументами, но продюсер был словно загипнотизирован личностью Дельгадо и остался при своем прежнем мнении.

— Дуглас все переворачивает с ног на голову,— заявил Дельгадо.— Это неожиданное нападение ничуть не удивило меня. Очевидно, он меня больше не выносит с тех пор, как я вчера предложил начать всю пьесу снова, с самого начала. Может быть, он боится работы?

— Этим меня не оскорбить! — пробурчал Мюррей.— Во всяком случае, установлено, что кто-то тайно протащил в мою комнату джин. Эта штука не могла сама появиться там.

— Конечно, нет. Но я считаю, что вы разыграли для всех нас небольшую комедию, чтобы произвести как можно более сильное впечатление на Сэма.

На этот раз возразил сам Близзард.

— Нет, Мануэль, я не могу в это поверить. Но я не хочу устраивать здесь никакой охоты на ведьм.— Он встал.— Идемте, мы должны поговорить с глазу на глаз. Мюррей, вы останетесь здесь и выпьете чашечку кофе, чтобы успокоиться.

— Но...

— Делайте то, что я говорю. Я понимаю ваше возбуждение, но в данный момент я, согласно вашим утверждениям, не особенно хитер. Не бойтесь, я выясню это дело, в этом вы можете на меня положиться.

16

— Я думаю, это бессмыслица.

Ретт Лэтем сделал рукой протестующее движение.

— Я думаю, что вчера вечером Мюррей в своей комнате напился до чертиков, а сегодня утром он внезапно почувствовал угрызения совести.

— Дурак! — резко сказала Ида.— Вы действительно не понимаете, что он потому и поехал к врачу? У Сэма Близзарда в кармане свидетельство, в котором сказано, что Мюррей не пил ни капли.

— Но что может дать исследование спустя такое долгое время? — вмешался Эл Уилкинсон.— Некоторые очень быстро перерабатывают алкоголь, а этот старый пьяница делает это даже быстрее, чем все остальные.

— Я верю Мюррею,— сказала Хитер.— Дельгадо пытается доказать, что Мюррей инсценировал все это. Но почему он это делает?

— Этот спор действует мне на нервы,— мрачно произнес Констант.— Зачем Дельгадо играть с Мюрреем такую шутку? Вот в чем вопрос.

— И я могу вам ответить на него,— сказал ему Мюррей.

— О'кей, я слушаю.

Констант скрестил руки.

— Хорошо, тогда начнем.— Мюррей глубоко вздохнул.— Вчера вы сами сказали, что Дельгадо из-за меня прекратил репетицию, не так ли?

Когда Констант согласно кивнул, Мюррей продолжил:

— Он испытывает ко мне личную антипатию, потому что я обнаружил в наших комнатах аппараты, цель и назначение которых он или не смог, или не захотел объяснить. Я, к примеру, всегда вытаскивал проволоку из матраса, но...

Он сделал паузу, потому что ему показалось, что Хитер хочет что-то сказать, но Адриан Гарднер использовал эту паузу, чтобы воскликнуть:

— Только не надо снова об этих проклятых магнитофонах! Это постепенно становится скучным, Мюррей!

— Верно,— согласился Джесс Отен.

До сих пор он сидел за роялем и упражнялся, не вмешиваясь в разговор. Теперь он встал и приблизился к остальным.

— Речь идет не только о магнитофонах,— сказал Мюррей.— Телевизоры тоже перестроены и соединены кабелями с таинственными приборами, находящимися в комнате номер 13. Лестер, вы знаете, что над сценой находится решетка из металлических прутьев? Вы сами сможете убедиться в этом. А сцена находится под комнатой номер 13.

Осветитель молча покачал головой.

— Вы слышали, что я сказал об этом, Мюррей. Это обычная псевдонаучная чепуха. Из-за этого действительно не стоит волноваться.

— Дельгадо другого мнения,— ответил ему Мюррей.— Вчера вечером он внезапно появился здесь, когда я осматривал эту решетку, и он...

— Он сказал вам несколько грубостей, на которые вы теперь реагируете таким образом? — прервал его Ретт Лэтем.— Мюррей, все это болтовня. Вы до сих пор ничего не доказали, и я постепенно начинаю разочаровываться в вас.

— Слушайте! — произнес Эд и демонстративно посмотрел на свои часы.— Сэм и Дельгадо, наверное, уже закончили обсуждение этих сказок Мюррея, и мы должны продолжить репетицию.

— Закройте рот, Эд,— потребовал Гарри Гардинг.— Как вы можете называть сказками то, что вам рассказал Мюррей? Неужели вы действительно думаете, что все это только шутки?

— Почему вы стоите на его стороне, совершенно ясно, не так ли? — насмешливо улыбнулся Адриан.

— Чем вас купил Дельгадо, Эд? — тихо спросил Гарри. Он сжал кулаки, словно хотел броситься на него.— Множеством красивых мальчиков?

— Еще раз проклятье, да заткнитесь же вы наконец — яростно вмешался Джесс Отен.— Если мы будем продолжать в том же духе, то вскоре все попадем прямо в сумасшедший дом!

Мюррей знал, что Джесс говорит правду.

Он пожал плечами, прошел в заднюю часть зала и опустился в одно из кресел в предпоследнем ряду. Немного позже возле него внезапно появился Гарри.

— Бедняга, как только вы удержались и не проломили Эду череп? — спросил молодой художник.

— Я сам этого не знаю,— ответил Мюррей.— Я действительно этого не знаю. Может быть, я не хотел доставлять удовольствие Дельгадо и затевать ссору с другими?

— Гм-м.— Гарри закурил сигарету.— Почему Дельгадо делает все это? Чтобы сделать пьесу более реалистичной? Но это же сумасшествие!

— Вероятно, он сумасшедший,— пробормотал Мюррей.— Но и мы все тоже, потому что мы все занимаемся этим с ним.

Потом позади них открылась дверь. Дельгадо и Сэм Близзард прошли на сцену.

Автор, казалось, был готов наброситься на любого.

Гарри кивнул.

— Вы думаете, что Сэму удалось загнать автора в угол?

— Нет, я очень сомневаюсь в этом,— ответил Мюррей.

Но Близзард действительно сделал это.

Ему не надо было показывать этого, когда он вскарабкался на сцену. Несколько секунд царила тишина, потом Дельгадо пошел к своему стулу в глубине сцены.

— Я долго говорил с Мануэлем,— начал Близзард.— Вы все знаете, что произошло с Мюрреем сегодня утром, да? Ну, я не могу установить, кто на самом деле сыграл с ним эту злую шутку, но, вероятно, это был один из присутствующих, и я настойчиво предостерегаю его от повторения подобных вещей. Если это произойдет снова, я буду вынужден наказать виновника, и уж позабочусь о том, чтобы его членство в нашей труппе на этом и кончилось. И с тех пор он больше не получит никакой роли ни в одном из театров. Это ясно всем?

Он осмотрелся, удовлетворенно кивнул, потом снова повернулся к Мюррею и посмотрел на него.

— Этого вам достаточно, Мюррей?

— Не стоит беспокоиться о виновнике,— ответил ему Мюррей.— Он, конечно, не среди актеров.

— Лучше закройте свой рот,— прошептал ему Константа.

— Мюррей, я знаю, что вы подразумеваете под этим,— ответил Близзард.— Но, может быть, будет лучше, если я ничего не услышу?

— Слушайте! — сказал Ретт Лэтем.

— Хорошо, продолжим дальше. Я поговорил с Мануэлем о разработанном уже тексте. Мануэль?

Автор, помедлив, поднялся. Очевидно, его принудили покориться Близзарду, и теперь против своей воли он вынужден был признать свое поражение.

— Я добавлю, что существующая рукопись нуждается в серьезной доработке, и поэтому, если даже один из вас немного напортачил, все стало не так уж плохо. Поэтому я договорился с Сэмом, что мы будем работать на той же основе, если все вы будете прилагать еще больше старания, чем прежде. Но ваша работа должна быть не просто хорошей, она должна быть отличной. Ясно?

Все присутствующие облегченно вздохнули.

— Почему же вы не сказали нам этого вчера сразу после репетиции? — спросил Гарри. Он указал на уничтоженные наброски.— Все пошло насмарку только потому, что у вас начался припадок ярости. Боже, я сойду здесь с ума!

— Мне очень жаль, мистер Гардинг,— сказал Дельгадо после паузы.

Мюррей уставился на него. Извинения так не подходили Дельгадо, который всегда был готов переложить вину на других. Это значило...

— Хорошо, продолжим! — крикнул Близзард.— Все по местам! Эд, я хочу, чтобы вы и Мюррей оба повторили те места, которые мне вчера не понравились. Мюррей, вы слышите меня?

Мюррей оторвался от своих размышлений.

Однако, пока он шел к сцене, он успел продумать все до самого конца.

Это значит, что Дельгадо больше ничего не находит в нашей пьесе. Он, собственно, поддался только для того, чтобы замаскировать свои истинные намерения. Но какие намерения?

17

«Чем больше над этим задумываешься,— говорил Мюррей самому себе,— тем яснее становится, что здесь что-то нечисто. Но...»

Он не стал продолжать. Он знал, что находится в комнате один, и если начнет говорить сам с собой, это только ухудшит его положение. Он закурил сигарету. Дым поплыл к телевизору, стоявшему экраном к стене.

Может быть, это было бессмысленно, но Мюррей повернул телевизор. С тех пор как Лестер установил, что аппарат постоянно находится под током, Мюррею всегда казалось, что его матовый экран — это нечто вроде глаза, который наблюдает за ним.

Я схожу с ума? Я уже сошел с ума?

Мюррей вынудил себя серьезно изучить этот вопрос и пришел к таким же выводам, как и прежде: кто-то здесь не совсем нормален, и этим кем-то, казалось, был Дельгадо. При мысли об этом человеке у Мюррея побежал холодок по спине, но он, несмотря на это, решил не бросать все это на произвол судьбы и выяснить, что же, собственно, здесь происходит?

Теперь он попытался привести свои мысли в порядок. Он вспомнил, как все это началось.

Сначала он был только недоверчив, потому что идея собрать под одной крышей всю труппу, чтобы сочинить

и поставить пьесу, показалась ему абсурдной. С другой стороны, у Дельгадо была слава великолепного сценариста. Сэм Близзард считал, что этот план вполне выполним, а Мюррей Дуглас нуждался в работе, которую его агент тогда предложил ему.

Этот аргумент все еще имел значение, прежние тоже. Теперь Мюррей видел, что он недооценил Сэма Близзарда. Продюсер не был таким уж легким на подъем, и он хорошо знал, какая разница существует между припадком ярости и настоящим срывом. Сегодняшняя репетиция, на которой они прорабатывали вторую сцену, доказывала, какое значение Близзард придает хорошей пьесе и игре актеров.

Мюррей, конечно, считал, что Дельгадо не придает этому никакого значения, но он ничем не мог доказать своих подозрений.

Почему он теперь страдает этой болезненной подозрительностью? Все остальные, казалось, принимали Дельгадо таким, каким он был. Лестер Харкэм, например, был готов считать эти электронные приборы псевдонаучной игрой, не стоившей того, чтобы обращать на нее внимание.

Близзард, казалось, считал Дельгадо всего лишь темпераментным автором, к которому надо относиться снисходительно.

Гарри Гардинг пока придерживался точки зрения Мюррея, но он, кроме всего прочего, испытывал к нему признательность за то, что тот предотвратил его самоубийство. Гарри видел в Мюррее своего спасителя, которому он обязан своей жизнью. Но это дружелюбие в любое мгновение могло превратиться в полную противоположность.

Констант же, хотя прошлым вечером и помог ему, теперь стал таким же нетерпимым, что было характерно для него.

Нет, подозрения Мюррея не подкреплялись никакими доказательствами. Речь в лучшем случае шла лишь о перечислении аномалий.

В первую очередь можно было отметить странное поведение всей труппы. Мюррей до сих пор не думал о телевизоре. При этом он отметил, что аппарат со времени его прибытия сюда еще ни разу не включался даже для того, чтобы передать новости. Для этого были основания: таинственные изменения внутри аппарата пугали Мюррея. Но он еще долго не мог объяснить, почему до сих пор никто другой не заговорил о телевизионной программе, которую он посмотрел здесь.

И в этом доме не было никаких газет. Насколько Мюррею было известно, еще никто не попросил газет. Никто не читал во время завтрака. А почему, собственно, и нет?

Телефонные разговоры. Может быть, труппа эта нарочно составлена так, что у ее членов не оказалось никаких связей с внешним миром. Ну, это все же было понятно: план Дельгадо состоял в том, чтобы собрать всех актеров под одной крышей. Делу только помешает, если некоторые из них будут уезжать вечером домой, а утром по каким-нибудь причинам опаздывать на репетицию.

Принимая все это во внимание, может быть, не было ничего странного в том, что все присутствующие были или неженатыми, или вдовцами, или жили отдельно от жен, как это было в случае с Мюрреем. Но это еще ничего не значило, ведь теперь были оборваны все связи с другими людьми. Почему Мюррей еще ни разу не слышал, чтобы здесь кого-то позвали к телефону?

Так же и с ним самим. Почему Роджер Грэди не вызовет его, чтобы осведомиться, как у него обстоят дела? У Мюррея все это время не было никаких близких друзей, потому что он после своего выхода из

санатория не хотел встречаться с другими людьми. Но разве это было основанием для того, чтобы избегать телефонных разговоров со своими знакомыми?

И никаких писем. В зале возле бюро Близзарда была прикреплена черная полка. Но Мюррей не мог вспомнить, что к ней кто-нибудь подходил и забирал почту. Он сам никогда не делал этого, проходил мимо, бросая беглый взгляд на черную полку, но он не ждал никакой почты, и значение этого факта ему стало ясно только теперь.

Снаружи на площадке стояли пять автомобилей — его «даймлер», «бентли» Сэма, ярко-красный «шевролекорнетт» Иды, «ровер» Лестера и «форд», который, по его мнению, принадлежал Джессу Отену. Остальные или не имели своих автомобилей, или оставили их дома, потому что сочли, что у них здесь будет мало времени для автомобильных прогулок. Несмотря на это, пяти автомобилей было более чем достаточно! Но до сих пор никому и в голову не пришло съездить в Лондон, чтобы сходить в театр, на вечеринку или в ресторан пообедать. Члены труппы без возражений привыкли регулярно собираться на обед, вечером сидеть в гостиной и всегда вести себя так тихо и сдержанно, словно они были престарелыми людьми, которые проводят закат своей жизни в приятном обществе.

Мюррей ударил ладонью по спинке своего кресла и встал. Нет, это же было смешно! Кому это удалось укротить дюжину темпераментных людей и воспринимать это спокойное течение дней, как нечто желаемое?

О, конечно, Валентайн и другие таинственные слуги постоянно заботятся о физическом благополучии своих гостей, чего требует напряженная атмосфера, потому что ни у кого не возникало ни малейших проблем. Никому не надо было заботиться о стирке своего белья,

никому не надо было покидать дома, чтобы, например, купить сигарет. Кроме всего прочего, обслуживание здесь было как в первоклассном отеле. Еда была великолепной, комнаты уютны, условия такие, что лучшего нечего и желать. И, несмотря на это, в этом деле было что-то скверное.

Мюррей ходил взад-вперед между дверью и кроватью. Наконец-то! Теперь он анализировал свои самые худшие опасения, которые, конечно, были очень неопределенными. Он так долго не делал этого потому, что они были очень слабы. Теперь он мог продолжить этот свой список. Завтра будет суббота, и после сегодняшней репетиции никто не говорил о том, что и следующую неделю они будут работать, как и прежде.

Но что-нибудь другое казалось маловероятным. Пробежка по саду и ближайшим окрестностям дома. Он обнаружил плавательный бассейн с навесом и всевозможный спортивный инвентарь. В конце концов можно было ожидать, что такие молодые люди, как Ретт и Эл, заинтересуются этим. Погода в некоторые дни была прохладной и дождливой, но, несмотря на это, не настолько плохой, чтобы все время сидеть в доме. За домом находится теннисный корт, не так ли? Плавательный бассейн легко наполнить. Снаружи, может быть, и не было идеальной погоды для купания, но, в конце концов, сейчас была не зима.

Никто не выходил из дома на прогулку. Насколько было известно Мюррею, кроме него и Хитер, никто из присутствующих не покидал этого участка с первого дня.

Почему?

При мысли о Хитер Мюррей вспомнил еще кое-что. Она, Черри Белл, которую едва ли можно было считать, потому что она каждый вечер с самого первого дня печатала для Дельгадо, и Ида были единственными

женщинами в доме. Конечно, каждый знал, что Иду не стоит и упоминать, но Хитер действительно была очень мила. У Мюррея были свои собственные основания не ухаживать за ней, у Эда тоже. Гарри, как и все наркоманы, тоже едва ли интересовался женщинами. Но кроме этого есть еще Ретт, Эл, Джесс Отен и Лестер Харкэм. Лестер почти вдвое старше Хитер, но у него слава сердцееда. Сэма Близзарда тоже можно отнести туда же. В конце концов, он был женат три или четыре раза. Уж не говоря о Константе, который волочился за каждой красивой девушкой и, как и Мюррей, принадлежал к той же самой труппе.

Итак, нет недостатка в подходящих мужчинах. Однако из-за их поразительной незаинтересованности девушкой Мюррей пришел к выводу, что Хитер предусмотрена как приманка для Иды, как героин был предусмотрен для Гарри. Константа был счастлив, получив свои порнографические книжонки, другие тоже получили приманки, о которых Мюррей ничего не знал.

Мюррей вспомнил упрек, который Гарри сделал Эду:

— Чем вас купил Дельгадо? — спросил молодой художник.— Множеством красивых мальчиков?

Мюррей угнетенно покачал головой. Все эти ссоры были взяты прямо из театральной пьесы Дельгадо. На сцене они, наверное, были бы уместны. Люди переживали, они знали, что, как только опустится занавес, смогут автоматически вернуться в другой мир, в котором существует дружба и общие интересы. Это на самом деле было ужасно.

Он внезапно остановился и уставился на телефон, стоявший на ночном столике. После его прибытия телефон звонил только однажды, когда Валентайн напомнил ему о времени завтрака.

Кто такой вообще этот Валентайн? Его попытка создать впечатление, что он был нанят Близзардом,

давно уже провалилась. Этот человек был тесно связан с Дельгадо, может быть уже в течение нескольких лет. Было ли это ясно Близзарду, или продюсер до сих пор считал, что он сам нашел Валентайна и нанял его в качестве слуги? Как он вообще нашел его? По рекомендации Дельгадо? Это было неуклюже...

Мюррей сжал кулаки. Он чувствовал, как бешено бьется его сердце. Но он не должен вмешиваться в это дело, иначе попадет в сумасшедший дом. Решив проверить свои подозрения, он подошел к телефону и взял трубку.

На этот раз у аппарата был не Валентайн, а другой слуга.

— Да, мистер Дуглас?

— Я хочу заказать разговор с Лондоном.

Мюррей выдвинул ящик и достал оттуда записную книжку. Он назвал номер домашнего телефона Роджера Грэди. В ответ он услышал:

— Очень хорошо, сэр. Я соединю вас, как только абонент ответит.

«Надеюсь»,— подумал Мюррей и положил трубку.

Его сигарета истлела, забытая в пепельнице. Он зажег новую, заметив при этом, как дрожат его руки.

А если меня ни с кем не соединят? Тогда я лучше напишу письмо, нет, два письма. Я должен где-то достать почтовые марки. Одно из писем я отдам Валентайну, а другое сам опущу в ближайший почтовый ящик. Роджер должен связаться со мной и сказать мне, получил он оба письма или только одно.

Сумасшедшая ситуация! На мгновение Мюррей усомнился в своей вменяемости. Он уже ощущал подобное в санатории, когда страдал от абстиненции и строил фантастические планы, как ему протащить бутылку в свою комнату.

Все это, к счастью, было позади. Ему как-то удалось обрести равновесие. Теперь он очень боялся последствий

даже одной-единственной выпивки, чтобы случайно не поддаться пороку, который снова будет мучить его. Когда он думал о последствиях, то испытывал очень неприятное чувство.

С тех пор как Дельгадо сыграл с ним эту шутку, он еще сильнее стал бояться последствий.

Зазвонил телефон. Мюррей взял трубку.

— Роджер?

— Мне очень жаль, мистер Дуглас, но по указанному вами номеру к телефону никто не подходит.

Лжец!

Мюррей посмотрел на наручные часы. Четверть одиннадцатого. Нет, совершенно невозможно, чтобы Роджера в это время не было дома. Мюррей знал, что ему нужны неопровержимые доказательства, прежде чем он сочтет, что ему нарочно чинят препятствия.

— Большое спасибо,— невыразительно ответил он и положил трубку.

Что теперь? Нужно ли ему писать письмо? Письмо, конечно, придет только в понедельник. Нет, лучше попытаться позвонить по телефону во второй раз. Роджер не любит рано вставать. Мюррей позвонит ему около часу, ему нужно будет...

Кто-то постучал в дверь. Мюррей замер, и, когда он спросил, его голос непроизвольно дрогнул:

— Кто там?

18

Дверь открылась. На пороге стояла Хитер. На ней были брюки и белая нейлоновая куртка. Она выглядела необычно молодой, потому что отказалась от косметики.

— Мюррей, я не помешала? — спросила она.

— Ради бога, нет. Входите же! — Он только надеялся, что его голос не выдал явное облегчение.

Она закрыла за собой дверь и посмотрела на Мюррея.

— Я... я хотела бы попросить у вас совета,— сказала она.— Я доверяю вам и должна с кем-то поговорить.

«Ну вот,— разочарованно подумал Мюррей,— мне только тридцать два года, но ко мне уже пришла девушка, чтобы спросить у меня совета».

Однако он ничем не выдал этих мыслей, предложив Хитер сесть в кресло и загасив свою сигарету.

Она села, подняв колени, обхватив их руками, и заговорила с искусственной непринужденностью, словно хотела избежать разговора о своих собственных проблемах.

— Ну, сегодня все прошло много лучше, не так ли? Я могу себе представить, какое вы от этого получили облегчение.

— В противоположность вам.— Мюррей раскрыл свой портсигар, предложил Хитер сигарету и чиркнул зажигалкой.

Когда она нагнулась, чтобы закурить сигарету, ей, казалось, стало ясно, что только что сказал Мюррей. Она выпрямилась.

— Что вы подразумеваете под этим? — спросила она.

Она бросила на него неуверенный взгляд.

— Немногое. Это только по-человечески, ведь вполне естественно, что вы надеялись получить шанс, вместо того чтобы все время сидеть в последнем ряду или помогать Гарри.

— Это звучит отвратительно, когда вы об этом говорите,— произнесла Хитер после паузы.— Мне очень жаль, если у вас сложилось такое впечатление.

— Разве это не часть проблемы, о которой вы хотели поговорить со мной? — осведомился Мюррей.

— О да, вы, собственно, правы.— Хитер не смотрела ему в лицо. Вместо этого она рассматривала повернутый телевизор, словно ей хотелось спросить, почему его матовый экран повернут к стене.— Я просто не знаю, что мне делать, Мюррей. Я здесь пятое колесо в телеге. Сначала это было неважно. Я думала... Ну, для меня это счастье, что я здесь, хотя мне и не дали никакой роли, но ведь и не отправили обратно в Лондон. Все же жалованье здесь в два раза выше, чем в Саутгемптоне, и я учусь, наблюдая Дельгадо в работе, а также Сэма Близзарда и вас. Но мой первоначальный оптимизм давно уже иссяк. Все это дело кажется мне таким... таким хорошо спланированным.

Мюррей уставился на нее.

— Что все это должно значить? Почему вы так решили?

— Я сама этого точно не знаю.— Она беспомощно пожала плечами.— Мне только показалось, что Сэм заботится не обо мне. Я думаю, он нанял меня и платит мне не из чистого человеколюбия, потому что до сих пор он мне ничего не сказал и ни разу не поругал меня, когда я вела себя не слишком хорошо. Вы единственный, кто хоть как-то со мной говорит. Больше никто не обращает на меня внимания. Конечно, Ида...

Она не стала продолжать. Прежде чем он смог что-нибудь сказать, лицо ее сморщилось, и она затянулась сигаретой.

— Я в последнее время слишком много курю,— сказала она.— В горле у меня совершенно пересохло. Не найдется ли у вас стакана воды?

— Конечно.

Мюррей встал. Подойдя к раковине, он кое о чем вспомнил и открыл шкафчик. Жестянки с фруктовыми

соками все еще стояли там. Он взял одну из них и показал Хитер.

— Может быть, лучше немного сока? Я его еще не пил.

Она кивнула, словно ей было безразлично, что он даст. Мюррей пробил отверстие в жестянке перочинным ножом.

— Вы хотели мне что-то сказать,— сказал он.

Он достал стакан и протянул ей его.

— Спасибо.— Хитер одним глотком опустошила стакан апельсинового сока и опустилась в кресло.— Верно, я хотела кое-что сказать. Ну, я думала, что вы сможете мне помочь, потому что вы были так милы со мной и потому что вы больше... О, это звучит смешно, но я просто не могу выразиться по-другому. Вы проявляете больше инициативы, чем все остальные. Мне кажется, что все остальные, кроме вас, так пассивны, так безразличны ко всему. Этого я никак не ожидала. Вы понимаете, что я имею в виду? Они работают весь день, почти весь вечер болтают друг с другом, а потом честно отправляются в постель. И это все. У меня такое чувство, что я никого из них по-настоящему не узнала. Мне кажется, что они интересуются общей работой, и это их единственный интерес. Вы побывали везде, вы обнаружили магнитофоны в кроватях, вы задаете неудобные вопросы... Вы понимаете, что я хочу сказать?

Хитер не стала продолжать, но ее вопросительный взгляд сказал ему, что она боится.

— Я очень хорошо понимаю вас,— горячо заверил ее Мюррей.— Продолжайте, пожалуйста.

Она отставила пустой стакан.

— Знаете что? С тех пор, как вы показали мне эту странную штуку под моей кроватью, я все время беспокоюсь. Всем остальным это, кажется, совершенно

безразлично. Они начинают скучать, когда с ними заговоришь об этом, не так ли? Но я каждый вечер перерезаю тонкую проволоку, идущую от матраса к магнитофону, своими маникюрными ножницами.— Хитер усмехнулась.— Разве это не сумасшествие? Но я не хочу, чтобы аппарат всю ночь работал под моей подушкой. А как вы?

— Теперь я подумаю.— Мюррей наморщил лоб и уставился на стену перед собой. Хитер высказала то, что он подсознательно давно уже счел самым важным.

— Я делаю даже больше. Я каждый вечер вытягиваю проволоку из матраса и выбрасываю ее. Она всегда появляется снова, но, должно быть, установить ее довольно сложно. Я делаю это вообще-то вот почему. В конце концов Дельгадо должен потерять терпение и сказать мне, для чего все это сделано.

— Итак, вы думаете, что он солгал, когда утверждал, что эти приборы он использует для... — Она попыталась подыскать нужное слово.

— Гипнопедии? Конечно, он солгал. Даже Лестер был того же мнения, когда я показал ему эту штуку. Но он не захотел принимать все это всерьез. По его мнению, Дельгадо занимается здесь какой-то псевдонаучной чепухой.

Хитер провела языком по губам.

— Можно мне выпить еще апельсинового сока? Я все еще хочу пить.

— Конечно.— Мюррей с готовностью поднялся, открыл вторую жестянку и поставил возле нее.

— А повернутый телевизор тоже имеет какую-нибудь связь с Дельгадо? — осведомилась Хитер.

— Вы попали в самую точку,— сухо сказал Мюррей.— Лестер обнаружил, что в аппарате находятся какие-то добавочные детали. Он постоянно включен и

никогда не выключается. У меня странное чувство, что за нами все время наблюдают. Поэтому...

Он сморщился и пожал плечами.

— Да, я знаю, что вы имеете в виду.— Хитер серьезно посмотрела на него.— Но зачем? Что все это значит? Почему остальных это нисколько не заботит?

— Не имею никакого представления,— ответил Мюррей.— Знаю только, что Дельгадо беспокоится обо всех этих вещах, вместо того чтобы думать о нашей работе.

Он сделал паузу.

— Впрочем, о чем же вы хотели меня спросить? Что-нибудь связаное с этим?

— Нет.

Хитер опустошила стакан и взяла вторую жестянку.

— О, я же выпью весь ваш запас!

— Пейте. Я не открыл еще ни одной жестянки, и, в конце концов, кто-то же должен пить все это.

— Спасибо, сок действительно очень вкусный.— Она наполнила свой стакан.— Я рада, что кто-то позаботился об этом.

Он покачал головой.

— Дальше, пожалуйста,— попросил он ее.— Я рад, что кого-то заботит то же, что и меня.

— Ну, не совсем то же,— поправила она его.

Она побледнела, начав говорить о своих опасениях. Теперь краска снова стала возвращаться на ее лицо.

— Я подумала, не лучше ли сдаться и вернуться в Саутгемптон. Я приехала сюда с иллюзиями, что смогу многому научиться и, может быть, сыграть специально написанную для меня роль. Представьте себе только, каким шансом это было для меня в пьесе Дельгадо! Вы заметили, как оптимистична я была по прибытии сюда?

— Я помню еще и о том, что пытался испарить этот ваш оптимизм,— добавил Мюррей.

— Это было только хорошо. Я должна быть благодарна вам за это.

Она снова отпила сок из стакана.

— Если бы вы меня не предупредили, что я питаю напрасные иллюзии, мне было бы намного хуже теперь, когда я сама пришла к такому же выводу.

Мюррей изучающе посмотрел на нее. Она теперь говорила горячее, чем прежде, нервничала, казалось, несколько меньше, и это удивило его. Он не мог себе представить, почему это так, и поэтому осторожно спросил:

— Вы пришли сюда не только за тем, чтобы спросить меня, уйти вам или остаться? Если это ваша единственная проблема, то вы, без сомнения, должны остаться. Только проследить перипетии возникновения театральной пьесы уже очень полезно, не так ли?

Хитер медленно кивнула. Она отставила стакан и закурила сигарету. При этом, казалось, ей что-то пришло в голову. Склонив голову, она задумалась над чем-то, но потом, видимо, отказалась от задуманного.

Хитер неожиданно хихикнула.

— О Боже! — сказала она.— Собственно, это дело довольно таки серьезное, но, тем не менее, все это как-то смешно.

Она открыла и испуганно закрыла рот.

— Что это? — спросила она.— Мне кажется, этот сок содержит слишком много углекислоты. Я никогда... О, все это неважно.

Все было понятно. Мюррей вздохнул и больше не удивлялся. Он должен был еще раньше понять причину странного поведения Хитер. Она, очевидно, выпила для храбрости, прежде чем прийти к нему со своими проблемами. Теперь выпитое оказывало свое действие.

— Хитер, я действительно не догадывался, что вы хотите со мной поговорить,— терпеливо произнес он.

Она бросила на него удивленный взгляд.

— Разве я еще не все рассказала вам? Мне очень жаль. Ида сказала, что вы любите меня и я должна лечь к вам в постель.

— Вы ждали от нее чего-то другого? — невыразительно спросил Мюррей.

Он знал, что Ида очень нетерпелива. В таких обстоятельствах она среагировала совершенно по-человечески. Он знал, что Хитер правильно поняла эти намеки. Она была молода, но она ни в коем случае не была монашкой.

Это показало уже следующее ее замечание.

Она еще раз хихикнула.

— Мюррей, вы просто не можете принять этого всерьез, не так ли? Я имею в виду, Ида неплохая актриса, но, если что-то говорит, то именно это и имеет в виду, иначе она просто не может. Всегда такое впечатление, что она стоит на сцене... О!

Ее голос совершенно изменился. Она положила сигарету, не обращая внимания на то, что та выпала из пепельницы и покатилась по столу. Хитер напряженно уставилась на нее.

— Мюррей, у меня ужасно кружится голова. Я сейчас потеряю сознание,— сказала она.— Я, по-видимому, перепила. Но как я могла перепить? Я сегодня вечером выпила только стаканчик... О Боже!

Она попыталась встать. Краска снова сошла с ее лица.

— Мюррей, вы же не... Нет, конечно, нет! — Она приподняла руку, словно попыталась встать из кресла.— О, мне так плохо.

Мюррей вскочил, поддержал Хитер и повел ее к раковине. Он пустил холодную воду, и Хитер немного

попила. Мюррей возвратился назад к столу, взял банку с соком и понюхал ее. Потом он вылил немного сока на ладонь и осторожно попробовал его. Фруктовый вкус заглушал все, но Мюррей мог себе представить, что было добавлено в сок. Может быть, водка, но вероятнее всего, чистый спирт.

У Хитер после всего этого будет лишь болеть голова, и она немного помучается с похмелья. Но если бы эту банку открыл Мюррей, не обратив внимания на ее содержимое, оно было бы для него подобно цианистому калию.

19

Несколько секунд Мюррей мог думать только о возможных последствиях. Если Дельгадо действительно намеревался, ну... как бы это сказать... отравить его, он, может быть, и не удовлетворится этой попыткой.

Чего еще можно ожидать от него? Жестянки в шкафу выглядели такими же безобидными, как и та, которую он открыл для Хитер. Мюррей тщательно обследовал их, но не нашел ничего подозрительного.

Что ему теперь делать? Нужно ли ему показать одну из банок Близзарду? Не примет ли это Близзард в качестве доказательства?

Может быть, не каждая банка содержит спирт? Может быть, он случайно взял ту, единственную, потому что она стояла в первом ряду и была предназначена для него?

Как же все пойдет дальше? Будет ли добавлен спирт в лимонный сок, который Валентайн подает ему за ужином? Или водка потечет из крана? Мюррей этого

не знал и поэтому чувствовал себя, как в замке Дракулы, где ему угрожала каждая тень.

И он должен смириться с этими тенями. Уже в самой попытке отравить бывшего алкоголика спиртом было что-то совершенно абсурдное. Мюррей прочел это на лице Близзарда, когда показывал ему свидетельство доктора Кромарти. Вероятно, было совершенно бесполезно и дальше оставаться здесь и обсуждать это с другими. Мюррей должен бежать, и пусть здесь все катится ко всем чертям.

Хитер, шатаясь, отвернулась от раковины, ее, должно быть, вырвало. Мюррей хотел поддержать ее, когда она отшатнулась от раковины.

— Оставьте меня в покое,— потребовала она.— Боже, да оставьте же меня в покое. Я не шучу.

— Хитер, я ничего не делал со стаканом,— заверил ее Мюррей.— Эта штука была предназначена только для меня, а не для вас.

Она ничего не ответила. Вероятно, она даже не слышала его. Мюррей мог себе представить, как действует на нее чистый спирт, и, кроме того, она уже пила до этого.

Хитер упала на постель и положила голову на руку. Одна ее нога все еще касалась пола. Дыхание ее было неравномерным, потом она начала всхлипывать.

Мюррей сжал кулаки. Его собственная проблема настолько занимала его, что он замечал только очевидное. Дельгадо не удовлетворится тем, что доведет его до гибели. Он сделает это со всеми. Хитер была лучшим примером этого.

Он должен все обдумать, все спланировать. Ему нужно как-то бежать, помочь бежать Хитер и помешать Дельгадо остановить их...

Самоубийство Гаррижо! Ему захотелось вызвать Роджера Грэди.

Мюррей дрожащей рукой поднял трубку и еще раз назвал лондонский номер. Ожидая разговора, он подошел к двери, осторожно выглянул в коридор и затем закрыл дверь. Снаружи никого не было видно.

Он снова сел у телефона и задумался о том, что ему рассказала Хитер. Она рассказала, что каждый вечер перерезала провод между матрасом и магнитофоном...

Мюррей внезапно вскочил. Он сдвинул Хитер в сторону. Она не протестовала. Он поднял матрас, и его подозрения подтвердились: сетка снова была цела, хотя вечером он удалил ее. Мюррей не знал, было ли это средством влияния на спящего, но это объяснение показалось ему таким же логичным, как и все остальные.

Род электрического поля? Лестер сравнил сетку с антенной.

Зазвонил телефон. Мюррей взял трубку и едва смог ответить, услышав знакомый голос Роджера.

— Роджер, слава богу! Это я, Мюррей!

— О, это ты!

Мюррей мог представить себе движение руки, сопровождавшее это восклицание.

— Что это тебе надо в такое время? Тебе вообще ясно, что ты сделал? С тех пор как ты публично напал на Барнетта, он ведет личную войну против пьесы Дельгадо и каждого, кто хоть как-то связан с ней...

— Помоги мне, Роджер. Я должен кое-что рассказать тебе. Если дело здесь пойдет так и дальше, вероятно, не будет никакой пьесы Дельгадо.

— У меня тоже такое впечатление,— пробурчал Роджер.— Я не знаю, как Барнетт все это проделает, но, кажется, ему удастся добиться своего. В таких обстоятельствах вы не получите театр Манграйва.

— Черт с ним, с этим театром! Да слушай же! Роджер, этот Дельгадо — сумасшедший. Я не преувеличиваю. Дельгадо нужно отправить в сумасшедший дом. За прошедшую неделю мы пережили больше катастроф, чем другая труппа за год. Дельгадо в ярости разорвал первую рукопись сценария, и Сэму пришлось успокаивать его...

— Теперь все снова в порядке, да?

— Позволь же мне наконец сказать, Роджер! — сердито потребовал Мюррей.— Гарри Гардинг чуть было не покончил самоубийством, потому что Дельгадо дал ему неограниченное количество героина. Здесь повсюду установлены таинственные электронные приборы, которым Лестер Харкэм не смог дать никакого разумного объяснения. Но я убежден в другом, потому что...

Он не стал продолжать, потому что в эту секунду ему показалось, что незадолго до этого Хитер на что-то намекала ему. Хитер и он были единственными людьми в этом доме, которые задавали неприятные вопросы.

Хитер и он уже привыкли все время перерезать связь между матрасом и магнитофоном.

Случай?

— Алло! — раздраженно произнес Роджер.

Мюррей вернулся к действительности.

— Да... Ну, это еще не все, Роджер. В труппе находится девушка, для которой не предусмотрено никакой роли. Ее используют только для развращения Иды. Она используется только как приманка, как героин для Гарри и грязные книжонки для Константа Байнеса. И в моем случае кто-то пытается — я думаю, что это все-таки Дельгадо,— вновь пристрастить меня к бутылке. Само собой разумеется, не открыто, а, к примеру, через жестянку с консервированным фруктовым соком, в который добавлен спирт.

— Мюррей, это правда?

— Ты не хочешь приехать сюда и позволить доказать тебе это? Мне было намного легче, если бы кто-нибудь приехал сюда. Иногда я сам сомневаюсь в нормальности собственного разума.

— Гм-м-м...

— Проклятье, Роджер, ты что-то знаешь! Ладно, хватит болтать! Уже поздно! — Мюррей напряженно ждал, когда Роджер примет решение.

— Да, может быть, ты и прав. Я имею в виду, что до сих пор я не очень в это верил. Я рассказывал тебе, почему Леа Мартинес после парижского спектакля «Три раза за раз» попала в сумасшедший дом?

— Нет. Ты сделал несколько намеков, но я никогда не обращал на это внимания, потому что был занят поисками работы. Давай дальше.

— Леа Мартинес утверждала, что Дельгадо преследовал ее и довел до сумасшествия,— объяснил ему Роджер.— Послушай, Мюррей, ты знаешь, почему я тебе все это рассказываю?

— Да,— ответил Мюррей.

— Хорошо, мы понимаем друг друга.— Роджер поколебался.— Какие выводы я должен сделать из твоего сообщения, Мюррей? Как могло произойти, что пребывание там могли вытерпеть Сэм Близзард, Ида и Адриан? Почему же все остальные довольны Дельгадо? Это что, направлено только против тебя?

— Нет, но... — Мюррей прикусил нижнюю губу. Как ему объяснить Роджеру свои подозрения? — Роджер, я не могу сейчас говорить об этом. Я попытаюсь убежать отсюда, но если мне это не удастся...

— Что?

— Таково мое решение. Участок обнесен высокой оградой из колючей проволоки, и ворота запираются вечером в одиннадцать часов. Может быть, мне придется оставить машину и идти пешком.

— Мюррей, все это звучит так невероятно!

— Послушай, Роджер! — Мюррей должен был совладать с собой, чтобы не швырнуть телефон об стену.— Как я только выберусь отсюда, я тут же направлюсь к некоему доктору Кромарти в Бэксфорде. Понятно?

— Да.

— Роджер, я не хочу делать преждевременных выводов, но думаю, что парижская трагедия повторится, а я не хочу быть Жан-Полем Гаррижо.

— Можно подумать, что Дельгадо — второй маркиз де Сад,— вмешался Роджер.— Хорошо, я верю тебе, что ты не хочешь делать преждевременных выводов. Но тебе ясно, что тогда ты будешь потерян для Сэма Близзарда?

— Мне все равно, что он думает, пока он не замечает, что деятельность его труппы оказалась чем-то вроде тюрьмы, сумасшедшего дома или кладбища. Ради бога, приезжай сюда, Роджер, если я завтра не появлюсь или не буду у доктора Кромарти!

— Хорошо.— Роджер, казалось, принял решение.— Но если пьеса после твоего ухода будет иметь успех, и никто не будет убит и не попадет в сумасшедший дом, мы совершенно чужие люди, Мюррей. Тогда я потеряю всякое уважение к тебе.

— Ну, я все же рискну,— задумчиво ответил Мюррей и положил трубку.

Теперь он знал, что должен делать. Он медленно опустился в кресло и закурил сигарету. Хитер сейчас мирно спала. Но она скоро снова придет в себя. Они уже поговорили о том, что нужно бежать из этого дома, следовательно...

Мюррей подумал о том, что его ждет на следующее утро. Теперь он не мог просить Валентайна открыть ему ворота и не мог нести к автомобилю никого потерявшего сознание. Но завтра утром он уговорит

девушку последовать за ним. И он должен прихватить с собой как можно больше доказательств, к примеру проволочную сетку.

Мюррей встал, взял перочинный нож, отрезал часть матраса, в который была вплетена проволока, и свернул ее. Сунув моток в чемодан, он оглянулся в поисках еще чего-нибудь.

Магнитофонные катушки? А почему бы и нет? Мюррей одной рукой приподнял матрас, снял обе катушки с магнитофона и тоже убрал их в чемодан. Жалко только, что телевизор слишком велик и тяжел. Таким образом, Мюррей не смог взять слишком многого. Еще он взял жестянки с соком.

После того как он упаковал их, ему пришло в голову, что он сможет взять также ленты с магнитофона Хитер.

Он, конечно, должен выждать, пока можно будет прокрасться в ее комнату. Пока еще слишком рано.

Ида может зайти в комнату к Хитер и устроить чудовищный скандал, если она застанет там Мюррея. Нет, он должен подождать по крайней мере с час.

20

Приблизительно через час, все время слыша равномерное дыхание Хитер, он больше не мог сдерживаться. Он погасил последнюю из множества выкуренных сигарет и осторожно подошел к двери.

Он приоткрыл ее, прислушался, но стояла полная тишина. За последний час он ясно слышал, как остальные один за другим отправлялись в постель. Он услышал тихий вопрос Иды у двери Хитер. Ида, по-видимому, привыкла к тому, что ей зачастую

отвечали молчанием, потому что она тотчас же отправилась в свою комнату.

Мюррей поискал ключ в карманах Хитер, но не нашел. Теперь он тихо вышел в коридор и бесшумно закрыл за собой дверь.

В это же мгновение он услышал голоса в комнате номер 13, которая впервые со времени его прибытия сюда была открыта. Он глубоко вздохнул и открыл дверь в свою комнату, чтобы иметь путь к отступлению. Потом он тихо приблизился к двери соседней комнаты.

Голоса принадлежали Дельгадо и Валентайну. Мюррей и не ожидал ничего другого.

Странно было только то, что Валентайн на этот раз говорил тоном приказа, в то время как голос Дельгадо звучал почти покорно.

— Девушки нет в ее комнате,— констатировал Валентайн.— Где же она находится?

— Я... я не знаю.— Дельгадо, очевидно, нервничал.— Может быть, снаружи, в парке?

— Чушь! Я знаю, кто приходит в дом и кто покидает его. Нет, она должна находиться где-то здесь.

— Не поступает ли двойной сигнал из комнаты Иды?

— Хитер там нет. За это мы должны благодарить этого Дугласа! Она уже четыре ночи назад должна была среагировать на наше внушение, но ее магнитофон не работает.

— Мы должны что-то предпринять против этого Дугласа,— сказал Дельгадо.— Э... Не может ли она находиться в его комнате?

— Откуда мне это знать? — пробурчал Валентайн.— Этот парень так недоверчив. Чем нам может помочь детектор телевизора, когда тот повернут к стене? Я весь вечер вижу только стену его комнаты.

— Но он же ничего не знает,— пробормотал Дельгадо.— У него только одни подозрения. Мы можем вынудить его замолчать...

— Поздно,— вмешался Валентайн.— Сегодня вечером он звонил своему агенту в Лондон. Он хочет бежать и упоминал Гаррижо. Агент ему поверил и рассказал о Леа Мартинес. Ты все еще помнишь Леа? — Голос его стал резче.

— Но никто не поверил ни единому ее слову,— возразил Дельгадо.— Теперь она сидит в психиатрической лечебнице, такой примитивной, и, может быть, она действительно спятила там.

— Поздно. Он хочет бежать. Это все ты и твои непрямые методы!

— Но он все еще здесь, не так ли? Мы можем применить и прямые методы. Еще не поздно,— возбужденно возразил Дельгадо.

— Еще не поздно? Он сообщил своему другу, что хочет уйти, и тот должен начать расследование, если Дуглас не прибудет завтра в Лондон.

— Этого можно избежать! — горячо заверил Дельгадо.— Мы можем изготовить ленту, которая внушит ему, что ему лучше остаться здесь. Это, несомненно, произведет на его друга сильное впечатление.

— Пожалуй, он должен исчезнуть,— равнодушно ответил Валентайн.— Он ведет себя хуже, чем Леа.

— Но это же исключено! — завопил Дельгадо.— Что же тогда будет с постановкой? Он играет главную роль, и если он уйдет, у других, может быть, тоже пропадет всякое желание играть. Тогда все мы потерпим крах!

— Пьеса больше не имеет для меня никакого значения,— все также равнодушно произнес Валентайн.— В настоящее время меня беспокоит только Хитер. Она — хороший материал, и я не хочу потерять ее.

— Дуглас тоже!

Дельгадо возбуждался все больше и больше.

— Мы установили это после оценки первой же ленты, и ты сам согласился, что он очень хорошо подходит для наших целей.

— Но лента была прокручена только раз, не так ли? — резко ответил Валентайн.— Теперь я хочу знать, где находится девушка. Сейчас мы обыщем все комнаты без помощи детекторов. Если мы нигде не найдем ее, мы заглянем к Дугласу. И тогда черт бы побрал этих людей, Дельгадо! Это ведь будет нечто иное, как совместные переживания, не так ли?

Мюррей не мог подслушивать дальше. Оба этих человека в любую секунду могли появиться в коридоре. Он бесшумно скользнул назад в свою комнату, запер за собой дверь и глубоко вздохнул. Потом он подошел к постели и подергал Хитер за рукав.

— Хитер! — прошептал он ей на ухо.— Проснись! Да проснись же наконец!

Она только слегка пошевелилась и что-то простонала. Мюррей подошел к раковине, намочил полотенце и положил ей на лоб.

— Проснись! Дельгадо ищет тебя. Ты должна спрятаться!

— Что? — Она медленно открыла глаза.— Оставьте меня в покое! Я хочу спать.

— Ты должна спрятаться! Дельгадо ищет тебя!

— Что? —Хитер внезапно пришла в себя. Она встала и уставилась на Мюррея.— О Боже! — прошептала она.— Теперь я снова все вспомнила! Мюррей, ты проклятый...

Она осеклась, обнаружив, что полностью одета.

— Послушай! — настойчиво прошептал Мюррей.— Я ничего не подсыпал тебе в стакан, понятно? Фруктовый сок был предназначен для меня. Это была

идея Дельгадо или Валентайна.— Но объяснять это теперь было не время.— Он ищет тебя, и ты должна спрятаться.

Хитер бросила на него непонимающий взгляд. Мюррей мог себе представить, какие вопросы вертелись у нее на языке, поэтому он быстро продолжил.

— Я не могу тебе сейчас все объяснить,— сказал он.— Я исчезну завтра утром, и, если ты будешь храброй, то можешь пойти со мной. А теперь они должны обнаружить тебя в постели Иды, и они ничего не смогут сделать с тобой.

— Ида? Нет, это исключено! Я не хочу спрашивать тебя, нужно мне связываться с ней или нет. Мне только хочется знать, как мне избавиться от нее.

— Ты сможешь воспрепятствовать ей,— заверил он ее.— Но об этом мы поговорим позже! Ты должна спрятаться.— Он осмотрелся в поисках подходящего места и указал на одежный шкаф.— Полезай внутрь.

Хитер испуганно вздрогнула.

— Мюррей, я... не могу,— тихо сказала она.— Я страдаю клаустрофобией. Я закричу там.

— Но...

— Это невозможно! Я не смогу совладать с собой,— заверила она его.

— Вот именно,— пробормотал он и разочарованно опустил руки.

— Что в этом такого скверного, Мюррей? — спросила она.— Ты можешь запереть дверь, не так ли?

— Я очень сомневаюсь, что обычный дверной замок сможет их задержать,— подавленно ответил Мюррей.— Ну, тогда нам придется самим выступить против них. Это чертовски неприятное дело! Сейчас мы...

Он не стал продолжать дальше. Он вспомнил, что Валентайн говорил о том, что нельзя допускать совместных переживаний. Он, правда, не совсем понял,

что тот имел в виду, но, очевидно, Дельгадо воспринимал это, как угрозу.

— И что же теперь? — после короткой паузы спросила Хитер.

— А теперь мы постараемся их обмануть! — Мюррей выключил свет.— Только, ради бога, никаких возражений. Раздевайся и оставь одежду там, в кресле, где хорошо было бы видно из двери.

Говоря это, он в лихорадочной спешке готовил постель.

— Мюррей... — сказала Хитер слабым голосом.

— Ты не должна ничего бояться! — настойчиво прошептал ей Мюррей.— Я только что подслушал, что Дельгадо хочет тебя видеть только в постели Иды и ни у кого другого. Это звучит ненормально, все это дело ненормальное. Таким образом, у него, по крайней мере, будут причины для беспокойства. Ну, пожалуйста!

Хитер молча кивнула, разделась и бросила свою одежду на кресло. Потом она залезла под покрывало на постели. Мюррей оставил туфли, брюки и пуловер у конца постели, а рубашку и галстук положил возле одежды Хитер. Он забрался в постель с другой стороны. Хитер немного подвинулась влево, чтобы дать ему место.

— Лежи тут,— прошептал он ей.— Притворись спящей, когда они войдут в дверь. Слышишь? Они уже идут!

Снаружи послышались тихие шаги. Мюррей повернулся на бок, надеясь, что ему удастся убедительно притвориться спящим.

Шаги приблизились. Хитер внезапно прижалась к Мюррею. Он почувствовал тепло ее кожи и мягкие груди, прижавшиеся к его спине. Теперь они действительно выглядели парой любовников. Они ждали, когда откроется дверь.

21

Мюррей оставил ключ в замке, чтобы дверь не смогли открыть просто вторым ключом. Но пришельцев, очевидно, ничуть не смутил такой примитивный метод. Мюррей осторожно приоткрыл глаза, услышав, что дверь открылась. Однако в комнате было совершенно темно, и в коридоре тоже не было никакого света.

Только не совместные переживания.

Мюррей не имел никакого представления, что под этим подразумевалось, но подумал, что сможет устроить переживания этих двоих, на которые те не рассчитывали. Он слышал, что они подошли к кровати с другой стороны. Когда он выскользнул из постели, то оказался к двери ближе, чем те двое. Он достиг ее, а Дельгадо и Валентайн все еще стояли, как парализованные. Мюррей запер дверь и почти одновременно с этим включил свет.

Хитер повернулась в постели, словно просыпаясь от крепкого сна. Ее наигранное удивление уступило место настоящему удивлению, когда она увидела то, что уже видел Мюррей.

Дельгадо и Валентайн были в масках.

Таково было первое впечатление. На них были черные очки с огромными стеклами, и объектив на их лбах казался третьим глазом. Мюррей еще никогда не видел таких очков, но он мог понять, почему их использовали. Оба этих человека носили компактные приборы для наблюдения, а «третий глаз» был инфракрасным прожектором.

Валентайн в правой руке держал предмет, но трудно было понять, что это такое. Мюррей увидел только продолговатый ящичек около пятнадцати сантиметров в длину и пяти сантиметров в ширину. С передней его

стороны была вделана решетка. Валентайн тотчас же спрятал этот ящичек в карман, прежде чем Мюррей успел рассмотреть его как следует.

— О'кей,— сказал Мюррей после паузы.— Что вы ищете в моей комнате?

Самообладание Дельгадо улетучилось.

Теперь он мало напоминал надменного автора, каким знал его Мюррей. В противоположность ему Валентайн не пытался выкрутиться или извиниться.

— Дельгадо,— сказал он своему спутнику,— ты наблюдал за ним. Что, по-твоему, он сделает дальше?

— Э... — Дельгадо снял очки.— Вероятно, он позовет других, которые увидят нас здесь, я так полагаю.

— Сколько еще осталось неподверженных влиянию?

— Прекратите! — прервал их Мюррей.— Хитер, Дельгадо высказал хорошее предложение. Вот! — Он бросил ей свой халат.— Ты должна разбудить Сэма Близзарда и привести его сюда. Ты знаешь в какой комнате он спит?

— Да,— прошептала Хитер. Она накинула халат и босиком покинула комнату.

Валентайн ничем не показал, что Близзард действительно принадлежит к «неподверженным влиянию», но Мюррей надеялся на это. Оба мужчины, казалось, примирились со своей судьбой, и это мешало ему.

— Что значит это молчание? — насмешливо спросил он.— Вы придумываете правдоподобную историю?

Валентайн посмотрел на Дельгадо. Очевидно, он снова хотел заставить его играть на людях ту же роль. Однако Дельгадо был слишком возбужден, чтобы понять этот знак.

— Это вам не нравится, а? — спросил Мюррей.— Может быть, это переживание не было совместным?

Даже Валентайн, видимо, испугался. Дельгадо же стал бледным, как труп.

— Что вы только что сказали? — выдохнул он.

— Спокойнее,— сказал ему Валентайн.

— Ага! Постепенно у вас появляются заботы, не так ли? — Мюррей довольно улыбнулся.— Может быть, вы думаете, что я буду вторым Жан-Полем Гаррижо? Но вы заблуждаетесь! Я не так беспомощен, как Леа Мартинес!

Дельгадо взглянул на Валентайна.

— Мы должны заставить его замолчать! — воскликнул он.— Он не должен больше...

— Закройте рот! — пробурчал Валентайн.— Таким образом он может узнать все, а пока он еще не знает ничего.

— Не знаю? — спросил Мюррей.— А почему же я тогда выводил из строя магнитофон и повернул телевизор экраном к стене?

Дельгадо вздрогнул.

— Все в порядке,— напомнил ему Валентайн.— Он только блефует. Он хочет обмануть нас. Мы должны поверить, что он знает все.

Мюррей чуть было не улыбнулся, соглашаясь. Но он своевременно овладел собой, потом спросил себя, почему Хитер так долго не возвращается вместе с Сэмом Близзардом?

— Вы допустили решающую ошибку,— сказал он обоим мужчинам, чтобы как-то сократить время ожидания.— Вы ничего обо мне не знаете. Вы так привыкли к вашим детекторам, магнитофонам и другим приборам, что забыли о том, чего можно достичь при помощи обычного здорового разума человека. Дельгадо обманул Сэма Близзарда, но я никогда не позволю обмануть себя. Мне уже давно стало ясно, что дело

здесь вовсе не в пьесе. Оно только в том, чтобы подкупить остальных.

— Но тот, кто ложится с молодой девушкой в постель, разве не подкупает ее, а? — саркастически заметил Валентайн.

— Это только ловушка для вас и Дельгадо,— объяснил ему Мюррей.— И вы, как я вижу, тоже попались в нее.

Позади него в дверь постучали. Его напряжение спало.

— Теперь у вас будет возможность объяснить все,— сказал Мюррей и открыл дверь.— Сюда, ко мне, Хитер.

Она вошла, но не добровольно. Мюррей рассчитывал, что ее будет сопровождать Сэм Близзард, поэтому он в первое мгновение не обратил внимания на то, что произошло в действительности. Он так сильно испугался, что его внимание на несколько минут было парализовано, и Валентайн использовал эту возможность. Мюррей не знал, чем тот ударил его, возможно, ящичком, который он так быстро спрятал.

Прежде чем Мюррей упал на пол, он еще успел увидеть, что одетый в черное слуга, имени которого он не знал, одной рукой заломил руки Хитер за спину, а другой зажал ей рот.

Он потерял сознание только на короткое время, но когда очнулся, то больше не был способен пошевелиться.

— Я хотел сменить ленту Близзарда,— сказал «слуга»,— когда к двери подошла девушка. Я сымитировал голос Близзарда и пригласил ее войти. Она еще у двери сказала, что хочет, чтобы я взял ее с собой.

— Великолепно, Уолтер,— похвалил его Валентайн,— это сбережет нам много усилий.

— Но что же нам теперь делать?— Дельгадо, очевидно, все еще не мог преодолеть своего шока.—

Валентайн, ты сам мне говорил, что Дуглас обещал своему другу уехать отсюда завтра утром.

— Я знаю,— нетерпеливо отмахнулся Валентайн.

— По-моему, мы не должны позволять ему уезжать отсюда. Мы должны обнаружить, откуда он получил информацию. У вас все в порядке, Уолтер?

— Да, насколько мне известно. Близзард единственный, кто должен получить новую ленту?

— Верно, но теперь это не так уж и срочно. Мы с ним кое-что просмотрели. Однако теперь уже слишком поздно. Мануэль!

— Да? — поколебавшись, спросил Дельгадо.

— Ты сейчас же возьмешься за работу и изготовишь концен-ленту для девушки. Сначала должен быть установлен стиратель, чтобы она наконец прекратила перерезать триплем, идущий от магнитофона. Уолтер, ты дашь им обоим снотворное. До завтра импульс должен быть закреплен.

— Это не опасно? — вмешался Уолтер.— Это может изменить всю личность человека.

— Импульс не нужно удерживать слишком долго. Кроме того, у нас сильные затруднения. Я вернусь к тебе, Мануэль, как только закончу свой обход, и помогу тебе изготовить ленту для Дугласа. Мы должны найти убедительное объяснение того, почему он остается здесь. Давайте, за работу!

Дверь открылась и снова закрылась.

Мюррей попытался привести в порядок свои мысли. Слова «триплем» и «концен-лента» ничего для него не значили, он только предполагал, что эти люди были в состоянии почти безгранично влиять на человеческий мозг.

— Что, собственно, происходит? — спросил Уолтер, когда дверь за Дельгадо закрылась.

Валентайн описал ему события последних часов, потом добавил:

— Кто-то, должно быть, был неосторожен, я или Дельгадо. Дуглас ни в коем случае не блефует. Он кое-что разузнал. У нас много работы, если мы хотим стереть все воспоминания, которые когда-нибудь снова могут всплыть на поверхность. Ну, мы должны это сделать, если хотим сохранить весь наш проект. Помоги мне положить его на постель. Вероятно, он снова вытащил триплем из кровати, но это ничего не значит. У меня с собой кондиционирер, и он, может быть, еще действует, хотя я ударил им Дугласа по голове.

Мюррей собрал все силы, вытащил руку и нащупал первый же предмет, находившийся в пределах досягаемости. Когда два человека нагнулись над ним, чтобы поднять его на кровать, он изо всех сил рванул этот предмет и почувствовал, что тот поддался.

— Проклятье, я думал, что он без сознания,— равнодушно сказал Валентайн.— Этот старый пьяница чрезвычайно вынослив, не так ли?

Его нога наступила на руку Мюррея, и тот выпустил кабель телевизора, за который тянул. Может быть, он снова что-нибудь повредил. Он не мог надеяться на это, но, если он верно понял замечание Валентайна, это, может быть, была его последняя возможность сделать что-нибудь по своей воле.

— Минутку,— услышал он голос Уолтера.— Сегодня нет даже катушек магнитофона.

— Вероятно, он снова выкинул их в окно.— Валентайн вздохнул.— Лучше возьми сейчас новые катушки у Мануэля. Мне нужна сравнительно долгая запись от Мануэля, прежде чем я начну стирать его воспоминания.

— Будет сделано.— Уолтер пошел к двери.

Мюррей попытался собрать все свои силы. Если он сможет вскочить, когда Валентайн останется в комнате один...

— Что-то не в порядке? — резко спросил Валентайн.

— Да,— громко ответил Уолтер.— Я что-то чувствую... Дым!

— Пожар? — боязливо осведомился Валентайн.— Загляни в комнату номер 13!

Дверь отворилась, потом Уолтер испуганно воскликнул:

— Настоящий ад! Дуглас, должно быть, устроил короткое замыкание. Я же говорил Мануэлю, что он...

— Оставь это! Разбуди Виктора! Скорее, эти дома горят, как коробки со спичками!

— Но что...

— Другие пусть сами решают, как им быть! Во всяком случае, у меня нет никакого желания остаться и заживо поджариться тут! Еще раз проклятье! Прочь с дороги!

22

Теперь и Мюррей почувствовал, что где-то горит резина. Этот запах поднял его на ноги. Комната кружилась перед глазами, и он был вынужден ухватиться за кровать.

Потом он увидел Хитер, скорчившуюся в кресле у окна. Половины рукава ее халата не было, им заткнули ей рот. Ее руки были связаны галстуком Мюррея, а щиколотки ее ног стянуты ремнем. Хитер топала ногами, словно хотела обратить на себя внимание, потому что он не подошел к ней сразу же. Мюррей все еще искал свой перочинный нож. Когда он наконец,

нашел его, то перерезал ей путы и помог встать на ноги.

— Сейчас же разбуди остальных! — хрипло приказал он.— Только не тяни с этим! Быстрее!

Хитер кивнула, быстро надела туфли и выскочила из комнаты.

Мюррей проковылял к раковине и, пустив холодную воду, сунул голову под струю. Головная боль осталась. Он взглянул на свое отражение в зеркале, но оно было неясным и нечетким, и в нем с трудом можно было узнать всем известного Мюррея Дугласа.

— Я думаю взять с собой какие-нибудь доказательства, по крайней мере магнитофон или ящичек, который оставил Валентайн. Я должен это сделать... Эй!

Он невольно оперся о стенку возле раковины, и его медленно функционировавшему мозгу потребовалось довольно много времени, чтобы среагировать на ощущение, которое передали ему нервы.

Стена была горячая! За ней находилась комната номер 13, где был Дельгадо!

Мюррей больше не думал ни о чем другом. Он выбежал в коридор. Хитер, всхлипывая, подошла к нему.

— Я не могу никого разбудить, Мюррей! Все лежат в кроватях, как мертвые!

— Попытайся еще раз! Приложи все усилия! Если они не проснутся, нам придется выбрасывать их из окон. Здесь у них нет ни малейших шансов спастись!

Он повернулся к двери комнаты номер 13, из-под которой уже валил густой дым.

— Дельгадо все еще там, внутри. Валентайн и двое других исчезли, и мы, может быть, больше никогда не увидим их, но если мы сможем спасти Дельгадо, у нас все же будет человек, который сможет ответить на наши вопросы!

Хитер поспешила прочь, а Мюррей открыл дверь комнаты.

Уолтер был прав, когда говорил о беде. Короткое замыкание кабеля вызвало электрическую дугу. Пахло озоном, а недалеко от окна откуда-то все еще сыпался дождь искр. Пламя прорывалось во многих местах одновременно. Когда Мюррей открыл дверь, что-то взорвалось. Он инстинктивно пригнулся и почувствовал горячие осколки стекла на своей коже. На нем была только нижняя рубашка и кальсоны, и жар ударил его, словно он стоял перед открытой доменной печью.

У него не было времени рассматривать электронную аппаратуру, находящуюся в комнате. Он бросился к Мануэлю Дельгадо, который, наклонившись, сидел за своим рабочим местом. Что-то вонзилось в пятку Мюррея, и он вздрогнул. Вероятно, это был осколок стекла. Но Мюррей не обращал внимания ни на жару, ни на дым. Он схватил Дельгадо и кое-как взвалил его себе на плечо. Когда он тяжело пошел к двери, снова раздался сильный взрыв.

Мюррей подумал о том, что лучше было бы закрыть дверь, потому что тогда будет меньше кислорода для горения. Он толкнул ее за собой.

— Мюррей!

Хитер вышла из другой комнаты — комнаты Иды, насколько он помнил,— и, спотыкаясь, побрела к нему.

— Мюррей, я не могу никого разбудить! Я кричала им в уши и... О Боже, Мюррей, я не могу ничего сделать!

— Иди вниз, в холл,— приказал ей Мюррей, а сам направился к лестнице.— Телефон находится в кабинете Близзарда. Вызови пожарных, скорую помощь, врача и полицию. Все они должны прибыть немедленно. Боковому крылу, кажется, конец, но, может быть, удастся спасти главное здание.

Он достиг лестницы и нагнулся, чтобы опустить свой груз на пол. Дельгадо, как кукла, соскользнул вниз по ступенькам и остался лежать на первой площадке лестницы.

«Это он переживет,— цинично решил Мюррей,— если только он был жив, когда я его вытаскивал из комнаты». Его волосы обгорели, на руках и на ногах было множество ожогов, но хорошему врачу потребуется совсем немного времени, чтобы снова привести его в порядок.

— Да иди же к телефону! — еще раз приказал он, не останавливаясь посмотреть, выполнила ли Хитер его приказ. Вместо этого он вернулся назад, в коридор. Теперь начались жуткие минуты, которые он позднее никогда не мог вспомнить достаточно четко.

Мюррею казалось, что он переживает какой-то кошмар, наполненный болью и адскими видениями. Все началось в комнате номер 12, где, как восковая фигура, на кровати лежал Адриан Гарднер, словно мертвец из «Дракулы». Ничего странного, что Валентайн и Дельгадо вели себя так беспечно и не побеспокоились о том, чтобы закрыть дверь в комнату номер 13, когда они обсуждали свои тайные дела. Они знали, что большинство обитателей дома погружено в подобный смерти сон, и, понятно, ни о чем не заботились.

Мюррей вошел в комнату Адриана, намереваясь перерезать проволоку под матрасом и выбросить магнитофон вместе с пленками в окно, чтобы потом иметь дополнительное доказательство. Но он тотчас же отказался от своего намерения, как только переступил порог комнаты. Из-под карниза уже курился дымок, и от едкого чада у Мюррея перехватило дыхание. За стеной, в комнате номер 13, что-то громко щелкало и взрывалось.

Мюррей сорвал с постели покрывало и с трудом взвалил Адриана к себе на плечо. В комнате номер 13,

очевидно, произошло новое короткое замыкание. Телевизор задымился, потом появились первые языки пламени на том месте, где кабель изчезал под плинтусом.

Мюррей поволок Адриана к двери.

Ковер позади него дымился. Комната наполнилась густым чадом. Мюррей бросил взгляд на комнату номер 13. Краска на двери от жара уже вздулась пузырями.

Он спустил Адриана вниз по лестнице, когда пол под его ногами сильно закачался. Что-то грохнуло и разлетелось, и Мюррей представил себе, как тяжелая аппаратура в комнате номер 13 проломила пол, а под этой комнатой находилась сцена с пожароопасными занавесями! Как только огонь дойдет туда, первый этаж будет отделен от настоящего ада тонким потолком. Мюррей попытался открыть следующую дверь. В номере 11 спал Констант.

Этот парень запер свою дверь.

Мюррей осмотрелся в поисках чего-нибудь, чем он смог бы взломать дверь. Он знал, что у него не хватит сил взломать замок голыми руками. Он увидел резной стул из дуба, стоявший между двумя дверями. С его помощью ему удалось взломать дверь Константа. Это была дверь новейшего типа, так что ему пришлось проломить только два слоя фанеры.

Потом он поволок к лестнице Гарри из десятой комнаты. Он нисколько не сомневался в том, что театр уже объят пламенем. Пол под его босыми ногами был горячим, повсюду из комнат вылетали густые клубы дыма. Сквозь дверь комнаты номер 13 уже пробивались языки пламени, и Мюррей слышал, как повсюду лопаются оконные стекла. Пол под его ногами еще раз закачался и перекосился.

Или это была только иллюзия? Мюррей представил себе, в каком направлении ему нужно было преодолеть подъем.

— Спасибо,— пробормотал он и только сейчас заметил, что рядом с ним действительно кто-то был. Хитер помогла ему подтащить к лестнице Иду. Ида тоже была бледна, как мертвец. Ее бледность подчеркивалась, потому что на ней была черная нейлоновая комбинация.

Мюррей и Хитер кое-как справились с этим, а огонь объял уже большую часть обреченного крыла здания. Лестница теперь напоминала сюрреалистическую театральную сцену, она вся была завалена находившимися без сознания людьми.

— Теперь еще Сэм! — прохрипел Мюррей.

Он почувствовал руку на своем плече.

Да, еще один, но он находится не над горящим театром, а вдалеке от лестницы, где он не подвергается особо большой опасности.

— Все хорошо, все хорошо... — Но это была не Хитер. Мюррей раскрыл свои слезившиеея глаза и увидел фигуру в темной одежде с блестящими пуговицами, кого-то со шлемом на голове.

— Я попросила их сообщить о случившемся в ближайшую пожарную команду и, по возможности, нескольким врачам и...

Это Хитер. Мюррей медленно повернулся. Фигуры на лестнице все еще лежали неподвижно в тех же позах, как и прежде. Но внизу в холле появились люди с пожарными рукавами, и кто-то начал выкрикивать приказы. У Мюррея был только один вопрос: *все ли находятся в безопасности?*

Он снова услышал голос Хитер.

— Он их всех вытащил сюда. Мюррей притащил их всех сюда. Да, их всех!

Люди из пожарной команды. Пожарные рукава. Те стекла, которые не лопнули от жара, выбиваются снаружи. Появилась надежда, помощь.

Мюррей забыл почти обо всем, что осталось позади него. Он хотел покрепче ухватиться за перила лестницы, но его пальцы соскользнули, и он не встретил под ногой никакой опоры там, где ожидал найти ступеньку лестницы. Кто-то поддержал его, прежде чем он упал вниз. Он увидел перед собой озабоченное лицо под темным шлемом.

Мюррей потерял сознание.

23

Мюррей Дуглас постепенно пришел в себя и должен был сделать известное усилие, чтобы снова взять под контроль свои мысли. Он почувствовал на себе грубое покрывало, под головой у него вместо подушки была скатанная одежда, и он слышал накатывавшийся волнами шум человеческих голосов, вой моторов и шипение заливаемого пламени.

Потом возле него кто-то озабоченно сказал:

— Вот он, доктор. Он... он просто был без сознания.

Это был голос Хитер.

Другой голос, мужской, с шотландским акцентом, который показался Мюррею знакомым, ответил:

— И в этом ничего странного, девушка! Когда я снова увидел его, я удивился, действительно удивился, насколько старше он выглядит, чем он есть на самом деле.

Доктор Кромарти. Это имя выплыло из глубины сознания Мюррея, и он вынудил себя открыть глаза.

Врач действительно стоял над ним. Он, должно быть, очень спешил сюда, потому что из-под его пуловера виднелись рукава пижамы.

— А как с остальными? — спросил Мюррей.— Мы вовремя вытащили их оттуда?

Кромарти надел очки. Он бросил на Хитер вопросительный взгляд и успокаивающе махнул рукой.

— Да, мистер Дуглас, с другими все в порядке. Лежите спокойно, чтобы я...

— Я не имею в виду их ожоги! — вмешался Мюррей. Он с трудом приподнялся на локтях.— Я хочу знать, как дела у остальных!

Кромарти неодобрительно покачал головой и попытался натянуть одеяло повыше, но Мюррей нетерпеливо отбросил его.

— Во имя бога! — воскликнул он.— Мне не надо ничего. Я просто обессилел от дыма и жары. Я...

— Твои ноги, Мюррей,— вмешалась Хитер.

Он сделал паузу, потому что тотчас же понял, что она имеет в виду. Потом он увидел, что она права. Его подошвы были очень чувствительны, но мучения будут потом, а пока боль была еще терпимой. Много важнее были живые мертвецы, ничего не подозревавшие жертвы Дельгадо, которых Мюррей, как трупы, выволок из их комнат и отнес к лестнице.

— Да оставьте же меня! — пробурчал Мюррей, одним движением высвобождаясь из рук доктора Кромарти и выпрямляясь.

— Я должен наконец знать, что...

Он не стал продолжать, а просто огляделся. На траве перед главным зданием лежали вытянувшиеся во весь рост темные фигуры.

Две пожарных машины и остальные автомобили фарами освещали всю эту сцену. Повсюду были видны люди в мундирах.

— Вторая пошла, осторожнее! — крикнул возбужденный голос.

Почти в то же мгновение за домом что-то с треском обрушилось. Мюррей увидел фонтан искр, осветивший нижнюю часть огромного облака дыма, которое быстро поднималось вверх.

Теперь там, где бушевал огонь, действительно будет ничего не найти.

Мюррей ненадолго закрыл глаза и с трудом сохранил самообладание. Когда он увидел обвал, ему захотелось задать множество вопросов. Теперь он снова вспомнил о них и повернулся к доктору Кромарти.

— Где машины скорой помощи? — спросил он.— Почему здесь нет ни одной машины скорой помощи?

— Неподалеку на шоссе произошла авария,— произнес врач.— Несколько погибших и около двадцати раненых при аварии автобуса. Но машины прибудут сюда, как только смогут.

— О,— пробормотал Мюррей разочарованно и испуганно.— Ну, вы, по крайней мере, осмотрели людей?

Кромарти провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Знаете ли, я здесь всего лишь несколько минут. Пожарная команда, конечно, оказала им первую помощь и установила, что никто из них не получил серьезных ожогов. Эта юная дама настояла на том, чтобы я сначала шел к вам...

— Дельгадо? — коротко спросил Мюррей.

— Он, кажется, обо что-то ударился,— объяснила Хитер,— но у него тоже нет серьезных ранений.

Мюррей с облегчением кивнул и вернулся, к своему первоначальному вопросу.

— Что случилось с этими людьми, доктор? Они же не спят. Они кажутся мертвыми. Они. Проклятье, вы же сами это видите!

Он сделал четыре или пять шагов к ближайшему «мертвецу» и при последнем шаге убедился, что ожоги на его ногах намного хуже, чем он считал вначале. Он шатался и с трудом держался на ногах. К счастью, Хитер оказалась возле него и поддержала его. Кромарти последовал за ними, открыл черный докторский саквояж и порылся в нем.

— Вот, девушка,— сказал он и дал Хитер тюбик с мазью и два бинта.

— Заставьте этого идиота опуститься на траву и перебинтуйте ему ноги, пока грязь не попала на ожоги. Потом я позабочусь о нем более основательно, а это уменьшит его боль.

Хитер молча кивнула, помогла Мюррею, который со стоном опустился на траву, и обмотала одеяло вокруг его плеч. Мюррей едва обратил на это внимание. Он не спускал глаз с Кромарти. Доктор переходил от одной темной фигуры к другой, ненадолго останавливаясь возле каждой, потом вернулся назад.

— Я не знаю, что мне об этом и думать,— сказал он,— но вы были не так уж и неправы. Они не спят, но, несмотря на это, действительно кажутся мертвецами. Эти бедные люди находятся в гипнотическом трансе.

— Вы уверены в этом? — осведомился Мюррей.

— Совершенно.— Кромарти смущенно откашлялся.— Моя практика не занимает особенно много времени, и в свободное время занимаюсь гипнозом. Я даже гипнотизировал будущую мать — конечно, с ее согласия — и роды, во всяком случае, были безболезненными.

— Я думаю... — начала Хитер, затем прикусила нижнюю губу.

— Ну?

— Не могли ли им дать какое-нибудь затормаживающее средство?

— Возможно,— согласился доктор Кромарти.— Но я могу держать пари, что эти люди загипнотизированы.

— Вы не можете из разбудить? — осведомился Мюррей.

Врач покачал головой.

— Если гипнотизер знает свое дело, их не разбудить.

— Они навсегда останутся в таком состоянии? — испуганно спросила Хитер.

— О нет! — заверил ее Кромарти.— Этот транс постепенно перейдет в нормальный сон, потом они проснутся, как обычно, но...

— Да? — спросил Мюррей.

— Но они могут отреагировать на постгипнотический приказ,— медленно добавил врач.— И если мы ничего не предпримем против этого, эти люди, как только они проснутся, будут действовать против своей воли.

Мюррей довольно часто видел, как вели себя люди, которых гипнотизировали на сцене. Он знал, что хотел сказать Кромарти.

Если загипнотизированный не выполнит внушенного ему приказа, появится опасность, что он будет вести себя, как психически ненормальный.

Прежде чем врач успел продолжить, позади них остановился автомобиль патруля. Водитель вышел и придержал дверцу. Из машины выбрался человек в штатском. Этот человек обменялся несколькими словами с находившимися здесь полицейскими, потом увидел Кромарти и подошел к нему.

— Доброе утро, доктор,— сказал он.— Мне очень жаль, что я прибыл так поздно, но сегодня так много различных происшествий!

— Когда прибудут санитарные машины? — спросил Кромарти.

— Нам пришлось использовать тринадцать машин, чтобы увезти раненых с дороги. Вы уже слышали об этом? Но как только они разгрузятся, то как можно быстрее прибудут сюда. Что, собственно, здесь произошло?

— Я тоже хотел спросить об этом у мистера Дугласа,— сказал Кромарти.— Мистер Дуглас, это главный инспектор Вудворд.

— Мюррей Дуглас, известный театральный актер,— кивнув, произнес Вудворд.— Я уже слышал о том, что вы репетировали здесь с труппой. Это так?

Мюррей провел языком по губам. Хитер закончила бинтовать ему ноги. Теперь она присела возле него на траву, словно она устала и решила восстановить свои силы.

— Все это так запутано, что я даже не знаю, с чего мне начать.

Мюррей замолчал, пытаясь привести в порядок свои мысли.

— Вы можете начать с того, что объясните нам, почему все эти люди загипнотизированы,— предложил Кромарти.

— Вы сказали, что они загипнотизированы? — Вудворд повернулся и бросил недоверчивый взгляд на неподвижные фигуры, лежавшие на траве.

— Я... Нет, расскажите мне сначала побольше, а потом я буду задавать вопросы.

— Итак, вы уже знаете, почему мы все собрались здесь? — спросил Мюррей.

— Чтобы репетировать новую театральную пьесу,— уверенно ответил главный инспектор.— Об этом писали в местных газетах. Это, очевидно, было очень важным делом.

— Это якобы важное дело служило всего лишь маскировкой,— объяснил Мюррей своим слушателям.— Теперь я, правда, не знаю, что там затевалось, но я думаю, что нас всех полностью загипнотизировали, а потом...

Триплем, концен-лента, совместные переживания...

Бесцельно. Теперь здесь стало все так нечетко и расплывчато, словно он смотрел на все происшедшее сквозь огромное облако дыма, которое поднималось над домом.

— Я... я лучше начну с самого начала,— пробормотал он.

Доктор Кромарти и главный инспектор Вудворд со все возраставшим удивлением слушали о «Три раза за раз», о самоубийстве Жан-Поля Гаррижо, о Леа Мартинес, которую поместили в сумасшедший дом, и о Клодетт Мирин, которая пыталась убить свою маленькую дочку. Вудворд больше не мог молчать.

— Но почему никто ничего не предпринял против этих сумасшедших? — спросил он.— Просто невозможно поверить, что невинных преследовали и уничтожали именем искусства! Гений или нет — это чудовищно, и этому уже давно надо было бы воспрепятствовать.

— Дельгадо — такая продувная бестия, что он шел на все, чтобы мы были готовы принять любую его точку зрения,— сказал Мюррей.— Я сам не знаю, почему мы не стали его жертвами. Вероятно, нам просто повезло.

— Нет, не только это,— энергично возразила Хитер.— Ты просто был слишком крепким орешком для него, Мюррей.

— Это лестно для меня, но это не так,— со вздохом ответил Мюррей.

— Ну, уже в первый вечер...

Мюррей рассказал о магнитофонах под кроватями, о странных металлических прутьях над сценой, о пере-

строенных телевизорах и о странной аппаратуре в комнате номер 13. Он рассказал о нервозности Дельгадо, когда тому говорили об этих вещах. Он рассказал о том, что даже Лестер Харкэм внезапно потерял всякий интерес к этой странной аппаратуре. Он рассказал о жестянках с фруктовым соком в его комнате, содержавших еще и спирт, о попытках сделать его снова пьяницей.

Он повторил разговор между Валентайном и Дельгадо, добавив и то, что он смог услышать позже, когда Валентайн и Уолтер считали, что он находится без сознания...

Наконец Вудворд покачал головой и сказал:

— Я просто не знаю, что со всем этим делать. Что вы обо всем этом думаете, доктор? Я искал этого «слугу» в основном из-за торговли наркотиками. Может быть, мы сможем обвинить его еще и в сводничестве, но это и все. О, я сожалею, девушка.

— Я думаю,— прошептала Хитер, не обращая внимания на его слова,— что они против моей воли заставляли меня делать то, что им было нужно.

— Но все это так невероятно! — запротестовал Кромарти.— Посмотрите только вот на этот пример. Мистер Дуглас убежден, что проволочная сетка в матрасе погрузила в гипнотический сон всех этих людей. Но я много лет занимаюсь гипнозом и считаю, что это совершенно абсурдно!

Мюррей разочарованно опустил плечи. Он хотел возразить, но потом решил поберечь силы. Доказательства, которые он хотел забрать из дома с собой, были уничтожены огнем.

Что ему могли дать те немногие мелочи, которые, может быть, удастся найти позже? Псевдонаучный хлам, который скорее подтвердит рассуждения Лестера

о псевдонауке, чем фантастические предположения Мюррея.

Он положил руку на голову. Кромарти озабоченно посмотрел на него.

Мюррей не обратил никакого внимания на то, что происходило вокруг него, поэтому чуть было не прослушал предложение Хитер.

— Почему бы нам просто не расспросить об этом Дельгадо, вместо того чтобы стоить теории? — произнесла она.— Он уже должен прийти в сознание. Валентайн и остальные ускользнули от нас, но ведь Дельгадо лежит там вместе с этими несчастными загипнотизированными.

24

Мюррей внезапно снова встал. Он сам должен был подумать об этом! Он ведь хотел сразу допросить «автора», но спасение других членов труппы было важнее.

Он с нетерпением ждал, пока доктор Кромарти осмотрит Дельгадо и подтвердит, что этот человек только слегка ранен.

Ожоги и раны Дельгадо были уже обработаны, и он снова пришел в сознание, когда Кромарти подошел к нему. Теперь он дрожал от страха и громко сглатывал. Он испуганно переводил взгляд с одного человека на другого.

Когда Кромарти согласно кивнул, Вудворд опустился возле Дельгадо на колени, представился и предложил Дельгадо высказать свою точку зрения на утверждения Мюррея.

Но человек перед ними только испуганно застонал и еще плотнее сжал губы.

— Да говорите же вы наконец! — проревел ему Мюррей.— Проклятье, говорите!

Он был в такой ярости, что нанес бы лежащему удар ногой, если бы его ноги не болели так ужасно. Кромарти отвлекся и не увидел, что Мюррей встал на свои перебинтованные ноги, хотя он и запретил ему это.

— Нет никакого смысла продолжать запираться,— сказала Хитер.— Это больше не поможет вам. Другие бросили вас на произвол судьбы. Они оставили вас погибать там. Это вам ясно?

Дельгадо впервые проявил какой-то интерес. Из его глаз исчез страх, и он изучающе посмотрел на Хитер.

— Другие оставили вас в комнате номер 13, и вы должны были сгореть,— объяснила ему Хитер,— Валентайн... Виктор и Уолтер! Мы не знаем, куда они исчезли, но их, во всяком случае, здесь больше нет, и они не погребены заживо. Они сбежали и бросили вас на произвол судьбы, и если бы Мюррей не пришел, чтобы спасти вас, вы бы сгорели заживо. Разве вы этого не понимаете? Ваши проклятые дружки бросили вас, а Мюррей спас вашу бесценную жизнь.

Хитер почти рыдала, произнося последние слова. Дельгадо, очевидно, впечатлил этот порыв чувств. Теперь его страх уступил место холодной ненависти.

— Это правда? — прошептал он и продолжил, не ожидая ответа: — Да... да, теперь я все вспоминаю! Я хотел изготовить ленту, которая нужна была Валентайну, но потом вспыхнул рой искр, где-то произошло короткое замыкание... Я коснулся пульта и потерял сознание...

Он внезапно поднялся и осмотрелся.

Потом он уставился на Мюррея.

— Вы вытащили меня оттуда? — прохрипел он.

Мюррей медленно кивнул.

— Но я думал... — Дельгадо снова сделал паузу, и когда продолжил, в его голосе звучала жуткая ненависть.

— Эти бессердечные, жалкие, проклятые садисты просто бросили меня здесь, и я должен был сгореть! — Дельгадо яростно потряс сжатым кулаком.— Они за это еще поплатятся! Теперь им придется долго выкручиваться, когда их однажды схватят темпореги. Они должны это сделать! Я до самых подбородков закопаю их в радиоактивные отходы! Я сотру их память, и они превратятся в пустые оболочки, лишенные всякого разума. Я при помощи фальшивых редукесов превращу их в субстаты. Я...

Субстаты? Редукесы? Триплем?

Мюррей нагнулся вперед и настойчиво произнес:

— Поберегите слова! Предавшие вас товарищи, очевидно, больше не могут слышать вас. Что такое триплем, Дельгадо?

Дельгадо закрыл глаза, откинулся на локтях и, казалось, примирился со своей судьбой.

— Триплем? Это многожильный миниатюрный кабель — тонкий проводочек, который вы все время вытаскивали из своего матраса. Вы не могли узнать его. Он будет изобретен только в 1989 году, насколько я помню.

Долгое время царило полное молчание.

Мюррей сначала не хотел верить своим ушам. В конце концов, пожарные производили такой шум, что...

Однако потом он заметил, что теперь все великолепно подходит друг к другу.

Он расслышал верно, и головоломка перед его глазами сложилась в логическую картину. Конца ее еще не было видно, но Мюррей теперь знал, что его предположения верны.

— А... темпореги? — медленно спросил он.— Вы так назвали их, правда?

— Темпоральные регуляторы,— пробормотал Дельгадо.— Вид полиции. Когда они схватят Валентайна, я надеюсь, они не...

— Субстаты? — резко спросил Мюррей.

— Неисправимые преступники, личность которых стирается, потому что они не поддаются психотерапии.

— Редукесы?

— Ленты для перевоспитания, при помощи которых преступная личность превращается в безопасную для общества.

— Концен-лента?

Мюррей посмотрел на остальных слушателей. Кромарти и Вудворд слушали, явно пораженные, но Хитер с блестящими глазами ловила каждое его слово.

— Нелегально изготовленная лента, чтобы изменить ориентацию определенной личности в нужном направлении.— Дельгадо отвечал механическим тоном ребенка, наизусть заучившего стихотворение, но не понимающего его.

— Кондиционирер?

Это был ящичек, которым Валентайн ударил Мюррея по голове, отчего Мюррей потерял сознание.

— Аппарат для временного абсолютного внушения другим людям.

— Этот... этот кондиционирер приводит людей в состояние, напоминающее гипнотический транс?

— Это и есть гипнотический транс.

Верно. Мюррей глубоко вздохнул.

— Мануэль Дельгадо, когда вы родились?

— Минуточку,— сказал Вудворд и выступил на шаг вперед.— Я не понимаю, чего вы...

— Тише! — прошипел Мюррей и повторил свой вопрос.

Потом последовала долгая пауза. Наконец Дельгадо провел языком по губам.

— Ну, я рассказал вам уже очень много, и я очень надеюсь, что этого достаточно, чтобы стерилизовать Валентайна, чтобы все его волосы выпали, а его кожа...

— Дельгадо!

— О... Я родился в двести восемнадцатом году по мировому календарю. По вашему примитивному летоисчислению это будет примерно... ага... две тысячи четыреста пятидесятый год.

Мюррей медленно кивнул.

— Теперь я также знаю, что вы здесь делаете,— тихо сказал он.— Вы собирали нелегальные переживания и страсти, чтобы контрабандой перетащить их в будущее.

Дельгадо чуть заметно вздрогнул.

— Послушайте, я не мог... не должен...

— Нет, вы можете и должны это,— возразил Мюррей.— Я не допущу, чтобы вы выскользнули через петлю ваших... темпоральных регуляторов. Вы так расширите отверстие, чтобы через него мог проехать примитивный автомобиль. Вы меня поняли?

— Но я не могу! — заверил его Дельгадо.— Я не должен! Я...

Мюррей нагнулся над ним и заговорил как можно настойчивее, зная, что это было самое важное представление в его жизни, сулившее много больше, чем похвалу критиков и дюжину приглашений на участие в новых спектаклях.

— Дельгадо! — громко сказал он.— Если вы не скажите нам всю правду, я повалю вас на спину, снова отнесу вас в дом и оставлю там, где я вас нашел. И будьте уверены, что даже все ваши приборы и аппараты из будущего ничего не смогут сделать, чтобы удержать меня.

Он схватил Дельгадо за рубашку, смял ее на его груди и сильно встряхнул «автора». Краем глаза он увидел, что Вудворд открыл рот, словно хотел что-то возразить. Хитер протянула руку, чтобы удержать его, а доктор Кромарти зачарованно уставился на обоих мужчин, хотя он, по-видимому, почти не понимал, что здесь происходит.

— Вы, по-видимому, все еще не поняли! — в отчаянии ответил Дельгадо.— Если я расскажу вам больше, я рискую быть наказанным, и против меня будут направлены меры возмездия...

— Может быть, даже сотрут вашу память? — презрительно осведомился Мюррей.— Так будет лучше, Дельгадо! Основательная чистка вашего грязного разума определенно не повредит вам. Но других уже здесь нет, не так ли? А я здесь! Ну что, вы будете говорить, или я оттащу вас обратно в дом, чтобы вы поджарились там?

— Но если я буду говорить... — Дельгадо пробормотал про себя что-то невразумительное. Потом он пошевелился.

— Что же мне в конце концов остается? У меня больше нет надежды, не так ли? Я крепко влип здесь — черт бы побрал этого Валентайна! — и я должен оставаться среди этих примитивных идиотов. Если я буду молчать, меня, несомненно, упекут в один из этих ужасных сумасшедших домов, как ту девушку в Париже. Я этого не смогу вынести, но, по крайней мере, есть еще один выход...

— Еще один выход? — повторил Мюррей и взглянул на Кромарти.— Док, посмотрите лучше, нет ли у него во рту какой-нибудь пилюли для самоубийц!

Доктор Кромарти приблизился к Дельгадо, но тот махнул рукой и с презрительным превосходством сказал:

— Яд? Вы это имеете в виду? Ну, я еще не отклонился настолько далеко от нормы. Предрасположение к самоубийству было устранено еще в моей юности. Я не потенциальный самоубийца. Я только вероятный кандидат в смертники.

Он снова взглянул на Мюррея и почему-то улыбнулся.

— Палач,— тихо сказал он.— Ну, по крайней мере, теперь вы можете спрашивать. Но я не могу обещать, что отвечу на все ваши вопросы.

— На все, или я, как и обещал, сволоку вас назад в дом,— пригрозил ему Мюррей.— С тех пор, как вы все это устроили...

— Вам хочется только отомстить мне,— упрекнул его Дельгадо.— Не бойтесь, вы скоро получите то, чего вы хотите, и я надеюсь, что потом, когда все это закончится, вы наконец сможете спать спокойно. Ваши примитивы должны иметь крепкие желудки, чтобы выдержать вашу нормальную жизнь, но если этого вдруг для вас становится слишком много, у вас нет тех возможностей, которые появлялись у меня каждый раз, когда я возвращался из прошлого. Вы не можете просто стереть неприятные воспоминания, Дуглас, вам приходится выдерживать их, не так ли?

— Закройте рот и говорите только тогда, когда вас будут спрашивать,— сказал ему Мюррей.

Его память содержала много ужасных воспоминаний, с которыми ему приходилось жить, потому что он не мог забыть о них.

— Мистер Дуглас,— нервно вмешался Кромарти,— мне нужно кое-что узнать, прежде чем вы начнете спрашивать дальше. Как обстоят дела у тех, вон там? Их состояние так... так необычно.

— Не беспокойтесь о них,— ответил Дельгадо, махнув рукой.— Поместите их в свои сумасшедшие дома, и пусть они там проснутся. Мы до сих пор только усиливали их естественные тенденции. Эти люди через несколько недель или месяцев снова придут в себя.— Он бросил на Мюррея взгляд, полный ненависти.— И все это благодаря вам!

Кромарти немного поколебался, потом пожал плечами. Он посмотрел на ворота, словно мог этим ускорить приближение машин скорой помощи.

Дельгадо снова уселся на своего конька.

— Я, несомненно, не смогу долго выдержать здесь. Почему? У нас это еще хуже, потому что существуют люди, которые могут наслаждаться этим, но здесь они утеряют все свое «искусство» и...

— Что? — спросил Мюррей, но не получил ответа. Он подождал еще несколько секунд, а потом настойчиво продолжил:

— Дельгадо, кто вы, собственно такой?

— Минуточку... сейчас, только подберу более точное выражение... мальчик для битья, козел отпущения.— Теперь он сильно побледнел, и губы его чуть заметно шевелились.— Я никогда не думал, что здесь кто-нибудь сможет догадаться о правде, мы не должны были брать вас сюда, я предупреждал об этом Валентайна, но он не захотел меня слушать.

— Вернемся к делу,— потребовал Мюррей.

— Да, верно.— Дельгадо заметно ослаб, его голос перешел в хриплый шепот.— Вы знаете, что мы в состоянии путешествовать в прошлое, но это очень опасно, негигиенично и нелегально. Мы разработали

методы, при помощи которых можно манипулировать разумом и личностью человека. Некоторые люди считают это большим шагом вперед, другие считают эти методы опасными, потому что одаренные люди зачастую характерно неустойчивы. Я знаю только, что мне никогда не нравилась идея, что на мой разум могут официально повлиять, чтобы я после этого соответствовал норме.

Дельгадо устало замолчал, на его лбу блестели капли пота.

— Конечно, не все десять миллиардов людей на Земле обрабатываются таким образом, это применяется только к преступникам и к людям с отклонениями от нормы, которые добровольно подвергаются этому лечению. Поэтому, конечно, остается достаточное количество людей, которые на людях ведут себя нормально, а в личной жизни склонны к аномалиям. Приборы, которые вы видели, используются именно для этого. Они служат для общения и... ну, если вы, например, отрезаны от своей подруги, вы можете изготовить ленту с совместными переживаниями, чтобы у вас обоих была память об этом.

Но некоторые люди питают склонность к переживаниям, которые в наше время уже не встречаются. Валентайн пытался заполнить этот пробел, поэтому он и выискивал для себя примитивы в прошлом. Он пытался сделать это в разных столетиях, используя для этих целей нелегальный доступ к машине времени, но ни одна из этих попыток не удалась — ленты нельзя было использовать...

Дельгадо провел кончиком языка по губам. Он тихо застонал, однако отрицательно махнул рукой, когда Хитер хотела приблизиться к нему.

— Потом у него появился я со своей великолепной идеей,— тихо продолжил он.— Я предложил Валентайну

попытать счастья с актерами. Актеры неустойчивы и легко поддаются внушению. И это нам удалось. Он уже трижды использовал мою идею, эта чертова свинья! Мою идею! И он сбежал, оставив меня, даже не побеспокоился о том, что я сгорю заживо! Чертова свинья!

На этот раз стон был громче и сопровождался болезненной гримасой. Хитер вздрогнула. Мюррей заколебался, потому что он не знал, можно ли задавать вопросы Дельгадо, находившемуся в таком тяжелом состоянии. Потом перед ним внезапно появился доктор Кромарти и громко сказал:

— Этот человек болен!

Он нагнулся над ним и откинул покрывало, которым был накрыт Дельгадо. Теперь все они увидели, как был наказан Дельгадо за то, что сказал правду, хотя должен был молчать. Они увидели, почему он все время утверждал, что у них должны быть крепкие нервы.

При помощи какой-то дьявольской аппаратуры, использовавшей неведомую технологию будущего, которую никто из присутствовавших не понимал, тело Дельгадо разложилось, пока он говорил. Под покрывалом тело от кончиков пальцев ног до самой шеи превратилось в отвратительную слизистую массу.

Вдали, как адский смех, завыли сирены машин скорой помощи.

25

Рука Хитер сжала руку Мюррея так крепко, что ему стало больно. Девушка затаила дыхание, словно собирала все свои силы, чтобы ее не вырвало. Вудворд смущенно уставился на землю, и даже Кромарти,

который за время своей врачебной практики повидал много всего, казалось, должен был взять себя в руки, прежде чем он взял покрывало и снова накрыл Дельгадо.

Потом подъехали машины скорой помощи, и Вудворд охотно направился к ним. Мюррею повезло меньше. Он все еще стоял на одном месте, чувствовал на своей руке вес Хитер и делал отчаянные попытки, чтобы не упасть в обморок. Когда он, спустя неопределенно долгое время, снова открыл глаза, он увидел перед собой Кромарти, который убирал останки Дельгадо.

— Мистер Дуглас, вы дрожите от холода, и в этом нет ничего удивительного! — воскликнул Вудворд, снова подойдя к ним.— Люди, он же практически голый! Да, принесите же ему пальто, Робертс!

Не так громко, у меня болят уши. Но Мюррей ничего не мог сказать вслух.

— Доктор, есть еще место в одной из машин?

— Эти проклятые служаки направили нам только три машины! — Кромарти провел пятерней по своим волосам.— Я возьму мистера Дугласа к себе в дом. У меня есть одна свободная койка, и мне нужно еще раз обработать его ожоги.

Потом он посмотрел на Хитер.

— А как насчет вас, девушка? Вам лучше всего тоже поехать со мной. Мой автомобиль стоит у ворот.

Мюррей взял у полицейского, которого позвал Вудворд, теплое пальто. Он больше не мог идти сам, и его пришлось поддерживать, пока они добирались до машины Кромарти. Там он с облегчением опустился на заднее сиденье. Хитер села возле него, держась за руку.

Когда они отъезжали, Мюррей увидел, что пожарные старались спасти главное здание. Боковое крыло,

вероятно, будет гореть еще несколько часов, но огонь больше не сможет распространиться по всему зданию.

Надеюсь, оно хорошо застраховано, иначе Сэм Близзард может понести громадные убытки.

Мюррею в голову пришло и кое-что другое. Он нагнулся вперед и сказал:

— Доктор Кромарти, утром вас, возможно, посетит мой агент, Роджер Грэди. Я вчера сказал ему по телефону, что хочу попытаться бежать, а потом прийти к вам.

Только вчера вечером? Великий Боже, как коротка может быть вечность!

— Вы хотели бежать? — удивленно повторил врач.— Дружок, тот, кто вас услышит, может подумать, что вы сидели в концлагере!

— Это было ненамного лучше,— сказала Хитер.— Разве вы не слышали, что рассказал вам Мюррей?

— Я едва могу этому поверить,— ответил доктор Кромарти.— Лично меня это не касается, мистер Дуглас, но вы сильно возбуждены и... — Он не стал продолжать.— Нет! Теперь я собственными глазами видел эту невероятную развязку. Я верю каждому вашему слову. Ваш рассказ напоминает одну из историй Эдгара Алана По, не так ли?

— Месье Вальдемар,— вмешалась Хитер.

Мюррей почувствовал, как дрожит ее рука.

— Он был загипнотизирован, не так ли? Доктор, существует опасность, что все остальные...

— Дельгадо сам сказал, что в них были усилены их естественные наклонности, и через несколько недель или месяцев они снова будут в порядке,— ответил Мюррей.

Он успокаивающе положил свою руку ей на плечо.

— Но я тоже слышала, как он утверждал, что он родится только в следующем тысячелетии.— Хитер покачала головой.— Он был сумасшедшим, не так ли?

— Нет, он, должно быть, сказал правду,— ответил ей Мюррей,— потому что больше нет никаких разумных объяснений всему происшедшему с нами, а также разложению его тела.

— О Боже, как это ужасно! — воскликнула Хитер.

— Я могу себе представить, какой это был шок для вас, девушка,— ответил доктор Кромарти.— Но успокойтесь, когда мы приедем, я дам вам кое-что, и вы спокойно заснете. Мы скоро будем у меня дома.— Он повернулся к Мюррею.— Мистер Дуглас, у вас, кажется, есть объяснение всего этого. Итак, кто же это был?

Мюррей тихо вздохнул. Завтра утром эта ночь будет казаться ему кошмаром. В будущем он больше ничем не сможет подтвердить своих воспоминаний, потому что все доказательства сгорели и расплавились.

— Я могу вам только сказать, что предполагаю сам после того, как я услышал ответ Дельгадо,— начал он.— Когда-то в будущем — в двадцать пятом столетии — наука сделает такой шаг, что будут возможны путешествия во времени и изменение личности человека. Для этого используются антенны из триплема, которые были вделаны в наши матрасы. Чтобы выполнить нелегальные желания нескольких извращенцев, Валентайн взялся доставить состоятельным заказчикам ленты с примитивными страстями. Эти заказчики должны были хорошо заплатить, поэтому Валентайн использовал все свои возможности после того, как Дельгадо натолкнул его на мысль использовать для этого актеров, которые легко поддаются внушению.

Чтобы как можно лучше использовать свои ограниченные возможности, они намеренно собрали наиболее неустойчивых людей, нервная система которых наиболее

легко поддавалась влиянию. Таким образом, их реакции, ощущения, которые записывались на ленту, были значительно интенсивнее и четче. Если бы я своевременно не предпринял бы кое-что против этого, я бы появился в этом «собрании» как безнадежный алкоголик.

— А я как лесбиянка,— сказала Хитер.— Это еще больше пугает меня, Мюррей! Импульс на моей ленте был во много раз сильнее, чем это запланировали Валентайн и Дельгадо, и если бы ты не предупредил меня, я сама никогда бы не догадалась каждый вечер перерезать эту проволочку. Меня предназначили для того, чтобы соблазнить Иду, а позже еще кого-то, кто даже еще не родился. Эти... эти страсти...

— Только никаких преувеличений! — вмешался доктор Кромарти и попытался успокаивающе улыбнуться.— В конце концов, ведь эта попытка не удалась, девушка.

— Нет, она удалась,— заверила она его.— Вам, как врачу, лучше известно, что порочные страсти, вполне вероятно, кроются в каждом человеке. Это заключено в глубине его натуры и ждет возможности, чтобы...

«Настоящая истерия»,— сказал Мюррей самому себе. Он подумал было, не поможет ли здесь пара пощечин, даже если Хитер возбудится еще больше. Но решить ничего не успел, ибо в это мгновение доктор Кромарти затормозил, и перед ними из темноты вынырнул дом. Штора в одном из окон на первом этаже отодвинулась.

Над входной дверью загорелась лампочка, и на пороге появилась домоправительница доктора Кромарти.

Она озабоченно покачала головой, увидев состояние Хитер, и повела ее прочь, чтобы помочь ей принять ванну и уложить в постель.

Доктор Кромарти принес Мюррею теплый халат, а затем начал обрабатывать ожоги на обеих его ногах.

Он действовал молча и сосредоточенно и начал задавать вопросы только тогда, когда все сделал и наложил повязку.

— Мистер Дуглас, вы действительно верите тому, что сказал этот Дельгадо?

— Спросите меня об этом утром,— устало попросил Мюррей.

— Да, конечно.— Кромарти, извиняясь, махнул рукой.

— Мне очень жаль. Я давно уже должен был подумать об этом и отправить вас в постель. Моя домоправительница, вероятно, устроила на предназначенной для вас кровати девушку, но мы, конечно, сейчас подыщем вам что-нибудь другое. Миссис Гарбетт!

26

Раздался зверский звонок. Мюррей вздрогнул, подумал о телефоне на ночном столике и вообразил, что это Валентайн вызывает его, чтобы сказать, что завтрак будет подаваться от восьми до девяти часов утра. Он начал вставать, но потом вспомнил, что все это уже позади.

Мюррей сел на край кровати... Нет, на край большой кушетки, стоящей в гостиной дома доктора Кромарти. На улице сияло солнце. Он взглянул на свои часы. Было уже двадцать минут второго. Потом он поднес часы к уху и заметил, что они все еще тикают.

Они еще ходят. Следовательно...

Кто-то постучал в дверь. Появилась улыбающаяся миссис Гарбетт.

— Он проснулся, доктор,— крикнула она через плечо. Потом сказала Мюррею: — Доброе утро, мистер Дуглас, или, скорее, добрый день. Доктор Кромарти прежде всего хотел дать вам выспаться.

— Я... тогда сейчас, значит, правда, двадцать минут второго? — Мюррей протер глаза.— Мне очень жаль, если я доставил вам затруднения.

— Затруднения? Бог с вами, сэр. После всего, что произошло с вами вчера вечером... Это уже появилось в газетах, и я прочитала статью два раза. Все, что мы для вас сделали, вы вполне заслужили. За дверью вас ждет посетитель, но я просила его не мешать вам.

Посетитель? Тогда я, должно быть, проснулся от дверного звонка.

Мюррей довольно улыбнулся, придя к этому логическому заключению. Прежде чем он успел спросить себя, что же такое могло появиться в газетах, миссис Гарбетт отступила в сторону, пропуская посетителя. Роджер Грэди обеспокоенно поспешил к Мюррею.

— Великий Боже, Мюррей, я снова рад видеть тебя живым и здоровым! Когда я во время завтрака услышал последние известия, я тотчас же выехал сюда. Можешь ли ты простить меня за то, что вчера вечером я не слишком серьезно воспринял твой телефонный звонок?

— Минуточку,— медленно произнес Мюррей.— Какое сообщение ты услышал в известиях?

— Что Филдфайр-Хаус сгорел и что ты спас находившихся там людей!.. — Теперь у Роджера на лице было удивление.

— Но как это попало в газеты? Было уже слишком поздно, чтобы...

— Для лондонских изданий совсем не поздно, по крайней мере, для тех, что выпускаются здесь. Кто-нибудь мог же тебе сказать... О, да ты, конечно,

проспал все утро. После того как я услышал сообщение по радио и поговорил с Сэмом...

— Что ты сделал? — Мюррей приподнял руку, останавливая его.— Ты слишком быстр для меня. Боже мой — Сэм! Что вы здесь делаете? Вы же еще должны находиться в больнице!

— Но со мной все в порядке,— сказал Близзард. До сих пор он молча ждал у двери, пока Мюррей не обратил на него внимание.— После того как я услышал о том, что произошло предыдущей ночью, я всех предупредил, что все, кто попытается воспрепятствовать мне, жестоко поплатятся за это, и сам пошел к вам, чтобы поблагодарить вас.

— Сэм вызвал меня, чтобы выяснить, куда ты исчез после всех этих событий,— объяснил Роджер Мюррею.— В больнице никто ничего о тебе не знал, и это действительно твое счастье, потому что таким образом ты избежал всех этих репортеров. Да, миссис Гарбетт?

— Здесь есть все,— сказала миссис Гарбетт и показала на утреннюю газету.— «Актер-спаситель. Сегодня около двух часов ночи в Филдфайр-Хаус, Бэксфорд, в то время как труппа актеров репетировала и готовила там новую пьесу Дельгадо, вспыхнул сильный пожар. Только Мюррей Дуглас, известный актер, в этот час не спал. Он поднял тревогу и перенес всех остальных членов труппы, которые уже были отравлены дымом, в безопасное место. Пожарная команда из ближайшего города справилась с пожаром».

— Кто-нибудь утверждает, что это всего лишь инсценированный Дельгадо ход? — осведомился Мюррей спустя некоторое время.

— Да,— смущенно ответил Роджер.— Ты, конечно, знаешь, кто это.

— Очевидно, синяк от моего удара у него еще болит?

— Очевидно.

— Я позабочусь о том, чтобы он не смог широко распространить свою ложь,— возбужденно ответил Близзард.— Сегодня после обеда я буду у издателя «Газетт», и если Барнетт сегодня утром не извинится публично за свои пасквили, я позабочусь о том, чтобы он никогда больше не получил доступа ни в один театр Лондона. После этого ему останется только покончить с собой.

Продюсер повернулся к Мюррею и тихо заговорил:

— Я пришел сюда не только для того, чтобы поблагодарить вас за все проделанное вами, Мюррей. Я должен выразить вам благодарность совсем в другой форме. Пока я еще не знаю, что, собственно, намеревался сделать этот Дельгадо, но, во всяком случае, я точно знаю, что он далеко не всегда действовал законным образом. Мы все спокойно и мирно спали крепким сном, в то время как в доме разразился сильный пожар? Это невозможно! Я никак не могу в это поверить! Я так и не проснулся ни в машине скорой помощи, ни тогда, когда меня вытаскивали из нее. Мы все спали, как мертвые. Без вас мы давно уже были бы действительно мертвы. Дельгадо обманул меня, и это уже не изменить.

— Но этот человек, несмотря ни на что, все же был гением. Его ленты помогли ему в этом.

— Что? — непонимающе спросил Близзард у Мюррея.

— Оставим это,— ответил ему Мюррей.— Теперь я, прежде всего, хочу позавтракать и где-нибудь раздобыть подходящую одежду.

— Я захватил для тебя костюм.— Роджер встал.— Я захватил с собой все, но не могу гарантировать, что эти вещи тебе подойдут.

Он исчез, но Близзард не сменил тему.

— Мюррей, вы не должны теперь бросать меня на произвол судьбы. Мы вбили в этот театр и пьесу много

денег и труда, и я хочу поставить эту пьесу до конца, даже без Дельгадо. Он похитил меня при помощи гипноза и этих своих проклятых аппаратов.

— Лучше будьте довольны, что все обошлось так удачно,— сказал ему Мюррей.— Еще несколько недель такой обработки, и у нас была бы пьеса, по сравнению с которой «Марат» маркиза де Сада показался бы детской сказочкой.

— Но я поставлю эту пьесу в Лондоне,— заверил его Близзард.— Мы, конечно, потеряли театр, но зато получим страховку и сможем реконструировать пьесу и диалоги. Может быть, сначала мы покажем ее в провинции, пока не будем уверены, что в Лондоне все пойдет хорошо.

— Вы это серьезно? — спросил Мюррей.

— Стоило ли мне выбрасывать на ветер столько денег? — громко воскликнул Близзард.

— Вы не сможете подумать также и о Хитер? Вы же знаете, почему Дельгадо захотел иметь ее в труппе, не так ли?

— Это мне стало ясно только сегодня утром,— ответил Близзард.— Она должна была... развлекать Иду.

— Верно.— Мюррей задумчиво кивнул.— Ну, в новой постановке она получит роль, даже если мне самому придется написать ее.

— Об этом я и хотел попросить вас,— сказал Близзард.— В конце концов, мы должны быть благодарны ей, потому что ей принадлежит почти половина этой затеи и...

Мюррей больше не слушал его. Он накинул себе на плечи халат доктора Кромарти и вышел в холл, не обращая внимания на Роджера, который направлялся к нему с костюмом, перекинутым через руку.

— Миссис Гарбетт, куда вы поместили Хитер?

— В комнату справа от лестницы на втором этаже, мистер Дуглас,— ответила домоправительница.— Я не знаю, проснулась ли она, но я хотела отнести ей чашечку чая и...

Она появилась с подносом, на котором стояли две чашки. Мюррей, улыбаясь, забрал у нее поднос и поковылял вверх по лестнице. Ноги его болели, но эта боль относилась к прошлому, а он был на пути к будущему.

Действительно ли она раньше занималась тем, на что намекал Дельгадо? Ну, теперь это не играет никакой роли. Мюррей был благодарен судьбе за то, что она дала ему новый шанс. Теперь он должен был привыкнуть к этой мысли, но она ему нравилась. Он постучал в дверь, на которую ему указала миссис Гарбетт, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

ОТЧЕТ № 2 ВСЕГАЛАКТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ДВУХЛАМПОВЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ЖЕЛАНИЙ

Не спешите покупать, не швыряйтесь галактами! Прежде чем приобрести вещь, которая вам понравилась, обратитесь к этому путеводителю по миру товаров, иначе покупка может обойтись вам слишком дорого!

Перепечатано из «Удачной покупки», журнала, издаваемого Объедпотребом Галфеда (2329 земной стандартный год, июльский номер).

Двухламповый автоматический исполнитель желаний

Примечание: это один их наших отчетов о товарах, еще мало известных потребителям и пока не пользующихся широким спросом, однако достаточно перспективных, поскольку их разработка и производство обеспечены значительными вложениями капитала — ср. наши недавние проверки недорогих машин времени.

Вводная часть

Мы получили много писем, авторы которых интересуются нашим мнением о двухламповых автоматических исполнителях желаний. Типично, например, такое письмо: «Я работаю слишком много, а получаю слишком мало. Иногда начинает казаться, что у меня осталось только два выхода (третий, самоубийство, исключается, так как меня все равно вернут к жизни,

потому что я, не имел на это средств, не делал взносов по страхованию самоубийства). Я могу либо обзавестись двойником, чтобы заполучить вторую работу (а я даже не представляю, где взять столько денег на двойника), либо залезть в еще большие долги, заняв под десять процентов, и купить себе исполнитель желаний. Они совсем не дешевы, тысяч двадцать пять или около того, но с другой стороны, прельщает мысль, что мы с женой сможем сами изготовлять для себя все необходимое. Жена за покупку, ибо считает, что мы тогда будем жить, как наши предки, на полном самообеспечении (у нас здесь, на планете «Новые рубежи», сильны традиции первооткрывателей), но я засомневался, а вдруг тут что-нибудь не то, и решил подождать, пока «Удачная покупка» расскажет, что же такое эти исполнители желаний».

Но, к сожалению, не все столь здравы и рассудительны. Средства массовой информации за последнее десятилетие передали множество сообщений о трагической судьбе тех, кто опрометчиво доверился фантастическим вымыслам рекламодателей.

Эбинизер Дж. Молодоженни с планеты Артемидера, несостоятельный должник, похвастался как-то перед друзьями, что наконец-то нашел выход из тупика. Он заложил пожизненный заработок своих внуков и на вырученную сумму купил исполнитель желаний. Он рассчитывал возместить расходы, изготавливая и продавая уран-235, спрос на который постоянно растет. Но он не учел каких-то мелочей, и когда количество вышеназванного изотопа в камере для готовой продукции превысило десять килограммов, пострадало три тысячи человек, причем большинство из них вернуть к жизни так и не удалось.

Или взять, например, вдову Гонорию Квокк с Истерии. Доведенная до отчаяния тем, что не может прокормить одиннадцать детей, она продала шесть своих отпрысков агентству запрещенных услуг, а

полученные деньги потратила на исполнитель желаний. Она была уверена, что выкупит детей, когда машина поправит ее дела. Модель, которую несчастная Гонория Квокк смогла приобрести, была недостаточно хорошо защищена от сигналов из подсознания потребителя, а поскольку вдову, естественно, более всего тревожила судьба ее детей и она о них непрестанно думала, исполнитель желаний начал производить их копии. Чем больше, глядя на это, выходила из себя вдова, тем больше копий выдавала машина. И так как даже лучшая из машин не в состоянии создать полноценного человека, правительство Истерии вынуждено теперь содержать около девяноста пяти слабоумных, а Гонория Квокк пребывает в специальной лечебнице. Курс лечения продлится до конца ее дней.

Поэтому, если вы подумываете о приобретении исполнителя желаний, помните о следующих трех обстоятельствах:

1) рекламодатели склонны к преувеличениям;
2) пользуясь исполнителем желаний, необходимо соблюдать крайнюю осторожность;
3) и самое важное: машина — это всего лишь машина, а не волшебная палочка!

Историческая справка

Когда лет сто назад усилиями Фредди Громэйд Макчертли «трансмутация без радиации» превратилась из лозунга, обеспечивающего голоса на выборах, в реальность, все технически передовые миры задались целью научиться создавать, минуя обычные производственные процессы, все необходимые предметы прямо из неорганизованной материи.

Первый шаг в этом направлении был сделан совершенно случайно в 2276 году на Кокагимнии, где Абдул Фиглер, отказавшись от тщетных попыток объяснить,

какие инструменты нужны ему для исполнения его знаменитой «Сюиты катастрофы», распорядился, чтобы его присоединили к компьютеру, который управляет фабрикой деревянных духовых инструментов. Дальнейшие усовершенствования породили один из двух существенно важных элементов любого современного промышленного предприятия: визуализаторную лампу, извлекающую из сознания лица, которому вверено производство, желаемые характеристики продукции.

Необходимость второго регулирующего элемента стала очевидной, когда Абдул Фиглер обнаружил, что на инструментах, которые он изобрел, ни один музыкант играть не может. Чтобы исполнить «Вариаций на тему столкновения двух планет», он был вынужден превзойти свое первое достижение и создать лучшего, чем человек, музыканта. Форма жизни, появившаяся в результате, обладала огромным мозгом, немыслимо острым слухом и двадцатью восьмью парами рук, а ртов хватало для того, чтобы играть на одиннадцати духовых инструментах одновременно.

Увидев свое создание, Абдул Фиглер издал крик радости примерно на одну шестую тона ниже ноты соль-бемоль *in altissimo*, и создание, крайне чувствительное к малейшей фальши, принялось манипулировать своим создателем, и манипулировало до тех пор, пока тот не начал кричать точно на ноте соль-бемоль *in altissimo*. Утрата Абдул Фиглера стала тяжелым ударом для галактической музыки, но безвременная кончина его доказала в то же время необходимость лампы-модератора, которая оценивала бы желательность и допустимости изготовляемого предмета.

Как нередко случается, гигантомания, характерная для всех человеческих начинаний, проявилась в размерах первых моделей. Первый образец занял площадь примерно в один гектар.

Однако хотя размеры машины требовали пока масштабов промышленного предприятия, частичный

успех лучше, чем полное отсутствие оного, и вскоре фабрики, работающие на новом принципе, появились на каждой технически развитой планете.

Конечная же цель — производство общедоступных машин для использования в домашних условиях (включил — и начинай думать о нужной тебе продукции, только и всего), казалась недостижимой до тех пор, пока этот гордиев узел не был разрублен гением Гордия Палкинга, рабочего фабрики на Вотане.

Однажды во время пятиминутки расслабления мыслей, расчитанной на то, чтобы дать возможность переключиться с одного вида продукции на другой (в тот памятный день — с семейных космолодок на санитарную технику), Гордий Палкинг щелкнул пальцами и сосредоточился на идее автоматического двухлампового исполнителя желаний размером не больше обычного робоповара.

Нет смысла отрицать, что психическая устойчивость Гордия Палкинга, как и очень многих других гениев, оставляла желать лучшего. Однако бесспорно также, что, если бы его не озарило, исполнителями желаний для домашнего пользования мы не располагали бы до сих пор. Хотя позднее в конструкцию вносились разные улучшения, все машины, с которыми мы ознакомились, не более чем усовершенствованные варианты первоначальной модели.

Кстати сказать, главное усовершенствование состоит в устранении из машины некоего контура, введенного в нее Гордием Палкингом потому, что его приятельница незадолго до того вышла замуж за директора фабрики, на которой он работал. Ныне закон запрещает описывать в печатных изданиях то, зачем вышеназванный контур предназначался, но, вчитавшись внимательно в искаженный рассказ об этом в книге Гарольда Стукермейкера «Личная жизнь Гордия Палкинга», любой мужчина средней агрессивности сообразит, в чем тут дело.

Модели, подвергнутые проверке

Мы обнаружили семь моделей, в строгом смысле слова «двухламповых» (то есть имеющих одновременно и визуализатор, и модератор) и «автоматических» (то есть не требующих предварительного введения в них готовых частей продукции). Каждая из этих моделей стоит около двадцати пяти тысяч галактов, чуть больше или меньше.

В продаже есть и более дешевые модели, без лампы-модератора. *Машины этих моделей нельзя покупать ни при каких обстоятельствах!* То, что планета Эблис отделена сейчас стеной строжайшего карантина от всей остальной Галактики, стонет под игом самой свирепой диктатуры, какая только известна истории, объясняется именно тем, что некая миссис Фобия Ленч купила себе как раз такую машину. Ее пятилетний сын Элджин, придя в ярость из-за того, что ему не дали мороженого с газированной водой, включил машину и пожелал, чтобы она изготовила роботов-солдат двухметрового роста, вооруженных ядерным оружием, а потом, захватив при их содействии власть на всей планете, поставил на ней сифон для газированной воды километровой высоты.

Вот модели, с которыми мы ознакомились, и девизы, под которыми идет реклама каждой:

«Рог изобилия»:	«Богатство в рог трубит у вашего порога».
«Мидас»:	«Подставь для золота ведро, потом не делай ничего».
«Крез»:	«Все, что за деньги не купить».
«Неистощимый»:	«Захотели — получили».
«Мультимиллиардер»:	«О таком ты не мечтал».
«Волшебник»:	«Волшебных палочек не нужно».
«Домашний джинн»:	«Нет бога, кроме аллаха; всю прибыль, однако, получаете только вы».

«Мидас» и *«Крез»*, если не считать табличек с названиями на передней стороне ящика, оказались совершенно одинаковыми, только первый на двести галактов дороже второго. Изготовители, когда мы к ним обратились, от каких-либо разъяснений по этому поводу отказались.

Внешнее оформление

Внешнее оформление вышеперечисленных моделей наша комиссия оценила как удовлетворительное, со следующими оговорками.

«Рог изобилия» оказался вдвое больше самой крупной из моделей, и его изготовители рекомендуют сразу после ее приобретения дать ей задание пристроить к дому лишнюю комнату для того, чтобы было где машину держать.

Камера для готовой продукции, входящая в комплект *«Креза»* и *«Мидаса»*, ограничивает размеры производимых предметов: все, что больше 3×3×3 метра, появляется из камеры сжатым в гармошку. В конце концов нам пришлось заказать дополнительно нестандартную крупногабаритную камеру и оплатить ее отдельно.

«Домашний джинн» снаружи весь расписан цитатами из корана и снабжен часовым механизмом, который автоматически выключает машину на то время, когда владельцу надлежит молиться, обратившись лицом к Мекке. Наличие пяти периодов в день, по пятнадцать минут каждый, когда машина бездействует, немусульмане могут счесть недостатком.

«Мультимиллиардер» меньше остальных шести моделей по всем параметрам, включая размеры визуализаторного шлема. Шлем налез на голову только одному члену нашей проверочной комиссии — восьмилетнему мальчику, включенному в ее состав за необычайно

живое воображение. Чтобы машиной этой модели смогли пользоваться взрослые, нам пришлось заменить шлем таковым от *«Волшебника»*, в основном сходного по своей конструкции с *«Мультимиллиардером»*. Место, на котором располагается лицо, использующее машину, комиссия единогласно оценила как «очень неудобное», и просидеть на нем столько времени, сколько требует производственный цикл, можно, только если положить на него слой пенопласта.

«Неистощимый» создал для нас сразу несколько проблем. Первая из них — это тексты, рекламирующие машину. Вот пример: «Самый роскошный, немного стоящий желательный машин. Ты захотел, она делал неважно что, в разумный предел!»

Привлекательный серый ящик выполнен в стиле, с которым мы до этого знакомы не были. Когда до *«Неистощимого»* дотрагивались, он изгибался и начинал тереться о руку, выделяя при этом клейкую жидкость с запахом, напоминающим запах банановое масла. Специальной камеры для готовой продукции не оказалось вообще, продукция поступала прямо на крышку ящика, и чтобы до нее добраться, пришлось приставить к машине небольшую лестницу. Часть верньеров управления находится на одном конце ящика, часть — на другом, а значит, если использующий машину не может дотянуться одновременно до двух точек, удаленных одна от другой на три и две десятых метра, и не расположит на стенах помещения систему зеркал, которая позволяла бы видеть одновременно шкалы на том и на другом торце, ему придется беспрерывно носиться вдоль машины, хотя работа требует, чтобы он спокойно сидел. Но даже если бы лицо, использующее машину, справилось со всем этим, то воспользоваться жесткой скамьей, наклоненной вперед под углом в тридцать пять градусов, оно вряд ли сумело бы. Кроме того, в комплект машины не входит визуализаторный шлем; потребитель вынужден подсо-

единять к голове двадцать один электрод с присосками, а прилагаемая к машине инструкция рекомендует предварительно выбрить голову.

Руководства, инструкции и т.п.

Руководство по эксплуатации приложено к пяти из семи рассматриваемых моделей. Инструкция к *«Рогу изобилия»* обещает: «В течение по меньшей мере одного земного стандартного года никакого ремонта или наладки машине не потребуется». (Но см. ниже «Функционирование»). К более дешевому *«Крезу»* инструкция приложена, а к *«Мидасу»*, как ни странно, нет. Мы пользовались одной и той же для обеих. Инструкция к *«Домашнему джинну»* начинается словами: «Во имя аллаха милосердного да не случится никакой беды с тем, кто приобрел эту машину!» (опять см. ниже).

При *«Мультимиллиардере»* никакого руководства по эксплуатации не оказалось, если не считать таковым ярлык, прикрепленный к ручке включения, на котором напечатано следующее: «Любой изъян в машине можно легко устранить, дав ей задание самой произвести нужную деталь взамен дефектной». Очень хотелось бы повторить то, что сказал по этому поводу восьмилетний член нашей проверочной комиссии, но мы заинтересованы в распространении нашего журнала и вынуждены считаться с нежеланием галактической почты пересылать литературу, содержащую непристойности.

К *«Волшебнику»* приложено руководство по эксплуатации на ста семидесяти четырех языках — идея сама по себе великолепная. К сожалению, текст на сто семидесяти трех из них (то есть за исключением верхнеканальского марсианского) относится к модели, снятой с производства четыре года назад.

Инструкцию по эксплуатации *«Неистощимого»*, по-видимому, произвел именно на этой машине какой-то неопытный оператор. Это красиво переплетенный томик страниц в сто, из которых текстом или рисунками заняты только первые шестнадцать.

Гарантии

Гарантия для *«Рога изобилия»* приемлема, если устранить пункт, гласящий: «Производители не несут ответственности за: а) продукты больного воображения; б) последствия работы малолетних; в) смерть, потерю трудоспособности или увечья, причиненные потребителю его собственной продукцией».

Ни одна из гарантий к остальным моделям не стоит пленки, на которой напечатана. *«Домашний джинн»* среди прочего заявляет: «Уклонение от ежедневного пятикратного чтения молитвы лишает гарантию силы». *«Мультимиллиардер»* предупреждает: «Мы сохраняем за собой право отменить по собственному усмотрению эту или любую другую гарантию». У гарантии к *«Неистощимому»* есть по крайней мере одно достоинство: она говорит обо всем честно; в ней просто сказано: «Мы отклоняй претензий любой форма, любой размер, любой цвет».

Управление и энергоснабжение

Как указывалось выше, все исполнители желаний, предлагаемые покупателям, сходны по своим основным характеристикам с первоначальной моделью Палкинга. Лицо, использующее машину, садится на сиденье (в случае *«Неистощимого»* — ерзает на наклонной скамье, пытаясь любой ценой на ней удержаться), надевает себе на голову подключенный к визуализатору шлем (в

случае *«Неистощимого»* — выбривает голову и присоединяет к ней двадцать один электрод), предлагает машине, манипулируя верньерами управления, приблизительную величину потребной для изделия массы, включает энергоснабжение и сосредоточивает мысли на внешнем виде и функционировании чего-то желаемого, но пока еще не изобретенного. Продукт в конце концов или появляется в камере готовой продукции, или (увы, бывает и такое) не появляется.

«Мидас», *«Крез»* и *«Волшебник»* снабжены также одной полезной деталью, которой у остальных моделей нет: звонком модератора, срабатывающим, если производство заказанного изделия воспрещено. Когда имеешь дело с исполнителями желаний, работающими медленнее других, особенно с *«Мультимиллиардером»*, можно просидеть возле него час, а то и дольше, прежде чем поймешь, что из машины ничего не появится.

На планетах, где есть плазмопроводная сеть, любое частное жилище, к ней подключенное, может обеспечить необходимой для работы энергией «Рог изобилия», «Мидас» (он же «Крез») и «Волшебник»; если же такой сети нет, то чтобы эти машины работали, необходим портативный термоядерный реактор. «Домашний джинн» и «Мультимиллиардер» могут работать также на солнечной или взятой из других источников энергии, но удовлетворительно исполнитель желаний работает только на плазме.

Члену нашей комиссии, проверявшему, как *«Мультимиллиардер»* работает на солнечной энергии, потребовалось шесть с половиной часов полной сосредоточенности только для того, чтобы машина приготовила обед на две персоны. Изрядно проголодавшийся испытатель съел его, не успев заметить вкус.

«Неистощимый» стоит в смысле энергоснабжения особняком. Его, чтобы он работал, нужно зарядить двенадцатью килограммами технеция (по-видимому, именно это имеют в виду рекламодатели, когда

заявляют: «Самодостаточный источник энергия — внешний энергия не надо!!!»). Стоимость этой первоначальной порции — около семнадцати тысяч галактов; однако нужный уровень энергоснабжения может обеспечиваться и специальной вспомогательной цепью, которая использует тепловую энергию воздуха в комнате (для этого нужно, правда, чтобы машина регулярно и подолгу простаивала).

Качество продукции

Теоретически исполнитель желаний может изготовить что угодно, за исключением того, что запретит лампа-модератор. На практике же последняя в своей работе не обнаруживает последовательности, и, так или иначе, то, что вы получаете из машины, в немалой степени зависит от того, насколько хорошо вы можете сосредоточиться (и от того, насколько хорошо визуализаторная лампа отделяет осознаваемые образы от бессознательных).

Предвидеть все желания, за исполнением которых могут обратиться к машине потребители, наша комиссия, разумеется, не могла. Поэтому мы ограничились тремя группами испытаний.

Во-первых, необходимо было проверить, как машина удовлетворяет повседневные нужды ее владельца. Мы решили произвести на всех семи моделях поочередно: а) обед на две персоны по вкусу испытателя; б) одежду для себя, начиная от шляпы и кончая обувью; в) какой-нибудь предмет домашнего обихода, предпочтительно мебель.

Все семь моделей это испытание выдержали со следующими оговорками.

Еда, получившаяся при начальных проверках *«Рога изобилия»*, оказалась слишком твердой для ножей, вилок и зубов, а предмет мебели (стол) был сделан из

кованой стали. Чтобы извлечь его из камеры для готовой продукции, пришлось вызвать подъемный кран. Расследование показало, что стрелка на шкале долговечности стояла на отметке «101 процент». При следующих проверках *«Рога изобилия»* съедобная пища получалась с первой попытки, однако мебель, пригодная к использованию, только с двадцать пятой.

«Мидас» производил одежду и водонепроницаемую, и теплую, но не успела дама, испытывавшая эту модель, выйти прогуляться в сделанной по ее желанию одежде, как нам сообщили, что она задержана на улице за появление в непристойном виде. При расследовании обнаружилось, что вся женская одежда, изготовленная этой машиной, становится через час после того, как ее наденут, совершенно прозрачной. Мы отправили жалобу изготовителям *«Мидаса»* и получили ответ, в котором фирма приносила извинения и объясняла, что сборщик машин направлен в психиатрическую больницу на лечение по поводу синдрома подглядывания.

Все испытатели, отведавшие пищу, приготовленную *«Домашним джинном»*, были госпитализированы с острым отравлением.

«Неистощимый» лишь с большим трудом произвести пищу без примеси брома или мышьяка, и не фиолетового, а какого-нибудь другого цвета (фиолетовое мясо и картофель некоторым на вид понравились, однако вкус у этих продуктов оставлял желать лучшего), или одежду менее чем в четыре сантиметра толщиной, без чешуи из стекловолокна и с рукавами короче метра восьмидесяти сантиметров.

Во-вторых, необходимо было выяснить, как выгоднее приобретать предметы долговременного пользования — при помощи исполнителя желаний или же более привычным способом. В качестве типичных предметов такого рода были выбраны приемник трехмерного телевидения и кондиционер.

Во всех случаях оказалось дешевле (иногда на сто процентов) приобретать такие предметы в обычных магазинах. Однако стоит отметить следующее.

«Рог изобилия», на котором работал испытатель, не имевший, по его словам, ни малейшего представления о том, как устроен приемник трехмерного телевидения, изготовил аппарат, превосходящий по своим показателям все известные нам аналоги, причем конструкция его основана на совершенно новом принципе приема радиосигналов. Мы изучаем его сейчас и надеемся вскоре выпустить в продажу его коммерческий вариант, что может помочь нам хотя бы частично покрыть дефицит, намечающийся в следующем году в бюджете нашего журнала.

Телеприемники, изготовленные *«Мультимиллиардером»*, ничего не принимают, а лишь воспроизводят образы, которые возникают в воображении лица, работающего на машине. Одно такое лицо нам пришлось исключить из проверочной комиссии: телеприемник, который у него получился, все время показывал непристойную сцену из *«Планеты Пейтон Плейс»*. А приемники, производимые *«Домашним джинном»*, принимают только новый Каир, Мекку и Медину.

Кондиционеры, если не считать произведенных *«Неистощимым»*, работают, как правило, хорошо. Но через несколько минут роботы кондиционера, изготовленного *«Неистощимым»*, комната заполняется хлором, и дышать в ней становиться невозможно. Расследование показало, что в ящик каждого из этих кондиционеров вделан миниатюрный трансмутатор, превращающий кислород в хлор, бром, йод и инертные газы.

И в-третьих, наконец необходимо было установить, насколько безопасны рассматриваемые модели. Общегалактического стандарта безопасности пока нет, но один из законов, действующих на Земле, гласит, что модератор должен предотвращать создание «каких бы то ни было неприятных, вредных или опасных для окружающих вещей, предметов или существ». Предполагается, что вмонтированные в модератор предо-

хранители должны обеспечивать четкое соблюдение этого запрета.

Ясно, однако, что на практике представления о том, что можно, а что нельзя, оказываются достаточно неопределенными и расплывчатыми. Даже на лучшей из рассматриваемых моделей, *«Роге изобилия»*, все испытатели могли изготовить болезнетворные бактерии (см. на внутренней стороне обложки «Некролог»). А наш восьмилетний член комиссии, работая на *«Мультимиллиардере»*, сумел изготовить машину для порки (его родителей, уже полуживых, спасли только чудом), костюм из боевой брони по своим размерам, который помог ему затем благополучно скрыться, и такое количество усыпляющего газа, что никто из находившихся в огромном здании Объедпотреба Галфеда не мог подняться на ноги, чтобы его преследовать.

Проверку *«Неистощимого»* не удалось довести до конца. Мы решили прервать ее, когда обнаружилось, что хотя устройство, отсеивающее неосознаваемые образы от осознанных, оставляет желать лучшего у всех проверенных нами машин, у *«Неистощимого»* оно вообще отсеивает все осознанные образы и свободно пропускает неосознаваемые. Поскольку испытания прекращены, едва ли есть необходимость рассказывать о событиях, из-за которых мы пришли к такому выводу.

Однако независимо ни от чего мы считали своим долгом по отношению к членам Объединения потребителей выяснить, подтверждается или опровергается фактами из ряда вон выходящее качество, сформулированное в самом названии модели — *«Неистощимый»* (перемена адреса редакции, отмеченная на внутренней стороне обложки, в большей мере явилась следствием нашего упорства в разрешении именно этой проблемы).

Мы решили дать машине задание начать производство чего-нибудь потребляемого любой семьей в больших количествах и не прерывать ее работу до тех пор, пока она не остановится сама. Сперва выбор пал на бумажные носовые платки, но уязвимость этой модели к воздействию бессознательных ассоциаций побудила ее

изготовлять платки уже использованными, поэтому в испытания вмешалось управление общественного здравоохранения большого Нью-Йорка.

Затем была высказана мысль, что в любой семье наиболее часто потребляются деньги. Попытаться сделать именно их, а не что-либо другое было особенно интересно еще и потому, что изготовление общегалактических денежных знаков при помощи исполнителя желаний приравнивается законом к подделке таковых, и если бы модератор машины допустил совершение с ее помощью противозаконного действия, нам пришлось бы поставить членов нашего Объединения в известность, что и покупая такую модель, они нарушают закон.

Как это ни прискорбно, но мы вынуждены сообщить потребителям, что *«Неистощимый»*, когда его подвергли такой проверке, работал (и продолжает работать) великолепно. Наши подсчеты показывают, что двенадцатикилограммовый заряд технеция в испытываемой машине израсходуется только тогда, когда груда банкнот, похоронившая под собой наше прежнее административное здание, достигнет высоты около трехсот двадцати метров (если только не поднимется сильный ветер). Таким образом, машину нельзя назвать «неистощимой» в строгом смысле слова, однако утешительного в этом мало. (Кстати: просим любого, кто увидит унесенные ветром банкноты, передать их до первого числа следующего месяца в контору нашего адвоката.)

Не рекомендуем!!!

От работников прокуратуры нашего сверхокруга нам стало известно: предпринято расследование, имеющее целью установить, откуда появляются на рынке *«Неистощимые»*. Как уже удалось выяснить, они поступают к нам из межгалактического пространства, с мобильного космического завода примерно в тысяче парсеков от нашей Галактики по направлению к

туманности Андромеды. Меры, принимаемые властями, основаны на предположении, что поставка к нам этой машины — диверсионная акция со стороны господствующей цивилизации туманности М-31. Модель вполне соответствует физическим характеристикам ее создателей: им должно быть удобно сидеть на наклонной скамье, глаза и руки есть у них как на верхнем, так и на нижнем концах тела, и все они очень большого роста, что позволяет им управлять машиной одновременно с двух концов и брать с ее верха готовую продукцию; а дышать, как известно, они предпочитают атмосферой из хлора, йода, неона и аргона.

Ни в коем случае, повторяем, ни в коем случае не покупайте эту машину! Не говоря уже о том, что она способна нарушать закон (подделывать денежные знаки), мы считаем, что управлять ею может только андромедец. Если кто-нибудь, кого вы встретите, утверждает, что запросто управляет *«Неистощимым»*, немедленно сообщите о нем в ближайшее отделение общегалактического бюро расследований. По всей вероятности, это андромедский шпион.

СОДЕРЖАНИЕ

Планета в подарок 3

Рожденный под властью Марса . . . 151

Работорговцы космоса 311

Агент из будущего 451

Отчет № 2 Всегалактического Объединения потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний 621

Литературно-художественное издание

Джон Браннер

ПЛАНЕТА В ПОДАРОК

Составитель *Лютиков А. Г.*
Редактор *Лютиков А. Г.*
Литературные редакторы *Выдревич Г. С., Рошаль В. М., Филатова Т. Г., Козицкая М. Н.*
Технический редактор *Жихарев Ю. А.*

Оригинал-макет изготовлен в ТОО «Агентство «СФИНКС СПб». 193167, Санкт-Петербург, Невский пр., 176, а/я 875.

Подписано к печати 29 01 93 Формат 84 × 108 1/32 Бумага офсетная Печать офсетная. Усл. печ л 33,60 Уч.-изд л 33,84. Тираж 50000 экз. Заказ № 199.

АО «ЭГОС» 193171, Санкт-Петербург, ул Седова, 80.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии им И. Е. Котлякова Министерства печати и информации РФ, 195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

Издательство «ЭГОС»

в последующих выпусках серии авторских сборников ведущих англо-американских писателей-фантастов планирует выпустить:

Роберт Сильверберг:

- ВДОЛЬ МИЛЛИАРДА ЛЕТ
- ПАСЫНКИ ЗЕМЛИ
- ХОЗЯИН ЖИЗНИ И СМЕРТИ
- ПОИСКИ «ЧАРОДЕЙКИ КОСМОСА»
- ПЛАМЯ И МОЛОТ
- ПЛАТА ЗА СМЕРТЬ

Пол Андерсон:

- ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРЕДЕЛОВ
- ТРИ МИРА ПОЛА АНДЕРСОНА
- ДЕМОН ОСТРОВА СКАТТЕРИ
- ЗЕМНАЯ КНИГА ВРАТ БУРИ

По вопросам оптовых закупок и поставок обращаться в издательство «ЭГОС» по адресу:

193171 г. Санкт-Петербург, ул. Седова 80.
тел. 812—560-0162.